

Высшее профессиональное образование

Н. И. Филичева

ИСТОРИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Учебное пособие

Иностранные
языки

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Н. И. ФИЛИЧЕВА

ИСТОРИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Учебное пособие

*Для студентов филологических и лингвистических
факультетов высших учебных заведений*

Москва

2003

УДК 803.0 (075.8)
ББК 81.2 Нем-03я73
Ф53

Рецензенты:

кафедра грамматики и истории немецкого языка МГЛУ
(зав. кафедрой — профессор *З. Н. Бурдина*);
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института
языкознания РАН *Н. С. Бабенко*

Филичева Н. И.

Ф53 История немецкого языка: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 304 с.

ISBN 5-7695-0932-5

В учебном пособии, написанном одним из ведущих отечественных германистов, освещается историческое развитие немецкого языка — его грамматического строя, фонетической системы и словарного состава начиная с VIII столетия и до настоящего времени. Впервые в учебных целях становление немецкого литературного языка представлено как единый, исторически обусловленный процесс, охарактеризованы этапы его развития.

Может быть интересно также аспирантам, преподавателям немецкого языка и специалистам, занимающимся историей немецкого языка.

УДК 803.0 (075.8)
ББК 81.2 Нем-03я73

ISBN 5-7695-0932-5

© Филичева Н.И., 2003
© Издательский центр «Академия», 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди исторических лингвистических дисциплин важная роль в подготовке студентов-германистов принадлежит учебной дисциплине «История немецкого языка». Изучение материала данного курса помогает теоретически осмыслить явления и категории современного немецкого языка в их исторической обусловленности, отграничить в нем продуктивное и развивающееся от устаревшего и устаревающего, все это способствует более тонкому активному овладению живым языком. Как остроумно заметил в одной из своих работ известный немецкий германист Хуго Мозер, история немецкого языка с момента своего становления в качестве особой теоретической дисциплины всегда служила своеобразным полигоном для опробования новых лингвистических направлений. Ее рождению способствовало применение сравнительно-исторического метода, значительный вклад в ее развитие внесли младограмматики, а позднее представители школы лингвистической географии. К истории немецкого языка обращались и диахронический структурализм, и этнолингвистика, и социоллингвистика. Все это также имеет значение для филологической подготовки студентов-германистов, поскольку углубляет и расширяет их представления о методологии различных лингвистических направлений, общие сведения о которых были получены ими в курсе введения в языкознание. Данная книга представляет собой учебное пособие по вузовскому курсу «История немецкого языка» для студентов филологических факультетов университетов.

Методологическую основу учебного пособия составляют концепции, разработанные выдающимися отечественными германистами — В. М. Жирмунским, М. М. Гухман, О. И. Москальской, В. Г. Адмони, Н. Н. Семенюк, Н. С. Чемодановым, С. А. Мироновым, Э. А. Макаевым. Существенным для данных концепций является решение вопроса о причинах языковых изменений и движущих факторах развития языка. Понимая структурный и социальный подход к языковым явлениям как диалектическое единство двух сторон лингвистики, отечественные германисты большое внимание уделяют не только изучению внутриязыковых диахронических аспектов, но и исследованию социальной обусловленности исторического развития языка.

Основной материал в книге распределяется в соответствии с традиционно выделяемыми периодами истории немецкого языка —

древневерхненемецким (750—1050 гг.), средневерхненемецким (1050—1350 гг.), ранненововерхненемецким (1350—1650 гг.) и собственно нововерхненемецким (с 1650 г.). Целостное рассмотрение уровней языка в рамках одного периода соответствует пониманию языка как единой системы и позволяет увидеть, как изменения в одной из его подсистем приводят к сдвигам в другой. Четкие хронологические рамки способствуют лучшему пониманию обусловленности диахронических изменений в языке экстралингвистическими факторами. Последующее сопоставление синхронных срезов разных периодов ярче выявляет как историческую преемственность, так и тенденции развития и совершенствования немецкого языка, позволяя раскрыть диахронические константы — тенденции, действующие на протяжении длительного времени или всей его истории.

Характеристика каждого периода истории немецкого языка включает освещение языковой ситуации, рассмотрение функциональной парадигмы немецкого языка и вопросов функциональной типологии литературного языка соответствующей эпохи. Далее прослеживаются изменения в корпусе немецкого языка и освещаются закономерности развития фонологической системы, морфологической структуры, строя предложения, а также словарного состава и словообразования.

Особое внимание в пособии уделяется вопросам становления и дальнейшего совершенствования литературной нормы немецкого национального языка, нормализационным процессам и участию в них теоретиков-грамматистов и лексикологов, авторитетных филологов и выдающихся писателей.

Интенсивная разработка в последние годы отечественными и зарубежными германистами проблем истории немецкого литературного языка, общей теории литературного языка, коммуникативной диалектологии, социолингвистики вносит ряд существенных уточнений в имеющиеся представления о немецком литературном языке и его истории. Результаты этой разработки положили конец отождествлению литературного языка и национального языка, выдвинули задачу реконструкции языковой ситуации и освещения закономерностей немецкого литературного языка в донациональный период, позволили по-новому осмыслить некоторые вопросы процесса формирования немецкого национального литературного языка.

На развитие истории немецкого литературного языка как науки плодотворное влияние оказывали и продолжают оказывать интенсивная разработка отечественными германистами актуальных вопросов функциональной типологии германских литературных языков и проведение сравнительно-типологических исследований в данной области. Это позволило по-новому подойти к целому ряду теоретических проблем, правильное решение которых имеет важное методологическое значение.

В свете данных функциональной типологии существенному уточнению подверглось центральное теоретическое понятие — «литературный язык», которое в течение длительного времени отождествлялось с понятием «национальный язык». В конце 60-х годов XX в. в отечественной и зарубежной германистике еще не проводилось четкого разграничения понятий «литературный язык» и «национальный язык» и соответствующих явлений. С понятием литературного языка связывалось представление лишь о литературном языке эпохи становления нации, а последний, в силу этого, отождествлялся с понятием национального языка. Многие немецкие германисты вообще не выделяют понятие «национальный язык», а для обозначения литературного языка эпохи становления нации пользуются по большей части терминами «письменно-литературный язык», «единый язык» и «литературная языковая норма». Результатом разработки отечественными и немецкими германистами вопросов функциональной типологии немецкого языка явилось то, что с начала 70-х годов между этими двумя понятиями и обозначаемыми ими явлениями проводится все более четкая демаркационная линия.

Национальный язык и литературный язык оказываются далеко не тождественными понятиями. *Литературный язык* является одной из форм существования языка наряду с территориальными диалектами, полудиалектами и разновидностями обиходно-разговорного языка. Он представляет собой историческую категорию и как особая форма существования языка выделяется не только в эпоху становления нации, но и в донациональный период. Однако в эпоху формирования нации литературный язык достигает своего наивысшего развития и полностью реализует те потенции, которые были заложены в нем еще в донациональное время, характеризуясь следующими релевантными чертами: поливалентность, стилевое многообразие, отбор и регламентация языковых средств, наддиалектная специфика.

В отличие от литературного языка *национальный язык* представляет собой не одну из форм существования языка, а определенный исторический этап в развитии всех форм существования языка, связанный с эпохой формирования и становления нации. Охватывая все формы существования языка, национальный язык функционирует как разноаспектная система, обеспечивающая коммуникацию во всех сферах общественной жизни данной нации. Национальный язык характеризуется иерархической структурой: его ядро образует национальный литературный язык, периферию составляют территориальные диалекты, а большая промежуточная зона между ними включает разнообразные наддиалектные формы языка. Функциональная структура национального языка, то есть вся система форм существования языка и статус литературного языка, меняется в процессе исторического развития.

Иерархически организованные системы разных форм существования языка, меняющиеся одновременно с изменением общественных условий, представлял собой и язык немецкой народности в раннефеодальный период и в период развитого феодализма.

Большой сложностью отличается процесс становления национального литературного языка в Германии, что нашло свое отражение в многообразии концепций, характеризующих его протекание. В немецкой филологической традиции представлены три основные модели объяснения этого процесса. Хронологически самая ранняя из них принадлежала К. Мюлленгофу, который в 1863 г. выступил с теорией непрерывного последовательного развития общенемецкого письменно-литературного языка, начиная с древнегерманского периода. В модели К. Мюлленгофа недооценивался полицентрический характер территории распространения немецкого языка, а социально-экономические и политические предпосылки, необходимые для формирования письменно-литературного языка надрегionalной значимости, получили неверную трактовку.

К. Бурдах, выдвинувший позднее (1884 г.) другую модель объяснения, отклонил идею непрерывности развития новонемецкого литературного языка из древневерхнегерманского. Рассматривая новонемецкий литературный язык как продукт искусственной письменной унификации, осуществленной вне зависимости от определенной диалектной основы представителями раннего гуманизма, К. Бурдах считал его колыбелью пражский двор и канцелярию Карла IV (1346—1378 гг.). По мнению К. Бурдаха, пражская канцелярия, в деятельности которой ведущую нормализаторскую роль играл канцлер Карла IV — гуманист Й. фон Ноймаркт, подчинила своему влиянию все прочие значительные канцелярии, в том числе и саксонскую княжескую канцелярию, а через посредничество последней также М. Лютера. Не отрицая того, что в пражской канцелярии Карла IV действительно наблюдается значительное выравнивание на уровне письменности (художественная литература, официально-деловая проза), о чем свидетельствует тенденция к сближению с соответствующими явлениями новонемецкого литературного языка, современные исследователи вместе с тем полагают, что К. Бурдах явно переоценил силу языкового влияния данной канцелярии на другие немецкоязычные территории. Относительно «островное» положение пражской канцелярии в чешском языковом окружении хотя и не исключало полностью ее влияния на другие немецкоязычные регионы, однако не могло быть достаточно сильным и окончательно угасло в период общественных потрясений, связанных с гуситскими войнами. Черты языкового выравнивания, наблюдавшиеся в документах пражской канцелярии, явились лишь своеобразным «прологом» к унификации письменно-литературного языка, осуществившейся спустя два столетия.

В 1936 г. новая модель объяснения, вызвавшая настоящий переворот в истории немецкого литературного языка и получившая широкое признание в зарубежной и отечественной германистике, была предложена Т. Фрингсом. Основываясь на данных лингвистической географии и истории Германии, Т. Фрингс искал глубокие исторические корни новонемецкого литературного языка в колонизованных восточно-среднегерманских областях, где в результате взаимодействия переселенческих говоров на протяжении XI—XIII вв. постепенно сложился смешанный язык, сочетающий в себе признаки разных диалектных ареалов.

Согласно теории, разработанной Т. Фрингсом и представителями созданной им Лейпцигской школы диалектографии, в XIV—XV вв. во взаимодействии с этим смешанным языком преимущественно сельского населения и под сильным южным влиянием в треугольнике Мейссен—Лейпциг—Дрезден развились имеющие более высокий социальный статус устное городское койне и письменный официально-деловой язык, которые получили распространение во всем тюрингенско-верхнесаксонском регионе. Этот восточносреднегерманский вариант письменно-литературного языка составил в дальнейшем ведущий компонент территориальной основы национального литературного языка. Теория Т. Фрингса долгие годы стимулировала разработку проблематики, связанной со становлением немецкого национального литературного языка, и, несмотря на критику ее отдельных положений, сохранила свое научное значение до настоящего времени.

В последние десятилетия изучение процесса формирования новонемецкого литературного языка ведется в нескольких новых направлениях, обусловленных развитием лингвистической теории. Односторонняя, несколько суживающая общую перспективу сконцентрированность научного интереса в восточносреднегерманском регионе сменилась вовлечением в исследование многих других (подчас недостаточно изученных) языковых ландшафтов, которые с разной степенью активности принимали участие в общем интеграционном процессе на уровне письменности. Возросло внимание к вопросам литературного и языкового взаимодействия между разными регионами. Этот взаимообмен стал возможным благодаря распространению книгопечатания и грамотности и явился ступенью, предшествовавшей языковой унификации. Авторы новейших работ, посвященных территориальным и региональным вариантам письменно-литературного языка в XIV—XVI вв., подчеркивают своеобразие систематики языкового развития на уровне письменности, стремятся выявить отношения конкуренции между вариантами, установить нормализационные тенденции и определить закономерности интеграционного процесса.

Важное значение приобрел функционально-типологический подход к изучению процесса становления национального литера-

турного языка, при котором на переднем плане оказываются исторические сдвиги в соотношении разных форм существования в функциональной системе немецкого языка в целом и их обусловленность изменениями в коммуникативных отношениях. Исследуются социальный статус литературного языка, диапазон функций, выполняемых им в общественной коммуникации, определяются количество и степень выраженности его релевантных признаков.

Наряду с функционально-типологическим значительное место в новейших исследованиях, посвященных периоду становления национального литературного языка, отводится функционально-стилистическому и социолингвистическому аспектам. В связи с последним существенное методологическое значение приобретает вопрос о социальной природе национального литературного языка. В немецкой германистике широко распространено мнение, что в его создании участвовали лишь так называемые образованные слои общества. Однако, как убедительно доказали Т. Фрингс и его ученики, национальный литературный язык в Германии отнюдь не являлся продуктом искусственной письменной унификации. Вследствие многовековой территориальной раздробленности в условиях Германии не мог осуществиться непосредственный переход от местных диалектов к наддиалектному литературному языку. Необходимо было посредствующее звено между ними — наддиалектные типы разговорного языка, в которых нередко осуществлялся первичный отбор языковых явлений, закрепляемых в письменности. Носителями же промежуточных обиходно-разговорных форм наддиалектного типа были широкие народные массы.

Ряд современных исследований выполнен на материале текстов эпохи Реформации и Крестьянской войны в Германии, которые предназначались для широких народных масс или исходили от них (например, народные книги, агитационно-пропагандистская литература, жалобы и требования крестьян, религиозно-дидактическая проза, протоколы допросов, частные письма). В этих текстах обнаруживается известная близость к устной народной речи, поэтому исследователи предпринимают попытки определить долю участия разных социальных слоев и классов в процессе формирования национального литературного языка.

Результаты новейших работ, отраженные в коллективных и индивидуальных публикациях, раскрывают многосторонность процесса становления немецкого национального литературного языка, его обусловленность, наряду с собственно лингвистическими, целым комплексом экстралингвистических факторов (политических, общественно-экономических, культурных, религиозных) и позволяют глубже осознать и полнее осветить его закономерности.

Новая научная информация, связанная с упомянутой выше проблематикой, не получила еще отражения в имеющихся учебниках и учебных пособиях по истории немецкого языка и введению в гер-

манскую филологию. Чтобы частично восполнить этот пробел, при подготовке данного пособия автор значительное внимание уделил рассмотрению языковой ситуации, формам существования языка немецкой народности и специфике функционирования письменнo-литературного языка в древневерхненемецкий и средневерхненемецкий периоды, а также освещению языковой ситуации в ранне-нововерхненемецкий период и процесса становления и формирования немецкого национального литературного языка. При этом автор опирался на трактовку общих вопросов теории и истории литературного языка в отечественном языкознании (см., например, в особенности работы М. М. Гухман, Н. Н. Семенюк, А. И. Домашнева). Привлекались также работы зарубежных германистов — Й. Шильдта, Г. Шиб, Р. Гроссе, Г. Эггерса, Шт. Зондереггера, Н. Р. Вольфа, двухтомное издание «Истории языка» (1984—1985 гг.) под редакцией В. Беша, О. Райхмана, Шт. Зондереггера и др.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД

(750—1050 гг.)

ГЛАВА I

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ

ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Начальный этап письменно засвидетельствованной истории немецкого языка (750—1050 гг.) соотносится с периодом раннего феодализма в Германии. На протяжении этого периода происходит медленная консолидация группы близкородственных германских племен — франков, алеманов, баваров, лангобардов, тюрингов, а позднее и саксов в немецкую народность¹. Некоторые исследователи полагают, что в состав немецкой народности частично влились и фризы². Постепенно складывается язык этой формирующейся народности, центральный массив которого составляла совокупность более или менее интенсивно взаимодействующих друг с другом близкородственных территориальных диалектов. Эти диалекты генетически развились на базе более древних племенных диа-

¹ Подробнее см.: Гухман М.М., Семенов Н.Н. История немецкого литературного языка IX—XV вв. — М., 1983. — С. 10 и сл.

² См.: Schildt J. Abriss der Geschichte der deutschen Sprache. — Berlin, 1984. — S. 54.

лектов в результате постепенного преобразования последних в рамках определенной феодальной территории за счет накопления в них местных особенностей. Генетическая связь территориальных диалектов с племенными, а также их соотнесенность с конкретными феодальными территориями нашли свое отражение в их названиях, ср.: двн. *frenkisc* «франкский» — *Franko* «франк», *ze Frankôn* «во Франконии» (буквально — «у франков»).

Немецкие территориальные диалекты издревле членились на два больших ареала, которые начали складываться уже в дописьменный период: верхненемецкий (*hochdeutsch*) и нижненемецкий (*niederdeutsch*). Критерием их разграничения является степень участия во втором верхненемецком передвижении согласных. К верхненемецкому ареалу, в свою очередь подразделяющемуся на два субареала: южнонемецкий (*oberdeutsch*) и средненемецкий (*mitteldeutsch*), принадлежали диалекты, в которых, соответственно, полностью или частично реализовалось второе верхненемецкое передвижение согласных. К нижненемецкому ареалу относятся диалекты, не принимавшие участия во втором передвижении согласных, в силу чего передвинутые согласные представлены в нем лишь спорадически. Это ареальное деление сохраняет свою значимость для всех периодов истории немецкого языка, поскольку с течением времени изменялся и расширялся лишь конкретный состав диалектов внутри названных ареалов.

Южнонемецкий субареал включал следующие древненемецкие диалекты: баварский (Аугсбург, Фрайзинг, Вессобрунн, Тегернзе, Бенедиктбойерн, Регенсбург, Пассау, Зальцбург, Мондзе); алеманский (Страсбург, Мурбах, Райхенау, Сентгаллен), верхнефранкский (*oberdeutsches Fränkisch*) с двумя разновидностями внутри него — южно(рейнско)франкским (Вайссенбург) и восточнофранкским (Фульда, Вюрцбург, Бамберг, Эберсберг).

Средненемецкий субареал охватывал диалекты: среднефранкский (Кельн, Эхтернах, Трир), внутри которого позднее стали выделять рипуарские и мозельские говоры; рейнскофранкский (Майнц, Франкфурт, Лорш, Вормс, Шпайер); тюрингенский.

Нижненемецкий ареал составляли нижнефранкский и нижнесаксонский диалекты.

Процесс интеграции древненемецких диалектов протекал как взаимодействие и взаимовлияние в первую очередь франкских и верхненемецких наречий¹. Франкские диалекты были центром излучения основных инноваций в системе вокализма и ландшафтом, открытым для восприятия идущих с юга инноваций в системе консонантизма. Верхненемецкие диалекты, напротив, являясь центром излучения инноваций в системе консонантизма,

¹ См.: *Bach A. Geschichte der deutschen Sprache*. — 5. Aufl. — Heidelberg, 1953. — S. 81 ff.

были открыты для вокалических изменений, излучаемых франкским наречием¹.

Активно участвовали в процессе интеграции баварский и в особенности франкские диалекты, что в социолингвистическом плане может быть объяснено ведущей политической и культурной ролью франков в рассматриваемый период. Существенное значение имело центральное географическое положение франкских диалектов, представляющих собой связующее звено между всеми немецкими языковыми ландшафтами. Алеманский и нижнесаксонский диалекты по большей части оставались пассивными. Языковая консервативность алеманского диалекта являлась, по-видимому, следствием дробного внутреннего членения и политической разобщенности соответствующего региона.

Устойчивость нижнесаксонского по отношению к инновациям, идущим с юга (в том числе и явлениям второго верхненемецкого передвижения согласных), была обусловлена многолетним сопротивлением саксов включению их земель в состав империи Каролингов, стремлением сохранить свою языковую самобытность, благодаря чему нижнесаксонский лишь к концу древнего периода, подвергнувшись франкскому влиянию, вошел в диасистему территориальных диалектов немецкого языка².

По мере консолидации немецкой народности, преобразования некогда племенных диалектов в территориальные и их постепенного срастания в новое единство у ее представителей крепнет самоосознание своей этнической общности. К концу древнего периода для характеристики языка немецкой народности все чаще употребляется прилагательное двн. *diutisc* (нвн. *deutsch*). Этимологически это наименование восходит к общегерм. *þeud-*, ср. готск. *þiuda*, др.-сакс. *thioda*, двн. *deota*, *diot*, др.-англ. *ðeod*, др.-исл. *þjóð* «народ, племя». От этой основы при помощи суффикса *-isk*, указывавшего на принадлежность к чему-либо, на происхождение, было образовано прилагательное *þeudisk*, *þeodisk* «принадлежащий к (нашему) народу», которое появилось около 700 г. или в последующие десятилетия VIII в. на западной языковой границе³. Письменно засвидетельствовано данное слово впервые в 786 г. в латинизированной форме *theodiskus* в тексте на среднелатинском языке, где речь шла о том, чтобы решения синода были зачитаны *tam latine quam theodisce* «как на латинском языке, так и на народном». Употребление латинизированной формы *theodiscus* было особенно характерно для окружения Карла Великого. Устойчивое словосочетание среднелат. *theodisca lingua* (788 г.) в империи Каролингов

¹ См.: *Sonderregger St.* Althochdeutsche Sprache und Literatur. — Berlin; New York, 1974. — S. 63.

² См.: *Moskalskaja O.I.* Deutsche Sprachgeschichte. — Moskau, 1977. — S. 59.

³ См.: *Sonderregger St.* Op. cit. — S. 31 ff.

служило официальным наименованием народного древнефранкского наречия. В письменности на немецком языке в течение длительного времени оно не находило употребления. После образования Восточно-франкского королевства (843—911 гг.), т. е. будущей Германии, новое наименование двн. *diutisk* все более утверждается на территории распространения немецкого языка и закрепляется в значении «немецкий», а с началом средненемецкого периода (1050—1350 гг.) становится общеупотребительным при обозначении не только народа, но и страны, а также ее жителей. Впервые подобное употребление слова свн. *diutisch* (< двн. *diutisk*) зафиксировано в поэтическом памятнике исторического содержания «Песнь о епископе Анно» (предположительно около 1080 г. или до 1110 г.): *die dir Diutschin sprechin* (V.316) «те, что говорят по-немецки»; *Diutschiu lant* (V.274) Германия (буквально «Немецкие земли»); *Diutschiu liute* (V.474), *Diutschu man* (V.479) «немцы».

Осознанию языковой общности в немалой степени способствовало и то, что возникает письменность на немецком языке. В этот период благодаря распространению христианства и появлению письменности наряду с исходной первичной формой существования языка немецкой народности — территориальными диалектами развивается новая форма существования — литературный язык. Диалекты служили средством устного общения как широких масс крестьян, так и феодалов. Наиболее ярко выраженными признаками литературного языка в то время были известная обработанность и элементы сознательного отбора языковых единиц. Носителями новой формы существования были ученые монахи, сведущие в письме и чтении, по большей части представители феодального дворянства¹, причем использовался немецкий литературный язык преимущественно как средство письменной коммуникации. Кроме того, данная форма существования была ареально дифференцирована, функционируя в виде совокупности (диасистемы) коррелирующих друг с другом и взаимодействующих территориальных вариантов письменно-литературного языка. Каждый из этих вариантов возникал на базе соответствующего диалекта, о чем свидетельствует четкая ареальная соотношенность большинства памятников древневерхненемецкой письменности. Так, «Татиан» и «Виллирам» связаны с восточнофранкским диалектным ареалом, «Песнь о Людви́ге» — с рейнскофранкским, «Евангельская гармония» Отфрида — с южнорейнскофранкским, переводы Ноткера Немецкого — с алеманским, «Муспилли» — с баварским и т. п.

Однако территориальные варианты письменно-литературного языка далеко не были тождественны тем местным диалектам, которые лежали в их основе, характеризуясь известным отрывом от них, определенной надтерриториальностью. Последняя проявля-

¹ См.: *Schildt J.* Op. cit. — S. 55.

лась прежде всего в том, что письменно-литературный язык, возникший на базе определенного территориального диалекта, мог использоваться в центрах письменности (монастырских школах и скрипториях) с совершенно иным диалектным окружением. Особенно многообразна была ситуация в Фульдском монастыре, который, получив в 776 г. разрешение на создание собственного скриптория, следовал в VIII в. сначала древнебаварской письменной традиции, затем с конца VIII в. и в особенности в IX в. пользовался восточнофранкским вариантом письменно-литературного языка, а позднее (в соответствии со своим диалектным окружением) — рейнскофранкским. Между территориальными вариантами письменно-литературного языка намечается тенденция к языковому выравниванию. Особенно заметно языковое влияние, оказываемое монастырями на их филиалы (например, Райхенау и Мурбах), на своих непосредственных соседей (например, Райхенау и Сентгаллен) в процессе взаимообмена¹. Возможно, что рейнскофранкский территориальный вариант письменно-литературного языка пользовался престижностью или рассматривался как образец для подражания, поскольку он был принят при дворе Карла Великого, где были собраны представители феодального дворянства, происходившие из разных германских племен. Эта гипотеза позволяет объяснить языковое влияние франкского на верхненемецкий, в частности, на алеманский².

Однако тенденция к языковому выравниванию не была еще достаточно действенной, а ее отдельные проявления были кратковременны. Письменные традиции, постепенно складывающиеся в монастырских школах и скрипториях, способствовали все большему отдалению письменного языка от устной диалектной речи, живое развитие которой не сдерживалось четкими правилами. О наличии расхождений между письменно-литературным языком с его традициями и устной повседневной речью свидетельствуют некоторые древние разговорники. Яркий материал содержит «Парижский разговорник» X в., который был составлен и записан в старофранцузской орфографии представителем романской народности для своих соотечественников, путешествующих по Германии, например: «Gimer cherize «Gib mir eine Kerze». Форма *gimer*, записанная, очевидно, по слуху, отчетливо отражает характерное для устной речи слияние слабударного или безударного местоимения с предшествующим словом, а также переход *b* в *m* в результате ассимиляции. В письменно-литературных текстах ей противостоит форма *gib mir*.

Особенно важное значение для процесса обособления новой формы существования языка от диалектов имело постепенное накопление в ней структурных особенностей разных уровней, свой-

¹ См.: *Sonderegger St. Op. cit.* — S. 54.

² См.: *Bach. A. Op. cit.* — S. 108; *Schildt J. Op. cit.* — S. 57.

ственных только литературному языку¹. Образование наддиалектного пласта структурных инноваций в литературном языке VIII—XI вв. было в значительной мере обусловлено тем, что мощным исходным стимулом к созданию немецкой письменности послужило стремление церкви сделать ее средством распространения христианства среди носителей бесписьменных диалектов, не знавших ни греческого языка, ни латыни. Поэтому большей частью древне-немецкие письменные памятники представляют собой переводы либо обработку латинских оригиналов преимущественно духовного или философско-теологического содержания. Поскольку территориальные диалекты как средство повседневного устного общения не располагали достаточно полным инвентарем языковых средств, необходимых для осуществления подобных переводов, развитие немецкого литературного языка на начальном этапе протекало в условиях постоянного взаимодействия и конфронтации с латынью. Формирование наддиалектного пласта структурных единиц и явлений было результатом трехвекового экспериментирования древне-немецких переводчиков с родным языком², которое включало попытки приспособить латинский алфавит для передачи на письме звуковых систем разных диалектных ареалов, мобилизовать уже имеющиеся в родном языке лексические и словообразовательные ресурсы с целью по возможности наиболее адекватного перевода латинских текстов, воспользоваться разного рода заимствованиями из латыни.

Наиболее наглядно наличие наддиалектного пласта прослеживается в сфере лексики, где под влиянием латыни в древний период произошли существенные количественные и качественные изменения, способствовавшие обогащению словарного состава немецкого языка. Названный пласт наряду с лексикой, которая была заимствована уже в дописьменный период, включал прямые заимствования из средневековой и церковной латыни, связанные с появлением и развитием письменности³.

Большую роль в создании наддиалектного пласта неологизмов за счет использования внутренних ресурсов языка играло словообразование.

Примечательно, что наддиалектный характер носит не только сама производная лексика, но и используемые в процессе ее создания словообразовательные средства.

Соотношение наддиалектных и территориально дифференцированных пластов явлений было неодинаковым для разных языковых уровней. Наибольшая степень ареальной дифференцирован-

¹ См.: Гухман М.М., Семенюк Н.Н. История немецкого литературного языка IX—XV вв. — М., 1983.

² См.: *Sonderegger St.* Op. cit. — S. 35.

³ См. ниже, глава «Словарный состав».

ности характерна для фонетико-орфографических систем территориальных вариантов письменного-литературного языка. В меньшей степени территориальное варьирование отражалось в различии их морфологических систем, хотя и здесь четко прослеживается связь памятника с соответствующим диалектным ареалом. Варьирование в лексических и синтаксических системах письменного языка было обусловлено главным образом жанрово-стилистическими особенностями памятника¹.

Уже на начальном этапе развития немецкого литературного языка создание письменности стимулировало формирование определенных функциональных стилей. Территориальные варианты письменного-литературного языка обнаруживают функционально-стилевую дифференциацию в зависимости от сферы своего применения. Разграничивается, в частности, официальный язык церкви, язык миссионеров и проповедников, язык ученых монахов, язык поэтических памятников и христианской переводной литературы, в том числе и памятников повседневного назначения (*Gebrauchsprosa, Gebrauchsliteratur*)². Язык миссионеров и проповедников, по-видимому, был наиболее близок к устной народной речи, т. е. к территориальным диалектам. Специфика языка ученых монахов (*das Gelehrtendeutsch*) заключалась в заметной ориентированности его носителей на латынь не только в лексике, но и в синтаксисе³. В языке христианской переводной литературы и поэтических памятников могли комбинироваться элементы письменного-литературного языка и рефлексy устной народной речи.

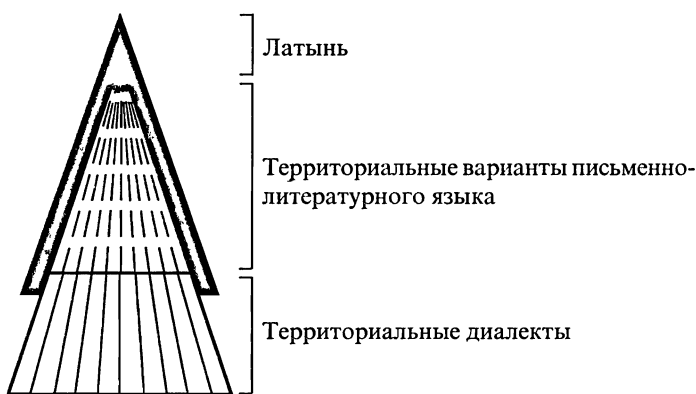

Схема 1. Языковая пирамида немецкого языка в период раннего феодализма (750—1050 гг.)

¹ См.: Гухман М.М., Семенюк Н.Н. Указ. соч. — С. 67.

² См.: Eggert H. Deutsche Sprachgeschichte. — Reinbek bei Hamburg, 1963. — Bd. I: Das Althochdeutsche. — S. 237 ff.

³ См.: Schildt J. Op. cit. — S. 56.

Страт литературного языка в реконструируемой для периода раннего феодализма функциональной парадигме немецкого языка в качестве основного ядра включал его территориальные варианты, зафиксированные в памятниках христианской письменности. На его периферии находились реликты устных обработанных форм, сохранившиеся в дохристианской поэзии древних германцев, отдельные фрагменты которой (в частности, «Песнь о Гильдебранде») дошли до нас в более поздней письменной фиксации¹.

Роль всеобъемлющей языковой системы высшего ранга, обладающей оптимальным набором признаков как средство надрегиональной и международной коммуникации, в средневековой Германии выполнял неавтохтонный литературный язык — латынь. Поэтому латынь образует своеобразную «кровлю» (*Überdachung*) над функциональной парадигмой немецкого языка, что может быть представлено в виде следующей схемы, в основу которой положен принцип построения «языковых пирамид» для разных периодов истории немецкого языка у Г. Мозера² и Г. Шиб³.

Поскольку одним из компонентов языковой ситуации в средневековой Германии был чужой язык, то для части представителей немецкой народности, а именно для образованного монашества, она была, по-видимому, ситуацией диглоссии с билингвизмом: образованные монахи пользовались в сфере повседневного устного общения диалектом, а в сфере своей культовой, педагогической и переводческой деятельности — территориальным вариантом письменно-литературного языка и латынью. Подобная языковая ситуация способствовала значительному количеству заимствований из латыни. Вполне вероятно, что в быту монахи пользовались обиходно-разговорным языком, несколько отличным от их родного диалекта, однако памятники письменности содержат недостаточное количество достоверных фактов для его реконструкции.

Связь между основными формами существования немецкого языка в период раннего феодализма была односторонней. Поскольку преобладающее большинство представителей немецкой народности в рассматриваемое время было неграмотным, письменно-литературный язык не оказывал какого-либо заметного влияния на территориальные диалекты. Однако литературный язык возник и развивался в виде территориальных вариантов на диалектной основе, а древненемецкие переводчики щедро черпали из сокровищницы устной народной речи. Это объяснялось их стремлением способствовать распространению нового вероуче-

¹ Подробнее см.: *Гухман М.М., Семенюк Н.Н.* Указ. соч. — С. 19 и сл.

² См.: *Moser H.* *Deutsche Sprachgeschichte.* — Tübingen, 1969. — Karten 8, 9, 10, 11, 12.

³ См.: *Schieb G.* *Die deutsche Sprache im hohen Mittelalter (mit Ausblick bis etwa 1500)* // *Kleine Enzyklopädie: Die deutsche Sprache.* — Leipzig, 1969. — Bd. 1. — S. 148—149.

ния, сделать его понятным и доступным для тех, кто не знал латыни, а отчасти было обусловлено и самим характером переводных или обрабатываемых памятников, например евангелий или евангельских гармоний, которые содержали много описаний «житийских», бытовых ситуаций.

Устная народная речь несомненно использовалась и в монастырских школах для толкования сложных латинских текстов, о чем свидетельствует, в частности, преподавательская деятельность Ноткера Немецкого в Сентгалленском монастыре. Наряду с четко прослеживаемым в переводных текстах латинским влиянием, древневерхне немецкий язык обнаруживает большую степень самобытности, фоном которой является народная речь¹.

ГЛАВА II ФОНЕТИКА

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Изучая внутренние закономерности развития немецкого языка (и, в частности, его фонетического строя), относящиеся к древнему периоду, необходимо иметь в виду, что именно в древний период на внутренние закономерности развития того или иного языка наиболее сильно влияет его принадлежность к определенной родственной группе языков. На развитии немецкого языка сказалась его принадлежность к группе германских языков. С одной стороны, продолжали действовать унаследованные немецким языком общие для древних германских языков тенденции развития, с другой стороны, здесь обнаружились новые специфические черты, определяющие качественное своеобразие именно немецкого языка.

При изучении фонетического строя немецкого языка в древний период его развития перед исследователями возникает целый ряд своеобразных трудностей. Наиболее значительная из них заключается в том, что для письменного закрепления немецких звуков применялись орфографические знаки чужого языка — латинский алфавит², проникший в Германию вместе с введением и распространением христианства. В качестве основы при этом служи-

¹ См.: *Sonderegger St. Reflexe gesprochener Sprache im Althochdeutschen // Sprachgeschichte / W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger.* — Berlin; New York, 1985. — Zweiter Halbbd. — S. 1066.

² Более древним является ряд рунических надписей на археологических находках в местах погребения. Наиболее отдаленные из них по времени были найдены в Веймаре при раскопках древнетюрингского кладбища, относящегося к VI—VII вв. Это главным образом украшения и предметы туалета, на которых сделаны рунические надписи: имена собственные или заклинания.

ло латинское написание, принятое в западнофранкском королевстве, так называемый «каролингский минускул» (karolingische Minuskel).

Немалое влияние на немецкую орфографию оказала и англосаксонская система письма.

Латинские графические знаки в их принятом чтении, естественно, не всегда соответствовали древнемецким звукам, чем объясняются и многочисленные колебания в написании последних.

Более древние немецкие памятники свидетельствуют об известных попытках ввести новые письменные знаки для звуков, которым нельзя было найти обозначения в латинском алфавите. На форме нововводимых знаков сказывалось обычно англосаксонское влияние. Так, например, в «Песне о Гильдебранде» и «Салической правде» можно найти знак *đ* для обозначения постдентального спиранта (обозначаемого обычно через *dh*, *th*) и англосаксонский знак *r* для согласного [v] (обычно передаваемого на письме через *iu* или *w*).

Вследствие указанных колебаний фонетическая значимость некоторых орфографических изображений по отношению к древнемецкому периоду не всегда является бесспорной. Однако большинство древнемецких звуков в результате филологического анализа памятников восстановлено с большей или меньшей точностью.

2. ОСОБЕННОСТИ КОНСОНАНТИЗМА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ДРЕВНИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ

Сравнение фонетического облика целого ряда слов, относящихся к основному словарному фонду и являющихся общими для всех германских языков, вскрывает определенные закономерные звуковые соответствия между этими языками и позволяет установить фонетические особенности, отличающие немецкий язык от других германских языков, как западных, так и северных.

Так, сравнение нем. *Wasser*, англ. *water*, шв. *vatten*; нем. *essen*, англ. *to eat*, шв. *att äta*; нем. *das*, англ. *that*, шв. *det* обнаруживает соответствие нем. *s* || англ., шв. *t* внутри слова между гласными и в конце слова. Сравнение: нем. *schlafen*, англ. *to sleep*; нем. *laufen*, англ. *to leap*, шв. *att löra*, с одной стороны, нем. *Schiff*, англ. *ship*, шв. *skerp*; нем. *auf*, англ. *up*, шв. *upp* — с другой, выявляет еще одну закономерность: нем. *f* || англ., шв. *p* в интервокальной позиции и в конце слова.

Закономерными являются и другие звуковые соответствия, например, нем. *ch* || англ., шв. *k* в той же позиции. Ср. нем. *brechen*, англ. *to break*; нем. *Zeichen*, англ. *token*, шв. *tecken*; нем. *Joch*, англ. *yoke*, шв. *ok*.

Приведенные закономерные звуковые соответствия и другие, подобные им, находят свое объяснение в истории немецкого языка, в так называемом втором, или верхненемецком¹, передвижении согласных.

Названные фонетические соответствия носят закономерный характер. Понимание этого способствует более быстрому и успешному овладению другими германскими языками.

Звуковые изменения, известные под названием второго верхненемецкого передвижения согласных, начали осуществляться задолго до появления дошедших до нас письменных памятников немецкого языка. Поэтому время активного действия второго верхненемецкого передвижения можно установить лишь приблизительно.

При его датировке обычно принимается во внимание, что *tt* в имени предводителя гуннов Атиллы подверглось передвижению в *tz*, о чем свидетельствует средневерхненемецкая форма этого имени (*Attila* > *Etzel*). Атила умер в 453 г., следовательно, переход *tt* > *tz* не мог произойти ранее середины V в.

В имени *Idorich* или *Dorich*, засвидетельствованном в рунической надписи конца VI — начала VII в. на копье из Вурмлингена (Вюртемберг), ясно прослеживается передвижение согласного *k* > *hh* (готск. *geiks правитель*, двн. *-rîch*).

В одном из древнейших немецких памятников — «Вейссенбургских грамотах» (*Weissenburger Urkunden*, 695 г. н. э.) передвижение глухих согласных проведено уже полностью.

К VIII в. активное действие второго верхненемецкого передвижения согласных в основном завершилось.

Это подтверждается такими фактами, как наличие второго передвижения в древних латино-романских заимствованиях, вошедших в немецкий язык до восьмого столетия (ср.: лат. сауро *маркитант*, *торговец едой и напитками* — двн. *koufen покупать*; лат. *moneta* — двн. *munizza монета*; лат. *pipep* — двн. *pfeffar перец* и др.), и отсутствие его в словах, заимствованных из латыни на протяжении VIII—XI вв. (ср.: лат. *templum* — двн. *tempal храм*; лат. *roepa* — двн. *rîpa наказание*).

Причины, вызвавшие второе верхненемецкое передвижение (так же как и причины первого германского передвижения), остаются невыясненными до настоящего времени, хотя выдвигалось немало всевозможных гипотез. Часть авторов выдвинутых гипотез искали объяснения указанных фонетических явлений во внешних причинах: природных условиях (жизнь в гористой местности — Мейер, Остгоф), этническом и языковом смешении (Кауфман, Фейст, Мейе, Гюнтерт и др.). Однако и «географическая», и «этнологическая» гипотезы уже сравнительно рано встретили многочисленных про-

¹ Данное передвижение наиболее последовательно было проведено южными диалектами немецкого языка, чем и объясняется его название.

тивников, объясняющих передвижения согласных закономерностями развития фонетической системы самих германских языков (Бур, Гирт, Прокош, Бээке, Лессиак, Фурке, Шмит и др.). Положения, выдвинутые этими учеными, звучат более убедительно.

В. М. Жирмунский высказал предположение, что причиной передвижений согласных в германских языках, в том числе и в немецком, является сильное экспираторное ударение на первом (корневом) слоге¹.

По мнению В. М. Жирмунского, «сильное экспираторное ударение вызывало соответственное ослабление смычки и тем самым, с одной стороны, передвижение глухих смычных в придыхательные, с другой — потерю звонкости (связанную с таким же ослаблением смычки голосовых связок) и переход звонких смычных в слабые (частично полувзвонкие) или глухие»².

Этническое смешение, как подчеркивает В. М. Жирмунский, в лучшем случае могло сыграть лишь роль толчка, ускорившего процессы внутреннего развития, уже ранее заложенные в фонетических особенностях германских языков³.

До второго передвижения в древнегерманском языке имелись следующие шумные согласные:

- 1) глухие смычные *t, p, k*;
- 2) звонкие смычные *d, b, g*;
- 3) глухие спиранты *þ(th), f, χ(h), s*.

Глухие спиранты во втором передвижении не участвуют. Правда, постдентальный глухой спирант *þ* становится на протяжении древнего периода звонким смычным *d*. Но это событие гораздо более позднее, чем второе верхнегерманское передвижение, кроме того, оно наблюдается также и во всех нижнегерманских диалектах.

Следует подчеркнуть, что изменения глухих смычных придают немецкому языку его специфический фонетический облик, поскольку они охватывают большую часть его диалектов. Изменения звонких смычных проводятся менее последовательно, и их территориальное распространение более ограничено.

Из вышесказанного следует, что правила второго верхнегерманского передвижения охватывают две группы согласных: глухие смычные (*p, t, k*) и звонкие смычные (*b, d, g*).

Характерным для второго верхнегерманского передвижения согласных является то, что глухие смычные *p, t, k* претерпевали различные изменения в зависимости от своего положения в слове. Такими определяющими позициями являлись:

¹ См.: Жирмунский В. М. К вопросу о внутренних законах развития немецкого языка. Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. — 1953. — Т. V. — С. 81.

² См.: Жирмунский В. М. Германская диалектология. — М.; Л.: Изд-во АН СССР. — 1956. — С. 322.

³ См. там же. — С. 321; см. также: Жирмунский В. М. История немецкого языка. — М., 1956. — С. 136.

— позиция внутри или в конце слова после гласных, которая условно обозначается знаком дефиса перед согласным, т. е. *-p, -t, -k*;

— позиция в начале, а также внутри слова после согласных (*l, r, m, n*) и в удвоении, которая условно обозначается знаком дефиса после согласного, т. е. *p-, t-, k-*.

Таким образом, второе верхненемецкое передвижение согласных складывается из трех процессов или актов: 1) передвижение *-p, -t, -k*; 2) передвижение *p-, t-, k-*; 3) передвижение *b, d, g*.

1. Простые западногерманские смычные *-p, -t, -k* по второму верхненемецкому передвижению согласных превратились в глухие удвоенные спиранты *-ff, -zz¹, -hh*, которые в абсолютном исходе могли упрощаться, давая *-f, -z, -h*.

Например:

	<i>-p > -ff, -f</i>		
	др.-сакс.	двн.	
	oran	offan	<i>открытый</i>
	slâpan	slâffan	<i>спать</i>
	skip	skif	<i>корабль</i>
	<i>-t > -zz, -z</i>		
готск.	др.-сакс.	двн.	
itan	etan	ezzan	<i>есть</i>
	lâtan	lâzzan	<i>оставлять</i>
	hwat	hwaz	<i>что</i>
	<i>-k > -hh, -h</i>		
	др.-сакс.	двн.	
	makôn	mahhôn	<i>делать</i>
	têkan	zeihhan	<i>знак</i>
	ik	ih	<i>я</i>

Этот акт передвижения является самым интенсивным. Он распространяется на большую часть древненемецкой территории, и поэтому его можно считать наступившим раньше всех других.

В среднефранкском диалекте имеется исключение: *t*, на которое оканчиваются местоимения среднего рода *that (dat) это, it оно, wat что, allet все*, не подверглось передвижению. Эти формы вплоть до наших дней являются одним из характерных признаков данного диалекта.

Можно предположить, что передвижение *-p > -ff, -t > -zz, -k > -hh* проходило несколько ступеней. Первоначально *-p, -t, -k*, по-видимому, приобретали придыхательность, преобразуясь в *-ph, -th, -kh*. Придыхательные, в свою очередь, становились аффрикатами *-pf, -tz, -kχ(h)* и лишь впоследствии за счет ассимиляции превращались в удвоенные спиранты *-ff, -zz, -hh*. Однако все эти про-

¹ Буква *z* изображает в данном случае глухой спирант, напоминающий глухое *s*.

цессы завершились до появления первых письменных памятников, в которых представлены уже удвоенные спиранты¹.

2. Западногерманские *p-*, *t-*, *k-* дали в древневерхненемецком аффрикаты *pf-* (встречается также графическое изображение *ph*), *tz-* (графически часто изображаемую при помощи *z*), *kh-* (графически встречается и *ch*). Однако лишь переход *t-* > *tz-* распространяется на большую часть древненемецких диалектов. Переход *p-* > *pf-* осуществляется только в южнонемецких диалектах. Непереведенным *p-* остается в нижненемецких, а также в среднефранкском и рейнскофранкском диалектах. В рейнскофранкском диалекте наблюдается переход *p-* > *pf-* после *r* и *l*. Переход *k-* > *kh-* характерен для баварского и алеманского диалектов, в то время как во всех остальных диалектах *k-* остается непередевинутым.

Например:

p- > *pf-*

др.-сакс.	южнонем.	ср.-франкск.	рейнско-франкск.	
plegan	pflegan		plegan	<i>ухаживать, заботиться, охранять</i>
penning	pfenning		penning	<i>название монеты (совр. Pfennig)</i>
skeppian	skepfen		skeppen	<i>творить, создавать, черпать</i>
helpan thorp	helpfan thorpf	helpan thorp	helpfan thorpf	<i>помогать деревня</i>

t- > *tz-*

др.-сакс.		двн.	
tiohan		ziohan	<i>тянуть</i>
herta		herza	<i>сердце</i>
holt		holz	<i>древесина</i>
settian		setzen, sezzen	<i>сажать ставить</i>

k- > *kh-*

др.-сакс.	н.-нем.	ср.-нем.	южнонем.	
korn		korn	khorn	<i>зерно</i>
werk		werk	werch	<i>работа, дело, деяние, творение</i>
wekkian		wecken	wechan	<i>будить</i>

¹ См.: Braune W., Helm K. Althochdeutsche Grammatik. — Halle (Saale), 1950. — S. 50 (Anm. 1).

Исключения.

1) *p-, t-, k-* не подверглись передвижению в сочетании с *s*, ср.:

stein	камень	spil	увеселение, игра	fisk	рыба
strît	битва, распря	spinnen	прясть	skirm	защита, щит
lust	удовольствие, желание, радость	springan	прыгать	scalc	слуга, раб
ist	есть, является				

2) Кроме того, неподвижное *t-* сохранялось в сочетаниях *tr*, *ht*, *ft*:

triuwa	верность	naht	ночь	luft	воздух
trost	утешение	kneht	слуга	kraft	сила
		fehntan	сражаться	heften	прикреплять

3. Поскольку звонкие смычные проводят второе передвижение менее последовательно, чем глухие, то удобнее рассматривать изменения каждого звука в отдельности в зависимости от места артикуляции.

а) В ряду зубных наблюдается переход звонкого смычного *d* в глухой *t*. Этот переход, однако, осуществляется только в южнонемецких диалектах. В нижненемецких диалектах, а также в среднефранкском и рейнскофранкском *d* остается неподвижным, ср.:

др.-сакс.	н.-нем.	ср.-нем.	южнонем.
dohter	dohter	tohter	дочь
bindan	bindan	bintan	связывать
biodan	biodan	biotan	предлагать

б) В ряду губных в большинстве древненемецких диалектов германский звонкий смычный (*b*) совпал с германским звонким спирантом *ḅ* еще до передвижения. Различие между *b* и *ḅ* сохраняет среднефранкский (сравни ср.-франкск. *beran* *носить*, *рождать*, *lamb* *ягненок*, с одной стороны, *gevan* *давать*, *sivun* *семь*, — с другой). В рейнскофранкском и восточнофранкском диалектах в обоих случаях (в том числе и в интервокальном положении) выступает *b* (*beran*, *lamb*, *sibbia* *родня*, *geban*, *sibun*). В баварском и алеманском наблюдается передвижение *b > p*, причем в баварском во всех случаях, в алеманском в начале и в конце слова, а также в удвоении, в интервокальном же положении выступает *ḅ*, ср.:

бав. и алем.	— <i>peran</i>	бав.	— <i>keran</i>	алем.	— <i>keban</i>
	<i>sipra</i>		<i>sipun</i>		<i>sibun</i>

В конце древневерхненемецкого периода, однако, преобладает *b* внутри и в начале слова. В удвоении *pp* остается неизменным.

Следовательно, в XI в. баварский и алеманский имеют *beren, geben, siben*, но постоянно *sipra*.

в) В ряду гуттуральных во всех франкских диалектах наблюдается полное соответствие с древнесаксонским в отношении *g* (например: *gast* *чужеземец, гость*; *geben* *давать, оуга глаз*; *stigan* *подниматься, liggen* *лежать, ruggi* *спина*). В баварском и алеманском в начале древневерхненемецкого периода часто вместо *g* выступает *k*, причем постоянно в удвоении (*likkan, rucki*). Вообще же в начале слова в этих диалектах *k* встречается чаще, например *kast, keban* (наряду с ними нередко выступают и формы *gast, geben*). В интервокальном положении, наоборот, *ouga, stigan* встречаются чаще, чем *ouca, stican*. В конце древневерхненемецкого периода (XI в.) *k* уступает в этих диалектах место *g* (побеждают формы *gast, geben*). Однако в удвоении *kk* сохраняется повсюду (ср. *rucki*).

Схема второго верхненемецкого передвижения по В. Брауне¹

	I			II						
Общегерм. готск.	t	p	k	đ	ḅ	γ				
	t	p	k	d(p)	b(f)	g				
древнесакс.	t	p	k	d	b	b(f) g				
среднефранкск.	z	zz(t)	p	ff	k	hh	d	b	vf	g
рейнскофранкск.	z	zz	p(pf)	ff	k	hh	d(t)	b	b	g
восточнофранкск.	z	zz	pf	ff	k	hh	t	b	b	g
верхненем.	z	zz	pf	ff	ch	hh	t	p(b)	bp	kg g(k)

Второе верхненемецкое передвижение согласных явилось своеобразным продолжением общегерманской тенденции развития звуковой системы, носящей название первого германского передвижения. Тесная связь этих двух явлений уже давно обращала на себя внимание исследователей (ср., например, работы Бура, Лессиака, Фурке, Альфреда Шмита).

Проявившись вновь с большой силой в истории развития немецкого консонантизма, данная тенденция, однако, не осталась неизменной. Новым было, прежде всего, то, что немецкий язык, в отличие от прочих германских языков, унаследовал ее наиболее полно, именно поэтому второе передвижение согласных характеризует особое «качество» звуковой системы немецкого языка, представляя одну из специфических и своеобразных ее черт.

Новые своеобразные черты приобрел и сам фонетический процесс. Не говоря уже о различиях между отдельными конкретными

¹ *Braune W. Althochdeutsche Grammatik. — S. 79.*

звуками, второе верхненемецкое передвижение в целом отличается меньшей интенсивностью по сравнению с первым германским и проводится в отношении звонких согласных с меньшей последовательностью. Кроме того, специфическим для немецкого языка является возникновение аффрикат как результата передвижения.

Все указанные особенности позволяют считать второе верхненемецкое передвижение одной из внутренних закономерностей развития звуковой системы немецкого языка в древности.

Наличие ряда сходных, хотя и менее ярко выраженных и хронологически более поздних, фонетических процессов в других германских языках (исландском, датском и др.) все же не дает оснований говорить о верхненемецком передвижении как об одном из проявлений второго общегерманского передвижения согласных, как это делает, например, Альфред Шмит¹. Исконная общность не должна закрывать собой специфику развития каждого из германских языков после их обособления друг от друга. В этом смысле здесь правильнее было бы говорить о конкретных, специфических для каждого данного германского языка передвижениях как о специфическом преломлении в них (в разное время и в разных условиях) древней общегерманской тенденции фонетического развития.

Несколько позднее второго верхненемецкого передвижения происходят изменения, касающиеся германского глухого постдентального спиранта β .

Германский глухой постдентальный спирант, изображающийся графически в готском как β , в древнеанглийском как $\mathring{\beta}$ и β , в древнесаксонском как th и δ , мог выступать в любой позиции (ср., например: готск. $\beta aurnus$, др.-англ. βorn , др.-сакс. $thorn$ *терние*; готск. $q\beta an$, др.-сакс. $quethan$ *говорить, сказать*; готск. $a\beta ra$, др.-сакс. $ertha$ *земля* и т. п.). Крайне редким случаем является удвоение β (ср. готск. $a\beta\beta au$ *ши*).

Этот общегерманский звук (β), первоначально бывший глухим, подвергается в немецком языке озвончению в смычный d . Следует предположить, что промежуточной ступенью между β и d был звонкий спирант $\mathring{\beta}$ ($\beta > \mathring{\beta} > d$). Начало процесса озвончения β в $\mathring{\beta}$ невозможно определить, поскольку озвонченный спирант существовал, по-видимому, лишь в течение небольшого промежутка времени. Тем не менее во всех диалектах можно найти следы более раннего спирантного звука. По большей части спирант обозначается посредством th , однако часто и как dh . Крайне редко встречается в немецких памятниках обозначение $\mathring{\beta}$. При помощи сочетания dh , а также $\mathring{\beta}$, вне всяких сомнений, обозначался озвонченный спирант. Однако и th также, по-видимому, должно было изображать звонкий спирант, поскольку оно непосредственно сменилось буквой d .

¹ См. его статью: Zur germanischen und hochdeutschen Lautverschiebung // Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. — 1949. — Н. 1/2. — С. 24—25.

Озвончение *þ* и последовавший за ним переход в *d* наступили первоначально в положении внутри слова, ранее всего после согласных *l, n*.

Фонетический процесс перехода $\acute{d} > d$ прослеживается территориально и во времени. Этот процесс начинается на юге Германии и здесь прежде всего в баварском диалекте, в древнейших памятниках которого, относящихся ко второй половине VIII в., сохраняются лишь некоторые слабые следы *th*.

В алеманском переход *th > d* совершается во второй половине VIII в. В древнейших алеманских источниках можно найти многочисленные примеры написания *th (dh)*.

Однако начиная с IX в. как в баварском, так и в алеманском всюду выступает *d* (*daz это, qhuedan, erda, chund известный* и т. п.).

В восточнофранкском диалекте переход *th* в *d* начинается уже в первой половине IX в.; так, у Татиана (около 830 г.) победило *d* внутри и в конце слова, в то время как в начале слова *th* еще прочно сохраняет свои позиции. Ср., например, *thing вещь, дело, судилище, собрание, thionþn служить*, но: *werdan становиться, sîd с тех пор* и т. п. Однако во второй половине IX в. *th* уступает место *d* и в начале слова.

В рейнскофранкском диалекте спирант сохраняется несколько дольше, так что лишь после 900 г. окончательно закрепляется *d*. Начальное *th* является здесь более устойчивым. Внутри же и в конце слова, чаще всего после *n* и *l*, уже в 770 г. рядом с обычным *dh* появляется *d* (*dhazs что, dhrî три, redha речь, рассказ, werdhan*, но всегда *uurdun, chiuuordan*). У Отфрида наблюдается примерно такое же положение, как у Татиана.

Еще позднее, примерно в X и XI вв., совершается переход *th* в *d* в среднефранкском диалекте.

Возникший в результате фонетического процесса озвончения германского постдентального спиранта *þ* звук *d* не подвергся второму верхненемецкому передвижению (ибо оно уже закончилось ко времени его появления) и занял место старого германского *d*, превратившегося согласно передвижению в *t*.

В системе немецкого консонантизма в древний период развития наблюдаются и менее кардинальные изменения сравнительно с общегерманским консонантизмом, однако они дают представление о некоторых специфических фонетических особенностях немецкого языка.

Трактовка начальных *w* и *h* в древневерхненемецком языке. Древненемецкий полугласный *w* скорее напоминал современное английское *w*, чем современное немецкое, и был близок к гласному *u*. Это проявлялось и в немецкой орфографии, где *w*, как правило, изображается через удвоенное *u* (*uu*), а также через простое *u*, в особенности перед гласными, ср., например, *uuntar* рядом с *uuuntar чудо*, а иногда после согласных, например, *duingar притеснять, принуждать*.

В начале слова германское *w* остается в древневерхненемецком без изменений перед всеми гласными, ср., например, *wesan* *быть, существовать* (готск. *wisan*). Однако в германских сочетаниях *wr, wl* в начале слова *w* в древневерхненемецком исчезает, причем еще до появления древнейших письменных памятников, ср. двн. *gehhan* *преследовать*, готск.; *wrikan*, др.-сакс. *wresan*; двн. *ant-luzzi*, готск. *wlits* *лик, лицо*, др.-сакс. *wliti*. Ср. также нем. *reiben, ritzen* с англ. *to write*.

Германское *h*, которое первоначально всюду выступало как глухой гуттуральный спирант (ср. совр. немецкий *Ach-Laut*), обнаруживает во всех германских языках склонность к превращению в придыхательный звук либо же к полному исчезновению. Германское *h* могло выступать в разных позициях. Так, например, в начале слова оно могло стоять не только перед гласными, но и перед согласными *l, r, n, w*, ср.: др.-сакс. *hlûd* *громкий*, *hnîgan* *склоняться, кланяться*, *hrêo* *чрево, труп*, *huît* *белый*. В древненемецком германское *h* в общем сохраняется и изображается графически при помощи знака *h*. Однако этот передаваемый через *h* звук уже отнюдь не является старым германским гуттуральным спирантом, так как явно наблюдается его переход в придыхательный звук (так называемый *Nauchlaut*).

Германское *h* в древненемецком превратилось в придыхание всюду, где оно стоит в начале слога, следовательно, в начале слова, например: *hanô* *нетух*, и внутри слова между гласными — *sehan* *видеть*. Тем не менее это *h* сохраняется еще в качестве спиранта всюду, где оно выступает после слогаобразующего гласного, т. е. в конце слова: *sah* *видел*, *zôh* *тянул* и внутри слова перед согласными, например: *naht* *ночь*, *wahsan* *расти*. В начале слова германское *h* (в виде придыхательного звука) сохранилось лишь перед гласным, например, *hant* *рука*, *habên* *иметь*, *heil* *здоровье, благополучие*. Сочетания *hl, hn, hr, hw* в начале слова, напротив, утрачивают *h*, однако в массовом порядке — лишь начиная с IX в., в то время как в более древних источниках *h* сохраняется. Создатель «Песни о Гильдебранде» несомненно произносил *h* перед согласными, что доказывается аллитерациями к *hringâ* (6), *hrusti* (56), *hregilo*, *hwerdar* (61), *huîtte* (66), автору «Муспилли» произнесение *h* перед согласными уже не было свойственно (он аллитерирует *wiu* с *weiz* и т. п.). Таким образом, более ранние *hlût, hnîgan, hrêo, hwîz* и т. д. в IX в. превращаются в *lût, nîgan, rêo, wîz* и т. п. Однако, хотя окончательное отпадение *h* в указанных случаях и относится к IX в., следует предположить, что это *h* уже во второй половине VIII в. начало произноситься очень слабо, о чем свидетельствуют многочисленные колебания писцов, писавших *h* даже в таких словах, где его не должно было бы быть.

Происхождение *g* в немецком языке. С одной стороны, в древненемецком сохраняется древнее общегерманское *r* (ср., например: двн. *reht*, готск. *gaihts* *правый, прямой, справедливый, правильный*, двн. *beran* — готск. *baíran*).

С другой стороны, в позиции внутри слова количество *r* сильно возросло благодаря явлению ротацизма, характерного для западной группы германских языков (ср.: готск. *maīza*, др.-сканд. *meīge*, двн. *meġo* *больше*; готск. *dīus*, род. пад. *dīuzis*, др.-англ. *déog*, двн. *tīog*, нвн. *Tier*).

Чередования согласных в древневерхненемецком не были развиты. Единственным наблюдавшимся в нем чередованием было чередование по закону Вернера, которое обладало в древности определенной словообразовательной и, главным образом, грамматической функцией.

В словообразовании оно явственно выступало в каузативах к сильным непереходным глаголам, восходящим к древним индоевропейским формам с ударением на суффиксе, ср.: *līdan* *идти, ехать*, *leiten* *направлять, вести*, *gīnesan* *спасаться*, *perīen* *спасать, сохранять жизнь*, а также в некоторых отглагольных именах действия, ср.: *zīohan* *водить, предводительствовать* и (*heri*)-*zogo* (буквально: *воевода*).

В грамматике чередование по закону Вернера наиболее жизнеспособным оказалось в системе образования разных временных основ сильных глаголов, где можно выделить следующие пары звуковых соответствий:

a) <i>d — t</i>		
<i>snīdan</i> — <i>sneid</i> — <i>snitum</i> — <i>gisnitan</i>		<i>резать</i>
<i>werdan</i> — <i>ward</i> — <i>wurtum</i> — <i>worten</i>		<i>становиться</i>
b) <i>f — b</i>		
<i>heffen</i> — <i>huob</i> — <i>huobum</i> — <i>gihaban</i>		<i>поднимать</i>
c) <i>h — g</i>		
<i>zīohan</i> — <i>zōh</i> — <i>zugum</i> — <i>gizogan</i>		<i>тянуть</i>
<i>h — w</i>		
<i>līhan</i> — <i>lêh</i> — <i>liwum</i> — <i>giliwan</i>		<i>брать (давать),</i>
<i>взаимы</i>
<i>h — ng</i>		
<i>fāhan</i> — <i>fieng</i> — <i>fiengum</i> — <i>gifangan</i>		<i>ловить, захватывать</i>
d) <i>s — r</i>		
<i>gīnesan</i> — <i>gīnas</i> — <i>gīnarum</i> — <i>gīneran</i>		<i>спасаться</i>

3. СИСТЕМА НЕМЕЦКОГО ВОКАЛИЗМА В ДРЕВНИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ

1. Вокализм ударных слогов. Краткие гласные

Развитие немецкого вокализма в древний период, с одной стороны, характеризуется тем, что продолжается действие некоторых общегерманских тенденций. С другой стороны, появляется ряд новых своеобразных черт, специфических именно для немецкого языка.

Одной из основных фонетических особенностей немецкого языка (как и других германских языков) является наличие сильного динамического ударения, падающего на корень (первый слог) слова. Поэтому развитие вокализма слогов, находящихся под ударением, отличается от развития вокализма безударных слогов.

Общегерманское *i* (i_1, i_2) сохраняется в древненемецком без изменений. Явление понижения *i* в *e* перед *a, e, o* следующего слога утрачивает свой закономерный характер, хотя им еще и объясняются некоторые разрозненные единичные случаи, ср.: двн. *ques живой* (совр. *Quecksilber ртуть*) и др.-англ. *swic*, двн. *wehha неделя* и др.-сакс. *wika*, двн. *behhari кубок* и др.-сакс. *bikeri* и т. п.

В противоположность этому общегерманская тенденция к повышению *e* в *i* не только сохраняется, но и закрепляется. Общегерманское *e* сохраняется в древненемецком всюду, где оно не превращается под воздействием окружающих звуков в *i*, т. е. главным образом перед долгими или краткими *a, e, o* в следующем слоге, например: *erda земля, degan воин, витязь, herza сердце, helfan помогать, geba дар*. С другой стороны, наблюдается характерное для большинства германских языков повышение *e* в *i*:

1) перед *i* или *j* следующего слога, например: *neman брать* — II, III л. ед. ч. наст. вр. *nimis, nimit*; *erda* — *irdin земляной, глиняный*; *geht правильный* — *richten направлять* < **rihtjan* и т. п.;

2) перед непосредственно примыкающим сочетанием «носовой + согласный», ср., например, различия в вокализме сильных глаголов, принадлежащих к III ряду аблаута: *neman*, но *bintan связывать*, ср. также латинское заимствование *minza мята* (лат. *menta*) и т. п.;

3) перед *u* в следующем слоге, ср., например: *neman* — I л. ед. ч. наст. вр. *nimu*; *helfan помогать* — *hilfu*; *geban давать* — *gibu*; *sibun семь* и т. п.

Имеются, однако, и исключения, ср. *metu мед, ernust серьезность*, ср. также производные с суффиксом *-unga* — *nemunga взятие, werfunga бросанье, бросок* и т. п.

Позиционное чередование *e : i* закрепляется лишь в системе формообразования сильных глаголов, чему, по всей вероятности, способствовал тот факт, что для нее характерны были и другие виды чередования гласных (ср. аблаут). В системе же формообразования и словообразования имен оно не имело распространения (ср., например: *herza сердце*, род., дат. *herzin*, а не *hirzin*; *feld поле* — мн. ч. *feldir*, а не *fildir*, а также *erda* — *erdin* наряду с *irdin* и т. п.).

В древненемецком в основном сохраняется общегерманское распределение *u* и *o*; *u* выступает обычно перед *i, j* или *u* следующего слога, а также перед сочетанием «носовой + согласный», в то время как перед *a, e, o* оно чередуется с *o*. Ср., например: *wolla шерсть, wullin шерстяной; gold золото, guldin золотой*. Слабый глагол I класса

на *-jan furchten *бояться* < *furhtjan имеет в инфинитиве *u*, а в претерите, образуемом с выпадением *-j-*, *o* (forhta). У сильных глаголов II ряда аблаута в причастии прошедшего времени гласный основы выступает как *o* (gibotan от biotan *предлагать*), а в форме претерита множественного числа как *u* (butun). Причастие прошедшего времени от сильного глагола III ряда аблаута helfan *помогать* будет giholfan, а от имеющего в основе сочетание «носовой + согласный» глагола того же ряда bintan *связывать* — gibuntan и т.п.

Связанное с указанным распределением *o* и *u*, кратких в древне-немецком языке, чередование (как и позиционное чередование *e* и *i*) наиболее устойчивым оказывается в системе формообразования сильных глаголов, в то время как в системе именного склонения оно с самого начала не имело широкого распространения (ср.: holz — мн. ч. holzir, loch *отверстие, дыра* — мн. ч. lochir, реже lucher). В именном словообразовании чередование *u* : *o* устраняется впоследствии благодаря влиянию основы (ср.: двн. wolla — wullin и совр. Wolle — wollen).

Общегерманское *a* краткое сохранялось в немецком языке, если его звуковое окружение не вызывало палатальной перегласовки (ср., например: fater *отец*; gast *чужеземец, гость*; balg *икура, мех*; gras *трава*; faran *ехать, передвигаться*). Палатальная перегласовка (Umlaut) наступала в древнегерманский период под влиянием *i* или *j* в следующем слого, ср., например: gast — мн. ч. gesti; lamb *ягненок* — мн. ч. lembir; faran — II л. ед. ч. наст. вр. feris, III л. ед. ч. наст. вр. ferit; lang *длинный* — lengî *длина*; kraft *сила* — krefitg *сильный*; готск. harjis — двн. herî *войско*, готск. halja — двн. hella *ад* и т.п.

Приведенный материал показывает, что палатальный умлаут являлся в древневерхнегерманском комбинаторным фонетическим изменением.

Как известно, умлаут возникает на севере и распространяется с севера на юг.

В немецком языке умлаут начинает закрепляться сравнительно поздно, приблизительно около 750 г., и захватывает первоначально только *a* краткое. Во второй половине VIII в. умлаут *a* все более и более распространяется, а в IX в. побеждает окончательно. Эта первая волна распространения умлаута в немецком языке известна под названием первичного умлаута (Primärumlaut).

Проведению первичного умлаута, однако, в ряде случаев препятствовали сочетания определенных согласных, причем на юге Германии в южногерманских диалектах количество этих сочетаний было значительно больше, чем в других диалектах.

Во всех немецких диалектах гласные не подвергались умлауту перед следующими сочетаниями согласных:

а) *ht*, *hs*, например: naht *ночь* — мн. ч. nahti; wahsan *расти* — III л. ед. ч. настоящего времени wahsit;

б) «согласный + *w*» например: garwen *готовить* — garwita.

В баварском и алеманском диалектах к названным сочетаниям общенемецких согласных, препятствующим проведению умлаута, присоединялись также сочетания:

1) «*l* + согласный», ср., например:

франкск. *haltan держать* — II, III л. ед. ч. наст. вр. *heltis, heltit*; бав., алем. *haltan, haltis, haltit*;

2) *hh, ch*, например: франкск. *sahhan спорить* — II, III л. ед. ч. наст. вр. *sehhis, sehhit*; бав., алем. *sahhan, sahhis, sahhit*.

Специфической для баварского диалекта особенностью является отсутствие умлаута перед сочетанием «*r* + согласный», ср.: бав. *maggen препятствовать*, *warmen греть*; алем. *meppen* и *maggen*, *wempen* и *warmen*.

В древней баварской поэме «Муспилли» умлаут перед сочетанием «*r* + согласный», как правило, не проводится, ср. встречающиеся в ней слова *kistarkan усиливать, укреплять* (из **gi-starkjan*), *arguartit раненый*, *magrit препятствует*, *kitarnit прикрытый, тайный* и т. п.

2. Долгие гласные и дифтонги

Общегерманское \bar{i} сохраняется и в древненемецком, ср. готск. *steigan (ei = i)* — двн. *stīgan идти, подниматься*.

Общегерманское \bar{a} , возникшее благодаря заменительному растяжению с выпадением носового перед *h*, также сохраняется в древненемецком и совпадает с \bar{a} , развившимся в западной и северной группах германских языков из общегерманского $\text{æ}(\bar{e}_1)$ ¹.

Примеры: *fāhan ловить, хватать* (из **faŋhan*), прет. *fiang*; *brāhta* (прет. от *bringan приносить*); готск. *jêr* — двн. *jâr год*; готск. *mêna* — двн. *mâno луна, месяц*; лат. *vēgus* — двн. *uiâg верный* и т. п.

Немецкое \hat{a} в древний период не подвергалось воздействию палатальной перегласовки. Действие умлаута в рассматриваемый период не распространялось еще и на \hat{u} , соответствующее общегерманскому \bar{u} , например, *brût молодая жена*, *tûba голубка*, *mûra каменная стена* (лат. *mûrus*) и т. п.

Наиболее существенные изменения в древненемецком претерпевают общегерманское \bar{e}_2 и общегерманское \bar{o} , подвергшиеся дифтонгизации. \hat{e} (герм. \bar{e}_2) еще встречается в памятниках VIII в., од-

¹ Переход герм. \bar{e}_1 в двн. \hat{a} совершился уже до появления имеющихся письменных памятников (т. е. до VIII в.). Тем не менее написание имен собственных и племенных названий дает возможность проследить хронологию протекания этого процесса. Развитие \bar{e}_1 в \hat{a} в баварском и алеманском диалектах, по-видимому, осуществилось еще до IV в., так, уже в это время мы находим у античных писателей написание алеманских имен через \hat{a} (*Vadomârius, Chnodomârius* и т. п.), ранее же название швабов (двн. *Suâbâ*) было известно в форме *Suâbi (Suëvi)*.

В остальных диалектах переход \bar{e}_1 в \hat{a} совершается не ранее VI—VII вв., о чем свидетельствуют многочисленные франкские имена с \hat{e} (например, *Theudomêtes, Dagarêdus, Mëroflêdis* и т. д.).

нако вскоре с ним начинает конкурировать первоначальная дифтонгированная форма *ea*, которая в первой половине IX в. развивается в *ia*, а затем в *ie*. Во второй половине IX в. побеждает эта последняя окончательная форма дифтонга. Развитие герм. \bar{e}_2 , в двн. *ie* указывает на то, что этот звук, по-видимому, был довольно закрытым, хотя происхождение и характер его до сих пор остаются невыясненными.

Дифтонгизация \bar{e} наблюдается:

1) в незначительном количестве исконно германских слов, ср. готск. *hêr* — двн. *hear, hiar, hier* *здесь*; готск. *fêra* — двн. *feara, fiara* *сторона, бок*; двн. *mêta, meata, miata, mieta* *вознаграждение, плата, мзда* и т. п.;

2) в форме претерита у некоторых сильных глаголов VII ряда, например: *gâtan* *советовать*, прет. *gêt, geat, giat, giet*; ср. также др.-сакс. *hêt* — двн. *hiaz, hiez* (прет. от *heizzan* *называться, приказывать*) и т. д.;

3) в ранних заимствованиях из латыни, например: лат. *tēgula* — двн. *ziagal, ziegel* *черепица*, лат. *brēve* — двн. *brīaf, brīef* *письмо*, лат. *speculum* — двн. *sriagal, spiegel* *зеркало* и др.

Дифтонгизация \bar{e} , как уже было отмечено, подверглась также герм. \bar{o}^1 , причем окончательной, общей для всех диалектов формой дифтонга явилось *uo*. Например: готск. *brôþar* — двн. *bruoðer* *брат*, готск. *fôtus* — двн. *fuoz* *нога*, готск. *sôkjan* — двн. *suohhen* *искать* и т. п. Эта форма закрепляется во всех диалектах около 900 г., в то время как в VIII и IX вв. наличествуют многочисленные колебания, свидетельствующие о том, что на протяжении VIII и IX вв. процесс дифтонгизации еще не был закончен. В памятниках этого периода рядом с \bar{o} встречаются также *oa*, *ua*, *uo*. Хронология протекания данного фонетического процесса в разных диалектах различна, что может быть использовано для локализации отдельных памятников. В алеманском диалекте дифтонгизация \bar{o} начинается после 760 г., причем древнейшей формой дифтонга было *oa*, которое в VIII в. перемежается с \bar{o} . Крайне редко встречались также формы *ua* и *uo*. В конце VIII в. чаще употребляется *ua*. На протяжении IX в. *ua* становится господствующей формой дифтонга в алеманском диалекте и отличает его от всех других.

Дольше всего сохраняется \bar{o} в баварском диалекте, где оно представляет обычное явление даже в памятниках IX в. Однако наряду с ним существует и дифтонг *uo*, который становится все более и более употребительным и около 900 г. вытесняет \bar{o} окончательно. Часто встречающееся \bar{o} в памятниках IX в. представляет, таким образом, признак баварского диалекта.

¹ Необходимо подчеркнуть, что дифтонгизация \bar{o} затрагивает лишь слоги, находящиеся под главным ударением, в то время как \bar{o} в слабоударных или безударных слогах не подвергается дифтонгизации (ср. глагол *salbôn* *умащивать* — претерит *salbôta*).

Во франкских диалектах дифтонгизация начинается с середины VIII в. Во второй половине VIII в. *uo* явно преобладает над *ô*, которое тем не менее сохраняется вплоть до конца VIII в. Единственной широко употребительной формой дифтонга с самого начала была форма *uo*, которая уже в IX в. полностью вытесняет *ô* почти на 100 лет раньше, чем в баварском и алеманском. Интересно, однако, отметить, что в самой южной части территории, занимаемой франкскими диалектами, в южнорейнскофранкском (непосредственно граничащем с алеманским) в IX в. господствует *ua* (вместо *uo*). Употребительная во всех диалектах с 900 г. форма *uo* сохраняется без существенных изменений до средневерхненемецкого периода.

Дифтонгизация закрытых долгих гласных среднего подъема, являющаяся своеобразным продолжением общегерманской тенденции к увеличению энергии при артикуляции долгих гласных¹, составляет одну из характерных черт развития древненемецкого вокализма.

Не менее своеобразное отражение общегерманской тенденции развития вокализма представлял в древненемецком и обратный процесс — процесс монофтонгизации старых общегерманских дифтонгов *ai* и *au*, благодаря которому была заполнена брешь, возникшая в ряду долгих гласных в результате дифтонгизации.

Монофтонгизация данных дифтонгов обуславливалась их положением в слове. Так, стяжение общегерманского *ai* в *ê* в древненемецком происходило перед *r*, *w* или перед *h*, соответствующим общегерманскому *h*. Ср., например: готск. *aiz* — двн. *êr* руда (совр. *Erz*); готск. *saiws* — двн. *sêo* море, род. пад. *sêwes* (совр. *See*); готск. *âihts* — двн. *êht* имущество и мн. др.

Стяжение *ai* в древненемецком начинается в VII в., т. е. ранее появления дошедших до нас памятников, и заканчивается в первой половине VIII в. Результатом монофтонгизации был первоначально долгий открытый звук *e*, изображавшийся графически чаще всего через *ae*. Однако в IX в. для написания данного звука применяется уже буква *ê*. Показательно, что подобное написание закрепляется после дифтонгизации германского закрытого *ê₂*. Очевидно, к этому времени *ê* долгое, полученное в результате монофтонгизации герм. *ai*, стало закрытым и заняло место *ê₂*, подвергшегося дифтонгизации.

Стяжение дифтонга *ai* в *ê* наступило также в безударных слогах и окончаниях, ср., например, готск. *habaida* и двн. *habêta*, готск. *blindaim* и двн. *blintê_m*.

Во всех остальных случаях германское *ai* сохранялось в качестве дифтонга. Этот дифтонг в южнонемецких памятниках VIII в. выступает еще как *ai*, однако уже в конце VIII в. испытывает сужение и переходит повсюду в *ei*, которое с этого времени становится

¹ Данная тенденция была тесно связана с характером германского ударения. См.: Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. — М., 1954. — С. 104.

единственной общенемецкой формой дифтонга, например: готск. *dails*, двн. *teil часть*; готск. *hlaifs*, двн. *leib хлеб, каравай* (совр. *Laib*); готск. *stains*, двн. *stein камень* и т. п.

Сужение дифтонга *ai* в *ei* объяснялось ассимиляцией первой части дифтонга второй.

Наряду с *ai* монофтонгизации подвергся также германский дифтонг *ai*, который в древненемецком превратился в *ô* в позиции перед германским *h* и перед всеми зубными (*d, t, z, s, n, r, l*), ср., например: готск. *háuhs* — двн. *hðh высокий*, готск. *daufus* — двн. *tôð смерть*, готск. *stautan* — двн. *stôzan толкать*, готск. *laus* — двн. *lôs лишенный*, готск. *laun* — двн. *lôn награда*, готск. *auso* — двн. *ôga ухо*, лат. *caulis* — двн. *kôl капуста* и т. п.

Процесс стяжения *ai* в *ô* относится к VIII в. Стяжение обуславливалось прогрессивной ассимиляцией второго компонента в рамках дифтонга (*u*), причем промежуточной формой между *ai* и *ô* было *ao*.

Полученное в результате монофтонгизации *ô* имело первоначально открытый характер. Лишь впоследствии, после дифтонгизации старого закрытого *ô* в *uo*, *ô* долгое, полученное в результате монофтонгизации, стало закрытым и заняло место старого *ô* (IX в.).

Процессом монофтонгизации было захвачено также *ao*, возникшее в абсолютном исходе из *aw*: так, *frao*, *strao* превращаются в *frô веселый*, *strô солома* и т. п.

Германское *ai* сохраняется в древненемецком в качестве дифтонга во всех прочих случаях (т. е. перед всеми губными, перед гуттуральными, за исключением герм. *h*, и в конце слова). В более ранних письменных памятниках дифтонг выступает как *ai*, но в IX в. *ai* переходит в *oi*, и *oi* становится общенемецкой формой дифтонга, ср., например: готск. *haubîr* — двн. *houbit голова, глава*, готск. *galaubjan* — двн. *gilouben верить*, готск. *augo* — двн. *ouga глаз*, готск. *hlauran* — двн. *loufan бежать*.

Сужение *ai* в *oi* было вызвано теми же причинами, что и сужение *ai* в *ei*, т. е. покоилось на регрессивной ассимиляции в рамках дифтонга.

Что касается германского дифтонга *ei*, то в древненемецком он расщепляется на два чередующихся дифтонга: *eo*, *io* и *iu*, причем это чередование обуславливалось теми же причинами, что и позиционные чередования *e : i*, *u : o*. Германский дифтонг *ei* превращался в древненемецком в *eo*, если в последующем слоге появлялись гласные *a, e, o*. Несколько позднее *eo* превратилось в *io*, которое и стало общей для всех древненемецких диалектов формой. Однако необходимо отметить, что в баварском и алеманском диалектах переход германского *ei* в *eo*, *io* происходил лишь в случаях, если за дифтонгом следовали зубные согласные или германское *h*.

Германское *ei* превращалось в древненемецком в *iu*, если в следующем слоге имелись *i, j* или *u*.

Ср., например, чередование *eo*, *io* и *iu* в грамматических формах одного и того же слова и в словах, образованных от одного и того же корня: инф. *beotan*, *biotan* *предлагать* — ед. ч. наст. вр. изъявительного накл. *biutu*, *biutis*, *biutit*; *deota* *народ* — *diutisk* *народный* впоследствии — *немецкий*, нвн. *deutsch*; *liohht* *свет* — *liuhten* *светить, сиять*; *tiouf* *глубокий* — *tiufî* *глубина* и т. п.

Дифтонг *eo* в данной форме встречается в более ранних источниках. В первой половине IX в. совершается его переход в *io*. С конца X в. *io* переходит в *ie* и совпадает, таким образом, с *ie*, возникшим из германского \bar{e}_1 (ср. у Ноткера *bieten* и *hiez*, *hier*).

Дифтонг *iu* удерживается до средневерхненемецкого периода. Однако в конце древнего периода происходит монофтонгизация этого дифтонга в [y:]. Монофтонгизация, по-видимому, завершилась уже около X в., о чем свидетельствует тот факт, что встречающийся, начиная с X — XI вв., умлаут \hat{u} изображается посредством *iu*.

На основе всего сказанного выше развитие системы немецкого вокализма в древний период можно представить в виде следующей схемы:

Герм.	Краткие						Долгие					Дифтонги			
	i_1	i_2	<i>e</i>	<i>a</i>	o_2	<i>u</i>	\bar{i}	\bar{e}_1	\bar{e}_2	\bar{a}	\bar{o}	\bar{u}	<i>ai</i>	<i>eu</i>	<i>au</i>
	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘
	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘
	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘	↘
Двн.	<i>i</i>	<i>e</i>	<i>a</i>	<i>o</i>	<i>u</i>	\hat{i}	\hat{e}	\hat{a}	\hat{o}	\hat{u}	<i>ei</i>	$\underbrace{ia, ie \quad eo, io}_{ie}$	<i>iu</i>	<i>uo</i>	<i>ou</i>

Разумеется, данная схема отражает звуковые изменения лишь в самых общих чертах. Тем не менее она дает наглядное представление о том, что уже в древний период системе немецкого вокализма было присуще четкое противопоставление кратких и долгих гласных фонем (*i* — \hat{i} , *a* — \hat{a} , *e* — \hat{e} , *o* — \hat{o} , *u* — \hat{u}), составляющее и до настоящего времени одну из характерных особенностей звукового строя немецкого языка. Кроме того, она помогает также уяснить взаимоотношение долгих гласных и дифтонгов в древневерхненемецком.

Чередования по аблауту

Наряду с различными позиционными чередованиями гласных (ср., например, чередование *e* : *i*, *a* : *e*, *u* : *o*) весьма значительную роль в системе немецкого вокализма в древний период развития играло чередование гласных, не связанное со звуковым окружением, — так называемый аблаут.

Под аблаутом понимается закономерное чередование определенных гласных в словах, восходящих к одному и тому же корню, или в грамматических формах одного и того же слова, ср. совр. нем. *singen* — *sang* — *gesungen*. Следует различать два вида аблаута. В таких звуковых соответствиях, как, например, русск. *носить* — *несу*, совр. нем. *binden* — *band* изменяется качество самих гласных. Поэтому в данном случае мы говорим о качественном аблауте (*Abtönung*). В соответствиях же, подобных лат. *vōx* — *vōsage* или двн. *gītan exat̃ verxom* — *giritan*, мы говорим о количественном аблауте (*Abstufung*). Качественный и количественный аблаут могут сочетаться в одной и той же группе звуков. Таким образом, возникают целые ряды звуковых соответствий, в которых различаются три (количественные) ступени:

- 1) средняя (*Normalstufe oder Vollstufe*),
- 2) протяженная (*Dehnstufe*),
- 3) нулевая (*Schwundstufe*).

Например: готск.	I	II	III
	niman (<i>i̅</i>)	nēmum	numans
	nam (<i>a̅</i>)		(um < u. e. ŋ)
двн.	neman (<i>e̅</i>)	nāmum	ginoman
	nam (<i>a̅</i>)		

Внутри каждой количественной ступени группируются качественные чередования (*niman* — *nam*).

Обе разновидности аблаута, как качественный, так и количественный, первоначально, по-видимому, зависели от ударения, причем высказывались предположения, что качественный аблаут при своем возникновении был связан с музыкальным ударением, в то время как количественный мог возникнуть лишь при преобладании динамического ударения. Оба эти ударения, хотя и в разные периоды, были свойственны древним индоевропейским языкам. Предположение о первоначальной связи аблаута с ударением ярче всего подтверждают материалы древнегреческого языка, а также материалы древних германских языков (ср. чередование по закону Вернера).

В германских языках аблаут сохранился лучше, чем в других индоевропейских языках. Чередование определенных гласных, объясняемое вначале при своем возникновении чисто фонетическими причинами, впоследствии приобретает словообразовательную и формообразующую функции. Главная формообразующая роль аблаута в германских языках — образование различных временных основ сильных глаголов.

В результате изучения различных возможностей аблаута в рамках формообразования сильных глаголов удалось установить семь рядов аблаута.

Для рядов германского аблаута чрезвычайно важно индоевропейское чередование *e : o* (типа русского *несу — нёс*). Именно на этом чередовании покоятся пять из семи рядов аблаута сильных глаголов в германских языках. (См. нижеследующую схему.)

Как видно из схемы, в I и II рядах гласный основы выступает как первый компонент дифтонга, второй частью которого являются *i* или *u*.

В III, IV и V рядах гласный основы представлен в чистом виде. Согласные *l, r, n, m, b* условно обозначают последующий согласный: *l, r* — плавный; *n, m* — носовой; *b* — любой шумный.

В VI ряду, не нашедшем отражения в данной схеме, в древних индоевропейских языках наблюдалось количественное чередование *ǣ, ǝ — ā, ǝ*. С точки зрения германских языков, в которых индоевропейские краткие *ǣ* и *ǝ* совпали в *ǣ*, в то время как индоевропейские долгие *ā* и *ǝ* преобразовались в *ǝ*, это будет качественным чередованием *ǣ — ǝ*.

Кроме шести рядов с кратким гласным в первой форме, имелся и седьмой ряд, носящий следы чередования долгих гласных *ē : ǝ*. Однако следы эти явственно выступают лишь в готском, ср., например: *lētan заставлять, велеть, отпускать, lailōt, lailōtun, lētans*.

Схема рядов аблаута (по Г. Паулю)¹

Качественное чередование				Количественное чередование				
средняя ступень				протяженная ступень		нулевая ступень		
e		o		и.-е.	герм.	и.-е.	герм.	
и.-е.	герм.	и.-е.	герм.					
I	ei	ī	oi	ai	ēi		i	i
II	eu	eu, iu	ou	au	ēu		u	u
III	el er	el, il er, ir	ol or	al ar	ēl ēr		l̥ r̥	ul ur
IV	en em	en, in em, im	on om	an am	ēn ēm	ēn ēm	n̥ m̥	un um
V	eb	eb, ib	ob	ab	ēb	ēb	редуцированная ступень	
							əb	eb

Глаголы седьмого ряда обычно называют глаголами с удвоением (*die reduplizierenden Verba*), однако данное название оправдывает себя лишь по отношению к готскому языку, в котором удвое-

¹ Paul H., Stolte H. Kurze deutsche Grammatik. — Halle (Saale), 1949. — S. 16—17.

ние действительно имело место. По отношению же к другим германским языкам, в частности к немецкому, это название носит чисто условный характер.

В немецком языке в древний период, как и в других древних германских языках, у сильных глаголов различались четыре временных основы: основа инфинитива, основа претерита единственного числа, основа претерита множественного числа, а также основа причастия прошедшего времени. Для образования различных временных основ сильных глаголов и использовался аблаут.

Первый ряд аблаута характеризуется общегерманским чередованием $\bar{i} — ai — i — i$, ср., например: готск. *steigan* ($ei = \bar{i}$), *stáig*, *stigum*, *stigans*.

В древненемецком глаголы этого ряда делятся на две группы, поскольку герм. *ai* в двн. могло либо сохраняться в виде *ei*, либо подвергаться монофтонгизации в \hat{e} . К группе Ia относятся глаголы, имеющие дифтонг во второй форме, т. е. с чередованием $\hat{i} — ei — i — i$, например:

<i>stigan</i> — <i>steig</i> — <i>stigum</i> — <i>gistigan</i>	<i>идти, подниматься</i>
<i>rítan</i> — <i>reit</i> — <i>ritum</i> — <i>giritan</i>	<i>ехать верхом</i>
<i>scrítan</i> — <i>screit</i> — <i>scritum</i> — <i>giscri tan</i>	<i>шагать</i>
<i>tríban</i> — <i>treib</i> — <i>tribum</i> — <i>gitriban</i>	<i>гнать</i>
<i>slíchan</i> — <i>sleich</i> — <i>slichum</i> — <i>gislichan</i>	<i>скользить, красться</i>

У ряда глаголов этой группы к аблауту присоединяется чередование согласных по закону Вернера, ср., например:

<i>snídan</i> — <i>sneid</i> — <i>snitum</i> — <i>gisnitan</i> ($d — t$)	<i>резать</i>
<i>lídan</i> — <i>leid</i> — <i>litum</i> — <i>gilitan</i> ($d — t$)	<i>идти</i>
<i>rísan</i> — <i>reis</i> — <i>rirum</i> — <i>giriran</i> ($s — r$)	<i>падать, подниматься</i>

Незначительное количество глаголов, имеющих в основе герм. *h* или *w*, составляет группу Ib с чередованием гласных $\hat{i} — \hat{e} — i — i$, например:

<i>zíhan</i> — <i>zêh</i> — <i>zigum</i> — <i>gizigan</i>	<i>обвинять, уличать</i> ($h — g$ чередуются по закону Вернера)
<i>díhan</i> — <i>dêh</i> — <i>digum</i> — <i>gidigan</i>	<i>произрастать</i>
<i>spíwan</i> — <i>spêo</i> — <i>spiwum</i> — <i>gspiwan</i>	<i>плевать</i>

Грамматическое чередование $h — w$, восходящее к германскому чередованию $hw — w$ (ср. готск. *leihwan*, *láihw*, *laihwum*, *laihwans*), наблюдается у глагола *líhan* — *lêh* — *liwum* — *giliwan* *давать* (*брать*) *взаимы*.

Второй ряд аблаута, характеризующийся общегерманским чередованием *ei* (готск. *iu*) — *ai* — *u* — *i*, ср., например, готск. *biugan*, *baug*, *bugum*, *bugans*, также разделяется в древненемецком на две группы в зависимости от сохранения или стяжения дифтонга во второй форме. Глаголы со стяженным дифтонгом во второй форме образуют группу IIa. Для них характерно наличие в основе зубного согласного или герм. *h*, которые и вызывают монофтонгизацию герм. *ai* в двн. *ô*. Герм. чередование приобретает в данной группе следующий вид: *io* — *ô* — *u* — *o*.

Например:

<i>biotan</i> — <i>bôt</i> — <i>butum</i> — <i>gibotan</i>	<i>предлагать</i> (в последней форме герм. <i>u</i> понижается в <i>o</i> перед <i>a</i> окончания)
<i>giozan</i> — <i>gôz</i> — <i>guzzum</i> — <i>gigozzan</i>	<i>лить</i>
<i>sliozan</i> — <i>slôz</i> — <i>sluzzum</i> — <i>gislozzan</i>	<i>закрывать</i>

У ряда глаголов наблюдается также грамматическое чередование по закону Вернера, ср., например:

<i>siodan</i> — <i>sôd</i> — <i>sutum</i> — <i>gisotan</i> (<i>d</i> — <i>t</i>)	<i>варить</i>
<i>kiosan</i> — <i>kôs</i> — <i>kurum</i> — <i>gikoran</i> (<i>s</i> — <i>r</i>)	<i>выбирать</i>
<i>ziohan</i> — <i>zôh</i> — <i>zugum</i> — <i>gizogan</i> (<i>h</i> — <i>g</i>)	<i>тянуть</i>

К группе IIb относятся глаголы, основа которых оканчивалась на губной или гуттуральный согласный (за исключением герм. *h*) с чередованием *io* — *ou* — *u* — *o*, например:

<i>liogan</i> (южнонем. <i>liugen</i> , совр. <i>lügen</i>) — <i>loug</i> — <i>lugum</i> — <i>gilogan</i>	<i>лгать</i>
<i>biogan</i> — <i>boug</i> — <i>bugum</i> — <i>gibogan</i>	<i>гнуть,</i> <i>наклонять</i>
<i>kriochan</i> — <i>krouch</i> — <i>kruchum</i> — <i>gikrochan</i>	<i>ползть</i>
<i>skioban</i> — <i>skoub</i> — <i>skubum</i> — <i>giskoban</i>	<i>задвигать,</i> <i>толкать</i>
<i>triofan</i> — <i>trouf</i> — <i>trufum</i> — <i>gitrofan</i>	<i>капать,</i> <i>сочиться</i>

К этой группе примыкают также глаголы *lûchan* *закрывать*, *sûfan* *пить*, *sûgan* *сосать*, имеющие в инфинитиве *û*, а во всех остальных формах полностью совпадающие с относящимися к ней глаголами.

К третьему ряду аблаута с германским чередованием *e* (готск. *i*) — *a* — *u* — *i*, например, готск. *hilpan*, *halp*, *hulpum*, *hulpan*, в древненемецком относятся глаголы, у которых непосредственно за гласным основы следует удвоенный носовой, сочетание «носовой (*m*, *n*) + согласный» или «плавный (*l*, *r*) + согласный». В зависи-

мости от этого все глаголы третьего ряда распадаются на две группы. Группу III а составляют глаголы, имеющие в основе удвоенный носовой (*mm, nn*) или сочетание «носовой + согласный», в связи с чем у глаголов данной группы в первой форме наблюдается повышение гласного основы в *i*. Для этой группы характерно чередование *i — a — u — u*. Например:

rinnan	— ran	— runnum	— girunnan	<i>бежать</i>
bintan	— bant	— buntum	— gibuntan	<i>связывать</i>
swimman	— swam	— swummum	— giswumman	<i>плавать</i>
rimpfan	— rampf	— rumpfum	— girumpfan	<i>морищить</i>
singan	— sang	— sungum	— gisungan	<i>петь</i>
trinkan	— trank	— trunkum	— gitrinkan	<i>пить</i>
biginnan	— bigan	— bigunnum	— bigunnan	<i>начинать</i>

(однако имеется и слабый претерит bigonda)

Глаголы, имеющие в основе сочетание «плавный + согласный», входят в группу III б, в которой отсутствует повышение гласного основы в первой форме. В четвертой форме выступает позиционно обусловленное *o*, а все чередование имеет следующий вид: *e — a — u — o*. Например:

werfan	— warf	— wurfum	— giworfan	<i>бросать</i>
geltan	— galt	— gultum	— gigoltan	<i>стоять, иметь значение</i>
sterban	— starb	— sturbum	— gistorban	<i>умирать</i>

Грамматическое чередование по закону Вернера наблюдается у глаголов:

werdan	— ward	— wurtum	— wortan (<i>d — t</i>)	<i>становиться</i>
swelhan	— swalh	— swulgum	— giswoltan (<i>h — g</i>)	<i>глотать</i>

К группе III б относятся также некоторые глаголы, в основе которых имеется группа согласных, однако плавный не следует за гласным основы, но предшествует ему, например:

brestan	— brast	— brustum	— gibrostan	<i>лопаться</i> (совр. bersten)
dreskan	— drask	— druskum	— gidroskan	<i>молотить</i>
flehtan	— flaht	— fluhtum	— giflohtan	<i>плести</i>

К ним примыкает и глагол fehtan *сражаться* (fehtan, faht, fuhtum, gifohtan).

Четвертый ряд аблаута характеризуется общегерманским чередованием *e* (готск. *i*) — *a* — *ē* (зап.- и сев.-герм. *ā*) — *u*. Ср., например, готск. *nīman, nam, nēmum, numans*.

Основную массу глаголов этого класса (группа IV а) в древненемецком составляют глаголы, у которых непосредственно за гласным основы следует простой плавный (*l, r*) или простой носо-

вой (*m, n*). Чередование в этом ряду в древненемецком приобретает следующий вид: *e — a — â — o*, например:

neman	— nam	— nânum	— ginoman	<i>брать</i>
stelan	— stal	— stâlum	— gistolan	<i>воровать</i>
beran	— bar	— bârum	— giboran	<i>рождать</i>
queman	— quam	— quânum	— quoman	<i>приходить</i>
sceran	— scar	— scârum	— giscozan	<i>стричь</i>

Вторую группу (IV b) в четвертом ряду аблаута образуют глаголы, имеющие в основе *hh, ch* (< из герм. *k*), например:

brehhan	— brah	— brâchum	— gibrohhan	<i>ломать,</i> <i>разрушать</i>
sprechan	— sprach	— sprâchum	— gisprochan	<i>говорить</i>
stechan	— stach	— stâchum	— gistochan	<i>колоть</i>

и некоторые другие, а также глагол *treffan* *достигать, касаться* (*traf — trâfum — gitroffan*). Ядром этой крайне немногочисленной группы были глаголы, у которых простой сонорный предшествовал гласному основы (*brehhan*).

В пятом ряду аблаута в древних германских языках чередовались звуки *e* (готск. *i*) — *a* — *ê* (зап.- и сев.-герм. *â*) — *e* (готск. *i*), ср., например: готск. *giban, gaf, gêbum, gibans*. К этому ряду в древненемецком относятся все глаголы, имеющие в первой форме в качестве корневого гласного *e*, а в основе любой согласный, за исключением плавных и носовых, например:

geban	— gab	— gâbum	— gigeban	<i>давать</i>
mezzan	— maz	— mâzum	— gimezzan	<i>измерять</i>
phlegan	— phlag	— phlâgum	— giphlegan	<i>заботиться,</i> <i>ухаживать</i>
tretan	— trat	— trâtum	— gitretan	<i>ступать,</i> <i>подходить</i>
giscehan	— giscah	— giscâhum	— giscehan	<i>происходить</i>
sehan	— sach	— sâhum	— gisehan	<i>видеть</i>

У некоторых глаголов к аблауту присоединяется чередование согласных по закону Вернера, ср., например:

lesan	— las	— lârum	— gileran (<i>s — r</i>)	<i>собирать,</i> <i>избирать,</i> <i>читать</i>
ginesan	— ginas	— ginârum	— gineran (<i>s — r</i>)	<i>спасаться</i>
wesan	— was	— wârum	— (*giweran) ¹ (<i>s — r</i>)	<i>быть,</i> <i>существовать</i>
quedan	— quad	— quâtum	— giquetan (<i>d — t</i>)	<i>говорить</i>

¹ Причастие от глагола *wesan* *быть* в древненемецких памятниках не зафиксировано.

К пятому ряду принадлежит также незначительное количество так называемых *j*-*praesentia*, т.е. глаголов, имевших некогда в основе настоящего времени суффикс *j* (ср. лат. *cario*). У этих глаголов в первой форме гласный основы под влиянием последующего *j* подвергся повышению в *i*, а согласный основы — удвоению, ср., например:

sitzen — saz — sâzum — gisezzan	<i>сидеть</i>
bitten — bat — bâtum — gibetan	<i>просить</i>
liggen — lag — lâgum — gilegan	<i>лежать</i>

В шестом ряду аблаута в древних германских языках, как уже было отмечено, наблюдается качественное чередование *a* — *ô*, ср., например: готск. *graben*, *grôf*, *grôbum*, *grabans*. В древненемецком, в связи со специфическими особенностями развития его фонетической системы, указанное чередование приобретает форму *a* — *uo* — *uo* — *a*.

К шестому ряду аблаута в древненемецком относятся глаголы, имеющие в первой форме в качестве корневого гласного — *a*, а в основе какой-либо, по большей части простой (не удвоенный) согласный, например:

faran — fuor — fuorum — gifaran	<i>ехать,</i> <i>передвигаться</i>
tragan — truog — truogum — gitragan	<i>нести</i>
graban — gruob — gruobum — gigraban	<i>рыть</i>
waskan — wuosk — wuoskum — giwaskan	<i>мыть</i>
wahsan — wuohs — wuohsum — giwahsan	<i>расти</i>
stantan — stuont — stuontum — gistantan	<i>стоять</i>

Чередование по закону Вернера реализуется в формах глагола *slahan* *бить* (совр. *schlagen*) — *sluog* — *sluogum* — *gislagan* (*h* — *g*). Незначительное количество *j*-*praesentia* шестого ряда имеют в основе настоящего времени умлаут *a* в *e*, а также связанные с последующим *j* изменения корневого согласного, ср., например, наиболее часто употребительные:

skephen — skuof — skuofum — giskaffan	<i>творить,</i> <i>создавать,</i> <i>черпать</i>
swerien — swuor — swuorum — gisworan	<i>клясться</i>
heffen — huob — huobum — gihaban	<i>поднимать</i>

Глаголы седьмого ряда аблаута (в готском — глаголы с удвоением) в древненемецком вначале распадались на две группы, в зависимости от вокализма основы претерита. Ввиду весьма разнообразного вокализма и консонантизма первой формы трудно установить какие-либо определенные признаки глаголов, относящихся к данному ряду.

К группе VIIa относятся глаголы, имеющие в основе претерита дифтонг *ia, ie* (из герм. \bar{e}_2). В первой и четвертой формах в качестве корневого гласного в этой группе выступают *a, á* и *ei*, в связи с чем различаются несколько подгрупп:

а) глаголы с корневым гласным *a* со следующим за ним удвоенным *ll, nn* или сочетанием «*l, n* + согласный», например:

fallan	— fiel	— fielum	— gifallan	<i>падать</i>
spannan	— spien	— spienum	— gispannan	<i>натягивать, напрягать</i>
haltan	— hielt	— hieltum	— gihaltan	<i>держать</i>
gangan	— gieng	— giengum	— gigangan	<i>идти</i>
fāhan (*fanhan)	— fieng	— fiengum	— gifangan	<i>ловить, схватывать</i>
hahan (*hanhan)	— hieng	— hiengum	— gihangan	<i>висеть</i>

б) глаголы с корневым гласным *á*, например:

rātan	— riet	— rietum	— girātan	<i>советовать</i>
slāfan	— slief	— sliefum	— gislāfan	<i>спать</i>
lāzan	— liez	— liezum	— gilāzan	<i>заставлять, велеть, допускать</i>
brātan	— briet	— brietum	— gibrātan	<i>жарить</i>
bāgan	— bieг	— bieгum	— gibāgan	<i>бороться</i>

в) глаголы с дифтонгом *ei*, например:

heizan	— hiez	— hiezum	— giheizan	<i>называться, быть назван- ным</i>
skeidan	— skied	— skiedum	— giskeidan	<i>отделять, разделять, спорить</i>
meizan	— miez	— miezum	— gimeizan	<i>резать</i>

Группу VIIb составляет незначительное количество глаголов, имевших в претерите дифтонг *eo, io* (из герм. *eu*), который в конце древневерхненемецкого периода превращается в *ie*, например:

loufan	— (liof) lief	— liefum	— giloufan	<i>бежать</i>
stōzan	— (stioz) stiez	— stiezum	— gistōzan	<i>толкать</i>
ruofan	— (riof) rief	— riefum	— giruofan	<i>кричать</i>

Необходимо, однако, отметить, что о двух группах глаголов седьмого ряда аблаута можно говорить лишь применительно к началу древневерхненемецкого периода, в то время как в конце этого периода в результате совпадения *ia* (из e_2) и *io* (из *eu*) в *ie* всякое различие между ними по существу стирается.

3. Вокализм безударных и слабуударных слогов

Гласные безударных слогов, а также слогов, находящихся под второстепенным ударением, в древненемецком менее устойчивы по сравнению с гласными, на которые падает главное ударение в слове. Это к концу древневерхненемецкого периода приводит к ослаблению их в *e*, а в ряде случаев и к полному выпадению.

Гласные безударных и слабуударных слогов обычно подразделяются на три группы: а) гласные конечных слогов, б) гласные срединных слогов и в) гласные префиксов (а соответственно и проклитически употребляемых безударных предлогов).

Ранее всего подверглись ослаблению гласные префиксов (соответственно безударных предлогов), предшествовавших сильноударным слогам. Из гласных слогов, следовавших за сильноударными, гласные конечных слогов оказались более устойчивыми, чем гласные срединных слогов.

а) Гласные конечных слогов

В конечных слогах в древневерхненемецкий период могли выступать гласные *a*, *e*, *i*, *u* (как краткие, так и долгие), ср., например: *geba дар*, *brûchen пользоваться*, *gesti чужеземцы*, *гости*, *lango долго*, *vuîgu огнем*, *gebâ дары*, *habên иметь*, *tiufî глубина*, *korôn испытывать*, *искушать*, *sunnûn* (род. пад. от *sunna*) *солнца*. Из дифтонгов в конце слова встречался лишь *iu*, ср., например, *blintiu слепая*.

Дальнейшее развитие перечисленных простых и сложных гласных в известной мере зависело от того, находились ли они в абсолютном исходе слова («незащищенная» позиция) или же за ними следовали какие-либо согласные («защищенная» позиция).

На протяжении IX в. гласные конечных слогов оказываются достаточно устойчивыми, сохраняясь в основном в том же состоянии, в каком мы застаем их во второй половине VIII столетия. Лишь с начала X в. их редукция в *e* становится все более и более интенсивной, что приводит позднее (в XI в.) к широкому распространению редуцированного *e*.

Ранее всего редукции в *e* подверглись конечнослоговые краткие гласные в «защищенной» позиции, в то время как «незащищенные» краткие гласные, а также «защищенные» долгие гласные сопротивляются ей дольше. Особенно хорошо данное состояние конечнослоговых гласных отражено в произведениях Ноткера, для которых можно установить следующее правило¹:

1) гласные в абсолютном исходе сохраняются (ср.: *vriuntlichu дружественно*, *chûnunga короли*, *ladeta пригласил*), лишь краткое *i* редуцируется в *e* (ср. *liute < liuti народы*), в то время как краткое *u* понижается в *o* (ср. *erdo < erdu земле*);

¹ См. об этом: *Braune W., Helm K. Althochdeutsche Grammatik.* — S. 52.

2) все краткие гласные в «защищенной» позиции превращаются в *e* (ср.: *uuesen быть, vagen идти, передвигаться*), все же долгие сохраняются и часто пишутся с циркумфлексом (ср.: *máchôn делать, nefûogin не пошли бы*).

Хотя результатом ослабления конечнослоговых гласных было *e*, в отдельных древненемецких памятниках можно найти изображение редуцированного гласного посредством *i*, которое особенно часто встречается в баварских и позднеалеманских памятниках.

б) Гласные срединных слогов

В срединных слогах различают «тяжелые» и «легкие» гласные. «Тяжелыми» называются долгие срединнослоговые гласные, а также гласные, «защищенные» группой согласных. Они несли на себе второстепенное ударение и в древненемецком были мало подвержены колебаниям (ср., например: *habêta имел, salbôta смазал, manunga напоминание, steinohti груда камней* и др.).

«Легкие», т. е. краткие срединнослоговые гласные, напротив, обнаруживают множество различных колебаний и испытывают редукцию в *e* раньше, чем гласные конечных слогов (в особенности это характерно для многосложных слов).

Довольно широко распространена ассимиляция кратких гласных срединных слогов. В качестве ассимилируемого гласного по большей части выступает *a*, ассимилирующего — гласный окончания, значительно реже корневой гласный, ср., например: *heidinisc языческий* от *heidan язычник*, *keiseres* род. пад. от *keisar император*, *wuntorôn удивляться* от *wuntar чудо*, *bruodorôn побрататься* от *bruader брат*, *gicorone* дат. пад. от *gicoran избранный* и т. п. Ассимилирующему воздействию окружающих гласных был особенно подвержен неустойчивый вторичный гласный (*a* или *o*), возникавший в ряде случаев между плавными (*r*, *l*) и *h*, а также перед *w* в сочетаниях *rw* и *lw*, ср., например, *bifelhan* — *bifelahan повелеть*; формы единственного числа настоящего времени: I лица *bifiluhu*, III лица *bifilihit* и т. п.

Следует, однако, отметить, что ассимиляция не носит достаточно последовательного характера.

Палатальная перегласовка срединнослогового краткого *a* в древневерхненемецком встречается крайне редко (ср. *gebenti* < *gebanti дающей*).

Выпадение (синкопирование) срединнослоговых гласных, весьма распространенное в западногерманских языках после долгого корневого слога, в древненемецком последовательно проявляется лишь по отношению к краткому *i* в форме претерита долгосложных слабых глаголов первого класса (ср.: краткосложный глагол *perien спасать* — *perita спас*, но долгосложный *hören слышать* (*-en* < **-jan*) — *hôrta слышал* и т. п.).

В конце древневерхненемецкого периода учащаются случаи выпадения гласных после плавных (*r*, *l*), в особенности если послед-

ним предшествовал краткий гласный, ср. у Ноткера *gemálneto нарисованному*, *verlórnez потерянное*, *ervárnêr опытный, знающий* и т. п.

в) Гласные префиксов

У односложных префиксов и этимологически соотносящихся с ними предлогов с древнейших времен наблюдаются существенные колебания в вокализме. Причиной данных колебаний являлся, по-видимому, проклитический характер их употребления. Однако наряду с проклитическими безударными формами префиксов в древненемецком выступали также ударные, обладающие устойчивым, закрепившимся вокализмом.

Безударными, а потому и колеблющимися в своем вокализме, были глагольные префиксы. В то же время именные префиксы, находящиеся под ударением, подобных колебаний не обнаруживают (ср., например, различия в вокализме совр. *ertéilen* и *Úrteil*). Лишь префикс *ga-* оставался безударным и в отглагольных и в отыменных образованиях.

Безударным предлогам также соответствовали ударные наречные формы.

Префикс *ga-* в древненемецком сравнительно рано (к концу IX в.) приобретает звуковой облик *gi-*. Долше всего старая форма *ga-* наряду с *gi-* удерживается в алеманском (до начала IX в.) и в особенности в баварском (до середины IX в.) диалектах. Впоследствии *gi-* развивается в *ge-*, которое преобладает уже в XI в. и представляет окончательную звуковую форму данного префикса.

Аналогичные изменения претерпел и префикс *za-*, прошедший в то же время, что и *ga-*, ступени *zi-* и *ze-*. Наряду с *za-*, *zi-*, *ze-* в южнонемецких диалектах встречались и формы *zar-*, *zir-*, *zer-*.

Безударный предлог *za* (совр. *zu*) к концу древненемецкого периода также преобразовался в *ze*, пройдя промежуточную ступень *zi*.

Префикс *ant-*, находившийся в отыменных образованиях под ударением и сохранивший в них свое *a-* (ср.: *antwurti ответ*, *antlaz отпущение* и т. п.), в отглагольных образованиях сравнительно рано редуцировался во всех диалектах в *int-*, *in-* (ср.: *intlâzan отпустить*, *infâhan принимать*). Данная форма преобладает на всем протяжении рассматриваемого периода.

Префикс *ur-*, прочно закрепившийся в отыменных образованиях в своей первоначальной звуковой форме (ср.: днв. *urteil приговор*, *суждение* и совр. *Urteil*, *Urkunde*), в глаголах давно утратил последнюю. Форма *ur-* в глаголах встречается в самых древних южнонемецких памятниках. Первым результатом редукции явилось *ar-*, широко распространенное в ранних древненемецких памятниках. На протяжении IX в. *ar-* постепенно вытесняется встречавшейся уже в VIII в. формой *ir-*, *er-*.

Префикс *fur-*, *for-*, соотносящийся в древневерхненемецкий период с предлогами *furi* и *foa*, редуцировался сначала в *far-* и лишь впослед-

ствии в *fir-, fer-*, распространившиеся с конца IX в. во всех диалектах. Следует отметить, что форма *far-* была более характерна для южно-немецких диалектов, в то время как во франкских преобладали формы *fur-, for-* (восточнофранкский) и *fir-, fer-* (рейнскофранкский).

Префикс *bi- (pi-)* наряду с данной формой имел в VIII—IX вв. также (встречающуюся лишь изредка) форму *be- (pe-)*. Форма *be- (pe-)* начинает все более и более распространяться с X в., а затем закрепляется окончательно.

ГЛАВА III МОРФОЛОГИЯ

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Морфология представляет собой раздел грамматики, изучающий изменение слов в предложении. В морфологии исследуются образование, изменение и значение грамматических форм языка. Грамматические формы языка могут быть образованы разными способами. Обычно различают синтетическое, аналитическое и супплетивное формообразование.

Средствами синтетического формообразования являются аффиксация и чередование звуков. Для немецкого языка в древний период его развития наиболее характерно образование грамматических форм при помощи суффиксов.

Так, прошедшее время слабых глаголов образуется при помощи денгального суффикса *-t-* (*lobôn хвалить* — *lobôta хвалил*), причастие настоящего времени образуется при помощи суффикса *-nt-*, для образования форм опатива служит суффикс *-î*, инфинитив сильных глаголов имеет суффикс *-an*, инфинитив слабых глаголов — суффиксы *-en, -ôn, -ên* и т. д.

Префиксация, напротив, крайне ограничена. Существует лишь один префикс, участвующий в формообразовании, — префикс *gi-, ge-* (ср. причастия прошедшего времени: *gimachôt* от *machôn* *делать*, *gipotan* от *petan* *брат* и т. п.).

Помимо суффиксации, или так называемой внешней флексии, в древненемецком значительно развита также внутренняя флексия, т. е. чередование звуков. Различается чередование гласных и чередование согласных звуков. Следует отметить, что последнее всегда имело для немецкого языка меньшее значение. Аблаут, умлаут, повышение *e* в *i*, понижение *u* в *o* — все это разные виды чередования гласных, выполняющие определенные грамматические функции. Супплетивизм наблюдается в системе формообразования личных местоимений (ср.: *ih я, tîn меня, wir мы*), в системе образования степеней сравнения имен прилагательных и наречий (ср.: *guot хорошо, baz*

лучше), у глагола *wesan* *быть*, формы которого восходят к трем разным корням: индоевр. корень *es — s* (*ist, sind*), индоевр. корень *bhu* — русск. *быть*, лат. *fuī* (ср. *bim, birut*) и корень *wes* (ср.: *wesen, was, wārun*).

Аналитическое формообразование в древненемецкий период не было развито и находилось еще в стадии зарождения.

Способы формообразования рассматриваются в морфологии в соответствии с лексико-грамматическими разрядами слов — частями речи. Изучение истории языка свидетельствует о большой устойчивости частей речи.

Так, в немецком языке в древний период его развития представлены в основном те же классы слов¹, что и в современном немецком языке, а именно: знаменательные части речи:

I. Имена: 1) существительное, 2) прилагательное, 3) числительное; II. Местоимение; III. Глагол; IV. Наречие; служебные слова или частицы речи: 1) предлоги, 2) союзы, 3) частицы; модальные слова и частицы; междометия.

Однако устойчивость системы в целом не означает неизменности взаимоотношений и связей между отдельными ее частями, равно как и неизменности их состава. Ср., например, более тесную связь в отношении формообразования между прилагательными и существительными в древности; ср. также группы наречий в современном немецком языке и в древности.

2. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Для имени существительного, как и для системы имени в целом, весьма характерны три грамматические категории: род, число, падеж. В немецком языке в древний период его развития (как и в других древнегерманских языках) различались роды: мужской, женский и средний.

Кроме того, в древненемецком (как и в других древнегерманских языках) имелось два числа — единственное и множественное. Лишь у личных местоимений сохранились пережиточные формы двойственного числа, которые впоследствии бесследно исчезли.

В древненемецком языке было четыре падежа: именительный, родительный, винительный, дательный (с которым в германских языках в глубокой древности совпали инструментальный и местный падежи, а также аблатив). Инструментальный падеж сохраняется частично и впоследствии исчезает.

Формы словоизменения имен существительных в древневерхненемецкий период образовывались путем присоединения к корню

¹ Классификация лексико-грамматических разрядов слов дается в соответствии со схемой акад. В. В. Виноградова. См.: *Виноградов В. В.* Русский язык. — М., 1947. — С. 42—43.

или производной основе падежных окончаний, т. е. обладали двучленной структурой. Между тем система склонения в целом, как и отдельные типы склонений, несомненно носила следы значительно более ранних особенностей, типичных для древних индоевропейских языков.

Известно, что формы словоизменения имен существительных в древних индоевропейских языках характеризовались трехчленной структурой: между корнем и падежным показателем имелся еще особый основообразующий суффикс, обладавший, по-видимому, некогда определенным словообразовательным значением.

Имена существительные распределялись по склонениям в зависимости от характера основообразующего суффикса, а также от его наличия или отсутствия.

Следы указанного распределения весьма отчетливо выступают в немецком языке в древний период его развития. Так, внутри системы склонения наблюдается противопоставление основ, оканчивавшихся ранее на гласный, и основ, оканчивавшихся ранее на согласный. Кроме того, хотя и в незначительном количестве, представлены так называемые корневые имена существительные, у которых падежное окончание присоединялось непосредственно к корню.

Из основ, оканчивающихся на согласный, в древненемецком наиболее многочисленны основы на *-n*. Склонение основ на *-n* со времени деятельности Я. Гримма получило название слабого склонения, склонение основ на гласный именуется сильным склонением.

В зависимости от основообразующего гласного различаются: склонение основ на *-a*, *-ô*, *-i*, *-u* (последнее в древненемецком находится в состоянии распада). Склонения основ на *-a* и *-ô* можно объединить в сравнительно однородную группу, которой противопоставит склонение основ на *-i*.

А. СИЛЬНОЕ СКЛОНЕНИЕ

1. Склонение основ, оканчивающихся на *-a*

К этому склонению принадлежали имена существительные мужского и среднего родов, основа которых оканчивалась на *-a*. В древних индоевропейских языках этому склонению соответствует склонение основ, оканчивающихся на *-o* (ср. латинское второе склонение, например: лат. *lupus волк* < древн. *lupos; dōnum дар* < древн. *donōm*).

Следует различать чистые основы на *-a* и основы, где гласному *-a* предшествует *i* или *ϰ*, так называемые основы на *-ja* и основы на *-wa*.

а) Чистые основы на -а

Мужской род: tag *день*; средний род: wort *слово*, lamb *ягненок*

Мужской род

<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
Им. tag	taga, (-â)
Род. tages, (-as)	tago
Дат. tage, (-a)	tagum, -om; -un, -on
Вин. tag	taga, (-â)
Инстр. tagu, -o	

Средний род

<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
Им. wort	wort
Род. wortes, (-as)	worto
Дат. worte, (-a)	wortum, -om; -un, -on
Вин. wort	wort
Инстр. wortu	

Средний род

<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
Им. lamb	lembir
Род. lambes	lembiro
Дат. lambe	lembirum, -un; -om, -on
Вин. lamb	lembir
Инстр. lambu, -o	

Как показывает данная парадигма, формы словоизменения имен существительных в древненемецком характеризуются двучленной структурой¹. Элемент основы в преобладающем большинстве форм (там, где он не отпал вовсе) либо прочно спаян с падежным окончанием и составляет с ним единое, нераздельное целое, либо же сам превратился в падежный формант. Во множественном числе сохранившийся элемент основы уже в этот период начинает переосмыс-

¹ Древняя трехчленная структура словоизменительной формы (корень + основообразующий суффикс + падежное окончание) вскрывается лишь в сравнении с другими древнегерманскими и древними индоевропейскими языками.

Так, для именительного падежа единственного числа мужского рода характерно было окончание индоевр. *-os, состоящее из элемента основы *o* (герм. *a*) и показателя именительного падежа -s, ср., например: греч. lukos, др.-инд. vṛkah, лит. vilkas, лат. lupus *волк*.

В древних германских языках этому окончанию должно было соответствовать *-az (*wulfaz *волк*, *dagaz *день*), что подтверждается материалами древнейших из них, ср., например, др.-сканд. dagaR, готск. dags, wulfs. В западногерманской группе языков конечное -z отпадало, вслед за ним отпадало и *a* краткое в абсолютном исходе слова. В древненемецкой форме именительного падежа (tag) мы не находим уже ни старого индоевропейского элемента основы, ни древнего показателя именительного падежа.

латься как суффикс, служащий для образования множественного числа.

Особенности развития падежных формантов в течение древневерхненемецкого периода. Прежде всего необходимо отметить, что вместо окончаний родительного и дательного падежей единственного числа *-es* и *-e* в древненемецком с конца IX в. появляются окончания *-as*, *-a*, которые в особенности характерны для баварского диалекта, но встречаются также и в других диалектах.

Окончание инструментального падежа *-i* со второй половины IX в. вытесняется более поздним *-o*.

В именительном падеже множественного числа у Ноткера наряду с формами на *-a* неоднократно встречаются формы на *-â*, что заставляет сделать предположение о долгом варианте данного окончания в алеманском диалекте.

В дательном падеже множественного числа наиболее древней являлась форма *tagum*. В IX в. преобладают формы на *-in* и *-on*, причем *-in* более показательно для южнонемецких, *-on* — для франкских диалектов.

Подобно слову *tag* в древненемецком склонялись и многие другие существительные мужского рода: 1) односложные, например, *berg гора*, *weg дорога, путь*, *ring кольцо*, *scalk слуга*, *geist ум, дух*, *nît гнев*; 2) дву- (и более) сложные, например, *felis скала*, *truhtin господин*; 3) производные с суффиксом *-il* (в особенности обозначения инструментов), например, *sluzziл ключ*, *leffil ложка*, *gurtil пояс*, а также *nomina agentis*, например, *butil палач*, *wartil сторож*; 4) производные с суффиксом *-ing*, например, *kuning король*, *ediling человек благородного происхождения*, *phenting название монеты* и др.

Так же склоняются и многочисленные имена собственные, оканчивающиеся на согласный. Лишь в винительном падеже единственного числа они имеют местоименное окончание *-an*. (*Hartmuotan*, *Werinbrahtan*.) Иностранные имена склоняются, как немецкие, ср. им. *Petrus*, род. *Petruses*, дат. *Petruse*, вин. *Petrusan*.

Как слово *wort*, в древненемецком языке склонялись многие существительные среднего рода: 1) односложные, например, *barп дитя*, *fel шкура*, *mex, jár год*, *sêr боль*; 2) многосложные, например, *houbit голова, глава*, *îsarn железо*, *honag мед*, *fuir огонь*; 3) абстрактные существительные с суффиксом *-sal*, например, *knuosal род, поколение*; 4) уменьшительные производные с суффиксами *-in*, *-lîn*: *kindilîn дитяtko*, *magatîn девочka*.

В древненемецком языке часть имен существительных среднего рода образует множественное число подобно слову *lamb* (т.е. путем прибавления суффикса *-ir*). С течением времени количество таких имен существительных увеличивается, хотя у некоторых из них наряду с формой на *-ir* сохранялась и старая форма множественного числа без *-ir* (типа *wort*).

Особенно прочно *-ir* удерживается в некоторых словах — названиях животных, ср. *lamb* *ягненок*, *kalb* *теленка*, *huon* *курица*, *farh* *свинья*, *porosenok*.

Постоянно множественное число с суффиксом *-ir* встречается у *eī jājco*, *gīs ветка*, *blat лист* и некоторых других имен существительных. Множественное число на *-ir* преобладает также у следующих широко употребительных слов, имеющих и краткую форму множественного числа: *gad колесо*, *grab могила*, *loub листва*, *krūt трава*, *bret доска* и некоторых других. Форма на *-ir* наряду с краткой встречается так же от слов *hâg волосы*, *loh дыра*, *holz древесина*, *bant оковы*, *узы*, *feld поле*, *hûs дом*, *tal долина*, *lid член (тела)*, *конечность*, *сустав* и др.

Окончание *-ir* вызывает умлаут корневого гласного, ср. *lamb* — *lambig* и др.

Первоначально указанный способ образования множественного числа был свойствен лишь существительным среднего рода, принадлежавшим ранее к основам на *-*es/-*os* (типа лат. *genus*, род. — *generis*, русск. *небо* — *небеса*), причем элемент основы герм. *-ir (-ar)* распространялся на всю парадигму. Лишь после исчезновения в именительном падеже единственного числа по законам конца слов и устранения по аналогии во всех других падежах единственного числа данный основообразующий элемент был воспринят как суффикс множественного числа.

б) Основы на *-ja*

Мужской род: *hirti настух*; средний род: *kunni род, племя*

Мужской род

<i>Единственное число</i>		<i>Множественное число</i>
Им.	<i>hirti</i>	<i>hirte, hirta, (-â)</i>
Род.	<i>hirtes</i>	<i>hirteo, -io, hirtio</i>
Дат.	<i>(hirtie), hirtie</i>	<i>hirtum, -un, -on; hirtim, -in</i>
Вин.	<i>hirti</i>	<i>hirte, hirta, (-â)</i>
Инстр.	<i>hirtiu; hirtu, -o</i>	

Средний род

<i>Единственное число</i>		<i>Множественное число</i>
Им.	<i>kunni</i>	<i>kunni</i>
Род.	<i>kunnes</i>	<i>kunneo, -io, kunno</i>
Дат.	<i>(kunnie), kunne</i>	<i>kunnum, -un, -on; kunnim, -in</i>
Вин.	<i>kunni</i>	<i>kunni</i>
Инстр.	<i>kunniu, kunnu, -o</i>	

Приведенные парадигмы свидетельствуют о том, что основы на *-ja*, как и чистые основы на *-a*, характеризуются двучленной структурой форм словоизменения. Следы старого основообразующего суффикса с *-j-* можно найти еще в именительном и винительном

падежах единственного числа среднего и мужского рода, а также в именительном и винительном падежах множественного числа среднего рода в виде *-i-*, во всех же других формах оно уже в древнейший период развития имело тенденцию к исчезновению¹.

Необходимо отметить, что в именительном и винительном падежах множественного числа мужского рода формы на *-e* (*hirte*) являются более ранними и встречаются чаще всего в источниках VIII в. (*-e < -a* под влиянием предшествовавшего *-j*).

Позднее их вытесняют формы, оканчивающиеся на *-a* (*hirta*), образованные по аналогии с чистыми основами на *-a*.

В дательном падеже множественного числа мужского и среднего родов появляются формы *hirtim* и *kunnim* по аналогии с основами на *-i*.

Однако наряду с ними наличествуют и другие формы (на *-um*, *-un*, *-on*). Относительно распределения этих форм по диалектам следует отметить, что для баварского и алеманского диалектов в мужском роде характерны формы на *-um*, *-un*, *-on*, в то время как во франкских выступают формы на *-im*, *-in*.

Для среднего рода наблюдается иная картина: *-im*, *-in* характерны для баварского, алеманского и франкского.

В баварском и алеманском как исключения встречаются также формы на *-um*, *-un*.

Подобно *hirti* склоняются многие другие существительные мужского рода:

1) оканчивающиеся в именительном падеже единственного числа на *-i*, например: *rucki спина*, *weizi тиеница*, *hirsî просо*, *kâsi сыр*, *phuzzi колодезь*, *лужа* и др.;

2) большое количество названий действующих лиц, образованных при помощи суффикса *-âri*, например: *buochâri книжник*, *fiskâri рыбак*, *zuhtâri воспитатель*, *luginâri лжеец* и др.

К ним примыкают патронимические образования на *-âri*: *Beiâri баварец*, *Româri римлянин* и др., а также заимствованные из латинского языка слова с конкретным значением, имеющие в своем составе данный суффикс: *altâri алтарь*, *karâri темница* и др.

Подобно слову *kunni*, склоняются многие существительные среднего рода:

1) оканчивающиеся в именительном падеже единственного числа на *-i*, например: *betti постель*, *enti конец*, *arbi (erbi) наследство*, *gîchi империя*;

2) многочисленные имена собирательные с приставкой *gi-*, например: *gibirgi горы*, *giwâti одежда*, *gizungi язык*, *gibeini скелет*, *мощи*;

¹ После *r* при наличии краткого корневого слога *-j-* удерживается в древне-немецком дольше, чем в других положениях. Поэтому в таких словах, как *heri*, *berî*, формы с *-j-* регулярно встречаются даже в IX и X вв.

3) абстрактные существительные, образованные при помощи суффикса *-nissi*, например: *wârnissi* *истина, правда*, *firstandnissi* *разумение* и др.

в) Основы на *-wa*

Мужской род: *lêo холмик, могила*; средний род: *hogo грязь*.

Мужской род

Единственное число		Множественное число
Им.	<i>lêo, lê</i>	<i>lêwa, (-â)</i>
Род.	<i>lêwes</i>	<i>lêwo</i>
Дат.	<i>lêwe</i>	<i>lêwum, -un, -on</i>
Вин.	<i>lêo, lê</i>	<i>lêwa, (-â)</i>

Средний род

Единственное число		Множественное число
Им.	<i>horo</i>	<i>horo</i>
Род.	<i>horwes, horawes</i>	<i>horwo, horawo</i>
Дат.	<i>horwe, horawe</i>	<i>horwum, horawum, -un, -on</i>
Вин.	<i>horo</i>	<i>horo</i>

Основы на *-wa* охватывают лишь крайне незначительное количество слов мужского и среднего рода.

-w- основообразующего элемента преобразуется в конце слова в *-o*. Во всех остальных формах падежные окончания не обнаруживают каких-либо существенных отличий от чистых основ на *-a*. Слова, в которых *-w-* основы следует за гласным *ê* (ср., например, такие слова мужского рода, как: *lêo, snêo снег, sêo море, озеро, klêo клевер* и слова среднего рода *gêo чрево, трун, wêo боль, knêo колено*), утрачивают его на протяжении IX столетия, в результате чего возникают формы *lê, snê, klê, rê, wê* и т. п.

Если же *-w-* основы следует за согласным (например, *hogo*), то в косвенных падежах между *r* и *w* возникает эпентетический гласный (ср. *horawes*). Конечное *-o* в подобных словах не утрачивалось, ср., например: слова мужского рода *balo зло, порок, skato тень, hago лен* и слова среднего рода *hogo, melo мука, sago вооружение*.

Таким образом, внутри склонения основ на *-a* наблюдаются три подгруппы, между которыми имеются как сходные черты, так и различия. И те и другие не остаются без последствий в дальнейшей судьбе имен существительных, принадлежащих к данному склонению. В их будущей перегруппировке весьма существенную роль сыграли различия в оформлении именительного и винительного падежей единственного числа. Для основной массы существительных, склоняющихся по данному типу (чистые основы на *-a*), характерно отсутствие какого-либо окончания в названных падежах.

С ними объединяются в данном отношении те основы на *-wa*, у которых в именительном и винительном падежах единственного числа модифицированное *-w-* основы (*-o*) отпало вовсе (ср. *sê*, нвн. *See* и др.). Им противостояли основы на *-ja* и некоторые основы на *-wa*, имевшие в именительном и винительном падежах единственного числа окончания *-i* или *-o*. Наличие указанных окончаний и обусловило впоследствии тенденцию к переходу подобных существительных в другие классы склонений, их притяжение и ассимиляцию другими типами.

2. Склонение основ, оканчивающихся на *-ô*

К данному склонению принадлежали существительные женского рода, представлявшие как бы известную параллель к рассмотренным выше существительным мужского и среднего родов с основой на *-a*.

Внутри данного класса первоначально различались чистые основы на *-ô* и основы на *-jô*, однако с середины IX в. и те и другие полностью совпали в своих падежных окончаниях. Бывшие основы на *-wô* уже в древневерхненемецкий период ничем не отличались от чистых основ на *-ô*.

Так как *ô* в древних германских языках соответствовало индоевропейскому *ā*, то рассматриваемое склонение иногда называют склонением на *-ā* (ср.: греч. *chōgā* час; лат. *mensa* стол < древн. *mensā*; русск. *рука*).

а) Чистые основы на *-ô*

geba dar

	<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
Им.	<i>geba</i>	<i>gebâ</i>
Род.	<i>geba, (gebu, -o)</i>	<i>gebôno</i>
Дат.	<i>gebu, -o</i>	<i>gebôm, -ôn, -on</i>
Вин.	<i>geba</i>	<i>gebâ</i>

Приведенные в данной парадигме падежные окончания и их варианты нуждаются в некоторых пояснениях.

Окончание дательного падежа единственного числа *и* регулярно встречается еще на протяжении IX столетия, однако начиная с X в. появляется форма с окончанием *-o*.

В древний период заметна также тенденция к выравниванию дательного и родительного падежей единственного числа, которая выражается в проникновении форм дательного падежа в родительный.

Необходимо указать, что окончание родительного падежа множественного числа *-ôno*, широко распространенное в древнемецком, в IX в. в южнонемецких диалектах ослабляется в *-ône*, а затем

после утраты конечного *-e* в *-ôn*. Во франкских диалектах, напротив, *ô* рано утрачивает долготу, в результате *-ôno* развивается в *-ono*, затем в *-epo*, *-ene* и, наконец, в *-en*.

Подобно слову **geba**, склонялось значительное количество существительных женского рода: 1) оканчивающихся в именительном падеже единственного числа на *-a*, например: *erda земля*, *beta молитва*, *êra честь*, *lêra учение, наука*, *zala число*, *wamba тело*, *fehtha сражение*, *slahta род, вид*, *triuwa верность*, *farawa краска*; 2) многочисленных производных с суффиксом *-unga*, ср., например: *manunga напоминание*, *zilunga поспешность*, *kogunga искушение*, *samanunga собрание* и др.; 3) производных от имен прилагательных, имеющих отвлеченное значение, образованных при помощи суффикса *-ida*, ср., например: *reinida чистота*, *hertida жестокость*, *srahida мудрость*, *gemeinida общность* и др.

б) Основы на *-jô*

sunte грех; kuningin королева

	Единственное число	Множественное число
Им.	<i>sunte; suntea, -ia; sunta</i>	<i>sunte; suntea, -ia, suntâ</i>
Род.	<i>sunte; suntea, -ia; sunta</i>	<i>sunteono; suntôno</i>
Дат.	<i>suntiu; suntu</i>	<i>sunteom; suntôm, -ôn</i>
Вин.	<i>sunte; suntea, -ia; sunta</i>	<i>sunte; suntea; -iâ; suntâ</i>
Им.	<i>kuningin</i>	<i>kuninginnâ</i>
Род.	<i>kuninginna</i>	<i>kuninginnôno</i>
Дат.	<i>kuninginnu</i>	<i>kuninginnonôm, -ôn</i>
Вин.	<i>kuninginna; (-in)</i>	<i>kuninginnâ</i>

Выделенная парадигма от *sunta* представляет регулярные формы IX в., которые ничем не отличаются от падежных форм чистых основ на *-ô*, ср. *geba*. Формы, размещенные в таблице перед ними, предшествуют им исторически и встречаются в глоссах VIII в. и в памятниках, относящихся к началу IX в., однако утрачиваются на протяжении IX в. Существительные женского рода, имевшие некогда в качестве словообразующего элемента *-jô*, с этого времени, вследствие их формального совпадения с чистыми основами на *-ô*, можно опознать в ряде случаев лишь благодаря наличию умлаута, ср., например: *gera лоза, прут* (более раннее *gardea*), *geda речь* (более раннее *radia*) и т. п. Многие из них приобретут умлаут корневого гласного только в средневерхненемецкий период, ср., например: днв. *brunna броня* — свн. *brünne*; днв. *hutta хижина* — свн. *hütte* и др. Некоторые из бывших основ на *-jô* имеют в корне удвоенный согласный, что также может в известной степени служить их опознавательным знаком, ср., например: *sirra родня*, *minna любовь*, *krirra ясли (для корма)*. Подобно *kuningin* склонялись все существительные женского рода, образованные от соответствующих основ мужского рода при помощи суффикса герм. **-injô*, днв. *-in*,

например: got *бог* — gutin *богиня*; friunt *друг* — friuntin *подруга*; wirt *хозяин* — wirtin *хозяйка*; affo *обезьяна-самец* — affin *обезьяна-самка* и др.

3. Склонение основ, оканчивающихся на *-i*

По данному типу склонялись существительные мужского и женского родов. В древних индоевропейских языках существительные мужского и женского рода с основами на *-i* имели полностью совпадающие окончания (ср., например: лат. *hostis чужеземец, враг; turis башня*). Однако в древних германских языках основы на *-i* мужского рода весьма рано подвергаются воздействию аналогии основ мужского рода на *-a*, в связи с чем для древненемецкого возникает необходимость рассматривать мужской и женский род в отдельности.

а) Основы на *-i* мужского рода

gast чужеземец, гость

	<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
Им.	<i>gast</i>	<i>gesti</i>
Род.	<i>gastes</i>	<i>gesteo, -io; gesto¹</i>
Дат.	<i>gaste</i>	<i>gestin, -in, -en</i>
Вин.	<i>gast</i>	<i>gesti</i>
Инстр.	<i>gastiu, gestiu, gastu¹</i>	

Подобно *gast*, склонялось довольно большое количество существительных мужского рода, ср.: *ast сук, liut народ, balg мех, шкура, bah ручей, scaft копье, wurm червь, zahar слеза, arhul яблоко*, а также бессуффиксальные производные от глагольных основ со значением имени действия, например: *scrit шаг, slag удар, wurf бросок* и др.

Совпадение падежных форм единственного числа с соответствующими падежными формами основ на *-a* свидетельствовало о воздействии на них форм более широко представленного склонения основ на *-a* и способствовало дальнейшей перестройке имевшейся в древневерхненемецкий период системы склонений.

В отличие от других древних германских языков, где различаются краткосложные и долгосложные основы на *-i* (в частности, от древнесаксонского и древнеанглийского), в древневерхненемецком названные основы четко не разграничиваются.

Большинство краткосложных основ примкнуло к долгосложным, утратив конечное *-i* (ср.: двн. *slag*, др.-сакс. *slegi*, др.-англ. *slege*). Лишь крайне незначительное количество бывших краткосложных

¹ Формы *gastu* и *gesto* являются постоянными для IX в., в то время как в VIII и начале IX в. встречаются формы, размещенные в таблице перед ними.

основ на *-i* сохранило в древневерхненемецком в именительном падеже единственного числа *-i* основы, например, *wini друг*, *gisi великан*, *quidi высказывание* и некоторые другие. Их парадигма в целом, за исключением именительного и винительного падежей единственного числа совпадает с парадигмой **gast**. Специфическое оформление названных слов в именительном падеже единственного числа способствовало впоследствии их притяжению и ассимиляции другими типами склонений.

б) Основы на *-i* женского рода

anst *благосклонность*

	<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
Им.	<i>anst</i>	<i>ensti</i>
Род.	<i>ensti</i>	<i>ensteo, -io; ensto</i>
Дат.	<i>ensti</i>	<i>enstim, -in; -en</i>
Вин.	<i>anst</i>	<i>ensti</i>

В древневерхненемецкий период к данному склонению относилось весьма значительное количество существительных, а именно:

1) все существительные женского рода, оканчивающиеся в именительном падеже единственного числа на согласный, например: *huf бедро*, *arn урожай*, *sûl колонна*, *hût кожа*, *stat место*, *jûngund юность*, *tugund добродетель* и др.;

2) многочисленные существительные, образованные при помощи суффикса *-scaf*, позднее *-scaft*, например: *botascaf посланцы*, *bruoderscaf братство*, *lantscaf царство*, *провинция* и др.;

3) значительное количество производных существительных с так называемым отвлеченным значением, образованных при помощи суффикса *-heit*, например: *gomaheit гуманность*, *deganheit доблесть*, *tumpheit глупость* и др.;

4) имена действия, образованные от глагольных основ при помощи суффикса *-t*, например: *gift дар* (от *geban давать*), *fart поездка* (от *faran ехать*), *tat подвиг* (от *tuon делать*) и т. д.

Бывшие краткосложные существительные женского рода с основой на *-i*, например *stat* и др., в древнемецком склонялись так же, как **anst**. Лишь два слова сохранили в именительном падеже единственного числа окончание *-i* (благодаря чему все падежные формы единственного числа стали омонимичны): *kuri избрание*, *выбор* и *turi дверь*.

4. Склонение основ, оканчивающихся на *-u*

Склонение основ на *-u*, которое было еще живо и играло определенную роль в готском языке, а также более или менее сохранилось в древнескандинавских языках, в западногерманской

группе языков полностью утратило свое значение для системы именного склонения. В древненемецком мы находим лишь крайне скудные остатки этого склонения. Почти все основы, принадлежавшие ранее к данному типу, перешли в другие классы склонений.

К склонению основ на *-и* относились существительные всех трех родов, которые в древних индоевропейских языках имели полностью совпадающие окончания (за исключением именительного и винительного падежей единственного числа среднего рода). Кроме того, для германских языков необходимо принимать во внимание различие между долгосложными и краткосложными основами.

а) Основы на *-и* мужского рода

Бывшие долгосложные основы на *-и*, которые в западногерманских языках утратили конечное *-и*, перешли в основном в склонение основ на *-i*. Краткосложные существительные мужского рода в именительном и винительном падежах единственного числа сохранили конечное *-и*, например: *situ обычай*, *fridu мир*, *hugu разум*, *witu древесина, лес*, *sigu победа*. Во всех остальных формах их падежные окончания уже в IX в. совпадают с окончаниями основ на *-i* ср., например, следующую парадигму:

	<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
Им.	situ	siti
Род.	sites	siteo, sito
Дат.	site	sitim, -in
Вин.	situ	siti
Инстр.	sitiu, situ	

Окончание *-и* в именительном и винительном падежах единственного числа с конца IX в. переходит в *-о*, у отдельных слов этот переход совершился значительно раньше, ср., например, *meto мед (напиток)* из более древнего **metu*.

б) Основы на *-и* женского рода

Единственной основой на *-и* женского рода в древненемецком является имя существительное *hant рука*. Необходимо, однако, отметить, что данное существительное склоняется по образцу основ на *-i*, за исключением дательного падежа множественного числа, где выступает старая форма на *-и*: *hantum, hantun, hanton* (ср. совр. *vorhanden, abhanden* без умлаута).

в) Основы на *-и* среднего рода

Единственной краткосложной основой на *-и* среднего рода является имя существительное *fihu (fiho, feho) скот*. Именительный и винительный падежи единственного числа сохранили старую фор-

му на *-и*, родительный и дательный падежи единственного числа по окончаниям совпали с соответствующими падежами основ на *-а*. Формы множественного числа представлены единичными разрозненными случаями и не позволяют сделать какого-либо окончательного вывода.

Б. СКЛОНЕНИЕ ОСНОВ, ОКАНЧИВАЮЩИХСЯ НА СОГЛАСНЫЙ

1. Основы на *-н* (слабое склонение)

К слабому склонению в древненемецком относились существительные всех трех родов, например, мужской род — *hanо петух*, средний род — *herza сердце*, женский род — *zungа язык*. В качестве основообразующего суффикса у этих существительных в древних индоевропейских языках выступал элемент *-n*, который в зависимости от ступени аблаута мог трактоваться как *en / on* и, соответственно, *ēn / ōn*.

а) Основы на *-н* мужского рода

	Единственное число	Множественное число
Им.	hanо	hanon, hanun
Род.	hanen ¹ , hanin ²	hanōno
Дат.	hanen ¹ , hanin ²	hanōm
Вин.	hanon ¹ , hanun ²	hanon, hanun

Приведенная парадигма показывает, что хотя в большинстве падежных форм и наличествует еще древний основообразующий суффикс, однако он полностью переосмыслен в древненемецком как элемент падежного окончания.

Количество существительных мужского рода, относящихся к данному склонению, было весьма значительным. Ср., например, такие существительные, как: *hasо заяц*, *garto сад*, *wēwo боль*, *scado вред*, *beго медведь*, *sterno звезда*, *sāmo семя*, *gomo человек*, *пато имя*, *līhhamо труп*, *pabulo пупок*, а также довольно многочисленные в то время отглагольные названия деятелей типа *gebo податель*, *дающий*, *sprehho говорящий*, *herizogo воевода*, *forasago предсказатель* и др. Кроме того, по данному типу склонялись племенные названия, например, *Franko франк*, *Sahso сакс* и др.

Многие существительные имели ранее *-j-* перед окончанием, т. е. были, по-видимому, образованы некогда при помощи суффикса **-jan*, например, *erbo наследник*, *kempfo борец*, *willo воля*, *gisello собрат*, *товарищ*, *scerho творец*, *создатель* и др. Однако это модифицированное *-j-* по большей части исчезло в IX в., так что склонение

¹ Окончания *-en*, *-on* характерны для франкских диалектов.

² Окончания *-in*, *-un* характерны для южнонемецких диалектов.

ние названных и им подобных существительных ничем не отличается от парадигмы **hano**. Принадлежность к бывшим основам на *-jan для IX в. иногда можно установить по наличию умлаута (kempho — kampf) или удвоения (ср.: gisello *собрат, товарищ* от sal zala, а также willo).

б) Основы на -n среднего рода

	Единственное число	Множественное число
Им.	herza	herzun, (-on)
Род.	herzen, herzin	herzôno
Дат.	herzen, herzin	herzôm
Вин.	herza	herzun, (-on)

Как показывает данная парадигма, склонение основ на -n среднего рода почти полностью совпадает со склонением существительных мужского рода, отличаясь от него лишь в именительном и винительном падежах единственного числа.

Необходимо подчеркнуть, что число основ на -n среднего рода в древних германских языках было крайне незначительным. В древнегерманском по данному типу, кроме слова **herza**, склонялись только существительные *ouga* *глаз*, *ôga* *ухо* и *wanga* *щека*.

в) Основы на -n женского рода

	Единственное число	Множественное число
Им.	zunga	zungûn
Род.	zungûn	zungôno
Дат.	zungûn	zungôm
Вин.	zungûn	zungûn

Подобно **zunga**, в древневерхненемецкий период склонялось еще весьма значительное количество существительных, например: *tûba* *голубка*, *fasta* *пост*, *bluoma* *цветок*, *sunna* *солнце*, *quena* *жена*, *asca* *зола*, *penel*, *diorna* *служанка*, *swegala* *дудка*, *wituwa* *вдова*, а также названия лиц женского пола, например, *forasaga* *предсказательница*, *gastgeba* *хозяйка* и некоторые заимствованные существительные: *phlanza* *растение*, *lîra* *лира*, *tunihha* *туника*, *kirihha* *церковь* и др.

Основы на -n женского рода, у которых основообразующему элементу некогда предшествовало -j-, в древневерхненемецкий период по своему формообразованию ничем не отличаются от **zunga**, ср. *frouwa* *госпожа*, *tussa* (*mugga*) *мушка*, *комар*, *winia* *подруга* и др., а также названия лиц женского пола на -*aria*, -*arra*, -*âra*: *lâchanâra*, *salbâra* *знахарка*, *zuhtâra* *воспитательница* и некоторые другие.

Существительные женского рода с так называемым отвлеченным значением, образованные от основ имен прилагательных при помощи суффикса -î (например: *hôhî* *высота*, *tiufî* *глубина*, *finstrî*

темнота, *geinî чистота*, *frewî радость*, *menniscî человечество* и др.), исторически были тесно связаны с основами на *-jan* и *-jôn*, поскольку данный словообразующий элемент *-î* (* < *-în*) представлял некогда чередующийся вариант суффиксов *-jan / jôn*. В одном из древнейших германских языков — готском еще отчетливо можно распознать принадлежность названных имен существительных к основам на *-n*.

В древневерхненемецком в результате отпадения конечного *-n* эти основы более примыкают к основам на *-î*, чем к основам на *-n*, ср., например, парадигму склонения имени существительного *hōhî*:

	<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
Им.	<i>hōhî</i>	<i>hōhî</i>
Род.	<i>hōhî</i>	<i>hōhîno</i>
Дат.	<i>hōhî</i>	<i>hōhîm, -în</i>
Вин.	<i>hōhî</i>	<i>hōhî</i>

С производными от основ имен прилагательных в древненемецком совпали немногочисленные имена действия на *-î* (ср. готск. *-eins*), образованные от слабых глаголов первого класса (ср.: *menden радоваться* — *mendî радость*, *toufen крестить* — *toufî крестины*, *welen избирать* — *welî избрание* и др.).

2. Основы на *-es / -os*

Данный тип склонения для древненемецкого не характерен. Большая часть принадлежавших к нему некогда существительных перешла в основы на *-a* (см. выше «Склонение основ, оканчивающихся на *-a*», *lamb* — *lambir*). Слово **sigis победа* перешло в группу существительных с основой на *-u*.

3. Имена родства (основы на *-er*)

Группа имен родства на *-er* уже в древнеиндоевропейских языках была численно ограничена вследствие своей семантики. В древненемецком к этой группе относятся всего лишь пять существительных: *fater отец* и *bruoder брат* мужского рода; *muoter мать*, *tohter дочь* и *swester сестра* женского рода. Старый тип склонения лучше всего сохранили имена существительные женского рода, ср.:

	<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
Им.	<i>muoter</i>	<i>muoter</i>
Род.	<i>muoter</i>	<i>muotero</i>
Дат.	<i>muoter</i>	<i>muoterum, -un; -on</i>
Вин.	<i>muoter</i>	<i>muoter</i>

Лишь в конце древневерхненемецкого периода наблюдается переход существительных женского рода в склонение основ на *-ô*.

Существительное мужского рода *bruder* склоняется так же, как *muoter*. Существительное *fater* довольно рано примкнуло к склонению основ на *-a*, в конце древневерхненемецкого периода за ним последовало и слово *bruder*.

4. Основы на *-nt* (бывшие причастия)

В готском и древнесаксонском имена существительные, склоняющиеся по данному типу, достаточно многочисленны. В древне-немецком имеются лишь два существительных, принадлежавших некогда к данной группе: *frunt друг* и *fiant враг*. Однако *frunt* и *fiant* склоняются уже полностью по образцу основ на *-a*. Лишь в именительном и винительном падежах множественного числа у существительного *frunt* наряду с формой *frunta* (-â) встречается старая форма без окончания *frunt*.

В. КОРНЕВЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

В древне-немецком к данному типу относятся всего два существительных: *man человек, муж, воин, слуга* мужского рода и *naht ночь* женского рода. Остальные имена существительные, которые, как показывает сравнение с другими древнегерманскими языками, некогда относились к этому типу, перешли в склонение основ на *-i*.

Имя существительное *man* обычно склонялось следующим образом:

	<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
Им.	<i>man</i>	<i>man</i>
Род.	<i>mannes</i> и реже <i>man</i>	<i>manno</i>
Дат.	<i>man, manne</i>	<i>mannum, -in; -om, -on</i>
Вин.	<i>man</i>	<i>man</i>

Как показывает парадигма, и у данного существительного мы находим следы перехода в другие классы склонений.

Имя существительное *naht* имело следующую парадигму склонения:

	<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
Им.	<i>naht</i>	<i>naht</i>
Род.	<i>naht</i>	<i>nahto</i>
Дат.	<i>naht</i>	<i>nahtum, -un, -on</i>
Вин.	<i>naht</i>	<i>naht</i>

Лишь в конце древневерхненемецкого — начале средневерхне-немецкого периода происходит переход данного слова в склонение основ на *-i*.

Рассмотрение системы склонения имен существительных в древневерхненемецкий период позволяет сделать следующие выводы.

1. Распределение имен существительных по различным склонениям в древневерхненемецкий период носит следы исконной общности структурных черт индоевропейской семьи языков.

2. Вместе с тем на развитии древнемецкой системы склонения сказывается действие внутреннего закона, общего для всей родственной группы германских языков. Этот общий внутренний закон развития проявляется в тенденции к перестройке старой системы склонения, базирующейся на классификации по основообразующим суффиксам, и к созданию в отдельных германских языках новых типов склонения имен, обнаруживающих новые принципы словоизменения¹.

3. Однако в отдельных германских языках действие указанного общего внутреннего закона осуществлялось по-разному, протекало в частных формах, специфичных для каждого данного языка и составляющих его своеобразие. Так, уже в древний период намечаются те новые, своеобразные тенденции, развитие и усиление которых обусловят в дальнейшем оформление системы склонения имен существительных в немецком языке, а именно:

а) четкое противопоставление во всех типах склонений существительных мужского и среднего рода существительным женского рода (в особенности в единственном числе);

б) притяжение более многочисленными типами склонений существительных малочисленных и пережиточных групп, проявляющееся в аналогии;

в) зарождающееся обособление единственного и множественного числа как следствие сравнительно более полного сохранения во множественном числе древнего основообразующего суффикса и связанных с его наличием модификаций корневого гласного.

3. МЕСТОИМЕНИЕ

В древний период развития в немецком языке различались следующие виды местоимений: личные, притяжательные, указательные, вопросительные, неопределенные.

Однако, несмотря на подобное многообразие, можно установить два основных типа склонения: 1) характеризующееся супплетивизмом склонение личных местоимений и 2) склонение указательных местоимений.

1. Склонение личных местоимений

Местоимения I и II лица не связаны с грамматической категорией рода и должны поэтому четко отграничиваться от местоимений III лица, которые, как известно, проводят различение по родам.

¹ См.: Гухман М.М. Родство языков и внутренние законы их развития: Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. — М., 1953. — Т. V. — С. 60.

а) Личные местоимения I и II лица
(*ungeschlechtige Pronomina*)

ih я, dû ты

Первое лицо

	<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
Им.	ih	wir
Род.	mîn	unsêr
Дат.	mir	uns
Вин.	mih	unsih

Второе лицо

Им.	dû, du	ir
Род.	dîn	iuwêr
Дат.	dir	iu
Вин.	dih	iu

Двойственное число личных местоимений I и II лица, которое имелось в готском и в остальных древнегерманских языках, в древненемецком, по-видимому, рано вышло из употребления. Лишь у Отфрида встречается единственный пример употребления родительного падежа двойственного числа от местоимения первого лица *unkêr* и только в сочетании *unkêr zweio нас двоих*, что говорит об ослаблении значения данной формы, очевидно непонятной уже без семантической поддержки *zweio*. Приведенная парадигма ярко вскрывает архаические особенности склонения местоимений I и II лица, заключающиеся в его супплетивном характере, в образовании грамматических форм каждого из этих местоимений от разных корней (ср.: *ih — mir, ih — wir, wir — unsêr* и т. п.).

б) Личные местоимения III лица
(*geschlechtige Pronomina*)

er он; iz оно; siu (sî, si) она

Единственное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	er	iz	siu, sî, si
Род.	(sîn)	es, (is)	ira, (iru, o)
Дат.	imu, imo	imu, imo	iru, -o
Вин.	inan, in	iz	sia, (sie)

Множественное число

	Мужской род	Средний род	Женский род
Им.	sie	siu	sio
Род.		iro	
Дат.		im, in	
Вин.	sie	siu	sio

Как свидетельствует приведенная парадигма, супплетивное формообразование характерно также и для личных местоимений III лица. И в данном случае в образовании падежных форм этих местоимений участвовали несколько корней, встречающихся и в других индоевропейских языках.

Укажем лишь на некоторые особенности употребления местоимений третьего лица. В мужском роде в именительном падеже единственного числа преобладает форма *er*. Наряду с ней во франкских диалектах выступает форма *her*, соответствующая древнесаксонскому *hê*, *hie* и образовавшаяся, по-видимому, в результате слияния *hê* и *er*.

Местоимение среднего рода в именительном и винительном падежах единственного числа выступало в форме *iz*. *Ez* появляется лишь в XI—XII вв.

Старая форма родительного падежа в мужском роде была вытеснена формой родительного падежа возвратного местоимения *sîn*. В среднем роде сохраняется старинное *es* (хотя и вместо него встречается иногда *sîn*).

В дательном падеже единственного числа мужского и среднего родов более ранней является форма *imû*, которая преобладает в самых древних памятниках немецкого языка. Однако с IX в. регулярной формой становится форма *imo*.

В винительном падеже единственного числа мужского рода выступает распространенная форма *inan*.

В XI в. ее начинает заменять более краткая форма *in*, которая использовалась иногда наряду с формой *inan* и раньше (ср. в «Евангельской гармонии» Татиана, в «Муспилли» и других памятниках).

В именительном падеже единственного числа женского рода преобладала с древнейших времен (VIII—IX вв.) форма *siu*. Более краткая форма *sî* или *si* становится распространенной в конце древневерхнемецкого периода.

О старой форме родительного падежа единственного числа женского рода (*îga*) необходимо сказать, что уже с IX в. ее начинает вытеснять форма дательного падежа *îgu*, позднее *îgo*.

В винительном падеже единственного числа женского рода в древнемецком обычно выступала форма *sia*. Конкурирующая с ней форма *si* встречается крайне редко. В конце древневерхнемецкого периода начинает преобладать форма *sie*.

Формы именительного и винительного падежей множественного числа *sie*, *siu*, *sio* соответствуют окончаниям сильных имен прилагательных и держатся, в общем, довольно прочно.

Следует отметить, что односложные местоименные формы во фразе не несли на себе никакого ударения, двусложные же характеризовались наличием второстепенного ударения на втором слоге (ср.: *inân*, *imô*, *irô* и т. п.).

В результате этого местоимения в текстах нередко встречаются в сокращенной форме (например: *nan*, *mo*, *go* вместо *inan*, *imo*, *iro*),

энклитически примыкая к ударяемому предшествующему слову, оканчивающемся на гласный. Начальный гласный местоимения в данном случае обычно выпадает, ср., например: в «Песни о Людвиге» — *imos* из *imo + es*, *dûmos* (из слияния трех местоимений *dû + imo + es*), у Отфрида — *zaltaz* из *zalta + iz* ‘*рассказал это*’, *wior* из *wio + er* ‘*как он*’ и т.п.

Местоимение III лица мужского рода *er* часто сохраняет начальный гласный за счет выпадения конечного гласного предшествующего слова, ср. в «Песни о Людвиге» — *gideilder* из *gideilda + er* ‘*разделил он*’.

Реже наблюдается слияние личного местоимения со словом, оканчивающимся на согласный (преимущественно сонорный), например, *tranc er n an* (из *er + inan*) *выпил он его*, *der mo selro* (из *der + imo*) *который ему самому* и т.п. Формы *sie, sia, sio* в безударном положении утрачивают дифтонг и выступают как *sa, se, so*, ср. у Отфрида *quâdun se* *сказали они*, ср. также в «Песни о Людвиге» *heigun sa* (ср. совр. *haben sie*).

2. Склонение указательных местоимений

Рассмотрим в качестве образца парадигму склонения указательного местоимения *ther, der tot, daz to, diu ta*.

	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч.			
Им.	<i>der</i>	<i>daz</i>	<i>diu</i>
Род.		<i>des</i>	<i>dera (deru, o)</i>
Дат.		<i>demu, demo</i>	<i>deru, o</i>
Вин.	<i>den</i>	<i>daz</i>	<i>dea, dia (die)</i>
Инстр.		<i>diu</i>	
Мн. ч.			
Им.	<i>dê, dea, die</i>	<i>diu (dei)</i>	<i>deo, dio</i>
Род.		<i>dero</i>	
Дат.		<i>dêm, dên (deam, dien)</i>	
Вин.	<i>dê, dea, dia, die</i>	<i>diu (dei)</i>	<i>deo, dio</i>

По данному типу в древневерхненемецкий период склонялись остальные указательные местоимения, а именно *deser, diz, disiu тот, это, эта* с IX в.; *jenêr, jenez, jeniu тот, то, та*; *selbêr, selbaz, selbiu сам, само, сама*, а также вопросительные и притяжательные местоимения, например: *wer кто? waz что? welich какой? который? mînêr, mînaz, mîniu мой, мое, моя*; *dînêr, dînaz, dîniu твой, твое, твоя*; *sînêr, sînaz, sîniu его, ее*; *unserêr, unseraz, unseriu наш, наши, наша*; *iûwerêr, iûweraz, iûweriu ваш, ваши, ваша*. Однако в именительном падеже единственного числа преобладают формы *mîn, dîn, sîn* и т.п.

Приведенная выше парадигма нуждается в некоторых разъяснениях, в особенности там, где даются несколько звуковых вариантов одной и той же формы.

В именительном падеже единственного числа мужского рода общедревненемецкой является форма *der* (*ther*, *dher*). Лишь у Татiana наряду с формой *ther* нередко встречается форма *thie* (< *thê*), возникшая, по-видимому, под влиянием непосредственно граничащего с диалектом данного памятника древнесаксонского языка.

Формы дательного падежа единственного числа мужского рода и родительного, дательного падежей единственного числа женского рода находят то же объяснение, что и соответствующие формы личного местоимения третьего лица.

Во множественном числе при перечислении нескольких вариантов одной и той же формы последние располагаются в хронологической последовательности, в начале — самые ранние, в конце — самые поздние. Формы, заключенные в скобки, ср. (*dei*), (*deam*, *dien*), носят диалектный характер. Форма (*dei*) показательна как для баварского, так и для алеманского диалектов, формы (*deam*, *dien*) присущи в основном лишь алеманскому диалекту.

Поскольку местоимение в своих разнообразных функциях нередко выступало в безударном положении, то и здесь наблюдаются сокращения и стяжения.

В особенности часты подобные сокращения и стяжения в употреблении указательного местоимения *der*, приближающемся к артиклю, а также при его употреблении в качестве относительного местоимения, ср., например: *derda* из *die* + *erda* '(та) земля', *thiuns* из *thiu* + *uns* 'которые нам' и т. п. Наиболее примечательны весьма распространенные в древненемецком стяжения *theiz что оно*, *theih что я*, *theist что это (есть)* вместо *thaz iz*, *thaz ih*, *thaz ist*.

Помимо перечисленных при изложении видов относительных местоимений в древненемецком имелись также неопределенные местоимения. Мы назовем среди них только самые существенные: *sum*, *sumilîh* *некий, какой-нибудь*; *dehein*, *dohein* *какой-либо, никакой*; *ander* *другой*; *nihhein*, *hohhein* *никакой*; *man* — совр. *man*; *eoman*, *ioman* *кто-нибудь*; *neoman*, *nioman* *никто*; *wiht*, *eowiht*, *iowiht* *нечто, что-нибудь*; *neowiht*, *niowiht*, *nicht* *ничто*; *iogiwelîh* *каждый*. Часть из них склоняется по типу указательного местоимения *der* (ср.: *sumilîh*, *dehein*, *iogiwelîh*), другие же склоняются, как имена существительные, к которым они восходят (ср.: *wiht*, *eowiht*, *man* и др.).

4. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Как известно, в древнейших индоевропейских языках прилагательное не имело особого склонения, отличного от склонения имен существительных (ср.: греч. *néos*, *péa*, *péon*; ст.-слав. *новъ*, *нова*, *ново*).

В последующем в отдельных родственных группах индоевропейских языков у прилагательных развивается новый, местоименный (по образцу указательных местоимений) тип склонения (ср. русск.

доброму из добру + ему). Может быть, в этом находило выражение стремления более четко противопоставить склонение имен прилагательных склонению имен существительных, поскольку синтаксические функции их в предложении были различны.

Кроме того, в германских языках перенесению местоименных окончаний на склонение имен прилагательных, с одной стороны, способствовало употребление указательных местоимений в функции определения, характерной для прилагательных, а с другой стороны, употребление указательных местоимений перед слабыми формами имен прилагательных.

В группе германских языков распространение местоименного типа склонения прилагательных началось уже в период предполагаемой общности германских языков, завершилось же оно в каждом из этих языков в отдельности.

Кроме того, в германских языках широко развивается слабое склонение основ прилагательных, соответствующее склонению имен существительных на *-n*, что составляет одну из отличительных черт данной группы родственных языков по сравнению с другими индоевропейскими языками.

Для немецкого языка в древний период его развития, как и для других германских языков, характерным являлось наличие двух типов склонения имен прилагательных: 1) так называемого сильного (или местоименного) и 2) так называемого слабого (или именного).

1. Склонение имен прилагательных

а) Сильное (местоименное) склонение

Для сильного склонения специфично наличие в именительном падеже единственного числа всех родов, а кроме того, в винительном падеже единственного числа среднего рода двух форм — более распространенной формы с местоименным окончанием и краткой формы без окончания. Краткие формы имен прилагательных примыкают исторически к сильному склонению имен существительных с основой на *-a* и *-ô* и являются собственно именными формами. Среди них четко различаются чистые основы на *-a* и *-ô* и основы на *-wa*, *-wô* и *-ja*, *-jô*.

В чистых основах на *-a* и *-ô* основообразующий элемент полностью утрачен (ср., например: *blind слепой*, как *tag, wort* и т. п.), в основах на *-ja* и *-jô* основообразующий элемент выступает как *-i* (ср., например: *magî знаменитый*), в основах на *-wa* и *-wô* — как *-o* (например, *gago готовый*).

Более поздняя форма с местоименным окончанием древнего различия по основам не сохраняет, ср., например, в мужском роде: *blintêr, mâgêr, garawêr*.

В отношении своих функций эти две формы в древнегерманском еще мало отличались друг от друга.

В атрибутивной функции (в роли определения) они еще были полностью равноправны, ср.: *blintêr man* и *blint man* *слепой человек*, *blintiu magad* и *blint magad* *слепая девушка*; *blintaz kind* и *blint kind* *слепое дитя*.

В предикативной функции преобладает краткая форма, однако и форма с местоименным окончанием встречается достаточно часто, так что можно было сказать *der man ist blint* (*этот человек слеп*) и *der man ist blintêr* (*этот человек слепой*). Лишь в предикативном употреблении выступают краткие формы множественного числа всех родов.

Однако форма с местоименным окончанием может употребляться как в атрибутивной, так и в предикативной функциях, ср.: *blinte man* *слепые люди*, с одной стороны, *die man sint blint* (*эти люди слепы*) или *die man sint blinte* (*эти люди слепые*) — с другой. Рассмотрим парадигму сильного склонения имен прилагательных.

В приводимой таблице выделены местоименные окончания (ср. выше «Склонение указательных местоимений»), в то время как формы, которые могут быть и именными и местоименными (например, форма родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода *blintes*, ср. *des* и *tages*, а также форма винительного падежа единственного числа женского рода — *blinta*, ср. *geba*), особо не выделяются.

		Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч.	Им.	<i>blint</i> <i>blintêr</i> ¹	<i>blint</i> <i>blintaz</i>	<i>blint</i> <i>blintiu</i> , (<i>blintu</i>) ²
	Род.		<i>blintes</i>	<i>blintera</i>
	Дат.	<i>blintemu</i> , -emo		<i>blinteru</i> , -ero
	Вин.	<i>blintan</i>	<i>blint</i> <i>blintaz</i>	<i>blinta</i>
Мн.ч.	Инстр.		<i>blintu</i> , -o	
	Им.	<i>blinte</i>	<i>blintiu</i> (<i>blintu</i>) ²	<i>blinto</i>
		(<i>blint</i>)	(<i>blint</i>)	(<i>blint</i>)
	Род.		<i>blintero</i>	
	Дат.		<i>blintêm</i> , -ên	
	Вин.	<i>blinte</i>	<i>blintiu</i> , (<i>blintu</i>) ²	<i>blinto</i>

¹ Окончание именительного падежа единственного числа мужского рода *-êr* (с долгим гласным) в противоположность *der* объясняется, по-видимому, тем, что в ударном положении в древности выступала форма **dêr*, не засвидетельствованная в памятниках (см. об этом: Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. — М., 1954. — С. 300).

² Данная форма характерна для франкских диалектов.

Данная парадигма, хотя в ней представлены лишь чистые основы на *-ā* и *-ō*, сохраняет свою значимость и для основ на *-ja*, *-jō*, *-wa*, *-wō*, которые отличаются от *blint* только в своей краткой форме.

У основ на *-wa*, *-wō*, у которых *-w-* основы предшествовал согласный (например: *gar-o*, *far-o*, *kal-o* и т. д.), в формах с местоименным окончанием появляется эпентетический гласный, обычно *-a-*, реже *-e-*, например: *garo* — *garawêr*, *gawewêr* и т. п.

б) Слабое склонение имен прилагательных

Слабое склонение имен прилагательных полностью совпадает по окончаниям со слабым склонением имен существительных (см. выше). Ср., например, следующую парадигму:

		Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч.	Им.	<i>blinto</i>	<i>blinta</i>	<i>blinta</i>
	Род.		<i>blinten, -in</i>	<i>blintûn</i>
	Дат.		<i>blinten, -in</i>	<i>blintûn</i>
	Вин.	<i>blinton, -un</i>	<i>blinta</i>	<i>blintûn</i>
Мн. ч.	Им.	<i>blinton, -un</i>	<i>blintun, (-on)</i>	<i>blintûn</i>
	Род.		<i>blintôno</i>	<i>blintôno</i>
	Дат.		<i>blintôm, -ôn</i>	<i>blintôm, -ôn</i>
	Вин.	<i>blinton, -un</i>	<i>blintun, (on)</i>	<i>blintûn</i>

в) Склонение причастий

Причастия прошедшего и настоящего времени в древневерхне-немецкой период еще в полной мере ощущаются как отглагольные прилагательные. Они склоняются по сильному и слабому склонению подобно обычным прилагательным.

Причастие настоящего времени трактуется как основа на *-ja*, *-jō*, поэтому его краткая форма оканчивается на *-i*, например: *petanti беруший*, *lobônti хвалящий*.

2. Образование степеней сравнения

а) Сравнительная степень

Для образования сравнительной степени имен прилагательных в древневерхне-немецкой период служили суффиксы *-ir-*, *-ôr-* (ср.: индоевр. **-jos*, *-jes*, *-jōs*, *-is*).

Распределение функций между этими двумя средствами трудно заключить в рамки четких правил.

Можно, однако, сделать наблюдение, что производные, а также сложные имена прилагательные тяготеют к суффиксу *-ôr-*, например: *sâlig счастливый*, *блаженный* — *sâligôro*, *managfalt сложный*, *многообразный* — *managfaltôro*. Непроизводные имена прилагательные могут образовывать сравнительную степень как при помощи

первого, так и при помощи второго суффикса. Основы на *-ja* сочетаются исключительно с суффиксом *-ir-*, например: *reini чистый* — *reiniro*, *suozi сладкий* — *suoziro*, *engi узкий* — *engiro*, *blidi радостный* — *blidiro*. Чистые основы на *-a* колеблются, многие из них имеют двойственные формы, например: *hêr старый, почтенный* — *hêriro* и *hêrôro*, *hôh высокий* — *hôhiro* и *hôhôro*, *reht правый, справедливый* — *rehtiro* и *rehtôro*. У других же, наоборот, выступает либо только форма на *-ir-*, либо только форма на *-ôr-*, ср.: *liob милый* — *liobôro*, с одной стороны, *lût громкий* — *lûtiro*, *lang длинный* — *lengiro* — с другой. Имена прилагательные в сравнительной степени в древненемецком в отличие от современного немецкого языка склонялись лишь по слабому склонению (см. выше).

б) Превосходная степень

Для образования превосходной степени имен прилагательных в древневерхненемецкий период употреблялись суффиксы *-ist-* и *-ôst-* (ср. индоевр. **-ist-*).

При помощи суффикса *-ist-* образовывалась превосходная степень таких имен прилагательных, у которых в сравнительной степени был суффикс *-ir-*, при помощи суффикса *-ôst-* тех, у которых в сравнительной степени был суффикс *-ôr-*, ср.: *reini* — *reiniro* — *reinisto*, *sleht гладкий, простой* — *slehtiro* — *slehtisto*, *lang* — *lengiro* — *lengisto*, *sâlig* — *sâligôro* — *sâligôsto* и т. п.

Имена прилагательные в превосходной степени склонялись в древненемецком по слабому склонению.

в) Супплетивное образование степеней сравнения

Супплетивно образуют степени сравнения следующие имена прилагательные:

Положительная степень	Сравнительная степень	Превосходная степень
<i>guot хороший</i>	<i>bezziro</i>	<i>bezzisto</i>
<i>ubil плохой, злой</i>	<i>wirsiro</i>	<i>wirsisto</i>
<i>mihhil большой</i>	<i>mêro, a также mêriro, mêrôro</i>	<i>meisto</i>
<i>luzzil маленький</i>	<i>minniro</i>	<i>minnisto</i>

Слово *lezzisto последний*, бывшее некогда превосходной степенью от прилагательного *laz ленивый, вялый*, вследствие специфики развития своего значения совершенно обособилось от последнего.

5. НАРЕЧИЕ

Грамматический класс имен прилагательных в древневерхненемецкий период имел довольно тесные связи с другим классом — наречиями.

Прежде всего в древненемецком можно было образовать наречие путем присоединения к основе или корню имени прилагательного суффикса *-o*, например: *snell сильный, храбрый, быстрый* — *snello, ubil дурной* — *ubilo, mahtîg могучий* — *mahtîgo*.

У основ на *-ja* наречный суффикс присоединялся непосредственно к корню (ср.: *reini* — *reino*), благодаря чему наречия, образованные от таких основ имен прилагательных на *-ja*, гласный которых мог подвергаться умлауту, характеризовались помимо наличия наречного суффикса также отсутствием в них умлаута, ср.: *ang-*, прилаг. *engi*, наречие *ango*; *fast-*, прилаг. *festi крепкий*, наречие *fasto*; *samft-*, прилаг. *semfti мягкий*, наречие *samfto* и др.

Особенно распространены в древненемецком наречия, образованные от производных имен прилагательных с суффиксом *-lih*. Часто употребляется только наречие на *-lich*, в то время как соответствующее прилагательное в текстах не засвидетельствовано, в связи с чем можно было бы выделить в подобных наречиях адвербиализирующий суффикс — *lich*¹, ср.: *glau умный* — *glaulîho*.

Некоторым прилагательным соответствовали наречия от других корней, ср.: *guot хороший* (прилаг.) — *wola хорошо* (наречие, совр. *wohl*).

Наречия, образованные от основ имен прилагательных, подобно прилагательным могли иметь степени сравнения. Ввиду того что наречным суффиксом было *-o*, для всех наречий в степенях сравнения характерны суффиксы *-ôr* и *-ôst*, например: *reino чисто*, сравнительная степень *reinôr*, превосходная степень *reinôst*; *lango долго* — *langôr* — *langôst*; *harto твердо* — *hartôr* — *hartôst* и др.

Иногда встречается также превосходная степень на *-ist*, выступающая обычно у наречий, образующих степени сравнения супплетивно, ср.: *wola хорошо* — *baz* — *bezzist*, *ubilo плохо* — *wirst* — *wirstist*, *luzzil мало* — *min* — *minnist*.

Наряду с наречиями, образующимися от основ имен прилагательных, в древненемецком широко функционировали также значительно более ранние по своему происхождению локальные наречия, из которых впоследствии развились адвербиальные компоненты производных глаголов, некоторые префиксы и предлоги, например, *ana на*, *bî у*, *при*, *ûf на*, *ûz из* и др.

Эти наречия вместе с наречиями места, восходящими к местоименным корням, обладали в древненемецком своеобразной системой окончаний в зависимости от того, на какой вопрос они отвечали. Так, локальные наречия при вопросе *куда?* имели нулевое окончание, например: *in в*, *ûf*, *ûz*, при вопросе *где?* они принимали окончание *-e* (ср.: *inne внутри*, *ûfe вверху*, *ûze снаружи*); при вопросе *откуда?* — окончание *-ana* (ср.: *innana изнутри*, *ûzana снаружи*, *obana сверху*, *untana снизу*).

¹ См.: *Braune W.* Althochdeutsche Grammatik. — S. 221 (Anm. 3).

Местоименные наречия с локальным значением при вопросе *где?* имели окончание *-r*, например: *dar там, war где, hiar здесь*; при вопросе *куда?* окончание *-ra*, например: *dara туда, wara куда, hera сюда*; при вопросе *откуда?* окончание *-na* или *-nana*, например: *dana (danana) оттуда, wana (wannân), откуда, hina (hinana, hinân) отсюда*. Рядом с формами на *-ra* встречались расширенные формы на *-rot* (на вопросы *где?* и *куда?*), например: *tharot, dorot, warot, herot*.

6. ГЛАГОЛ

Древненемецкий глагол характеризовался следующими грамматическими категориями: времени, наклонения, залога, вида.

Категория времени была представлена двумя синтетическими временными формами — настоящего (Präsens) и прошедшего (Präteritum) времени.

Категория наклонения находила выражение в грамматических формах трех наклонений: изъявительного, сослагательного (Konjunktiv) и повелительного.

Категорию залога для древненемецкого периода нельзя еще считать развитой, поскольку грамматически представлен лишь действительный залог (Activum), в то время как страдательный выражается с помощью описательных оборотов.

Категория вида, отсутствующая в современном немецком языке, не была достаточно развитой и в более древние периоды. Тем не менее в древневерхненемецкий период имелся префикс *gi-*, обладавший способностью придавать глаголу оттенок законченности выражаемого им действия. Данный префикс первоначально мог присоединяться как к форме прошедшего, так и к форме настоящего времени (ср., например: настоящее время *gibirit, ginemnis* от *beran рождать, петпен нарекать*; прошедшее время *gihôrta* от *hören слышать* и т. п.). Наряду с префиксом *gi-* характер протекания действия мог быть выражен при помощи описательных оборотов с начальным, дурративным и результиративным значением.

Кроме того, в грамматических формах глагола различается число (единственное или множественное) и лицо (первое, второе, третье).

Помимо личных форм в древненемецком представлены три неличные (именные) формы: неопределенная форма глагола (Infinitiv des Präsens), причастие настоящего времени и причастие прошедшего времени.

С точки зрения формообразования все глаголы в древневерхненемецкий период распались на три группы:

1) так называемые сильные глаголы, образующие основу прошедшего времени путем чередования гласных (к которому иногда присоединяется чередование согласных). Причастие прошедшего времени они образуют при помощи суффикса *-n*;

2) так называемые слабые глаголы, образующие основу прошедшего времени и причастие прошедшего времени при помощи дентального суффикса *-t*.

В то время как сильные глаголы представляют древнюю группировку, характерную для индоевропейской семьи языков в целом, глаголы слабые составляют одну из своеобразных черт германской группы родственных языков.

В большинстве своем слабые глаголы являются производными. В зависимости от словообразующего суффикса они подразделяются на три класса: а) глаголы с суффиксом *-en* (*-jan): *perien спасать*; б) глаголы с суффиксом *-ôn*: *salbôn смазывать, умащивать* и в) глаголы с суффиксом *-ên*: *habên иметь*;

3) третью немногочисленную группу составляли прежние типы.

1. Спряжение сильных и слабых глаголов в настоящем времени изъявительного наклонения

Личные формы слабых глаголов в настоящем времени своими окончаниями почти не отличаются от личных форм сильных глаголов, подтверждением чему может служить сопоставление парадигм спряжения сильных и слабых глаголов.

а) Сильные глаголы:

petan брать, ziohan тянуть, faran передвигаться, exatъ, râtan советовать

(Древнейшая форма)	(У Татиана)	(У Отфрида)	(У Ноткера)
Ед. ч. 1. <i>nimu</i>	<i>ziuhu</i>	<i>faru</i>	<i>râto</i>
2. <i>nimis</i>	<i>ziuhis, (-ist)</i>	<i>ferist, (is)</i>	<i>râtest</i>
3. <i>nimit</i>	<i>ziuhit</i>	<i>ferit</i>	<i>râtet</i>
Мн. ч. 1. <i>nenumês, -amês, -emês; (-êm)</i>	<i>ziohemês, (-ên)</i>	<i>farên</i>	<i>râtên</i>
2. <i>nemet, (nemat)</i>	<i>ziohet</i>	<i>faret</i>	<i>râtent</i>
3. <i>nemant</i>	<i>ziohent</i>	<i>farent</i>	<i>râtent</i>

б) Слабые глаголы:

suochen искать, salbôn смазывать, умащивать, habên иметь

	I на <i>-en</i>	II на <i>-ôn</i>	III на <i>-ên</i>
Ед. ч. 1. <i>suochu</i>	<i>salbôm, -ôn</i>	<i>habêm, -ên</i>	
2. <i>suochis, -ist</i>	<i>salbôs, -ôst</i>	<i>habês, -êst</i>	
3. <i>suochit</i>	<i>salbôt</i>	<i>habêt</i>	
Мн. ч. 1. <i>suochemês; -amês, -ên</i>	<i>salbômês; salbôn, -ôên</i>	<i>habemês; habên, -êên</i>	

2. suochet, (suochat)	salbôt	habêt
3. suochent, (-ant)	salbônt	habênt

Для того чтобы уяснить себе структурные тенденции в развитии глагольных форм, присущие немецкому языку как члену группы родственных германских языков, необходимо хотя бы в общих чертах припомнить структуру личной глагольной формы настоящего времени изъявительного наклонения в древних индоевропейских языках. Как известно, в древних индоевропейских языках в глагольной форме настоящего времени изъявительного наклонения различались следующие структурные компоненты:

1) основа (корень); 2) личное окончание; 3) так называемый тематический гласный между основой и личным окончанием. Если основу обозначить буквой *o*, тематический гласный — буквой *m*, а личное окончание — буквой *l*, то структуру названной выше формы можно будет представить следующим образом: *o + m + l*¹.

В индоевропейском языке были широко распространены также атематические основы настоящего времени, то есть такие основы, у которых глагольные окончания присоединялись непосредственно к корню. Во всех индоевропейских языках, за исключением древних индоиранских, атематические основы настоящего времени с самого начала исторического периода имели тенденцию к исчезновению. В немецком языке (как и в других германских языках) сохранились лишь скудные остатки подобных глаголов (глаголов на *-mi*, как их обычно называют). В противоположность этому корневое тематическое настоящее время после общеиндоевропейского периода продолжало развиваться во всех индоевропейских языках, в том числе и в германских.

В немецком языке в древний период его развития в настоящем времени были широко представлены формы, восходящие именно к последнему типу. Однако структура их претерпела существенные изменения, в чем большую роль сыграли специфические особенности ударения, присущие германским языкам. Именно в связи с особенностями германского ударения нарушились закономерные чередования тематического гласного, что создало предпосылки для его слияния с ослабившимся в результате той же причины первичным окончанием. Бывшее личное окончание вместе с тематическим гласным было переосмыслено как новая морфологическая единица, как личное окончание. Такое состояние характерно для немецкого языка в древний период его развития, когда тематический гласный не выделяется из окончания. Таким образом, сравнение структуры глагольных форм настоящего времени в древнегерманском со

¹ Например, второе лицо единственного числа настоящего времени в древних индоевропейских языках характеризовалось первичным окончанием **-si*. Тематический гласный выступал в средней степени аблаута как **-e-*, так что реконструированная форма могла иметь вид **bher-e-si*, ср. др.-инд. *bharasi ты несешь*.

структурой соответствующих глагольных форм в древних индоевропейских языках свидетельствует о том, что и в морфологии глагола наблюдаются процессы, аналогичные засвидетельствованным в морфологии имени. Тем самым проявляется тенденция к перестройке структурного типа словоизменительной формы (переход от трехчленной к двучленной структуре), характерная для всех германских языков.

Особенности развития личных окончаний настоящего времени на протяжении древневерхне-немецкого периода. Окончание *-и* в I лице единственного числа в древнемецком имели сильные глаголы, а также слабые глаголы первого класса (на *-en*). С конца IX в. данное окончание превращается в *-о*, что находит свое объяснение в его безударной позиции.

Окончание I лица слабых глаголов II и III классов восходит к индоевропейскому атематическому типу на* *-mi*. В конце IX в. это *-m* редуцировалось в *-n*. Окончание *-is* во втором лице имели сильные глаголы и слабые глаголы первого класса. У сильных глаголов *a* (краткое) корня подвергалось умлауту (ср.: *faran — feris*), *e* и *o* подвергались повышению в *i* и *u* (ср.: *geban давать — gibis; biotan предлагать — biutis* и др.).

У слабых глаголов первого класса во втором лице отсутствовало удвоение согласного (ср.: *zellen рассказывать — zelis*), что объяснялось выпадением в нем* *-j-* перед *-i*.

У слабых глаголов II и III классов вместо *-i-* выступал элемент основы *-ô-* или *-ê-*. Окончание II лица единственного числа, которое в древнейших источниках представлено как *-is, -ôs, -êś*, в IX в. удлиняется путем присоединения *-t*, т. е. превращается в *-ist, -ôst, -êst*. Эта форма, впервые засвидетельствованная в восточнофранкском и рейнскофранкском диалектах, позднее распространяется и в других диалектах. Окончание *-ist* (соответственно *-ôst, -êst*) возникло в формах с энклитически присоединяемым личным местоимением *thu, du*. Подобные формы встречаются довольно рано, ср. у Татиана и у Отфрида: *lisistu читаешь ты, suochistu ищешь ты, thenkistu думаешь ты* и др. Подобные соединения дали впоследствии повод к неправильному расчленению на *lisist thu, suochist thu, thenkist thu* и т. п. Первоначально окончание *-ist* встречалось лишь у глаголов, за которыми следовало *thu*. Так, у Татиана мы находим *gisihist thu увидишь ты*, но *tu bâtis ты попросила бы* и т. п.

Известную роль в закреплении данного окончания сыграли, по видимому, широко распространенные формы претерито-презентных глаголов *kanst (ты) можешь, tarst (ты) смеешь, muost (ты) должен, weist (ты) знаешь*, а также рано примкнувшая к ним¹ форма глагола существования *bist*.

¹ См. об этом: *Braune W. Althochdeutsche Grammatik. — S. 252.*

Окончание третьего лица в древний период вызывало те же изменения, что и окончание второго лица единственного числа. Во втором и третьем классах слабых глаголов вместо *-i-* выступает основообразующий суффикс *-ô-* или *-ê-*. В X—XI вв. *-i-*, *-ô-*, *-ê-* окончания как во втором, так и в третьем лице подверглись редукции в *-e-*.

Форма первого лица множественного числа имела ряд вариантов: *-umêš*, *-amêš*, *-emêš*, из которых наиболее распространенными являлись *-amêš* и *-emêš*, причем первый преобладал в южнонемецких диалектах. Наряду с формами на *-amêš*, *-emêš* с IX в. употребляются более краткие формы на *-ên*, *-ôên*, *-êên*, которые победили в X—XI вв. Названные формы утвердились в языке по аналогии с формами настоящего времени сослагательного наклонения.

В третьем лице множественного числа окончание *-ant* характеризует преимущественно сильные глаголы, в то время как у слабых глаголов место *-a-* занимает словообразовательный суффикс *-e-*, *-ô-*, *-ê-*. Впрочем, окончания слабых глаголов первого класса и сильных глаголов нередко смешиваются.

2. Спряжение сильных и слабых глаголов в прошедшем времени изъявительного наклонения

а) Сильные глаголы

(Древнейшая форма)	(У Татиана)	(У Отфрида)	(У Ноткера)
Ед. ч. 1. <i>nam</i>	<i>zôh</i>	<i>fuar</i>	<i>riet</i>
2. <i>nâmi</i>	<i>zugi</i>	<i>fuari</i>	<i>rieti</i>
3. <i>nam</i>	<i>zôh</i>	<i>fuar</i>	<i>riet</i>
Мн. ч. 1. <i>nânum</i> , (<i>-umêš</i>)	<i>zugumêš</i> , (<i>-un</i>)	<i>fuarun</i>	<i>rieten</i>
2. <i>nâmut</i>	<i>zugut</i>	<i>fuarut</i>	<i>rieten</i>
3. <i>nâmun</i>	<i>zugun</i>	<i>fuarun</i>	<i>rieten</i>

б) Слабые глаголы

	I кл. (на <i>-en</i>)	II кл. (на <i>-ôh</i>)	III кл. (на <i>-ên</i>)
Ед. ч. 1.	<i>suohta; nerita</i>	<i>salbôta</i>	<i>habêta</i>
2.	<i>suohtôs, -ôst</i>	(остальные формы как <i>suohta</i>)	
3.	<i>suohta; nerita</i>		
Мн. ч. 1.	<i>suohtum, -un; (-umêš)</i>		
2.	<i>suohtut</i>		
3.	<i>suohtun</i>		

Как показывает сопоставление этих двух парадигм, основу разграничения сильных и слабых глаголов составляют не столько личные окончания, сколько особенности образования временной основы претерита. В то время как сильные глаголы используют для этой цели закономерные чередования гласных — аблаут (см. об

этом в разделе «Фонетика»), слабые глаголы используют дентальный суффикс.

При этом у преобладающего большинства слабых глаголов, а именно у слабых глаголов II и III классов и у краткосложных глаголов I класса, чередований корневого гласного не наблюдалось, например: *dionôn* служить — *dionôta*, *folgên* следовать — *folgêta*, *perien* *спасать* — *perîta*. Однако другая часть глаголов первого класса, так называемые долгосложные глаголы, обладала особым видом чередования гласных основы, ср., например: *brennen* *гореть*, *зажигать* — *branta* — *gibrennit*. На причинах данного чередования, а также на понятиях краткосложных и долгосложных слабых глаголов I класса следует остановиться несколько подробнее. В древневерхненемецкий период слабые глаголы I класса еще подразделялись на две подгруппы в зависимости от первоначального количественного характера (долготы или краткости) корневого гласного: 1) краткосложные (с кратким корневым гласным) и 2) долгосложные (с долгим корневым гласным), к которым примкнули многосложные.

Образование формы претерита от слабых глаголов I класса подчинялось следующему правилу: краткосложные глаголы сохраняли словообразующий элемент *-j-* в виде связующего гласного *-i-* (ср. *perien*, *per-i-ta*), у долгосложных глаголов этот элемент утрачивался (ср. *brennen*, *bran-ta*). В последнем примере инфинитив имеет *-e-*, полученное благодаря палатальной перегласовке (*brennen* < **brannjan*).

В претерите древнее краткое *a* умлауту не подвергалось, поскольку в данной форме отсутствовала причина, которая могла бы вызвать его перегласовку в *-i-*. Создавалось впечатление, что умлаут презенса ликвидировался в претерите, вследствие чего данное явление и было названо Я. Гриммом «обратным умлаутом» (*der Rückumlaut*).

Количество глаголов с обратным умлаутом (*rückumlautende Verba*) в древневерхненемецкий период было сравнительно невелико, поскольку палатальной перегласовке в этот период подвергалось лишь *a* краткое, ср.: *trenken* *пить* (**trankjan*) — *trancta*; *wenten* *поворачивать* — *wanta*; *decken* *накрывать* — *dacta*, *dahta*; *denken* *думать* — *dâhta*; *sezzen* *сажать*, *ставить* — *sazta*, с одной стороны, и *hören* *слышать* — *hôrta*; *dunken* *мнить*, *воображать* — *dûhta*; *wânen* *полагать* — *wânta* — с другой.

Чередование *u : o*, связанное с наличием или отсутствием *-i-* в следующем слоге, наблюдалось у долгосложных глаголов *furhten*, *furihtan* *бояться* и *wurken*, *wurchan* *действовать*, *совершать*, ср. *forhta* и *worhta*.

Окончания сильных и слабых глаголов в претерите изъявительного наклонения. Как показывает парадигма, различия между ними простираются в основном на

единственное число, в то время как во множественном числе окончания сильных и слабых глаголов полностью совпадают.

Как у сильных, так и у слабых глаголов в претерите наблюдается совпадение форм (омоформия)¹ первого и третьего лица единственного числа, при этом формы первого и третьего лица единственного числа сильных глаголов характеризуются нулевым окончанием (ср. *nam*), слабые же глаголы оканчиваются в указанных лицах на *-a* (ср. *suohta*, *salbôta*, *habêta*).

Второе лицо единственного числа сильных глаголов имело окончание *-î*, восходящее по своему происхождению к окончанию индоевропейского аориста **-es* (такое же окончание характерно и для других западногерманских языков). Форма основы при этом соответствовала форме основы множественного числа (ср. *nâmi* — *nâmun*).

У слабых глаголов во втором лице единственного числа выступало окончание *-ôs*, которое позднее, как и в настоящем времени, приобрело элемент *-t* (*-ôst*).

Формы претерита множественного числа у сильных и слабых глаголов совпадали. В древнейших памятниках немецкого языка первое лицо множественного числа оканчивалось на *-um*. Однако с IX в. конечное *-m* переходит в *-n* (*nâmun* > *nâmun*), благодаря чему первое и третье лицо множественного числа становятся омоформами.

Во втором лице множественного числа претерита глаголы имели то же окончание, что и во втором лице множественного числа настоящего времени, *-u-* появилось здесь по аналогии с другими лицами.

Следует отметить, что в алеманском диалекте древненемецкого языка, в отличие от всех других диалектов, проводилось различие между сильными и слабыми глаголами во множественном числе. Сильные глаголы оканчивались на *-un*, *-ut*, *-un*, а слабые на *-ôm*, *-ôt*, *-ôn*.

3. Спряжение сильных и слабых глаголов в сослагательном наклонении

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

а) Сильные глаголы

(Древнейшая форма)	(У Татиана)	(У Отфрида)	(У Ноткера)
Ед. ч. 1. <i>neme</i>	<i>ziohe</i>	<i>fare</i>	<i>râte</i>
2. <i>nemês</i>	<i>ziohês</i> , (<i>-êst</i>)	<i>farês</i>	<i>râtêst</i> ²
3. <i>neme</i>	<i>ziohe</i>	<i>fare</i>	<i>râte</i>

¹ Термин акад. В. В. Виноградова

² Конечное *-t* в форме второго лица единственного числа (*-êst*, *-ôst*), объясняющаяся аналогией соответствующей формы изъявительного наклонения, получает широкое распространение с X в., в то время как окончание *-ês*, *-ôs* является более древним.

Мн. ч. 1. nemêm, (-amês, ziohemês, (-ên) farên	râtên
2. nemêt	ziohêt farêt râtênt
3. nemên	ziohên farên râtên

б) Слабые глаголы

	I кл. (на -en)	II кл. (на -ôn)
Ед. ч. 1. suoche	salbo	salbôe
2. suochês, -êst	salbôs(t)	salbôês(t)
3. suoche	salbo	salbôe
Мн. ч. 1. suochêm, -ên; (emês, -amês)	salbôm, -ôn; (-ômes)	salbôm
2. suochêt	salbôt	salbôêt
3. suochên	salbôn	salbôên

III кл. (на -ên)

Ед. ч. 1. habe	habêe
2. habês(t)	habêês(t)
3. habe	habêe
Мн. ч. 1. habêm, -ên; (-êmês)	habêêm
2. habêt	habêêt
3. habên	habêên

Как показывает сравнение этих двух парадигм, формы сильных глаголов и слабых глаголов первого класса в настоящем времени сослагательного наклонения полностью совпадали. Сильно отличались от них соответствующие формы слабых глаголов II и III классов, у которых выступали две формы:

- 1) краткая — *salbo, habe*;
- 2) распространенная — *salbôe, habêe*.

Во франкских диалектах употреблялись лишь краткие формы, алеманский же предпочитал распространенные формы. В баварском диалекте к распространенным формам тяготеют лишь слабые глаголы II класса, в то время как слабые глаголы III класса их не имеют.

Вопрос о том, какая из этих форм является более ранней хронологически, является спорным.

Элемент *-ê* (сократившийся в абсолютном исходе в *-e*), представленный во всех формах конъюнктива настоящего времени, генетически восходит к сочетанию тематического гласного (индоевр. **-o-*) с модальным суффиксом (индоевр. **-î-*), т. е. индоевр. **-oi-*, герм. **-ai¹*.

¹ Так, например, окончание второго лица множественного числа в древних индоевропейских языках складывалось из показателя опатива *-oi* и вторичного окончания *-te* (**-oite*), ср. греч. *féroite*, др.-инд. *bharēta*.

В древних германских языках ему соответствовало (в зависимости от ударения) **-aiþ* или *-aid*, ср. готск. *bairaiþ*, др.-сканд. *berer*, днв. *berét* (<**-aid*).

Благодаря монофтонгизации этого *-ai- в -ē- в северных и западных германских языках первоначальная структура формы затемнилась, а элемент -ē- слился с личным окончанием, образовав с ним неразрывное единство, в абсолютном же исходе сам стал показателем лица.

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

а) Сильные глаголы

(Древнейшая форма)	(У Татиана)	(У Отфрида)	(У Ноткера)
Ед. ч. 1. nâmi	zugî	fuari	riete
2. nâmîs	zugîs, (-îst) ¹	fuariſ	rietîst ¹
3. nâmi	zugî	fuari	riete
Мн. ч. 1. nâmîm, (-îmês)	zugîmês, (-în)	fuariſn	rietîſn
2. nâmît	zugît	fuariſt	rietînt
3. nâmîn	zugîn	fuariſn	rietîn

б) Слабые глаголы

	I кл. (на -en)	II кл. (на -ôn)	III кл. (на -ên)
Ед. ч. 1. suohti ²	salbôti ²	habêti ²	
2. suohtîs, -îst ¹	(так же, как suohti)		
3. suohti			
Мн. ч. 1. suohtîm, -în; (-îmês)			
2. suohtît			
3. suohtîn			

В прошедшем времени через все формы проходит элемент -î- (сократившийся в абсолютном исходе в -i), который по своему происхождению является модальным суффиксом. В древненемецком этот бывший модальный суффикс тесно спаян с бывшим личным окончанием и неотделим от него. В ряде форм модальный суффикс выполняет роль окончания.

У сильных глаголов в претерите конъюнктива выступала третья форма временной основы, к которой и присоединялось окончание.

4. Формы повелительного наклонения

В повелительном наклонении имелись следующие формы: в единственном числе — форма второго лица, во множественном числе — формы первого и второго лица.

¹ В окончании второго лица единственного числа (-îst) -t проникло по аналогии с формами изъявительного наклонения.

² В алеманском диалекте в первом и третьем лице единственного числа наблюдается интересное противопоставление сильных и слабых глаголов, а именно — сильные характеризуются окончанием -i, слабые окончанием -î, ср. у Ноткера: suohtî, salbôti и т. п.

а) Сильные глаголы

(Древнейшая форма)	(У Татиана)	(У Отфрида)	(У Ноткера)
Ед. ч. 2. <i>nim</i>	<i>ziuh</i>	<i>far</i>	<i>rât</i>
Мн. ч. 1. <i>nemamês,</i> <i>-emês; nemêm</i>	<i>ziohemês, (-ên)</i>	<i>faremês,</i> <i>(-amês)</i>	<i>râtên</i>
2. <i>nemet, (nemat)</i>	<i>ziohet</i>	<i>faret</i>	<i>râtent</i>

б) Слабые глаголы

	I кл. (на <i>-en</i>)	II кл. (на <i>-ôn</i>)	III кл. (на <i>-ên</i>)
Ед. ч. 2. <i>suochi</i>	<i>salbo</i>	<i>habe</i>	
Мн. ч. 1. <i>suochemês, -amês;</i> <i>-ên</i>	<i>salbômês; salbôn,</i> <i>-ôên</i>	<i>habêmês; habên,</i> <i>-êên</i>	
2. <i>suochet; (-at)</i>	<i>salbôt</i>	<i>habêt</i>	

Как показывает приведенная парадигма, лишь II лицо единственного числа обладает своей собственной, отличной от других наклонений, формой, образованной от временной основы настоящего времени.

Разновидность корневого гласного сильных глаголов в древненемецком в данной форме (*nim, ziuh*) объясняется аналогическим влиянием формы второго лица настоящего времени изъявительно-го наклонения (*nimis, ziuhs*).

Во втором лице единственного числа повелительного наклонения в древненемецком языке существовало четкое разграничение форм сильных и слабых глаголов. Сильные глаголы оканчиваются всегда на согласный (*nim, ziuh, far, rât*), в то время как слабые оканчиваются на гласный (сократившийся в абсолютном исходе древний словообразующий суффикс) *-i, -o, -e*, ср. *suochi, salbo, habe*. В первом лице множественного числа в роли так называемого *Adhortativ'a* (побудительной формы) в древненемецком издавна выступала форма I лица множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения. Однако очень рано для выражения *Adhortativ'a* начинает применяться форма первого лица множественного числа настоящего времени сослагательного наклонения, которая в IX в. окончательно вытесняет в указанной функции форму изъявительного наклонения.

Во втором лице множественного числа форма повелительного наклонения в германских языках (в том числе и в немецком) уже в глубокой древности совпала с формой второго лица множественного числа изъявительного наклонения.

5. Неличные формы глаголов

В древневерхненемецкий период имелись три неличные формы: 1) неопределенная форма (инфинитив); 2) причастие настоящего

времени (причастие I); 3) причастие прошедшего времени (причастие II).

Неопределенная форма глагола по своему происхождению и образованию представляет собой косвенный падеж отглагольного названия действия (*nomen actionis*). Общий для всех индоевропейских языков способ образования инфинитива установить невозможно, поскольку он мог быть образован при помощи самых разнообразных суффиксов. Весьма показательно, что для этой цели служат суффиксы, употребляющиеся вообще для образования отглагольных существительных (ср.: русск. *брать*, *давать* и *власть*, *страсть*, нем. *Macht*, *Schlacht* и т. п.).

Однако неопределенная форма глагола отличается от обычного *nomen actionis* тем, что не имеет характерного для существительного синтаксического употребления, и в особенности тем, что не может сопровождаться определением, а также тем, что она ограничена в своих формах словоизменения и как бы застывает в одной падежной форме.

В германских языках, в том числе и немецком, в древний период его развития в роли инфинитива выступала, по-видимому, застывшая форма винительного падежа от отглагольного абстрактного существительного среднего рода на *-(o)no*. Данная форма оканчивалась в индоевр. на **(o)nom*, герм. **(a)n*. Окончание **(a)n* имели тематические глаголы. У атематических инфинитив оканчивался на *-n*, ср. *habên*, *salbôn* и т. п.

В западной группе германских языков к форме винительного падежа примкнули также формы родительного и дательного падежей по образцу основ на *-ja* среднего рода, ср., например: *neman* — род. *nemannes*, дат. *nemanne*; *salbôn* — род. *salbônnes*, дат. *salbônne* и т. п.

Как и в других германских языках, дательный падеж выступал обычно в сочетании с предлогом *zi*, *za* (ср. др.-англ. *tō*, др.-сакс. *te*).

Причастия по своему происхождению являются отглагольными прилагательными.

Причастие настоящего времени в древнегерманском образовывалось при помощи суффикса *-nt* и склонялось как основа на *-ja* имени прилагательного.

В краткой форме причастие настоящего времени оканчивалось в именительном падеже на *-nti*. У сильных глаголов *-nti* предшествовало *-a-*, у слабых — словообразующие суффиксы *-e-*, *-ô-*, *-ê-* (ср.: *zellenti рассказывающий*, *lôbônti хвалящий*, *habênti имеющий*). Следует, однако, отметить, что и у сильных глаголов *-a-* нередко подвергалось умлауту, ср.: *faran ехать*, *передвигаться* — *farenti* (реже *faranti*). Причастие настоящего времени в древнегерманском имело активную семантику и обозначало незаконченное или длящееся действие.

Причастие прошедшего времени у сильных и слабых глаголов образовывалось по-разному. У сильных глаголов причастие прошедшего времени образовывалось от основы прошед-

шего времени при помощи суффикса *-(a)n*, ср. *gi-poman*. В древне-немецком в образовании причастия прошедшего времени, помимо определенного суффикса, участвовал также префикс *gi-*, который отсутствовал лишь у префиксальных глаголов (ср.: *neman* — *ginoman*, *bineman* *отбирать*, *лишать* — *binoman*). Причиной сочетания причастия прошедшего времени с *gi-* являлась, по-видимому, перфективирующая сила данного префикса, благодаря которой понятие действия могло быть представлено как истекшее для настоящего времени и законченное. Поэтому в древневерхненемецкий период глаголы, сами по себе обладающие перфективным значением, при образовании причастия прошедшего времени не принимают префикса *gi-*; например, *queman* *приходить* — *quoman*, *finden* *находить* — *funtan*, *werdan* *становиться* — *wortan* и т. п.

Причастие прошедшего времени слабых глаголов образовывалось при помощи дентального суффикса *-t*, ср. *gisuochit*, *gisalbt*, *gihabt*. В древнемецком оно обозначало законченное действие, причем от переходных глаголов с пассивным, от непереходных с активным значением. Причастие прошедшего времени как сильных, так и слабых глаголов в древнемецком могло склоняться как обычное имя прилагательное: по местоименному и по именно-му склонению.

6. Пережиточные типы

а) Претерито-презентные глаголы. Индоевропейский перфект имел особое временное значение, занимая как бы срединное положение между значением настоящего и прошедшего времени. В. Вильманнс в своей «Немецкой грамматике» отмечает, что «перфект не был прошедшим временем, но обозначал лишь состояние законченности или достигнутого результата (*den Zustand des Vollendet- und Fertigseins*)»¹. Благодаря этому перфектные формы определенных глаголов могли в отдельных языках, после того как чувство унаследованного в древности значения утратилось, принять значение настоящего времени. Ср. др.-инд. *vēda*, греч. (F) *οτσα* *я понял, вникнул*, позже — *я знаю*; лат. *pōvī* *я познакомился*, узнал, впоследствии — *я знаю*. В этом смысле в германских языках имеется целый ряд так называемых претерито-презентных глаголов, у которых в качестве форм настоящего времени функционируют формы прошедшего времени, образованные по типу сильных глаголов. Для выражения действительно прошедшего времени были созданы новые формы по образцу слабых глаголов, которые образовывались от основы множественного числа настоящего времени без какого-либо связующего гласного. Внутри обоих времен формы в основном совпадали с формами обычных сильных и слабых глаголов, за исключением II лица единственного числа, в котором

¹ *Wilmanns W. Deutsche Grammatik, Dritte Abteilung.* — Straßburg, 1906. — S. 92.

выступало старое перфектное окончание *-t*. В древненемецком имелось одиннадцать таких глаголов, которые можно было расположить по рядам аблаута в зависимости от вокализма и консонантизма форм единственного и множественного числа настоящего времени.

Первому ряду аблаута соответствовал вокализм глагола *wizzan* *знать*, ср. I и III лицо единственного числа изъявительного наклонения *weiz* (совр. *weiß*), II лицо единственного числа *weist*, I лицо множественного числа *wizzum*, (*-un*), I лицо единственного числа сослагательного наклонения настоящего времени *wizzi*. Форма претерита данного глагола была образована по типу слабых глаголов: *wissa*¹, *wista*, *wessa*, *westa*. Относительно употребления данных форм необходимо отметить, что форма *wissa* в основном характерна для баварского и alemанского диалектов, в то время как остальные диалекты характеризуются формами *wessa*, *westa*. Второе слово с вокализмом первого ряда аблаута, соответствующее готскому *aigan* *иметь*, в древненемецком находится в стадии отмирания. От него сохраняются только формы множественного числа: *eigun*, *eigut* и формы конъюнктива. Все прочие формы вытесняются формами синонимичного глагола *haben*. (Ср. совр. прилагательное *eigen* *собственный*, *присущий*, восходящее к данному корню.)

Чередование, характерное для II ряда аблаута сильных глаголов, находим у безлично употребляемого глагола, представленного в III лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения, как *toug es hilft, nützt* — *помогает, полезно*, в III лице множественного числа настоящего времени — *tugun*, претерита — *tohta*, в причастии настоящего времени — *toganti*.

Чередование, соответствующее III ряду аблаута, показательно для форм настоящего времени глаголов *kunpan* *знать, уметь* (совр. *können*) и *durfan* *иметь надобность, нуждаться* (совр. *dürfen*), ср.:

<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
1. <i>kan, darf</i>	<i>kunnun, durfun</i>
2. <i>kanst, darft</i>	<i>kunnut, durfut</i>
3. <i>kan, darf</i>	<i>kunnun, durfun</i>

В претерите данных глаголов выступали формы *konda*, *dorfta*, образованные по аналогии со слабыми глаголами.

Четвертому ряду аблаута соответствуют формы единственного и множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения от глагола *solan* *быть обязанным, долженствовать*, ср. единственное число I и III лица *scal*, II лица *scalt*, множественное число *sculun*. Для претерита характерна слабая форма *scolta*. Немножко труднее определить, какому ряду аблаута соответствует чередование претерито-презентного глагола *magan*, *migan* *мочь*,

¹ *ss* из *z + t* согласно общегерманским правилам ассимиляции.

уметь, знать, однако консонантизм и вокализм указывают на пятый ряд, ср. I, III лицо единственного числа *mag*, II лицо *maht*, множественное число *magun* и *mugun* (соответственно формы конъюнктива *megi* и *mugi*).

Шестому ряду аблаута соответствуют чередования у глагола *muozzan* мочь, хотеть, долженствовать; I, III лицо единственного числа *muoz*, II лицо единственного числа *muost*, множественное число *muozun*, сослагательное наклонение *muozi*, претерит *muosa* (в конце древневерхненемецкого периода появляется форма *muosta*, которая и закрепляется в последующем).

б) Атематические корневые глаголы. Под атематическими следует понимать такие глаголы, у которых личные окончания (индоевр. **-mi*, **-si*, **-ti*) присоединялись непосредственно к корню, ср.: др.-инд. *ásmi esmь*, греч. εἶμι, др.-лит. *eĩmi иду* и т. п. Как было отмечено выше, в германских языках данный тип спряжения не получил дальнейшего развития, однако некоторые его пережитки сохраняются в отдельных представителях названной группы языков и, в частности, в немецком до настоящего времени.

Глагол *быть* (Verbum substantivum)

Регулярные формы настоящего времени этого глагола могут быть представлены в виде следующей парадигмы:

Изъявительное наклонение

<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
1. <i>bim, bin</i>	<i>birum, birun</i>
2. <i>bist</i>	<i>birut</i>
3. <i>ist</i>	<i>sint</i>

Сослагательное наклонение

<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
1. <i>sī</i>	<i>(sīm), sīn</i>
2. <i>sīs, sīst</i>	<i>sīt, (sīnt)</i>
3. <i>sī</i>	<i>sīn</i>

Парадигма свидетельствует о том, что для этого древнейшего глагола характерен архаический способ образования форм — супплетивное формообразование.

Значительная часть форм настоящего времени образована от индоевропейского корня **es*, выступающего в разных степенях аблаута, ср., например:

I л. ед. ч. индоевр. **ésmi*, др.-инд. *ásmi*, греч. ἔσμι, лит. *esmi*.

II л. ед. ч. индоевр. **esi* (<**es-si*), др.-инд. *ási*, греч. Гомер. ἔσσι, лат. *es*;

III л. ед. ч. индоевр. **esti*, др.-инд. *ásti*, греч. ἔστι, лат. *est*, лит. *ēst*;

III л. мн. ч. индоевр. **sénti* (*-s*- нулевая ступень аблаута к *es*), др.-инд. *sánti*, греч. ἔντι, умбрск. *sent*, двн. *sint*.

Формы, начинающиеся на губной, включают другой индоевропейский корень — *bhū, *bheу(ā), ср.: лат. fui, греч. φυω, др.-инд. bhāvāmi. Ср. также русск. *быть*, нем. bauen (< двн. būan *жить, обрабатывать землю*). В форме bim данный корень представлен в чистом виде, в то время как в bist, birun, birut он выступает в сочетании с корнем индоевр. *es.

Все прочие формы глагола существования (за исключением содержащихся в вышеприведенной парадигме), т. е. формы повелительного наклонения II лица единственного числа — wis, II лица множественного числа — weseu, формы претерита — единственного числа was, множественного числа wāgum, причастия настоящего времени wesanti, были образованы от сильного глагола V ряда аблаута — wesan *быть*. Наряду с wesan в роли инфинитива выступала также форма sīn, употребление которой становится особенно частым к концу древнего периода. Форма причастия прошедшего времени, которая должна была бы звучать как *giwegan, в древневерхненемецкий период не засвидетельствована.

Глагол tuon *делать*

Наряду с глаголом *быть* глагол tuon *делать* представляет собой слово, сохранившееся с древнейших времен. Корень его соответствует индоевропейскому корню *dhē, *dhō, ср.: др.-инд. da-dhāmi *ставлю, делаю*, греч. τι-θη-μι, лат. facio, feci, русск. *дело, делать*. Формы настоящего времени некогда, по-видимому, состояли из корня *dhō, непосредственно к которому присоединялись окончания -mi, -si, -ti, -mes, -te, -nti.

Следы атематического спряжения в древненемецкий период поступают у данного глагола довольно ярко, ср. следующую парадигму:

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Изъявительное наклонение

<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
1. tuom, tuon	tuomês, tuon
2. tuos, tuost	tuot
3. tuot	tuont

Сослагательное наклонение

<i>Единственное число</i>		<i>Множественное число</i>	
Более древняя форма	У Ноткера	Более древняя форма	У Ноткера
1. tuo	tuoe	tuom, tuon	tuoên
2. tuêst	tuoeêst	tuot	tuoeêt
3. tuo	tuoe	tuon	tuoeên

Более поздние формы настоящего времени сослагательного наклонения свидетельствуют о распространяющейся аналогии сильных глаголов, т. е. тематического спряжения.

В претерите выступает форма, в которой явственно ощущаются следы удвоения: единственное число *teta*, множественное число *tâtum*, -un. По своему происхождению это была, вероятно, форма, восходящая к индоевропейскому инъюнктиву с удвоением: единственное число индоевр. **dhedhôm*, **dhedhēs*, **dhedhēt*; множественное число индоевр. корень **dhēdh-*.

В чередовании гласных в формах претерита единственного и множественного числа, а также в образовании личных форм проявляется аналогия сильных глаголов V ряда аблаута, ср. парадигму глагола *tuon* в претерите изъявительного наклонения.

<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
1. <i>teta</i>	<i>tâtum</i> , -un
2. <i>tâti</i>	<i>tâtut</i>
3. <i>teta</i>	<i>tâtun</i>

Причастие прошедшего времени от данного глагола также имело сильную форму: *gîtân*.

Глаголы *gân* (совр. *gehen*) и *stân* (совр. *stehen*)

Сильные глаголы *gangan* *идти* (VII ряд аблаута) и *stantan* *стоять* (VI ряд аблаута) наряду с полными формами в претерите (*giang*, *gieng*; *stuont*) имеют в настоящем времени краткие формы *gân*, *gên* и *stân*, *stên*.

Относительно двойкой формы гласного необходимо отметить, что формы на *-â-* преобладают в алеманском диалекте, в то время как в остальных диалектах выступают преимущественно формы на *-ê-*. Оба этих глагола спрягаются в настоящем времени совершенно одинаково, ср. следующую парадигму:

Изъявительное наклонение

<i>Единственное число</i>	<i>Множественное число</i>
1. <i>gêm</i> , <i>gên</i> ; <i>gâm</i> , <i>gân</i>	<i>gêmes</i> , <i>gên</i> ; <i>gâmes</i> , <i>gân</i>
2. <i>gês</i> , <i>gêst</i> ; <i>gâs</i> , <i>gâst</i>	<i>gêt</i> , <i>gât</i>
3. <i>gêt</i> , <i>gât</i>	<i>gênt</i> , <i>gânt</i>

Сослагательное наклонение

1. <i>gê</i>	<i>gên</i>
2. <i>gês(t)</i>	<i>gêt</i>
3. <i>gê</i>	<i>gên</i>

Следует указать, что подобные оптативные формы в древненемецком выступают редко, гораздо чаще встречаются формы *gange* и *stante*.

Глагол *wellen* *хотеть* (совр. *wollen*)

По происхождению формы настоящего времени от глагола *wellen* представляют собой оптатив от индоевропейского глагольного корня **uel* (ср. лат. *velle*).

Оптативное происхождение особенно ярко выступает в готском языке (ср. готск. *wiljau, wileis, wili*). В древненемецком оптативные формы функционируют как формы изъявительного наклонения. Подобное употребление форм оптатива было связано, по-видимому, с семантикой данного глагола. Оптативная структура форм настоящего времени изъявительного наклонения четко прослеживается в единственном числе, в то время как во множественном числе наблюдается совпадение со слабыми глаголами первого класса, ср. следующую парадигму:

Единственное число

1. *willu*
2. *wili*
3. *wili*

Множественное число

- wellemês, wellên*
wellet
wellent, -ant

О том, что данные формы в древненемецком не воспринимаются более как оптативные, свидетельствует факт наличия наряду с ними форм конъюнктива настоящего времени, образованных по типу слабых глаголов, ср.:

Единственное число

1. *welle*
2. *wellês(t)*
3. *welle*

Множественное число

- wellêm, -ên*
wellêt
wellên

Формы претерита как изъявительного, так и сослагательного наклонения (*wolta; wolti, -î*) спрягаются полностью по образцу слабых глаголов. Форма инфинитива восходит в древненемецком к индоевропейскому корню **uol*, ср.: двн. *wellen*, др.-сакс. *welian* < **waljan*. Форма причастия настоящего времени выступала как *wellenti*. Форма причастия прошедшего времени для древневерхне-немецкого периода не засвидетельствована.

7. Зарождение аналитических форм

В древних индоевропейских языках имелось очень большое количество глагольных форм, но эти формы сами по себе не выражали времени. Отнесенность действия к прошлому передавалась путем присоединения к глагольной форме особой частицы, аугмента *é* (по происхождению наречие). Для настоящего и будущего времени не имелось отдельного обозначения.

С бедностью временных форм контрастировало богатство средств для выражения различных видов действия. Часть их была впоследствии переосмыслена во временные.

В германских языках имелись две формы, различие между которыми носило временной характер: презенс и претерит. Презенс означал, что действие относится к настоящему или будущему времени, претерит указывал на отнесенность действия к прошлому. Эти две формы мы и находим в немецком языке в древний период его

развития. Для выражения видовых различий в древненемецком применялись описательные обороты. Так, оборот, состоявший из глаголов *wesan* (*sîn*) или *habên* и причастия прошедшего времени, имел перфективное значение, значение достижения результата, ср., например, у Татиана: *phîgboum habêta sum giflanzôtan* буквально: *некий человек имел посаженной смоковницу*. Данный пример нельзя перевести на современный немецкий язык как *Ein Mann hatte einen Feigenbaum gepflanzt*, но следует перевести вместе с М. Лютером: *Es hatte einer einen Feigenbaum, der war gepflanzt in seinem Weinberge; ist gibet dînaz von druhtine gihôrtaz* *молитва твоя богом услышана* (с пассивным значением).

Причастие во всех этих оборотах первоначально являлось простым предикативным прилагательным, вторым элементом сложного сказуемого, образованного с глаголом-связкой, о чем свидетельствует согласование.

Однако впоследствии первоначальное видовое значение переосмысливается во временное, ср. у Отфрида: *sie eîgun mir ginomanan liabon druhtîn mînan* *они отняли у меня господо моего милого*, где первоначальное видовое значение в значительной мере уже стерлось.

Подобно причастию прошедшего времени, причастие настоящего времени также выступало в предикативной функции в сочетании с глаголами *wesan* (*sîn*) и *werdan*. Причастие указывало на длительность действия. Глагол *wesan* обозначал, что субъект пребывает в действии, *werdan* — что субъект вступает в действие. Начинательное значение последнего оборота могло быть переосмыслено во временное значение. Вступление в действие часто относится к настоящему моменту, окончание же его к будущему, ср. у Татиана: *wirdist swîgenti* *станешь нем*, *tho ward sînêr mund sâr sprechantêr* *тогда позднее рот его заговорил* — буквально: *стал говорящим*.

Однако яркое футуральное значение данный оборот получил лишь после замены причастия I инфинитивом (около XV в.). В древневерхненемецком периоде появляются также описательные обороты с пассивным значением, состоящие из вспомогательных глаголов *wesan* и *werdan* и причастия II.

ГЛАВА IV СИНТАКСИС

1. СРЕДСТВА СВЯЗИ СЛОВ И СЛОВСОЧЕТАНИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В ДРЕВНИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ

В древний период развития немецкого языка средства сочетания слов в предложении были в основном те же, что и в современном немецком языке, хотя во внутренней области примене-

ния этих средств, конечно, происходили определенные изменения.

Немецкий язык — язык флективный, то есть такой язык, в котором взаимоотношения между словами выражаются формами слов. Важнейшим средством сочетания слов в предложении в нем, прежде всего, является использование форм слов, характеризующих отношение одного слова к другому, а также взаимосоотнесенность нескольких слов. Имеются два вида использования форм слов: управление и согласование.

Управление наиболее характерно для глаголов. Так, например, непереходные глаголы движения *wallôn странствовать*, *fliogan летать* требуют винительного падежа существительного, обозначающего пройденный путь или часть пути, а также протяжение действия во времени, ср., например, *Floug er sunnûn pad, sterrôno strâza* (Отфрид). *Полетел он солнечным путем, звездной дорогой* (Отфрид); *Ih wallôta sumaro enti wintro sehstic* (Hildebrandslied) *Я странствовал шестьдесят зим и лет* (Песнь о Гильдебранде).

Глаголы со значением «есть», «пить», «жить» требуют родительного падежа объекта: *Trinkist du des lûteren brunnen* *Испивешь ты чистого источника*. Глаголы со значением «брать», «давать» требуют также родительного падежа: *Skanceta sehanton sînan fianton bitteres lîdes* *Налил он тотчас своим врагам горького вина*.

Согласование или формальное совпадение соотносящихся между собой членов предложения в роде, числе, падеже, лице представляет собой очень древнее свойство индоевропейских языков. Оно имеет место внутри одного и того же предложения между подлежащим и сказуемым, между существительным и определяющим его словом и т. п.

Так, глагольное сказуемое согласуется в лице и числе с подлежащим: *Quad tho zi imo thie engil* *Сказал ему тогда ангел*.

Вторым важнейшим средством сочетания слов в предложении в древненемецком являлось использование особых, так называемых служебных слов. Среди них имеются такие, функция которых состоит исключительно в обозначении отношения между словами или группами слов, как, например, предлоги и союзы, а также такие, которые помимо указанной своей функции обозначают самостоятельное понятие — указательные и относительные местоимения и местоименные наречия, ср., например, древненемецкие союзы: временные — *dô когда, тогда*; *bidu, mit thiû в то время, как*; *когда*; *biz, unz до тех пор*; *sît с тех пор*; *êr раньше чем*; причинный союз *vanta так как, потому что* и мн. др., ср. также предлоги *mit с, untar под, rî при, in в, oban сверху* и мн. др.

Третьим важнейшим средством сочетания слов в предложении в древненемецком, так же как и в современном языке, является использование определенного расположения, порядка слов. В доисторический период развития, когда богаче была представлена флек-

сия, не ощущалось особой нужды в определенном расположении слов. Выделение того или иного слова, порядок расположения слов в предложении первоначально обуславливался, по-видимому, психологическими или логическими моментами. Лишь с разрушением флексии возникает необходимость в установлении определенного порядка слов. Постепенно он закрепляется традицией в рамках норм, от которых не позволено отклонение.

Определенный порядок слов, характерный для грамматического строя немецкого языка, не является чем-то чуждым, навязанным ему извне. Уже в древнейшие эпохи развития немецкого языка в данном отношении намечаются некоторые черты, характерные также и для современного немецкого языка.

Одной из основных черт является, прежде всего, то, что второстепенные члены, относящиеся к одному и тому же члену предложения, не могут быть оторваны друг от друга. Так, например, определяющие существительные слова всегда составляют общую с ним, единую часть предложения, например: *Thar wârun steinînu wazzarfaz sehsu Там было шесть каменных сосудов для воды;* *Thar was thes heilantes muoter Там была мать спасителя.*

Однако сложное определение часто может быть отделено другими словами от того слова, к которому оно относится, ср. **Hiltibrant gimahalta, Heribrantes sunu** *Гильдебранд сказал, сын Герибранта.*

Второй чертой, характеризующей порядок слов в немецком языке, является положение спрягаемой части глагола. Обычно выделяются три возможных положения: а) в начале предложения, б) в конце предложения, в) после первого (по положению) члена предложения.

а) Начальное положение глагола всегда было характерно для общего вопроса (Satzfrage).

Предложения могли также начинать глаголы в форме повелительного или сослагательного наклонения.

В древненемецком, однако, было возможно начальное положение глагола и в утвердительном предложении, ср.: **Want hêr do ar arme wuntane bauga** *Снял он тогда с руки витые браслеты;* **Was liuto filu in flîze** *Много людей являли старание.*

б) Конечное положение глагола характерно для придаточной части сложных предложений, вводимой вопросительным местоимением или наречием, относительным местоимением или наречием, а также союзом, например, **Sanctus Paulus kehîez tîen, dîe in sînen zîten wandôn des sûonetagen, táz er êr nechame êr romanum imperium zegienge unde Antichristus rîchesôn begôndi** (Notker) *Святой Павел возвестил тем, кто в его времена ожидали судного дня, что он придет не раньше, чем погибнет Римская империя и начнется царствие Антихриста (Ноткер).*

В древних германских языках встречалось конечное положение глагола и в главной части сложного предложения. Об этом свидетельствуют древнейшие рунические надписи. В древнесаксонском

конечное положение глагола встречается не только в поэзии, но и в прозаической саксонской хронике.

В немецком оно, по всей вероятности, исчезло из прозы раньше. У Ноткера его нет.

Однако в архаическом стиле древней аллитерирующей поэзии весьма распространено конечное положение глагола; ср. в «Песни о Гильдебранде»: *Sunufatarungo iro saro rihtun Отец и сын поправили свое вооружение; Ik mî dê ôdre wêt Я знаю других; Forn her ôstar giweit Он отправился далеко на восток.*

в) Положение глагола на втором месте является обычным для самостоятельного предложения, а также для придаточной части сложного предложения, которая не вводится местоимением, наречием или союзом, ср., например, *Tho quad sîn muoter zi then ambahtun Тогда сказала его мать слугам; Siu wârun rehtiu beidu fora gote Оба они были праведны пред богом.*

Таковы средства сочетания слов в предложении, используемые в немецком языке в древний период развития.

Общение между людьми не может протекать в форме отдельных несвязных слов. Люди выражают свои мысли в виде связанных высказываний.

Предложение представляет собой, согласно определению акад. В. В. Виноградова, «основную семантико-синтаксическую единицу сообщения, грамматически организованную, соотносенную с действительностью, отражающую ее и выражающую отношение своего содержания к действительности»¹.

Главными членами предложения являются подлежащее и сказуемое.

Подлежащее в древневерхненемецкий период так же, как и в современном немецком языке, может быть выражено существительным, субстантивированным прилагательным или местоимением.

Сказуемое не обязательно представлено спрягаемой формой глагола. Оно может быть и именным составным сказуемым, состоящим из глагола-связки и предикатива.

2. УПОТРЕБЛЕНИЕ ВРЕМЕН И НАКЛОНЕНИЙ

Употребление времен и наклонений в ряде случаев отличалось от современного.

В древнегерманском не имелось еще аналитических временных форм, существовали лишь две простые временные формы — презент и претерит. Эти формы могли выражать абсолютное время,

¹ Виноградов В. В. Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — М.: Учпедгиз, 1950. — С. 37.

время по отношению к моменту речи. Только с появлением сложных аналитических форм стало возможным выражать также относительное время, то есть показывать временную последовательность ряда связанных высказываний. Известный немецкий грамматист В. Вильманнс образно характеризует данное явление: вначале все как бы лежит в одной плоскости, аналитические же формы создают возможность кулисоподобного сочетания времен.

Как же употреблялись простые времена? Употребление презенса (настоящего времени) не ограничивается той функцией, на которую указывает его название. Нередки в древненемецком и такие случаи, когда рассказчик настолько живо переключается в описываемую им ситуацию в прошлом, что рассматривает ее как происходящую в настоящее время, ср. из «Песни о Людвиге»: *Gode lob sagêda, Her sihit thes hêr gerêda* *Воздал он хвалу господу, так как тот видит, чего он желал.*

В древневерхненемецкий период отсутствовала особая форма для выражения будущего времени. Древненемецкие переводчики передавали греческий и латинский *futurum* по большей части с помощью презенса, хотя и использовали иногда описательные обороты с модальными глаголами (о которых речь пойдет ниже). При этом частично используется перфективирующая приставка *ga-* или *gi-*, ср., например, *Siu gibirit sun, inti thu ginemnis sînan namon Heilant* (Tatian) *Она родит сына, и наречешь ты его именем Спаситель* (Татиан).

Так, в «Муспилли» предсказание событий, которые должны произойти в будущем, дается в настоящем времени; ср. *So daz Eliases pluot in erda kitriufit, so inprinnant die perga, roum ni kistentit enihc in erdu* *Как только кровь Илии капнет на землю, всыхнут горы, дерево ни одно не устоит на земле.*

Восприятие описываемых событий как чего-то будущего облегчается здесь тем, что множество событий следует друг за другом.

Употребление претерита также отличалось от современного.

Так, например, претерит употреблялся в древненемецком для выражения прошедшего в его отношении к настоящему (т. е. выступал в той функции, в которой употребляется современный перфект), ср., например, *Ziu ist iu widarmuoti, theih einan man allan in then dag deta heilan* (Otfrid) *Она разгневана на вас за то, что я только одного единственного человека исцелил за день* (Отфрид). Кроме того, претерит употребляется также нередко вместо современного плюсквамперфекта, например, *Want hêr do ar arme wuntane bauga, so im se der chuning gap* (Hildebrandslied) *Снял он тогда с руки витые браслеты, которые ему дал король* (Песнь о Гильдебранде). Таким образом, древненемецкий претерит служил также для выражения категории предшествования.

Помимо него, в этой функции использовался особый причастный оборот, так называемый *dativus absolutus*. Сущность данного

явления заключается в том, что вместо временной придаточной части сложного предложения выступает сочетание существительного или местоимения в дательном падеже и согласованного с ним причастия, например, **Thô ziganganemo themo wîne** quad thes heilantes muoter zi imo (Татиан) *Когда вышло все вино* (буквально: *тогда выйдемшему вину*), *сказала спасителю его мать* (Татиан). Следует, однако, отметить, что данная синтаксическая конструкция характерна для книжно-литературного, церковного стиля и, возможно, была навеяна стилем античных подлинников.

Рассмотрим далее употребление времен в косвенной речи.

Характерными признаками косвенной речи по сравнению с прямой являются прежде всего смещения в обозначении лица и времени, изменения в наклонении, союзах, расположении слов.

В употреблении времен в косвенной речи в древневерхненемецкий период наблюдаются следующие закономерности:

1) после настоящего времени в предложении, вводящем косвенную речь, в придаточной части стоит то же время, что и в прямой речи: **Ni weiz mit wiu puaze** (Muspilli) *Не знает, чем она (душа) искупит (вину)* (Муспилли);

2) после претерита в главной части сложного предложения в придаточной также стоит Optativ Präteritum, независимо от того, употреблен ли в прямой речи презенс. Употребляя в главной части сложного предложения претерит, говорящий тем самым относит все высказывание в целом к прошлому. Претерит в придаточной части предложения мог обозначать действие, которое одновременно с действием главной части следует за ним или предшествует ему. Он может соответствовать презенсу, футуруму или претериту в прямой речи, ср. следующие примеры у Отфрида: 1. **Firnâmun in giwâri theiz ein gidrog wâri** *Убедились они воочию, что это привидение*; 2. **Kundtun sie uns, thaz er bi unsih dôt wurti** *Поведали они нам, что он отдаст жизнь для нас*; 3. **Quadun, siz gehôrtun** *Они сказали, что они слышали это*. Употребление презенса после претерита оправдывается лишь в том случае, если высказывание придаточной части, хотя оно относится к прошлому, сохраняет свое значение для говорящего и в настоящее время, ср. **Wanta er gikundta herasun, thaz er sî selbo gotes sun** (Отфрид) *Ибо он поведал здесь, что он и есть тот самый сын божий* (Отфрид).

Таким образом, в древненемецком имелось согласование времен, свособразное *consecutio temporum*. Однако полное формальное соответствие временных форм в управляющей и зависимой частях предложения не могло иметь места, пока существовали только простые времена. Лишь с развитием и совершенствованием сложных аналитических форм глагола согласование времен получило более строгий и систематический характер.

В древненемецком имелись три наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное.

Повелительное наклонение служило для выражения приказа или призыва к действию. Иногда для замены императива употреблялись описательные обороты с модальными служебными глаголами либо в изъявительном, либо в сослагательном наклонении, ср., например, описательный оборот с глаголом *sculan*: *Thes scal er gote thankôn* и *Thes thankô er gote* *Да возблагодарит он за это бога!*

Относительно сослагательного наклонения следует отметить следующее. Немецкий язык имел в древний период своего развития, так же как и два времени изъявительного наклонения, две формы сослагательного наклонения — презенс и претерит.

Эти две формы имели первоначально различные значения и во временном отношении. Об этом свидетельствует тот факт, что после претерита в главной части сложного предложения в косвенной речи употребляется непременно претерит сослагательного наклонения, например, *Aber frâgêtun in die Pharisei, wuo er gisâhi* (Татиан) *Но спросили его фарисеи, каким образом он прозрел* (Татиан).

Данное обстоятельство является подтверждением той гипотезы, что ирреальное значение претерита сослагательного наклонения тесно связано и развилось благодаря его временному значению, в частности, значению прошедшего времени.

В современном немецком языке следы первоначального временного значения претерита сослагательного наклонения им окончательно утрачены. Вместе с тем более ярким стало модальное различие между презенсом и претеритом сослагательного наклонения.

Употребление сослагательного наклонения настоящего времени в древности незначительно отличалось от его употребления в современном языке.

Отличия в употреблении претерита конъюнктива от его современного употребления обуславливаются указанными выше особенностями.

Модальность может находить свое выражение не только в формах наклонения.

Модальность может быть выражена и сочетанием модального служебного глагола с инфинитивом. В древневерхненемецкий период употреблялись модальные глаголы *kunnan*, *magan*, *muozen*, *sculan*, *wellen*, *lazzan*, сохранившиеся и в современном немецком языке. Однако значения многих из них существенно отличались от значений соответствующих глаголов современного языка.

Так, модальный глагол *können* в современном немецком языке выражает возможность, покоящуюся на духовной, телесной или моральной способности, в то время как в древности он мог употребляться лишь по отношению к духовной возможности (знанию). Первоначальное его значение — *знать*, ср., например, у Отфрида: *Ih kan thio buah* *Я понимаю (знаю) эти книги*. Древневерхненемецкий глагол *magan* выражал физическую возможность, подобно современному глаголу *können*. Ср. у Татиана: *Ni mag arstantan* *He*

могу встать (подняться), а также Thu ni **maht** sprechan *Не сможешь говорить.*

Глагол *durfan*, к которому восходит совр. *dürfen*, не был модальным и имел значение *не хватать, недоставать*. Древненемецкий глагол *muozen* обозначал необходимость, долженствование, обусловленные естественными, духовными, внешними или моральными причинами, ср., например: Sie ni **muasun** gân sô fram zi themo heidinen man *Им не следовало подходить так близко к язычнику*; Fon got er **muazi** habên munt ioh wesan lango gesunt *Пусть хранит его бог и пусть он долго пребудет во здравии*. Древненемецкий глагол *sculan* обозначал необходимость, долженствование, зависящие от чужой воли, ср., например: Leidhor thaz ni **scolta** sîn (Отфрид) *К сожалению, это не должно было случиться* (Отфрид); Ih **scal** fon thir gitoufit werdан (Татиан) *Я должен быть крещен тобой* (Татиан). Древненемецкий глагол *wellen* выражал собственную волю субъекта, например: Wir **wellêmes** then heilant gisehan (Татиан) *Мы хотим увидеть спасителя* (Татиан); Wuo ofto ih **wolta** gisamanôn thînu kind, inti thu ni woltôs (Татиан) *Как часто я желал собрать твоих детей, но ты не хотел* (Татиан). Древненемецкий глагол *lazzan* выражал разрешение или повеление, например: **Lâzet** iogiwedar wahsan unzan zi arni (Татиан) *Дайте каждому из них дорасти до урожая* (Татиан); Ni **liez** einîgan imo folgên, nibi Petrum (Татиан) *Не разрешил он никому следовать за собой, кроме Петра* (Татиан).

3. СОСТАВНОЕ СКАЗУЕМОЕ

Говоря о модальных глаголах, мы уже затронули область составного сказуемого, ибо модальные глаголы употребляются обычно в сочетании с инфинитивом в роли полувспомогательных, служебных глаголов. Составное глагольное сказуемое, образованное с помощью модальных глаголов, имело в ряде случаев не только модальное значение.

Так, сочетания инфинитива с глаголами *sculan*, *wellen*, *muogan*, *muozen*, помимо модального значения, в ряде случаев носят ярко выраженный футуральный характер, что тесно связано с семантикой данных глаголов, употребляемых при действиях, которые должны наступить в будущем. Наиболее часто с футуральным оттенком употребляется глагол *sculan*, который в большинстве германских языков (английском, датском, шведском) стал вспомогательным глаголом, служащим для образования аналитической формы будущего времени, ср., например: Sagên ih iu, wio ir nan **sculut findan** (Отфрид) *Я вам скажу, как его найти* (Отфрид); Berga sculun suîonan (Отфрид) *Горы исчезнут* (Отфрид).

Описательные обороты с футуральным значением реже встречаются с остальными глаголами, ср., например, Wil thû thaz rîchi

irsezen (Otfrid) *Изменишь ты это царство* (Отфрид). Er scal sînen drûton thrâto **gimuntôn**, then altan Satanasan **wilit** er **gifahan** (Otfrid) *Он защитит своего друга, а старого Сатану он возьмет в плен* (Отфрид); **Wâr mugun** wir nû **biginnan**, mit koufu brôt giwinnan *Где мы теперь начнем зарабатывать продажей на пропитание.*

Вопрос о глагольном составном сказуемом с причастиями уже затрагивался, когда говорилось о зарождении современных аналитических глагольных форм в немецком языке в древний период его развития. Причастие выступает там в роли предикатива и согласуется с соответствующим существительным в роде, числе и падеже.

Наряду с зарождением современных аналитических временных форм протекает также становление аналитических форм страдательного залога. Современные формы страдательного залога с глаголами *sein* и *werden* восходят к древненемецкому глагольному составному сказуемому, состоящему из глаголов *wesan* и *werdan* и причастия прошедшего времени.

Первый из названных оборотов обозначал пребывание в известном состоянии, второй — переход в это состояние, ср., например, 1. In thritten tage brût loufti **getano uuârun** in thero steti (Tatian) *На третий день была устроена свадьба в городе том* (Татиан); 2. Thaz giscrib zi êristen **ward gitân** in Syriu fon demo grâven Curgine (Tatian) *Перепишь сначала стала проводиться в Сирии наместником Кирином* (Татиан).

Помимо глагольного составного сказуемого, в древненемецком языке имелось также именное составное сказуемое, ср., например, **Ih bim Gabriel** (Tatian) *Я — Гавриил* (Татиан); **Magaczogo warth her sîn** (Ludwigslied) *Он стал его воспитателем* (Песнь о Людви́ге); **Khenfun sint so kreftic** (Muspilli) *Борцы так сильны* (Муспилли).

Подлежащим в простом предложении с таким сказуемым является существительное или заменяющее его местоимение. Отношение его к предикативу в целом ряде случаев очерчено довольно четко. Если это существительное, то оно либо идентифицируется с предикативом, например, **Ih bim Gabriel** (*Ich = Gabriel*), либо же предикатив обозначает группу, в которую зачисляется подлежащее, давая, таким образом, характеристику подлежащего: **Magaczogo warth her sîn**.

Прилагательное в роли предикатива может обозначать качество подлежащего: **Khenfun sint so kreftic**.

Существительное в роли предикатива ставится обычно в именительном падеже.

Форма прилагательного в составном именном сказуемом отличалась от его формы в современном немецком языке.

В древневерхненемецкий период в функции предикатива могла употребляться как сильная форма прилагательного без окончания, так и сильная форма с местоименным окончанием, ср., например, **Ther ist dôt** *Он мертв* и **Wird du stummêr** *Стань нем* (буквально: *немой*).

Однако употребление формы с местоименным окончанием ограничивается в основном рамками единственного числа. Для пре-

дикатива во множественном числе в древневерхненемецкий период характерна форма без окончания. Так, у Отфрида встречается: *Wir birun frô Мы рады*; *Thie zîti sint so heilag Эти времена так священные*; в «Муспилли»: *Khenfun sint so kreftic Борцы так сильны*. У Ноткера, т. е. в самом позднем памятнике древневерхненемецкого периода, форма с окончанием встречается крайне редко.

Таким образом, так называемая несклоняемая форма представляет собой старинную сильную форму именительного падежа прилагательных, наряду с которой в древности в качестве предикатива могла выступать и более поздняя местоименная форма. Дифференциация в употреблении этих форм является плодом постепенного развития. При этом старая сильная форма значительно расширяет область своего применения, выступая безотносительно к числу и роду.

4. ВЗАИМООТНОШЕНИЕ СКАЗУЕМОГО И ПОДЛЕЖАЩЕГО

Форма подлежащего определяет форму лица и числа глагола. Общим правилом является то, что после подлежащего в единственном числе глагол также употребляется в единственном числе, после подлежащего во множественном числе сказуемое стоит обычно во множественном числе. Отсутствие согласования наблюдается в случае, если за подлежащим скрывается множество, ср., например, *Quam menigi therô Judeono êr, drôstun thâr tio swester, bâtun Пришла толпа иудеев, утешали там сестер, просили*. Иногда, если подлежащее обозначает сумму чего-либо, сказуемое (которое по правилу должно было бы стоять во множественном числе) стоит в единственном. Это происходит тогда, когда логически выделяется одно из подлежащих, например: *Fuar druhtîn inti sîne uber einen lantsê Поплыл господь и его (ученики) через озеро*; или когда высказывается что-либо индивидуально о каждом из подлежащих: *Thâr Marta was ioh Mariâ Там была Марта и Мария*. В именном сказуемом с подлежащим формально согласуется связка. Существительное в роли предикатива по большей части согласуется в числе и падеже с подлежащим.

Согласуются с подлежащим и прилагательное или причастие в местоименной форме.

Подлежащее в предложении выделяется как своей собственной формой, формой падежа, так и формами сказуемого, поскольку сказуемое всегда согласуется в лице и числе с подлежащим. Падежной формой подлежащего в древненемецком языке, как и в других языках так называемого номинативного строя, является именительный падеж.

Личное местоимение в функции подлежащего могло опускаться.

Первоначально личное местоимение присоединялось к глагольной форме только в том случае, если говорящий хотел особо выделить его, противопоставить чему-либо другому, поскольку окончание глагольной формы само по себе было достаточно выразительным. Поэтому в древний период развития немецкого языка имелись предложения, в которых внешне подлежащее как бы отсутствовало: *Wanân habês lebenti wazzar?* (Tatian) *Откуда у тебя (буквально: откуда ты имеешь) живая вода?* (Татиан).

Однако уже в древневерхненемецкий период употребление местоимения и без его особого выделения (Nachdruck) становится нормальным.

Вводящее *es* отсутствовало: *Uuard thô gitân in then tagun...* (Tatian) *Было тогда устроено в те дни...* (Татиан).

О дополнениях и обстоятельствах можно говорить лишь в плане сопоставления их употребления в древненемецком и в современном языках. В древненемецком языке так же, как и в современном немецком языке, в качестве дополнения обычно выступали существительные в косвенных падежах, а также в сочетаниях с предлогами. Падежной формой дополнения в древненемецком языке являлись не только формы винительного и дательного падежа (ср.: *Thô gihalôta then brûtigomon thie furistsizzento inti quad imo...* *Позвал тогда распорядитель пира жениха и сказал ему...*; *Thô quad iru ther heilant...* *Тогда сказал ей Спаситель...*), но также широко употреблялась форма родительного падежа. Употребление родительного падежа с глаголами очень близко к употреблению родительного выделительного с существительным. Названия веществ, будучи употреблены с глаголами, требующими обычно винительного падежа, могли стоять в родительном падеже, имевшем следующее значение: не вся совокупность вещества, но лишь часть его затрагивается действием, названным глаголом.

В современном немецком языке подобное употребление ограничивается в основном языком поэзии.

Наиболее часто этот выделительный родительный падеж используется с глаголами: *ezzan есть, кушать*: *Thaz iagilîh thes âzi* (Otfrid) *Чтобы каждый отведал этого* (Отфрид); *geban давать* — *Gib mir thes drinkannes* (Otfrid) *Дай мне пить* (буквально: *питья*) (Отфрид); *bringan приносить* — *Hiaz er sie bringan thero fisgo* (Otfrid) *Велел он им принести тех рыб* (Отфрид); *habên иметь* — *Tu ne habis kiscirres* *У тебя нет* (буквально: *ты не имеешь*) *посуды*. Родительный падеж употребляется также с глаголами восприятия, ср. *sehan видеть* — *thero duro дверь*; *hören слышать* — *sînero wortô* *его слова*; *wânen полагать, верить* — *doh uuanit des... vilô gotmanno* (Muspilli) *но верят много божьих людей в то* (Муспилли), с глаголами желания, нужды (*darben нуждаться*), наполнения (*fullen наполнять*), насыщения (*satôn насыщаться*), властвования (*waltan править*) и др.

Количество предложных дополнений в древненемецком было иное, чем в современном немецком языке. Наиболее распространенным является дополнение пассивного оборота, обозначающее деятеля с предлогом *fon*, например, *Ih bim gisentit fon demo kuninge* *Я послан королем*.

Для древненемецкого также характерно более широкое употребление винительного с инфинитивом: *Daz hortih rahhon die uerolt-rehtuuison (Muspilli) Я слышал, как рассказывали благочестивые люди (Муспилли); Ik gihorta dat seggen (Hildebrandslied) Я слышал рассказ о том (Песнь о Гильдебранде)*.

Необходимо обратить внимание на то, что в немецком языке в процессе его исторического развития многие наречия перестают использоваться в качестве наречий и воспринимаются как предлоги (например, *bei, aus, auf, an* и мн. др.).

В древненемецком многие из них функционируют в качестве наречия, предлоги же рассматриваются как особое употребление соответствующего наречия. Ср. следующие примеры: *inti al thiū menigī uuas thes volkes ūzze (Tatian) а вся толпа народа была снаружи (Татиан); Thō nam her godes urlub, huob her gundfanon ūf (Ludwigslied) Тогда простился он с богом, поднял вверх боевое знамя (Песнь о Людвиге); unde ferit sīu gesunt ūz и она выйдет невредимой наружу; Теппе sō chumit ther fater unde blāset es ana... (Der āltære Physiologus) Тогда придет отец и подует на него... (Ранний физиолог); daz der tiufal dar pi kitarnit stentit (Muspilli) что при этом тайно присутствует дьявол (Муспилли)*.

Они могли сочетаться с наречиями места, образованными от местоименных корней, ср., например, *dar-ūze снаружи* и др.

Сочетание это свидетельствует еще о сохранении наречиями места своей самостоятельности.

5. ОПРЕДЕЛЕНИЕ. АРТИКЛЬ

В качестве определений в древневерхненемецком выступали обычно имена прилагательные или существительные: *thes heilantes muoter (Tatian) мать Спасителя (Татиан); Quam thō uuīb fon Samariu (Tatian) Пришла тогда женщина из Самарии (Татиан); Thō quad imo uuīb thaz samaritanisga (Tatian) Сказала ему тогда женщина самаритянская (Татиан); der mahtigo khuninc могучий король*.

В древневерхненемецком известно было также и приложение (*Hiltibrant gimahalta, Heribrantes sunu*).

Среди имевшихся в то время именной, местоименной и краткой форм имени прилагательного функции распределялись следующим образом.

Функцией слабой, или именной, формы прилагательного (*daz himilisca horn небесный горн; die wenaga sela бедная душа; der uenago*

man *бедный человек*) являлось с самого начала обозначение определенности. Она могла относиться лишь к существительному, выражавшему нечто уже названное ранее или нечто вполне определенное, ср., например, у Татиана: при первом упоминании — *iogiuuelih man zi êrist guotan uuîn sezzit* *Каждый человек сначала ставит хорошее вино*; при вторичном упоминании *Thû gihieiti then guoton uuîn unzán pû* *Ты же сохранил хорошее вино до сих пор*.

На более древней ступени развития языка прилагательное в слабой форме могло само по себе указывать на определенность, ср., например, у Отфрида: *fon himilisgen lihte* *небесным светом*.

Однако подобное употребление не закрепляется в языке. Слабая форма прилагательного используется в том случае, если она следует за указательными местоимениями, подобными *dieser* и *jener*, или за определенным артиклем, развившимся из указательного местоимения *der*.

Впрочем, употребление слабой формы после местоимений и артикля не было еще в достаточной мере упорядоченным в древневерхненемецкий период. Наряду со слабой формой в данной функции встречается также и сильная форма, ср., например, у Отфрида: *thie ungiloubîge* *неверующие*.

Сильная форма прилагательного с самого начала употреблялась с существительным, которое не обладало категорией определенности, ср., например, у Татиана: *guot boum* *хорошее дерево*; у Отфрида: *Thû bist iudisgêr man* *Ты — иудей* (буквально: *иудейский человек*). Характерно, что краткая форма могла выступать в данной функции рядом с местоименной, ср., например:

1. Краткая форма — *thaz hê dir gâbi lebenti wazzar* (Tatian) *чтобы он дал тебе живой воды* (Татиан); *Dat was so friuntlaos man* (Hildebrandslied) *Он был такой одинокий человек* (Песнь о Гильдебранде); *Daz ist rehto paluuc dink* (Muspilli) *Это очень опасная вещь* (Муспилли).

2. Местоименная форма — *Du bist dir, altêr Hûn, ummet spâhêr* (Hildebrandslied) *Ты, старый гунн, безмерно хитер* (Песнь о Гильдебранде); *Nû scal mih suâsat chind suertu hauwan* *Теперь же меня будет рубить мечом дитя милое* (там же); *Du bist uuóle slôzhafter gârto, suéster mîn gemahela, garto slôzhafter, brunno besîgelter* *Ты — крепко запертый сад, сестра моя возлюбленная, сад запертый, источник запечатанный* (Перифраз Песни Песней). Ср. также у Ноткера: *ein churz wîla* *развлечение*, *ein wîse diorna* *мудрая девушка*.

Тем не менее после неопределенного артикля в древневерхненемецком преобладает употребление прилагательных с местоименными окончаниями *-êr*, *-iu*, *-az*.

Во множественном числе для различения родов употреблялась лишь склоняемая форма: *Lietz her heidine man ubar sêo lîdan* *Наслал он язычников из-за моря* (Песнь о Людвиге); *Thâr wârun steinînu uuazzarfaz* (Tatian) *Там были каменные сосуды для воды* (Татиан).

Подобное употребление краткой формы наряду с местоименной в функции определения встречается вплоть до XVI в.

В современном языке краткая форма прилагательных характерна для идиоматических выражений и пословиц типа: *gut Freund sein mit allen, eitel Gold, auf gut Glück, ein gut Gewissen ist ein sanftes Ruhekissen, gut Ding will Weile haben* и т. п., а также для народной речи и для стилизации под народную речь в поэзии (ср. стихотворение Гете «Полевая розочка»), реже для архаистически приподнятого стиля речи.

После притяжательного местоимения (*mîn, dîn*) могла выступать и сильная и слабая форма; у некоторых авторов (как, например, у Ноткера) слабая форма даже преобладает.

В качестве определений функционируют также притяжательные и указательные местоимения *mîn, sîn, dîn, theser*: *Dê dâr trinkit fon thesemo uuazzare thaz ih gibu, ni thurstit zi êuuidu Кто испьет мой воды, которую я даю, не будет жаждать вовеки; Var inti halo thînan gomman Поди и приведи твоего мужа.*

К концу древневерхненемецкого периода завершается переход указательного местоимения *der*, употребляющегося в качестве определения, в препозитивный артикль. Аналогичные процессы можно наблюдать и в других индоевропейских языках (греческом, романских).

Процесс перехода указательного местоимения в артикль заключается в постепенном стирании его первоначального значения, что сопровождается также ослаблением ударения. В готском языке имелись лишь предпосылки для выделения определенного артикля. Указательное местоимение *sa* применялось в этом языке для выделения названного уже ранее предмета, перед отличительным эпитетом, а также перед субстантивированным прилагательным. Переход указательного местоимения в артикль можно считать законченным лишь тогда, если оно предшествует любому существительному, обладающему категорией определенности.

В древневерхненемецком артикль был еще не всюду обязателен. Он нередко отсутствовал в поэтических памятниках, которые, как известно, дольше всего склонны сохранять архаистические особенности, ср. в «Песне о Людвиге»: *Kuning was erfirrit Король был в отдалении; Sang was gisungan, uuîg uwas bigunnan Песня была пропета, битва — начата*; а также в «Муспилли»: *Dar scal denne hant sprehan, houbit sagen Тогда заговорит рука, заговорит голова.* В древненемецком начинается также переход числительного *ein* в неопределенный артикль. Так, для древненемецкого можно говорить об индивидуализирующем употреблении *ein* (в нем содержится указание на отдельный конкретный неопределенный предмет), ср. у Отфрида: *In dagen eines kuninges... uwas ein êuwarto В дни (правления) одного короля... жил один священник*, а также в «Раннем физиологе» *Hier begin ih einna reda umbe diu tier Здесь я начинаю речь о животных.* Однако встречается еще и употребление без артикля:

Thô quam **boto** fona gote, **engil** ir himile *Тогда пришел посланец от бога, ангел с небес*. В сравнительных оборотах в древненемецком языке неопределенный артикль не отмечен: So **muater kindeline** dūat *Как мать поступает с детьми*. Неопределенный артикль вследствие своего основного значения ограничен рамками единственного числа. Однако в древневерхненемецком и средневерхненемецком встречается множественное число от ein перед некоторыми существительными, представляющими по своему происхождению множественное число, но воспринимающимися как единственное, ср., например, у Отфрида: fora **einêr** ôstarôn *однажды под Пасху*. Распространению и закреплению артиклем способствовала малая выразительность падежных форм.

6. ВЫРАЖЕНИЕ ВОПРОСА И ОТРИЦАНИЯ

При выражении вопроса, в особенности так называемого общего вопроса (Satzfrage), большую роль играет порядок слов: **Neweist** tu daz Kroesus erretet ward? *Разве ты не знаешь, что Крез был спасен?* Иногда употребляются особые частицы, ср.: **Eno** thû bistû mêra unsaremo fater Jacobe? *Разве ты могущественнее отца нашего Иакова?*

Для выражения отрицания в древненемецком употреблялась индоевропейская частица **ni**, которая по большей части стояла непосредственно перед спрягаемой формой глагола, образуя с ней тесное единство.

Употребления этой частицы перед глаголом было вполне достаточно для того, чтобы сделать предложение в целом отрицательным.

Для отрицания какого-либо отдельного члена предложения употреблялась частица **nalles**. Кроме того, имелось отрицательное местоимение **nohein**, **nihhein**, из которого впоследствии развивается **kein**.

7. СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Древнейшим видом сложных предложений являются сочинительные бессоюзные предложения, состоящие по существу из ряда самостоятельных предложений. Именно этот вид предложений широко представлен в немецком языке в древний период его развития, ср., например, в «Песни о Гильдебранде»: **Spenis** mih mit dīnêm wortun, wili mih dīnu speru werpan *Заманиваешь меня своими речами, хочешь ударить меня своим копьем*; ср. также; **Einêr** frâgêt, anderêr antwurtit *Один спрашивает, другой отвечает*.

Подобное бессоюзное сочинение нередко выступает в древне-немецком даже тогда, когда налицо и живо ощущается внутренняя

зависимость сочиняемых предложений, ср. в «Песни о Гильдебранде»: Hiltibrant gimahalta: her was hêrôro man *Заговорил Гильдебранд: он был старше возрастом*; ср. также у Татиана: Sîne jungiron ouh wârûn hungrage, bigunnun raufan diu ahar *Его ученики также были голодны, начали срывать колосья* (каузальное взаимоотношение), Ih scal iu sagên imbot, gibôt ther himiliso got *Я назову вам заповедь, пожелал господь* (атрибутивное взаимоотношение) и т. п.

Наряду с бессоюзными сочинительными предложениями весьма распространено в древненемецком также сочинение при помощи разнообразных союзов и частиц (например: inti *и*, ouh *также*, abur *но*, wanta *так как* и т. п.): Siu warun rehtiu beidu fora gote, gangenti in allem bibotun inti in gotes rehtfestin uzzan lastar **inti** ni uuard in sun, **bithiu wanta** Elisabeth was unberenti inti beidu framgigiengun in iro tagun (Tatian) *Они были оба праведны пред богом, следуя всем его заповедям и вере праведной беспорочно, и не было у них сына, ибо Елизавета была бесплодна и оба они были в преклонном возрасте* (Татиан). При этом в ряде случаев сказуемое меняет свое местоположение.

Вместе с тем зарождение и дальнейшее развитие письменного литературного языка способствовало закреплению и совершенствованию более сложных и более поздних по своему происхождению подчинительных конструкций и синтаксических средств подчинения (особых частиц, подчинительных союзов, относительных местоимений и т. п.), ср. следующие сложные предложения с атрибутивной придаточной частью:

1) бессоюзные mit demo brunnen, thû nû quîst *источником, (о котором) ты сейчас говоришь*; then weg, sie faran scoltun *дорогу, (по которой) они должны были ехать*;

2) с относительной частицей — allaz, sô thir liub ist *все, что тебе дорого*;

3) с относительным местоимением (развившимся из указательного) — Thô ward thâr irfullit, **thaz** forasago singit *Тогда исполнилось там все, о чем поет пророк*; Si birit sun zeizan, **ther** ofto ist iu giheizan *Она родит сына милого, о котором так часто возведали вам*;

4) с относительным местоимением (развившимся из вопросительного) — Thaz er thaz gihôrti, **was** druhtîn thes giquatî *Чтобы он услышал то, что сказал бы об этом господь*; Wer iz wâri von in, **wer** sulhîh tâti. *Кто же из вас был тем, кто совершил подобное*.

Значительно усложняются случаи бессоюзного логического подчинения, в особенности в уступительных и условных предложениях, ср.: Ni duas thû sô, lôn ni habês thû es nihein *Если ты не сделаешь так, то ты не получишь за это никакого вознаграждения*.

Для противопоставления главной части сложного предложения ее придаточной части, а также для разграничения видов предложений используется местоположение их членов.

При передаче чужой речи используются, кроме того, различия времен и наклонений (см. выше).

Наличие сложных подчинительных конструкций в особенности характерно для ученой богословской прозы конца древненемецкого периода (ср. труды Ноткера), в то время как в более архаических эпических произведениях, тесно связанных с устной народной речью, сочинение явно преобладает над подчинением.

ГЛАВА V СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Словообразование играет в языке чрезвычайно важную роль, так как оно является главным средством пополнения словарного состава новыми словами. Новые слова в языке возникают на базе основного словарного фонда, включающего в качестве ядра все корневые слова, а также много производных.

В древневерхненемецкий период для образования новых слов служили следующие способы: чередование, аффиксация, словосложение и конверсия.

Поскольку определенные словообразовательные типы тесно связаны с определенными лексико-грамматическими разрядами слов, целесообразно рассматривать их применительно к этим разрядам, останавливаясь в основном на важнейших средствах образования знаменательных частей речи.

2. ПРОИЗВОДНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

1. Суффикс действующего лица *-âri*

Данный суффикс соответствовал лат. *-arius* и был заимствован из латыни вместе со словами, в состав которых он входил (ср., например, *molinari* *мельник*). Он служил первоначально, по-видимому, преимущественно для образования новых слов от основ имен существительных, что подтверждается материалами одного из древнейших германских языков — готского, ср. готск. *bōkareis* (*der Schriftgelehrte*) *книжник*, *sveduþij* *в письме* от *bōka* *буква*; *wullareis* *валяльщик* *сукон* от *wulla* *шерсть*.

В древненемецком также имелись слова, образованные от основ имен существительных при помощи данного суффикса, например: *ambahtâri* *служитель*, *слуга* от *ambaht* *служба*; *fârâri* *искуситель* от *fâra* *искушение*, *опасность*; *gartâri*, *gartinâri* *садовник* от *garto* *сад*; *lêrâri* *учитель* от *lêra* *учение*; *mâdâri* *жнец*, *косец* от *mâd* *жатва*,

косьба; scâhâri *разбойник, грабитель* от scâh *разбой*; sangâri *певец* от sang *песня*.

Среди производных существительных могли быть названия действующих лиц (nomina agentis), которые были связаны с соответствующими глаголами, ср.: suonâri *судья* — suona *суд* — suonен *судить*; lêgâri *учитель* — lêga *учение* — lêgen *учить* и др. Это обстоятельство способствовало образованию новых существительных непосредственно от глагольных основ, в связи с чем значение самого суффикса было переосмыслено; он стал выражать производителя действия, а не просто отношение к действию.

В древненемецком большое количество существительных с данным суффиксом образовано от глаголов: fiskâri *рыбак* от fiskôn *ловить рыбу*, jagâri *охотник* от jagôn *охотиться*, heilâri *исцелитель* от heilen *исцелять*, mezzâri *измеритель* от mezzan *измерять*, nemâri *берущий* от neman *брать*, helfâri *помощник* от helfan *помогать*.

Новый словообразовательный тип, сложившийся в языке в результате заимствования словообразовательного элемента, оказался настолько продуктивным, что начал вытеснять старый суффикс *-n*, служивший ранее для той же цели, ср. древненемецкие — helfo — helfâri, nemo — nemâri, а также средневерхненемецкие — ezzer *едок*, geber *дающий*, widersacher *противник* с древневерхненемецкими — ezzo, gebo, widarsacho.

Из старых образований на *-n* в современном языке сохранились лишь немногие, ср. der Bote (двн. boto), der Herzog (двн. herizogo), der Schultheiß (двн. skultheizo).

Данный словообразовательный тип оказался крайне устойчивым и сохранил свою продуктивность и до настоящего времени, предпосылки к чему имелись в объективной действительности. В современном немецком языке это почти исключительно производные от глагольных основ (редко от именных, например, Künstler, Städter).

Часто суффиксу *-âri* предшествовал какой-либо более древний словообразовательный элемент; ср., например, такие производные, как lugina *ложь* — luginâri *лжеец*, satal *седло* — satalâri *шорник*, что приводило впоследствии к переразложению основ и к выделению современных суффиксов *-ler* и *-ner*. Уже для древневерхненемецкого периода можно говорить о возникновении в результате переразложения основ суффикса *-nâri*, ср. gartinâri *садовник* от garto *сад* (основа на *-n*) и sculdinâri *должник* от sculda *долг*.

Примеры на *-lâri* в древненемецком отсутствуют.

Помимо суффикса *-âri* в древненемецком для образования названий действующих лиц употреблялся также германский суффикс *-(i)*, например: biril *носильщик* от beran *носить*, wibil *жук* от weban *ткать*, wahtil *сторож* от wachten *охранять*, trîbil *погонщик* от trîban *гнать, погонять*.

Однако количество подобных существительных было невелико и постепенно уменьшалось в процессе исторического развития, вытесняясь образованиями на *-er*.

2. Инструментальный суффикс *-il*

Более распространены были в древненемецком названия инструментов с суффиксом *-il*: *sluzzil* *ключ* от *sliezen* *закрывать, запирать*; *zugil* *повод(ья)* от *ziehen* *тянуть*; *slegil* *колотушка* от *slahan* *бить, ударять*; *leffil* *ложка* от *laffan* *черпать*; *fezzil* *оковы, кандалы* от *fazzon* *схватывать, сковывать*.

Образование названий инструментов при помощи суффикса *-er*, характерное для современного немецкого языка, в древневерхне-немецкий период не засвидетельствовано.

3. Образование названий действий (*nōmina actionis*)

Наиболее распространенными суффиксами, служившими для данной цели, были суффиксы *-unga* и *-ii*:

а) Суффикс *-unga*

Суффикс *-unga* имел соответствия и в других германских языках. Этот суффикс употреблялся главным образом для образования абстрактных имен существительных женского рода от глагольных основ (отыменные образования крайне редки). Наиболее питательной почвой для образований подобного рода являлась ученая проза: *betunga* *прошение* от *betōn* *просить*, *beitunga* *ожидание* от *beitōn* *ожидать*, *korunga* *испытание* от *korōn* *испытывать*; *scouwunga* *рассмотрение* от *scouwōn* *рассматривать*; *bezzirunga* *улучшение* от *bezzirōn* *улучшать*; *wehsilunga* *изменение* от *wehsilōn* *изменять*; *zwīfalunga* *сомнение* от *zwīfalōn* *сомневаться*.

Данный способ словообразования сохранил свою продуктивность и до настоящего времени, послужив на протяжении целого ряда столетий для образования огромного числа существительных.

б) Суффикс *-ii*

В древних индоевропейских языках распространенным было образование имен действия от глагольных основ при помощи суффикса *-ii*, при этом корневой гласный имел слабый звуковой вид (ср. русск. *страсть*, *власть* и др.). Подобные образования мы находим и в древненемецком; ср., например, следующие производные существительные женского рода: *tāt* *дело, подвиг* от *tuon* *делать*; *fart* *поездка, путешествие* от *faran* *ехать, передвигаться*; *firlust* *потеря* от *firlisan* *терять*; *stat* (первоначально собственно *место стоянки*) от *stān* *стоять*; *gift* *дар* от *geban* *давать, дарить*; *giburt* *рождение* от (gi) *beran* *рождать*; *kunft* *прибытие, приход* от *queman* *приходить*; *kunst* *умение, знание* от *kunnan* *уметь, знать* и др.

Наибольшая продуктивность образований подобного рода падает на бесписьменный, долитературный период, в то время как в последующие периоды развития немецкого языка новых имен действия с суффиксом *-ti* не возникало. Все слова современного немецкого языка, в которых этимологически можно выделить данный суффикс, являются унаследованными от прошлых эпох и вряд ли воспринимаются как производные, ср., например, такие имена существительные, как: *die Flucht, die Zucht, das Gift, die Mitgift, die Last, die Geburt* и др.

Большую роль в утрате данным словообразовательным типом своей продуктивности сыграла, по-видимому, его недостаточная фонетическая и морфологическая выразительность на фоне таких ярких в сравнении с ним словообразовательных элементов, как рассмотренный выше суффикс *-unga*.

Бессуффиксальный способ образования имен действия

Самым простым способом создания новых имен действия являлся способ образования их от глагольных основ без помощи словообразующих элементов. Образованные этим способом имена существительные мужского рода склонялись по типу склонений основ на *-a* или *-i*, ср.: *gang ход — gangan идти; stich (Pl. stichi) укол — stechan колоть; louf бег — loufan бежать; strît борьба, спор — strîtan бороться, спорить; danc благодарность — dankôn благодарить; kouf покупка — koufan покупать; slag удар — slahan бить; grîf ухватка — grîfan хватать*.

В последующие периоды развития немецкого языка данный способ образования имен действия становится менее продуктивным, сохраняя, однако, свою продуктивность настолько, что и в новый период развития немецкого языка возможны новообразования рассмотренного выше рода, ср. современные *Kniff, Pfiff, Suff, Vergleich, Ausgleich, Beweis, Nachweis, Bericht, Besuch* и др. При этом в целом ряде случаев происходит переосмысление в сторону восприятия производного существительного как результата действия, а не имени, не названия процесса действия.

Субстантивация инфинитива

Субстантивация инфинитива является средством образования *nomina actionis* уже с древневерхненемецкого периода. Производные существительные обычно среднего рода и не имеют множественного числа: *dvn. daz ezzan еда, daz trinkan питье, daz fehtan сражение, борьба, daz ruafan зов, daz salbôn помазание, daz weinôn плач*.

Этот способ сохраняет свою продуктивность и до настоящего времени.

4. Образование так называемых отвлеченных имен существительных (обозначения свойств и состояний)

Субстантивация прилагательных

Простейшим видом образования отвлеченных имен существительных является субстантивация прилагательных.

Древнейший вид субстантивированных прилагательных относится ко времени, когда не развилось еще местоименное склонение прилагательных и склонение прилагательных и существительных совпадало.

Все образованные таким образом имена существительные — среднего рода (ср. лат. *bonum добро*, *malum зло*), например: *guot добро*, *heil здравие*, *reht право*, *ubil зло*.

Имена существительные, образованные путем субстантивации прилагательных в более поздние периоды развития немецкого языка, принимают форму слабого склонения (в среднем роде всегда с определенным артиклем), например, двн. *daz guota добро*, *daz rehta право*.

Последний способ оказался очень устойчивым и продуктивным и для современного немецкого языка: нвн. *das Gute*, *das Rechte* и т. п.

Суффикс *-î* (ср. готск. образования на *-ei* типа: *diurei глубина*, *háuhei высота*)

В древний период от любого прилагательного с помощью суффикса *-î* могло быть образовано существительное женского рода, обозначающее свойство. Значение этих существительных более абстрактно, чем значение рассмотренных выше: *blint слепой* — *blintî слепота*; *bald храбрый* — *baldî, beldî храбрость*; *frô радостный* — *frewî радость*; *huld благосклонный* — *huldî милость, верность*; *nah близкий* — *nahî близость*; *liop милый* — *liubî любовь*; *scôni красивый* — *scônî красота*; *menisc человеческий* — *mennisgî человечность* и др.

Современный немецкий язык унаследовал от более древних периодов своего развития много слов, образованных подобным образом: *Güte, Höhe, Schwäche, Stärke, Stille, Schöne, Genüge* и др.

Многие из них стали обозначать не свойства, а предметы, обладающие данными свойствами, ср., например, *Fläche, Ebene, Höhle, Sänfte*.

Однако данный способ образования отвлеченных имен существительных, обозначающих свойства, в новый период развития немецкого языка стал совершенно непродуктивным. Он был вытеснен более выразительными (морфологически и семантически) словообразовательными элементами *-heit* и *-(ig)keit* (ср. *Schönheit, Ewigkeit*).

Суффикс *-ida*

Данный суффикс имеет соответствия в других германских языках, ср.: готск. — *īpa* (*háuhiþa* *высота*), совр. англ. *length*, *breadth*, *warmth*, *strength* и др. Интересно, что данный суффикс, ставший в современном немецком и английском языках непродуктивным, в современном голландском языке широко распространен, ср. голл. *diepte*, *warmte*, *stilte* и др. Уже в древневерхненемецкий период производные с данным суффиксом от основ имен прилагательных и от глагольных основ были немногочисленны, например: *breitida* *ширина*, *frewida* *радость*, *salida* *счастье*, *fēhida* *вражда*, *ziarida* *изящество*, *reinida* *чистота*, *ewida* *вечность*.

В источниках, которые можно считать более согласованными с живым употреблением (Отфрид, Татиан, Ноткер), они встречаются довольно редко.

По-видимому, эти производные были характерны для определенных стилей речи (духовная и деловая проза).

В современном немецком языке сохранились немногочисленные остатки некогда производных существительных с суффиксом *-ida*: *Freude*, *Begierde*, *Fehde*, *Gemeinde*, *Zierde*, *Gebärde*, *Behörde*.

Данный суффикс был вытеснен сравнительно молодыми суффиксами *-heit* и *-ung*.

Суффиксы *-nissa*, *-nissi* (ж. р.) и *-nassi*, *-nessi*, *-nissi*, *-nussi* (ср. р.)

Нередки также образования с суффиксом *-nissa*, *-nissi* (женского рода) и *-nassi*, *-nessi*, *-nissi*, *-nussi* (среднего рода), ср. готск. *-nassus*, например, в *gudjanassus* *священство*.

Названный суффикс служил для образования новых слов преимущественно от основ имен прилагательных, а также от основ существительных, например: *gotnissi* *божественность*, *божество*, *finstarnissi* *темнота*, *stilnissi* *тишина*, *suaznissi* *сладость*, *firstantnissi* *понимание*, *wārnissi* *правда*. Употребление производных с данным суффиксом было в основном характерно для теологической и философской прозы.

В современном немецком языке данный словообразовательный суффикс (нвн. *-nis*) сохранил свою продуктивность, сравн. *das Versäumnis*, *das Zugeständnis*.

Суффикс *-sal*

Суффикс *-sal* служил для образования новых имен существительных от глагольных основ, например: *īrgisal* *ошибка*, *truobisal* *печаль* и др. В современном немецком языке данный суффикс непродуктивен, а имеющие его слова принадлежат преимущественно к высокому стилю речи.

Сравнительно молодые суффиксы,
развившиеся из самостоятельных слов
-heit

Соответствующее самостоятельное слово с рано стершимся значением мы находим во всех германских языках, ср. готск. *haidus вид, способ*; др.-англ. *hād сословие, род, свойство, вид*, др.-сканд. *heidr честь*; двн. *heit лицо, пол, чин, сословие*; свн. *heit свойство*. Как средство образования отвлеченных имен существительных этот суффикс развивается из данного самостоятельного слова лишь в западногерманских языках.

Среди образований от основ имен существительных преобладают такие, первая часть которых обозначает какое-либо лицо, например: *kindheit детство, narraheit глупость, deganheit доблесть, diubheit воровство* и др.

Гораздо более распространены в древненемецком производные от основ имен прилагательных.

В соединении с основами имен прилагательных *-heit* становится самым распространенным средством образования абстрактных существительных и конкурирует с более древними образованиями при помощи суффикса *-î*, ср., например: *bôsheit злость, wîsheit мудрость, tumbheit глупость, frîheit свобода, armheit бедность, kuonheit храбрость, bitterheit горечь, unsûbarheit неряшливость, грязь, einigheit единство*.

Особенно характерна для суффикса *-heit* способность сочетаться с производными основами имен прилагательных, в частности, с прилагательными, имеющими в своем составе суффиксы *-ag, -îg*.

Это приводит позднее, в средневерхненемецкий период, к выделению новой морфемы — суффикса *-keit*.

-scaf, -scaft

Во всех германских языках мы находим следы существования *-scaf* в качестве самостоятельного слова и производные существительные от данного корня, ср. готск. *gaskafts творение, создание*, др.-англ. *gesceaft создание, творение, удел*, двн. *giscaft существо, форма, сословие, рок, судьба*; двн. *scaf, встречающееся несколько раз в текстах в значении образ, свойство, а также глаголы scerpen и scafan творить, создавать, прилагательные unscaf необычный, ненормальный, scafalos бесформенный, безобразный*.

Первоначальным значением суффикса *-scaf* было, по-видимому, *образ, свойство* (ср. совр. *Beschaffenheit*).

Относительно формы данного суффикса необходимо отметить, что вплоть до IX в. он выступает в форме *-scaf*. С IX в. с ней начинает конкурировать форма *-scaft*, генетически восходящая к древнему абстрактному образованию с суффиксом *-ti* — двн. *(gi)scaft сотворение, существо, которая вскоре победила*.

Подобно *-heit*, *-scaft* присоединялось к основам имен существительных и прилагательных, однако количество производных последнего рода незначительно, ср., например: *fiantscaf вражда*, *friuntscaf дружба*, *holdscaf расположение*, *дружелюбие*.

Отличие от *-heit* в данном случае заключается в том, что производные с *-heit* обозначают обычно специфику или свойство, производные с *-scaft* указывают на деятельность, состояние, поведение или отношение.

Для значительного количества существительных, образованных с помощью суффикса *-scaft*, характерно собирательное значение, например: *bruoderscaft братство*, *ginozscaf товарищество*, *geselliscaft общество*, *kunniscaft поколение*, *heriscaft войско*.

- t u o m

Соответствующее слово имелось во всех германских языках и встречалось в самостоятельном употреблении, например: готск. *dōms* *смысл*, *суждение*, *приговор*; др.-сканд. *dōmr* *суд*, *решение*; др.-англ. *dōm*; двн. свн. *tuom* *установление*, *обычай*, *власть*, *господство*, ср. также др.-инд. *dhāman* *место*, *родина*, *власть*, *честь*, *суд* и т. п.

Значения производных с суффиксом *-tuom* очень разнообразны. Суффикс *-tuom* может указывать в производных существительных на чин или сословие, нрав или обычай, часто они приближаются по значению к производным с *-heit* или *-scaft*. Обычно суффикс *-tuom* сочетается с основами имен существительных, крайне редко с прилагательными, ср., например: *arzetuom* — *искусство медицины*, *diornutuom* — *девственность*, *piscoftuom* — *епископство*, *êwarttuom* — *священство*, *heidantuom* — *язычество*, *kaisartuom* — *королевство*, *alttuom* — *возраст*, *heilagtuom* — *святыня*, *irrituom* — *ошибка*, *rihtuom* — *богатство*, *wīstuom* — *мудрость*.

5. Образование имен существительных с собирательным значением

Для образования существительных с собирательным значением в древности применялся суффикс *-ja*. Образованные при помощи этого суффикса существительные склонялись как основы среднего рода на *-ja*. В древневерхненемецком в именительном падеже единственного числа они оканчивались на *-i*, в средневерхненемецком на *-e*, которое в новый период обычно отбрасывается, например: совр. *Elend*, двн. *elilenti* — буквально: *чужие земли*; совр. *Antwort*, двн. *antworti* — буквально: *совокупность ответных слов*. Однако ясно видно, что уже в древневерхненемецкий период данный способ образования окончательно утратил свою выразительность и нуждался в подкреплении его каким-либо сопровождающим более выразительным словообразовательным элементом. Таким элемен-

том стала приставка *gi-*, имеющая социативное значение *с, вместе* (лат. *cum*), ср., например: *berg гора* — *gibirgi горы*; *bein кость* — *gibeini мощи, скелет*; *feld поле* — *gifildi поля*; *stein камень* — *gisteini камни*; *stern звезда* — *gistirni созвездие*; *fedara перо* — *gifidiri оперение*.

Существительные с собирательным значением от имен родства образуются лишь с помощью приставки *gi-*: двн. *gibuoder братья*, *giswester сестры*.

Часто возможна соотнесенность производного имени существительного с глаголом, ср.: *giredi разговор* — *geda речь* — *gedôn говорить*.

Увеличение количества подобных существительных привело впоследствии к образованию непосредственно от глаголов слов, которые воспринимаются как *nomina actionis* с оттенком повторяющегося действия, например: *Geflüster, Geschrei, Gekicher* и т. п.

Самые последние образования подобного рода имеют дополнительный эмоциональный оттенок презрительности или надоедливости: *Getue, Geächze, Gepfeife, Gesinge, Gefrage* и т. п.

Наряду с более простыми образованиями с основой на *-ja* (т. е. с окончанием *-i*) в древненемецком имелись также образования с дентальным суффиксом *-idi*, например: *gimarkidi границы*, *gibiudi здание*, *gifazzidi узелок, связка*, *gimalidi картина* и т. д. Сравни в современном немецком языке: *Gebäude, Gemälde, Gelübde* и др.

Другим средством образования существительных с собирательным значением в древненемецком был суффикс *-ahi*, ср., например: *stein камень* — *steinahi гряда камней, каменистое место*; *boum дерево* — *boumahi лес, роща*; *gôr тростник* — *gôrahi заросли тростника*; *kind дитя* — *kindahi группа детей*.

В современном немецком языке данный суффикс продолжает свое существование в некоторых словах на *-ich, -icht, -ig*, ср. *Reisig, Dickicht*.

6. Уменьшительно-ласкательные суффиксы

В древних германских языках так же, как и в древних индоевропейских языках, имелось несколько способов образования уменьшительных имен существительных. Одним из них являлся способ образования уменьшительных существительных при помощи суффикса *-l-* (ср. лат. *rivus река* — *rivulus речушка*). Так, в готском языке представлены мужские имена *Attila, Wulfila, Totila*, женские имена *Runilo, Tulgilo*; ср. также *barn дитя* — *barnilô дитятко, magars дева* — *magula девочка*.

Уменьшительные существительные сохраняли при этом род производящей основы.

В готском количестве их ограничено. Для древненемецкого, очевидно, также был характерен данный способ словообразования, о чем свидетельствуют имена собственные мужские — *Ezilo, Hûnilo, Liubilo*, женские — *Gindila, Hildila*.

Как показывают примеры, чаще всего суффикс *-l-* выступал в роли ласкательного суффикса. Слова с суффиксом *-l*, имеющие только уменьшительное значение, встречаются крайне редко, например: *līchamilo* тельце от *līchamo* *тело*, *труп*, *scalchilo* *маленький слуга* от *scalc* *слуга* (в «Гимнах»); у Татиана засвидетельствованы слова: *burgila* *маленькая крепость* от *burg* *крепость*, *niftila* *маленькая племянница* от *nift* *племянница* и др.

Другим суффиксом, служащим для образования ласкательных форм от имен собственных, являлся суффикс, который в готском языке имел форму *-ka*, а в древневерхненемецком *-ko*, *-cho*, ср. готск. *Gibika*, двн. *Gibicho*. Ср. также такие употребительные немецкие фамилии, как *Gereke*, *Heineke*, *Meineke*, *Reineke*.

Третьим уменьшительным суффиксом, более распространенным, чем два первые, был суффикс *-īn*. С его помощью образовывались слова, относящиеся к среднему роду, ср.: *fulīn* *жеребенок* (совр. *Füllen*) от *folo* (с тем же значением), *magatīn* *девочка* от *magad* *дева*, *девушка*, *zickīn* *козочка* от *ziga* *коза* и т. п.

Южнонемецкая форма данного суффикса *-ī(n)* (*-n* встречалась только в родительном и дательном падежах). В современном немецком языке она сохранилась лишь в некоторых ласкательных образованиях, ср. *Vati*, *Mutti*, *Bubi*, а также в ласкательной форме имени: *Rudi*, *Elli*, *Leni* и др.

Следует полагать, что в древневерхненемецкий период ни один из этих суффиксов не обладал достаточной семантической и морфологической выразительностью, все они нуждались в «поддержке». Эту «поддерживающую» функцию выполнял суффикс *-īn*, примыкая то к *-l*, то к *-k* и давая, таким образом, более распространенные и более выразительные словообразовательные морфемы *-līn* и *-kīn*, *-chīn* (совр. *-lein*, *-chen*).

С помощью суффикса *-līn* в древневерхненемецкий период образуются многочисленные существительные среднего рода с уменьшительным значением. Старые уменьшительные образования на *-īn* и *-ilo*, *-ila* вытесняются новым, более выразительным средством словообразования и продолжают свое существование лишь в некоторых словах, структура которых не отличается достаточной прозрачностью.

Там, где *(-i)līn* примыкало непосредственно к корню, происходило повышение либо умлаут корневого гласного, например: *chorp* *корзина* — *churpulīn* *корзиночка*, *sper* *копье* — *spirilīn* *копьецо*, *garba* *сноп* — *gerbilīn* *снопик*.

Впрочем, *-i* иногда выпадает, так уже у Ноткера мы находим: *tohterlīn* *доченька* от *tohter* *дочь*.

В территориальных диалектах продолжают жить образования на *-li* и *-l*, ср. в швейцарских диалектах уменьшительные образования типа: *büebli* *мальчонка*, *frauli* *женушка*, *äugli* *глазик*; в швабских: *männle* *муженек*, *knäble* *мальчонка*, *knöpfle* *пуговочка*; в ба-

варско-австрийских: *mannel муженек*, *weibel женушка*, *äugel глазик* и т. п.

Нормированный язык признает только образования на *-lein*. *-el* существует лишь в ряде слов, которые не расчленяются на основу и суффикс, например: *Ferkel*, *Knäuel*, *Klüngel*, *Tüpfel*, *Wickel*, *Gesindel*; некоторые хотя и расчленяются, но *-el* не воспринимается в них как уменьшительный суффикс, например *Bündel*.

Современный суффикс *-chen* возникает в средненемецких и нижненемецких диалектах. Наиболее ранние примеры его употребления относятся к XI—XII вв., например: *schifchîn кораблик*, *esilichîn ослик* и др. Широкое распространение этот суффикс получает лишь с XIV в. Таким образом, мы наблюдаем и в отношении уменьшительных суффиксов характерную для немецкого языка тенденцию развития — вытеснения старых суффиксов более молодыми и более распространенными в результате контаминации («тяжелыми» — *schwere Ableitungssilben*).

7. Мовированные образования (Movierte Feminina)

Под «мовированными образованиями» понимаются существительные женского рода, производные от соответствующих существительных мужского рода.

В древних индоевропейских языках для этой цели первоначально употреблялись чистые основы на *-a*: (лат. *lupa волчица*, *domina госпожа*, *puella девушка*). В германских языках эту же функцию выполняли основы на *-n* женского рода, например: днв. *heggo* (мн. ч. *heggon*) *господин* — *hegga* (мн. ч. *heggûn*) *госпожа*.

Представлены подобные образования и от *nomina agentis* мужского рода, например, *lâhinâgi знахарь* — *lâhinagga знахарка*, ср. русск. *лекарь* — *лекарка*.

Наряду с ними встречались и образования на *-jô*, ср. готск. *magus мальчик* — *mawî* (<**magwî*) *девочка*; *þius слуга* — *þiwî служанка*; днв. *hano петух* — *henna курица*, *marah конь* — *merîha кобылица* и др.

Однако ни один из этих способов словообразования не закрепился в древненемецком. Жизнеспособным оказался лишь суффикс, возникший из сочетания **-n + jô* (*n* — по происхождению связано со склонением основ на *-n*, *-jô* часто присоединялось к основам на *-n*). Отсюда герм. **-injô*, днв. *-in*. Этот суффикс получил большое распространение в древневерхненемецком периоде, ср. *kuningin королева*, *gutin богиня* (от гот *бог*), *frîuntin подруга*, *gestin гостья*, *magin родственница*, *scelkin служанка*. Винительный падеж единственного числа указанных существительных оканчивался на *-inna* (позднее *-inne*). К данной форме восходят и современные образования на *-in* типа: *die Lehrerin*.

Суффикс *-in* в древненемецком часто присоединялся к существительным мужского рода с суффиксом *-âgi*, например: *zoubâgi волшебник* — *zoubâgin волшебница*.

Этот суффикс сохраняет свою продуктивность и до настоящего времени.

8. Патронимический суффикс *-inga, -unga*

Названный суффикс обозначает происхождение или принадлежность к чему-либо, ср., например, названия династий: Merowingi, Carolingi, Lotharingi, родовые имена: Nibilungi, а также такие производные, как *kunning король*, *ediling человек благородного происхождения* и др.

В словах, подобных *ediling, -l*, первоначально принадлежавшее производящей основе (*adel*), впоследствии слилось со словообразовательным элементом *-ing*, в результате чего возник новый суффикс *-ling*, широко распространившийся в новый период развития немецкого языка (ср. нвн. *Jüngling, Neuling* и др.).

3. ПРОИЗВОДНЫЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

а) Суффикс *-isc*

Это очень древний суффикс, имеющий соответствия в других индоевропейских языках, ср. греч. *ἰκός (-ikós)*, лат. *-ikus*. Суффикс обозначал принадлежность к чему-либо, а также происхождение. С его помощью было образовано много прилагательных от названий одушевленных и неодушевленных предметов, ср. *diutisc народный, немецкий* от *diot народ*, *himilisc небесный* от *himil небо*, *irdisc земной* от *erda земля*, *heidanisc языческий* от *heidan язычник*, *kindisc юный, нежный* от *kind дитя* и др. Этот суффикс обычно служил для образования прилагательных от названий местностей или народов: *Rôm Рим* — *rômisc, rumisc римский*; *Franco франк* — *frenkisc франкский*; *Walah кельт* — *walahisc кельтский, романский*; *Spân Испания* — *spânisc испанский* и др. Он очень устойчив и сохранился до настоящего времени, причем расширил сферу своего действия, ср., например, образования от имен собственных: *kantisch (кантианский)*, *goethisch (принадлежащий перу Гёте)*, *berlinisch (берлинский)*.

б) Суффикс *-ag, -îg* (совр. *-ig*)

В современном немецком языке названный суффикс является одним из самых употребительных.

Прилагательные, образованные при помощи данного суффикса от основ имен существительных, в древненемецком обозначали либо какую-нибудь связь с тем, что названо именем существительным, либо указывали на свойство, характерное для соответствующего предмета или понятия, например: *bluot кровь* — *bluotag кро-*

вавий; *muot мужество* — *muotag мужественный*; *lust желание, радость, веселье* — *lustag испытывающий желание, радостный, веселый*; *frost мороз* — *frostag морозный*; *vliz прилежание* — *vlizig прилежный*; *kraft сила* — *kreftig сильный*, *wintar зима* — *wintarig зимний*.

Незначительное число прилагательных образовывалось также от основ имен прилагательных, ср. *reht* — *rihtig правильный*.

Среди прилагательных, образованных от имен действия, имелись такие, которые могли быть поставлены в связь с глаголом. Данное обстоятельство приводит к образованию прилагательных с данным суффиксом непосредственно от глаголов, ср., например: *slâfag сонливый* — *slâf сон* — *slâfan спать*, а также: *gevolgig послушный* и *gevolgên слушаться*, *birig плодоносный* и *beran носить, рождать*, *firsûmig небрежный* и *firsûmen пропускать, упускать*.

Некоторые прилагательные могли быть образованы от частиц и наречий, например: *hiutu сегодня* — *hiutig сегодняшней*, *suntar особенно* — *suntarig особенней*, *gesteren вчера* — *gesterig вчерашней*, *ofto часто* — *oftig частей*.

Особенно распространен был суффикс *-ig* в сложнопроизводных словах (*Zusammenbildungen*), т. е. способе образования новых слов, сочетающем в себе основосложение и словопроизводство, например: *eban-fart-ig попутней*; *-jâr-ig* в *zwî-*, *drî-*, *fimfjârig двух-*, *трех-*, *пятилетней*; *zehanseitig десятиструней*; *vridomachig миролюбивей*; *lobsingig хвалебней*; *filosprâchig хвастливей* и др.

Этот суффикс характеризуется устойчивостью и окончательно вытесняет впоследствии употреблявшийся ранее наряду с ним суффикс *-oht*, *-aht*.

Суффикс *-oht*, *-aht* мог сочетаться почти исключительно с названиями конкретных предметов и обозначал снабженность чем-либо, совпадение в существенном свойстве, сходство, родственность, большое количество или изобилие, например: *boumaht богатей деревьями*, *bartoht бородастей*, *steinohht каменистей*, *runziloht морщинистей*, *wurmoht червивей* и др.

Суффикс *-oht*, *-aht*, развившийся в письменно-литературном языке в *-igt*, *-icht*, существовал вплоть до середины XVIII в. В настоящее время от всех образований на *-icht*, по свидетельству Г. Пауля, сохранилось лишь *töricht*.

в) Суффиксы *-lîh*, *-haft*, *-bâri*, *-sam*

Количество способов образования имен прилагательных в немецком языке увеличилось благодаря появлению сравнительно молодых суффиксов, развившихся из вторых компонентов сложных слов: *-lîh*, *-haft*, *-sam*, *-bâri*.

Развитие этих суффиксов из вторых компонентов сложных слов подтверждается наличием однокорневых с ними слов в самостоятельном употреблении.

Двн. lîh, свн. lîch (основа на -i женского рода) имело значение *тело* (Leib, Körper). В других германских языках ему соответствовали: готск. -leik, др.-сканд., др.-сакс., др.-англ. lîk, lîc (среднего рода).

Наряду с существительным -lîh имелись: омонимичное прилагательное со значением *сходный, ровный, подходящий* (gleich, glatt, passend), глаголы — lîchên *нравиться*, lîchîsôn *сравнивать* и существительное с отвлеченным значением analîchî *сходство*. Ср. также готск. galeiks, двн. gilîch *ровный, одинаковый*.

Вопрос о том, какой частью речи был второй компонент сложных слов с -lîch — существительным или прилагательным — является спорным.

Несомненно, однако, что это были сложные слова типа Vahuvrihi, например, готск. waira-leiks *мужественный* истолковывается как «*имеющий фигуру, облик, манеру поведения мужчины*» (die Gestalt, die Art des Mannes habend). Из этого значения развивается впоследствии более отвлеченное значение сходства вообще; ср. такие производные, как: friuntlîh *дружественный*, bruoderlîh *братский*, gastlîh *гостеприимный*, kintlîh *детский*, wîblîh *женский*, vaterlîh *отцовский* и т. п. или значение отношения к тому, что названо основой, от которой образуется прилагательное, например: dinglîh *судебный* от ding *суд, судебное собрание*; fridulîh *мирный*; scadelîh *вредный*; scantelîh *позорный*; wintarlîh *зимний*.

Наблюдаются также производные от основ имен прилагательных, например: bôslîh *злой*, frôlîh *радостный*, guotlîh *добрый*, langlîh *длинный*, suozlîh *сладкий*.

Простые прилагательные и производные от них с суффиксом -lîh соотносились в то время друг с другом, по всей вероятности, как современное немецкое gut, с одной стороны, и von guter Art или gutartig — с другой, т. е. различались стилистически. В сущности, значение их было одним и тем же, но у прилагательного с суффиксом -lîh обнаруживается большее тяготение к употреблению в сочетании с абстрактными существительными. Впоследствии язык проводит более четкую дифференциацию в значении и употреблении (ср. совр. arm — ärmlich, alt — ältlich и т. п.). Соотнесенность некоторых производных прилагательных как с существительным, так и с глаголом (klagalîh *жалобный* — klagā *жалоба*, klagôn *жаловаться*; kouflîh *продажный* — kouf *покупка, продажа*, koufôn *торговать, покупать*) способствует появлению в более поздние периоды истории немецкого языка производных непосредственно от глагольных основ, ср. совр.: begreiflich — begreifen, bedrohlich — bedrohen, erfreulich — erfreuen и т. п.

-haft

Наряду с данным суффиксом в древневерхненемецком и средневерхненемецком языках имелось омонимичное прилагательное -haft

со значением *скованный, связанный*, а также существительное *haft плененный, арестованный*, ср. лат. *captus* от *capio*.

Первоначальным значением суффикса было, по-видимому, *mit etwas behaftet, versehen обремененный, снабженный чем-либо*, например: *namahaft знаменитый, известный, lêrhaft догматический, scadahaft вредный, scamahaft стыдливый, lugihaft лживый, sigihaft победоносный*.

Некоторые из производных прилагательных соотносятся и с существительными и с глаголами, например: *lôbhaft похвальный — lôb хвала — lôbôn хвалить, mezhhaft скромный, умеренный — mez мера — mezzan измерять* и др., что приводит в дальнейшем к образованию прилагательных непосредственно от глагольных основ, ср. совр.: *schmeichelhaft — schmeicheln, zaghaft — zagen* и т. п.

Рассмотренный суффикс не только сохранился до настоящего времени, но и является весьма продуктивным, ср.: *fehlerhaft, mädchenhaft, krankhaft, naschhaft*.

- b â r i

Суффикс *-bâri* когда-то функционировал, по-видимому, в качестве самостоятельного слова, ср. двн. *unbâri бесплодный*. Он непосредственно соотносился с глаголом *beran носить, рождать*. Первоначальным значением названного суффикса, по мнению Г. Пауля, было *tragend несущий*, по мнению В. Вильманнса, — *bringend, hervorbringend, erregend приносящий, вызывающий, возбуждающий*. Все эти значения наблюдаются в древненемецком, например: *trostbâri утешительный, lastbâri гнетущий, dankbâri благодарный, liôhtbâri лучезарный, offenbâri откровенный*.

Некоторые производные соотносились с глаголом и с именем, например, *dankbâri — dank, dankôn*. Группа отглагольных образований наиболее продуктивна в новонаемецкий период, ср. совр.: *ausführbar — ausführen, entzündbar — entzünden, trinkbar — trinken* и т. п.

- s a m

Суффикс *-sam* соотносится с местоимением *samo тот же самый* и наречием *sama, samo так же; так же, как*, ср. готск. *sama*, др.-сканд. *samr*, совр. англ. *same*.

Производные первоначально указывали на соответствие, на сходство с тем, что выражено основой, становясь впоследствии средством для обозначения характерных свойств, способностей, склонностей, например: *fridusam мирный, миролюбивый, situsam скромный, целомудренный, arbeidsam трудный, êrsam почетный* и др.

Некоторые производные имена прилагательные соотносились как с именем существительным, так и с глаголом, например: *heilsam целительный — heil исцеление — heilen исцелять; sorgsam заботливый — sorga забота — sorgen заботиться* и т. п.

В современном немецком языке имеется большое количество отглагольных образований, обозначающих способность к действию, названному основой (ср. совр.: *schweigsam, genügsam, folgsam* и др.).

г) Суффикс *-în*

Для образования прилагательных от названий веществ в древне-немецком употреблялся суффикс *-în*, например: *gulđîn золотой, irđîn глиняный, steinîn каменный, sîđîn шелковый* и др.

4. ПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Как свидетельствуют факты, флексия у глагола развита значительно богаче, чем у какого-либо иного класса слов. Однако немецкий язык обладает сравнительно небольшим количеством словопроизводственных элементов, служащих для образования глаголов.

Ограниченное количество словообразовательных морфем (суффиксов) глагола возникло путем переразложения основ (ср., например, совр. суффикс *-igen*, который возник путем переразложения глаголов, образованных от основ имен прилагательных с суффиксом *-ig*). Известное возмещение скудности суффиксов язык находит в широком развитии префиксальных образований, а также в применении сочетаний глагола с адвербиальным компонентом.

Пополнение словарного состава языка новыми глаголами, образованными при помощи суффиксации, ограничивается исключительно слабыми глаголами. Именно слабые глаголы представляют собой непрерывно увеличивающуюся группу, пополняющуюся за счет новых образований не только от глагольных, но и от именных основ. В последнем заключается сила и жизнеспособность данных образований.

Слабые глаголы в древний период развития немецкого языка распадаются на три класса, каждый из которых характеризуется своим особым суффиксом: I класс *-en*; II класс *-ôn*, III класс *-ên*.

Все эти суффиксы являлись носителями определенной словообразующей функции.

1) Суффикс *-en* (*-jan)

Суффикс *-en* (*-jan) в древневерхне-немецком языке имели:

а) **Каузативные (понудительные) глаголы**, которые имеют общее значение «заставить выполнять действие, названное производящей глагольной основой», например: *fellen рубить, валить* от *fallan падать*; *fuoren вести* от *faran идти, передвигаться*; *leiten вести* от *lîdan идти*; *rennen гнать, заставлять бежать* от *rinnan бежать* и т. д.

б) Деноминативные (отыменные) глаголы. Производные от основ имен прилагательных обладали фактивным значением, например: *farawen окрашивать* от *farо цветной*; *frewen радовать* от *frô радостный*; *garawen готовить* от *garо готовый*; *kuolen охлаждать* от *kuoli прохладный*; *wîhen освящать* от *wîh святой*; *liuhten сиять* от *liht светлый* и др.

Значения производных от основ имен существительных крайне разнообразны и не поддаются какой-либо точной классификации, например: *angusten бояться, испугаться* от *angust страх*; *bouhnen показывать (знаками)* от *bouhhan знак*; *fuatîren кормить* от *fuatîr корм*; *suonen судить* от *suona суд, приговор*; *guomen славить, хвалить* от *guom слава* и др.

2) Суффикс -ôn

Производные, образованные при помощи данного суффикса, носят почти исключительно деноминативный характер. В древневерхненемецкий период этот суффикс был распространенным средством образования новых глаголов от основ имен существительных, в особенности от производных или сложных.

Производные с суффиксом -ôn от основ имен существительных имеют либо инструментальное значение, либо обозначают занятие чем-нибудь, например: *salbôn смазывать, умащивать* от *salba мазь, благовония*; *fiskôn ловить рыбу* от *fisk рыба*; *arabeitôn мучиться, стараться* от *arabeit мука, нужда, тягостный труд*; *ahtôn обращать внимание* от *ahta внимание*; *badôn купаться, купать* от *bad купанье, купальня*; *lôbôn хвалить* от *lôb похвала*; *mâlôn рисовать* от *mal рисунок*; *minnôn любить* от *minna любовь*; *redinôn говорить* от *redina речь* и др.

Производные от основ имен прилагательных трудно классифицировать по значениям. Среди них имеются такие же образования, как в I и III классах, например: *ebônôn приравнивать* от *eban равный*; *fordorôn требовать, способствовать, продвигать* от *fordôro передний*; *frouwôn ликовать* от *frô радостный*; *gerôn желать* от *ger желание*; *irgôn заблудиться* от *irgi блуждающий*; *offonôn открывать, возвещать* от *offan открытый*; *reînôn очищать* от *reini чистый*; *sâligôn почитать счастливым* от *sâlig счастливый* и др.

От наречий и частиц были образованы: *awarôn повторять (ся)* от *awur вновь*; *innôn воспринимать* от *inne, inna внутри*; *samanôn собирать* от *saman вместе*; *suntarôn обособливать, отделять* от *suntar особый* и др.

Отглагольные образования с суффиксом -ôn в древненемецком непродуктивны.

Наряду с некоторыми сильными глаголами в древненемецком имелись образования на -ôn от той же глагольной основы с итеративным значением: *greifôn схватывать* от *grîfan хватать*; *stôzôn подталкивать* от *stôzan толкать*; *slagôn ударять* от *slahan бить* и др.

Слабые глаголы впоследствии обычно исчезали из языка, но некоторые из них сохранились до настоящего времени (ср., например, глагол *beten*, образованный от основы сильного глагола *bitten*).

3) Суффикс *-ê n*

Среди производных с данным суффиксом преобладают переходные глаголы.

Производные от основ имен прилагательных выражают приобретение того качества, которое названо основой имени прилагательного, например: двн. *altên стареть*, *fûlên гнить*, *warmên теплеть*, *нагреваться*, *kaltên холодать*, *остывать*, *bosên злиться*, *gîfên зреть*, *gruonên зеленеть*, *muodên уставать* и т. д.

Производные от основ имен существительных трудно классифицировать по значению, например: *hornên расти* (о рогах животных) от *horn рог*; *rostên ржаветь* от *rost ржавчина*; *tagên светать* от *tag день*, *свет*; *nahtên смеркаться*, *abandên вечереть* и др.

Производные, соотносимые с глагольными основами, крайне редки, причем связь их с глаголом затемнена, и они не представляли собой живой группы уже для древнего периода (ср. *wegên — dauern* и *weg — Dauer*).

В начале средневерхненемецкого периода суффиксы *-en*, *-ôn*, *-ên* утратили вследствие редукции свою морфологическую выразительность, а вместе с ней и свою продуктивность.

Указанные суффиксы слабых глаголов нередко сливались с предшествующим им конечным согласным того имени существительного или прилагательного, от которого они были образованы, что при затемнении связи с соответствующим существительным приводило к переразложению основ и к выделению новых, более распространенных (морфологически) глагольных суффиксов. Именно таким путем в древневерхненемецкий период возникли суффиксы *-alô(n)*, *-ilô(n)*; *-arô(n)*, *-irô(n)*; *-anô(n)*, *-inô(n)*; *-isô(n)*; *-azze(n)*, *-aze(n)*, *-ize(n)*; *-agô(n)*, *-igô(n)*, сохранившиеся и до наших дней (ср. совр. суффиксы *-eln*, *-ern*, *-nen*, *-sen*, *-zen*, *-igen*). Так, например, глаголы с суффиксом *-alô(n)/-ilô(n)* первоначально были образованы от имен существительных или прилагательных, оканчивавшихся на *-il* или *-al*, ср.: двн. *gi-brittilôn взнудать*, *обуздывать* от *brittil повод*, *узда*; *stammalôn заикаться* от *stammal заика*; *wortalôn быть болтливым*, *разговорчивым* от *wortal болтливый*, *разговорчивый* и т. п.

Однако связь производных глаголов с производящей основой в приведенных случаях не была достаточно четкой. Глагол *wortalôn* можно было соотнести не только с прилагательным *wortal*, но и с существительным *wort слово*. Точно так же глагол *gibrittilôn* соотносился со словом того же корня *brettôn сжимать*, *стягивать*; глагол *stammalôn* со словом *stamm заика*.

Благодаря такой двойственной соотнесенности двойственной была и возможность членения указанных производных глаголов,

т. е. глагол *wortalôn* можно было расчленить двумя способами: *wortal + ôn* или *wort + alôn*.

Во втором случае налицо был новый словообразовательный элемент, закреплению которого способствовала утрата языком некоторых старых слов на *-al, -il*.

Возникший подобным образом суффикс *-alôn, -ilôn* служил в древненемецком для образования новых глаголов как от глагольных, так и от именных основ, причем для вновь образованных глаголов характерно было значение повторяющегося или смягченного действия. Например: *klingilôn* *звонить, шуметь* от *klingan* *звенеть, звучать*; *betolôn* *побираться, нищенствовать* от *betôn* *молиться, молить*; *siechelôn* *быть слабым, хворым* от *siechên, -ôn* *болеть, хворать*; *hantolôn* *касаться, ощупывать* от *hant* *рука*; *mangolôn* *не доставать* от *mangen* *не хватать* и т. п.

Значительное количество глаголов было образовано при помощи данного суффикса лишь в последующие (средний и новый) периоды развития немецкого языка.

Производные при помощи суффикса *-arô(n), -irô(n)* в древненемецкий период были сравнительно мало распространены. Наиболее часто встречались производные от глагольных основ, имеющие итеративное значение, т. е. обозначающие повторяющиеся быстрые и недлительные движения, ср.: двн. *flogarôn, flockarôn* *порхать* от *fliogan* *летать*, *gangarôn* *бродить вокруг* от *gangan* *идти, ходить* и некоторые другие.

Со значением интенсивности, непреодолимого желания или потребности в древневерхненемецком был образован всего лишь один глагол — *slâfarôn* *клонить ко сну* (совр. *schlâfern*) от *slâfan* *спать*, в то время как в последующие периоды развития немецкого языка количество подобных производных значительно возрастает. Значение суффикса *-inô(n)* в древненемецкий период не было четким. Обычно рядом с производным глаголом с суффиксом *-inô(n)* выступала форма с менее распространенным суффиксом, обладающая тем же значением, ср.: двн. *festinôn* и *festen* *укреплять*; *redinôn* и *redeôn* *говорить* и т. п. То же можно сказать и о суффиксе *-isô(n)*, ср.: *klingsôn* *звучать, звенеть, шуметь* и *klingan*; *waltisôn* *править* и *waltan* с тем же значением. Реже встречались образования при помощи суффикса *-isô(n)*, соотносящиеся с основами имен прилагательных, ср.: двн. *grimmisôn* *бушевать, злобствовать* от *grimm* *злой*; *michilisôn* *возвеличивать, прославлять* от *michel* *большой, великий* и т. п.

В ряде случаев разница в значении проявляется весьма четко, ср.: двн. *lîchisôn, gilîchisôn* *притворяться, лицемерить, обманывать* и *gilîchen* *сравнивать, приравнивать* от *gilîh* *одинаковый, равный*; *riichisôn* *властвовать, господствовать* и *riichen, -ên* *обогащать, обогащаться* от *riichi* *богатый, могущественный*, однако здесь представлены, по-видимому, образования от одной и той же основы в разных ее значениях.

Производные с суффиксом *-aze(n)* в разных его вариантах обозначали интенсивность или повторяемость действия и образовывались преимущественно от глагольных основ, хотя некоторые могли быть соотнесены и с именем, ср.: *fallezen* от *fallen падать*; *âtumezzan* от *âtumon дышать*; *slagazen хлопать, дрожать* от *slahan бить, колотить* и т. п.

Производные от именных основ, частиц и междометий встречаются чаще и имеют звукоподражательные значения подражания ср.: двн. **ahhizen (ahhizôt) ахать* от *ach ах*; *gijâzen утверждать* от *ja да*; *gackazzen кудахтать*; *heilazzen приветствовать* (собственно «*heil sagen*») и т. п. Данная функция суффикса *-aze(n)* получила дальнейшее развитие в последующие периоды развития немецкого языка.

У суффикса *-igô(n)*, *-agô(n)* элемент *-ig*, *-ag* первоначально принадлежал прилагательному, а затем был переосмыслен (ср.: *heilag, heilagôn, heil*). Широкое распространение данный суффикс приобретает лишь начиная со средневерхненемецкого периода.

Глагольная префиксация

Префиксация является словообразовательным средством, наиболее характерным для системы глагола, в то время как суффиксация в силу своего классифицирующего характера присуща имени, в особенности же имени существительному.

Префиксам свойственна не столь классифицирующая, сколь уточняющая функция, чем объясняется их тяготение к глаголу, семантическая емкость которого больше, чем семантическая емкость имени.

По своему происхождению глагольные префиксы: двн. *bi-*, *gi-*; *int-*, *ant-*; *ir-*, *ar-*, *ur-*; *far-fir-*; *zi(r)-*, *za(r)-*, *zur-* восходят к приглагольным наречиям, преимущественно с локальным значением. Префиксы *bi-*, *ir-*, *ar-*, *ur-*, а также *far-*, *fir-* в древневерхненемецкий период еще соотносились с предлогами, развившимися также из соответствующего наречия, ср.: *bî у, при, вокруг*; *ur с, из*; *fugî* и *vora перед*.

Остальные префиксы уже в древневерхненемецкий период не имели соответствий в виде самостоятельно употребляющихся слов.

В древневерхненемецкий период названные префиксы использовались, главным образом, для модификации значений глаголов, уже имеющих в языке, ср.: *bintan (pintan) связывать, сковывать* — *firbintan перевязывать, отвязывать, освобождать*; *biotan предлагать, протягивать, показывать* — *far-bioton (firbiotan) запрещать, не позволять* и др.

В процессе дальнейшего развития немецкого языка они приобретают функцию «вербализации имен» и становятся одним из важнейших средств обогащения словарного состава языка новыми глаголами, образованными не только от глагольных, но и от именных основ, ср.: *Anspruch* — *beanspruchen*, *Gift* — *entgiften*, *frisch* — *erfrischen* и т. д.

5. СЛОВОСЛОЖЕНИЕ

Способность сочетать друг с другом уже имеющиеся в языке основы для выражения какого-либо нового понятия была присуща древнейшим индоевропейским языкам и известна людям с незапамятных времен. Правда, не все индоевропейские языки развили данную способность в одинаковой степени. Так, в латинском языке количество сложных слов незначительно, в то время как в германских языках и, в частности в немецком, словарный состав обогащается в основном за счет словосложения. Особенно широко применяется словосложение в современном немецком языке.

Древнейшим видом словосложения считается основосложение, при котором в качестве первого члена используется чистая основа без показателей падежа и числа (ср.: греч. *khronología* из *khrono-* и *-log-*, при наличии в языке слова *khrónos*). Подобный тип словосложения уходит своими корнями в далекое прошлое, когда еще не была развита флексия и когда простое расположение основ служило средством их сочетания в предложении.

Эти архаические сочетания превратились окончательно в сложные слова с появлением флексии, так как их особенностью являлось теперь отсутствие флексии у первого компонента.

Данный тип словосложения, названный Я. Гриммом *eigentliche Composita* (полносложные соединения), мог существовать в чистом виде лишь в то время, когда четко различались разные типы основ, что давало возможность без особого труда выделить необходимую основу каждого имени.

Как мы видели при рассмотрении морфологии, четкое противопоставление отдельных основ в древненемецком было нарушено, однако они все же различались. Поэтому в древности полносложных соединений было гораздо больше, чем в последующие периоды развития немецкого языка. Весьма показательны, что в одном из древнейших германских языков — готском преобладают именно полносложные соединения типа: *fōtu-baurd* скамейка для ног, *skauda-raips* ремень для ботинок, *gud-hūs* храм (ср. совр. нем. *Gotteshaus*).

Полносложные соединения широко представлены и в древневерхненемецком, ср.: *hūsherro* хозяин дома, *gundfano* боевое знамя, *gasthūs* постоялый двор, *huofslac* стук копыт, *gouchvaz* кадило, *erdrihhi* царство на земле, *marcgravo* маркграф и т. п.

Кроме того, в древненемецком представлен и другой вид словосложения, которому Я. Гримм дал название *uneigentliche Composita* (неполносложные образования). Сложные слова в этом случае возникали вначале из сочетания таких слов, синтаксические отношения между которыми находили свое выражение в падежных окончаниях, ср., например: двн. *sūnnūntag* воскресенье. *Frankonofurt* Франкфурт, *donarestag* четверг, *Reganesburg* Регенсбург и т. п. За-

крепление и развитие этого типа словосложения протекало наряду с перестройкой системы именного склонения. При этом бывшая флексия переосмыслялась как соединительный элемент (ср. совр. *Sonnenstrahl* и т. п.), что приводило к бесчисленным образованиям по аналогии.

В современном немецком языке преобладает именно последний тип словосложения (*uneigentliche Composita*), находившийся в древневерхненемецкий период в стадии становления.

ГЛАВА VI

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВАРНОГО СОСТАВА В ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД

Изучение исторической эволюции словарного состава языка вскрывает глубоко диалектический характер данного процесса. В связи с неоднородностью состава лексики неодинаково протекает и развитие ее составных частей. С одной стороны, лексика примыкает к устойчивым элементам языка, способным сохраняться в течение веков, с другой же стороны, она предстает как его наиболее подвижный компонент, находящийся в состоянии непрерывной динамики.

Оба процесса не взаимоисключают друг друга, а, наоборот, представляют собой тесное единство, делающее возможным неуклонное, поступательное развитие словарного состава по пути дальнейшего совершенствования.

Слова, обозначающие устойчивые реалии, оказываются общими по происхождению (а следовательно, и наиболее древними и устойчивыми) не только в истории одного языка, но и в истории целой группы родственных языков или даже в пределах семьи языков.

Так, например, значительное количество слов, относящихся к основному словарному фонду немецкого языка в древний период его развития, имеет соответствия в других индоевропейских языках. Весьма показательны в этом отношении числительные.

В немецком языке преобладающее большинство числительных от 1 до 100 индоевропейского происхождения, ср., например: двн. *ein*, готск. *ains*, англ. *one*, лат. *ūnus*, греч. *οἰνῆ* (*oinḗ*) *один*; двн. *zwe* (для м. р.), *zwo* (для ж. р.), *zwei* (для ср. р.), англ. *two*, лат. *duo*, греч. *δυο* (*dýo*), готск. *twai* (для м. р.), *twōs* (для ж. р.) *два*. Десятки от 20 до 60 были образованы при помощи следующего элемента: двн. *-zig*, *-zug*, готск. *-*tigus*, англ. *-ty*, шведск. *-tio* **десяток*; ср.: лат. *decem*, греч. *δεκα* (*déka*).

Устойчивость обнаруживают также местоимения (см. выше).

Общими с другими индоевропейскими языками оказываются многие важнейшие понятия, относящиеся:

1) к названиям частей тела, ср., например: двн. *houbit*, лат. *caput*, др.-инд. *karut голова*, этимологически исходное значение *нечто чашеобразное* (*etwas Schalenförmiges*); двн. *ōga*, лат. *auris*, греч. *ous* (из **ousos*), индоевр. **aus ухо, слух*; двн. *ouga*, лат. *oculus* (герм. **au* под влиянием *auso*), слав. *око*, индоевр. *oḡḡ глаз*; двн. *tund*, индоевр. **mṃtho* от *menth жевание, зубы, рот*, лат. *mando жую*; двн. *hals*, лат. *collum*, индоевр. **ḡel шея*; двн. *herza*, лат. *cor, cordis*, греч. *cardia*, русск. *сердце* и т. п.;

2) к обозначениям родственных отношений, ср., например: двн. *fater*, лат. *pater*, греч. *πατήρ*, др.-инд. *pitár*, индоевр. **ṛetér*; двн. *muoter*, лат. *māter*, греч. *μήτηρ (mētēr)*, индоевр. **mātér*, русск. *мать*; двн. *sunu*, лит. *sūnūs*, др.-инд. *sunú*, индоевр. **sūnūs*, русск. *сын*; ср. также происхождение таких слов, как *tohter дочь*, *bruoder брат*, *swester сестра* и т. д.;

3) к названиям элементов и явлений природы, ср., например: двн. *wassar*, англ. *water*, готск. *wato*, русск. *вода*, греч. *ῥύδωρ*; ср. также происхождение таких слов, как: двн. *sunno солнце*, *māno месяц*, *sterno звезда*, *fuir огонь*, *blitz молния*, *donar гром*, *snêo снег* и т. д.;

4) к обозначениям времени (ср. двн. *tag день*, *naht ночь*, *mânôd месяц* и др.);

5) к обозначениям минералов, ср., например: двн. *salz*, англ. *salt*, готск. *salt*, лат. *sal*, латышск. *sals*, русск. *соль* и т. п.;

6) к названиям построек и их частей, ср.: двн. *zimbar*, индоевр. **dem-*, **dema-* *строить*, лат. *domus*, русск. *дом*; двн. *turi*, индоевр. **dhūr*, лат. *forēs*, русск. *дверь*; двн. *garto*, лат. *hortus*, русск. *город* и т. п.;

7) к названиям домашних и диких животных и птиц, ср.: двн. *fehū*, лат. *pecu*, лит. *pekus*, др.-инд. *raḡu скот*; двн. *wolf*, лит. *vilkas*, др.-слав. *vŭlkŭ*, лат. *lupus*, греч. *λύκος*, др.-инд. *vṛkas волк*; двн. *gans*, др.-инд. *hamsá гусь*;

8) к обозначениям важнейших сельскохозяйственных культур и понятий, ср.: двн. *corn зерно*, *gersta ячмень*, *līn лен*, *askaг земля*;

9) к обозначениям цвета, например: *gôt красный*, *brūn коричневый*, *gêlo желтый* и мн. др.;

10) к названиям важнейших действий, например: двн. *būan жить*, *строить*, *обрабатывать землю*, *ezzan есть*, *stēn стоять*, *liggen лежать*, *sizzen сидеть*, *sāwen*, *sājen сеять*.

Перечисленные категории слов оказываются устойчивыми и в пределах группы близко родственных германских языков (имеются в виду слова, характерные лишь для данной группы языков), ср., например: двн. *fiŋgar*, готск. *fiŋgrs*, англ. *finger палец*; готск., двн. *hūs*, англ. *house дом*; двн. *bluot*, англ. *blood кровь* и т. д.

Сравнение наиболее устойчивых слов основного словарного фонда вскрывает и специфику отдельных языков, проявляющуюся

в разном оформлении и осмыслении этимологически тождественных корней, что делает их принадлежностью именно основного словарного фонда каждого данного языка, ср., например, обозначения денотата *кулак*: двн. *fūst* (совр. *Faust*), англ. *fist*, др.-болг. *peſtī*, ср. также русск. *пять*; обозначения денотата *ребро* — двн. *gīpra*, англ. *rib*, др.-болг. *gebro*; *ноготь* — двн. *pagal*, англ. *nail*, лат. *unguis*, др.-болг. *poġitī* *ноготь*, *коготь*, русск. *ноготь* и т. п.

Этимологически тождественные слова в основном словарном фонде разных (даже близкородственных) языков, обладавшие в древности одинаковым значением, впоследствии могли приобретать разные значения, что легко подтверждается сравнением развития значения двн. *līb* и англ. *life*. Первоначально и то и другое слово обозначали *жизнь* (производное от глагола *жить*). Однако в то время, как англ. *life* до наших дней сохраняет это древнее значение, в немецком *līb* развивается значение *тело* (совр. *Leib*, ср. русск. *живот*), для обозначения же денотата *жизнь* служит субстантивированный инфинитив глагола *жить* — *das Leben*.

2. ДРЕВНЕЙШИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Словарный состав непосредственно связан со всеми областями жизни и деятельности человека. Он находится в состоянии постоянного развития, непрерывно регистрируя все изменения, происходящие в жизни данного общества. Именно это свойство словарного состава делает его важнейшим историческим источником, сохраняющим свидетельства о давно минувших временах. Тесная связь истории языка с историей народа, столь наглядно отражающаяся в словарном составе, уже с давних пор привлекала к себе внимание языковедов. Так, Я. Гримм писал в предисловии к своей «Истории немецкого языка»: «Исследование языка, сторонником которого я являюсь и из которого я исхожу, все же никогда не могло удовлетворить меня в той мере, чтобы я вновь и вновь не шел с охотой от слов к вещам: я хотел не только строить дома, но и жить в них. Мне показалось достойным труда проследить, нельзя ли полнее осветить историю нашего народа со стороны языка (*ob nicht der Geschichte unseres Volks das Bett von der Sprache her stärker aufgeschüttelt werden könnte*), и подобно тому, как при установлении этимологии иногда плодотворным оказывается мнение неискушенного человека, так и история должна была бы извлекать выгоду из более непосредственной языковой точки зрения»¹.

¹ *Grimm J. Geschichte der deutschen Sprache. — Leipzig, 1848. — Bd. 1. — S. XIII.*

Необходимо отметить, что Ф. Энгельс, высоко ценивший труды Я. Гримма, нередко пользовался лексическими данными для иллюстрации и подкрепления своих исторических взглядов¹.

Словарный состав сохраняет не только сведения о производстве, быте и культуре каждого данного народа, но и свидетельства о его исторических связях с другими народами, выражающиеся в лексических заимствованиях данного языка из других языков.

Количество лексических заимствований, их характер, естественно, зависят от продолжительности, интенсивности и характера исторических связей. Именно наличием многовековых разносторонних (хозяйственных, торговых, военных, культурных) связей германцев с римлянами обуславливается столь значительное количество латинских заимствований в немецком языке в древний период его развития (общее количество латинских заимствований в дописьменный период составляет более 600 слов)². Немалую роль в этом сыграло также и то обстоятельство, что римское общество находилось на более высокой ступени развития, чем германское. Общаясь с римлянами, германцы, в том числе и немецкие племена, знакомились с новыми для них элементами древнеримской культуры, которые они и перенимали вместе с их названиями.

Лексические заимствования в словарном составе немецкого языка (как и любого другого языка) свидетельствуют об имевших место исторических связях его носителей с каким-либо другим народом или народами в глубокой древности, от которой до нас не дошло письменных преданий, а также содержат указание на характер этих связей.

Так, например, до нашего времени не дошло непосредственных письменных свидетельств об исторических связях между германскими племенами, вошедшими впоследствии в состав немецкой народности, и кельтскими племенами, являвшимися с конца V в. до н. э. их южными соседями. Название одного из наиболее сильных кельтских племен «вольков» (лат. Volcae) было распространено германцами на всех кельтов в видоизмененной германской форме (двн. walha), а затем и на романизованных кельтов. Образованное от этой основы имя прилагательное walhisc приобрело впоследствии значение *романский*. В новый период развития немецкого языка слово welsch сохранило значение *романский*, но стилистически нейтрально употребляется только в Швейцарии.

¹ Ср., например, сравнительный анализ таких важных социальных терминов, как немецкие König, Fürst, латинское rex и др. в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. — 1948. — Т. II. — С. 247, 265, 266.

² См.: Schirmer A. Deutsche Wortkunde. Eine Kulturgeschichte des deutschen Wortschatzes. — Berlin, 1926. — S. 40.

Время наибольшего могущества и наибольшей активности кельтских племен относится к V—III вв. до н. э. Уже в конце V в. до н. э. кельты завоевали северную Италию (Цизальпинская Галлия) и в 390 г. до н. э. заняли и разграбили Рим. Они составляли основное население Галлии, Испании, северной Италии, Британии и Ирландии. Кельтские поселения заходили далеко на восток вплоть до Малой Азии.

В настоящее время трудно ответить с полной уверенностью на вопрос о том, были ли германские племена в подчинении у кельтов. Однако наличие непосредственных и длительных исторических связей между германцами и кельтами несомненно. На это указывает словарный состав немецкого языка в древний период развития, а также словарный состав других древнегерманских языков, заимствовавших у кельтов целый ряд важных по своему значению слов. Эти заимствованные слова свидетельствуют о культурном влиянии, предполагающем довольно тесное общение. Характер заимствованных слов, простирающихся на область социальных, правовых, военных и культурных отношений, подтверждает мысль, высказанную еще Цезарем в «Записках о галльской войне» (*Commentarii de bello Gallico*)¹, о том, что кельты некогда превосходили германцев. Заимствование германцами у кельтов обозначения железа (готск. *eisarn*, др.-исл. *īsarn*, др.-англ. *isern*, днв. *îsarn*) доказывает, что кельтам железо и его обработка были известны гораздо раньше, чем германским племенам. Кельтскую форму дает галльское *isarno*, сохранившееся в топониме *Isarnodogî железные врата*, ср. ирл. *iarn*, валлийское *haiarn*².

Кельты знали и другие металлы, неизвестные в то время древним германцам, ср.: др.-кельтск. **loudiā*, среднеирл. *luaide свицеи*, днв. *lôt* (нвн. *Lot*), др.-англ. *lēad* (общегерм. **lauda*).

Некоторые слова, имевшиеся и в латинском языке, были заимствованы у кельтов, на что указывает их звуковая форма.

Днв. *gîhhi королевство* (совр. *Reich*) представляет собой образование от корня **gîk* *король*, выступающего в готском слове *geîks правитель, властитель* и сохранившегося до сих пор в некоторых немецких именах, ср., например, *Friedrich, Diederich*. Герм. **gîk* является заимствованием из кельтского *-gîg*. Кельтское же слово родственно латинскому *gēx* (род. *gēgis*), др.-индийскому *gājan* и восходит к индоевр. корню **gēg* *править, управлять*. Наличие *î* в германских языках, соответствующего латинскому *ē*, может быть объяснено лишь предположением, что данное слово пришло к германцам через посредничество кельтов, ибо лишь в кельтском языке индоевр. *ē* находило соответствие в *î*. В древнегерманском индо-

¹ См.: *Caesar*, VI, 24, *Fuit antea tempus, cum Germanos Galli virtute superarent.*

² Подробнее см.: *Meiye A.* Основные особенности германской группы языков. — М., 1952. — С. 141.

евр. *ē* должно было соответствовать *â* (так что заимствование, соответствующее лат. *gēx*, звучало бы как *gâch*).

Помимо слова *gīg*, из области социальных и правовых отношений кельтов были заимствованы слова: двн. *ambaht слуга, служитель*, кельтск. *ambactus слуга*; двн. *eid клятва, присяга*, кельтск. *óeth*; двн. *gīsal военнопленный* (совр. нем. *Geisel*), кельтск. **gēslo* и некоторые другие.

По всей вероятности, у кельтов, которые славились обработкой металлов, германцы заимствовали и названия некоторых родов оружия, ср., например, двн. *gēt копьё*.

О довольно тесном общении германских племен с кельтами говорят и соответствия имен собственных (ср.: галльск. *Catumaros* — двн. *Nadumar*; галльск. *Caturigs* — двн. *Nadurich*; галльск. *Dagomagos* — двн. *Dagomar*; галльск. *Segomâros* — двн. *Segimêrus* и некоторые другие)¹.

Из всех известных нам заимствований лексические заимствования из кельтского языка представляют самые древние заимствования в немецком языке. Трудно точно определить время их проникновения в языки германских племен, однако можно предположить, что заимствование осуществилось не позднее III — II в. до н. э. (т. е. времени наибольшего расцвета кельтских племен).

Изучение заимствований из кельтского помогает составить представление о наиболее древних исторических отношениях германских (в том числе и немецких) племен, проливая тем самым свет на отдаленное историческое прошлое немецкого народа.

Изучение древних лексических заимствований иногда помогает составить конкретное представление о быте, культуре и производстве какого-либо народа в древние периоды его истории. Следует, однако, отметить, что такое конкретное представление можно получить лишь при наличии значительного количества заимствований (одиночные заимствования, как правило, бывают не показательны). Именно так обстоит дело с многочисленными латинскими заимствованиями в немецком языке в древний период его развития.

Интенсивное проникновение латинских слов в языки западногерманских племен начинается вместе с продвижением римлян за Рейн и Дунай в последние годы до н. э. и первое десятилетие нашей эры. Сначала римляне продвинулись далеко в глубь германской территории и присоединили к империи земли вплоть до Эльбы. Однако восстание германских племен, вызванное притеснениями со стороны римской администрации, отбросило римлян на Рейнскую границу (9 г. н. э.). Римлянам пришлось перейти к обороне, и они укрепили свою границу со стороны Германии цепью военных постов и крепостей, рвами и частоколами. Линия римских укреплений простиралась от Северного моря по Рейну до верхнего тече-

¹ См.: *Bach A. Geschichte der deutschen Sprache.* — Heidelberg, 1949. — S. 35.

ния Дуная. Многочисленные крепости были выстроены на левом берегу реки: колония Агриппина (совр. Кельн), Могунтиак (Майнц), Аргенторат (Страсбург) и др. Главной военной квартирой на этом участке границы служила Августа Тревириов (Трир). От середины Рейна к верхнему течению Дуная шел крепостной вал (*limes Romanus*), отгораживая в сторону империи юго-западный угол Германии.

В крепостных лагерях на всем протяжении северной границы были размещены 15 легионов — больше половины всей военной силы империи. В числе римских войск были и отряды, набранные из германцев.

Вдоль этой границы происходили военные столкновения римлян с германцами, устанавливались мирные связи. Приграничные германские племена вступали в торговый обмен с римлянами; многие германцы искали в пределах римской империи заработка, просили земли. Непосредственные и интенсивные разносторонние исторические отношения находили свое отражение в словарном составе немецкого языка.

Прежде всего поражает обилие латинских заимствований того времени, охватывающих разные стороны хозяйственной жизни.

О значении для германцев торговли с римлянами свидетельствуют следующие заимствования: двн. *koufen торговать, продавать, покупать* (совр. *kaufen*) < из лат. *сауро маркитант, торговец едой и напитками*; двн. *mangôn торговать, mangâri торговец*, ср. англ. *(fish)monger* < лат. *mango (рабо)торговец*; двн. *pfunt фунт* < лат. *pondo весом*; двн. *munizza монета* (совр. *Münze*) < лат. *monēta*; двн. *sac мешок* (совр. *Sack*) < лат. *saccus*; двн. *korb корзина* (совр. *Korb*) < лат. *corbis*; названия выючных животных (на которых, по-видимому, привозили свои товары римские торговцы): лат. *asinus* > двн. *esil осел* (совр. *Esel*); лат. *mūlus* > двн. *mūl мул* (совр. *Maultier*); названия товаров, привозимых римскими торговцами: лат. *vīnum* > двн. *wīn вино* (совр. *Wein*) (это заимствование позволяет предполагать, что немецким племенам до встречи с римлянами было неизвестно виноградное вино, хотя фруктовый напиток *līd сидр*, по-видимому, был знаком им с давних времен); лат. *acētum*, форма с наличием метатезы **atecum* > двн. *ezzīch уксус* (совр. *Essig*); лат. *pipēg* > двн. *pfēffar перец* (совр. *Pfeffer*); лат. *plūma* > двн. *pfūma пух* (совр. *Flaum*).

Последнее заимствование, по всей вероятности, связано с засвидетельствованным Плинием вывозом римлянами гусяного пера из Германии.

Особенно значительное влияние оказала на германцев римская земледельческая культура, о чем свидетельствуют заимствования из самых различных областей.

Названия сельскохозяйственных инструментов: лат. *secula* > двн. *sihhila серп* (совр. *Sichel*); лат. **secum* > двн. *seh лемех* (совр. *Sech*); лат. *flagellum* > двн. *flegil цен* (совр. *Flegel*).

Названия разнообразных сельскохозяйственных культур и плодовых деревьев: лат. *caulis* > двн. *kôl капуста* (совр. Kohl); лат. *rādex, rādicis* > двн. *rātīh редька* (совр. Rettich); лат. *cucurbita* > двн. *kurbiz тыква* (совр. Kürbis); лат. *sinapis* > двн. *senef горчица* (совр. Senf); лат. *menta* > двн. *minza мята* (совр. Minze); лат. *cerēsia* > двн. *kirsа вишня* (совр. Kirsche); лат. *prūnum* > двн. *pfrūma слива* (совр. Pflaume, / благодаря диссимиляции в сложном слове **plūmtriu*); лат. *fructus* > двн. *vruht фрукт*.

Виноградарство: лат. *vindēmia* > двн. *wintimma сбор винограда*; лат. *vīnitor* > двн. *wīnzuril виноградарь* (совр. Winzer); лат. *calcatūra* > двн. *calctura, kelctra пресс* (совр. Kelter); лат. *tractārius* > двн. *trahtāri воронка* (совр. Trichter); вульг. лат. **bicārium* > двн. *behhāri кубок* (совр. Becher); лат. *calix, calicis* > двн. *kelich кубок, чаша* (совр. Kelch); лат. *(vīnum) mustum* > двн. *most молодое вино* (совр. Most); вульг. лат. **piluccāre собирать (ягоды)* > двн. **phlukkôn*.

Многие заимствования являются отражением того факта, что германцы познакомились с каменными постройками, неизвестными им дотоле, благодаря римлянам: лат. *mūrus* > двн. *mūra стена из камня* (совр. Mauer) (ср. исконно германское слово Wand и его значение); лат. *calx, -cis* > двн. *kalk, kalch известь* (совр. Kalk); лат. *tēgula* > двн. *ziagala черепица* (совр. Ziegel); лат. *pīlāri* > двн. *pfilāri столб* (совр. Pfeiler); лат. *postis* > двн. *phost косяк* (совр. Pfosten); лат. *scindula* > двн. *scintula гонт, дрань кровельная* (совр. Schindel); ср.-лат. *plastrum (род цемента при строительстве каменных домов)* > двн. *phlastar пол, мостовая* (совр. Pflaster); лат. *picem* > двн. *peh смола* (совр. Pech).

Римский каменный дом имел отличное от прежних германских построек устройство и расположение внутренних помещений. Научившись строить каменные дома, германцы переняли и некоторые характерные черты римских построек, а вместе с тем и их названия: лат. **stuba отопливаемое помещение* > двн. *stuba жилая комната* (совр. Stube); лат. *camera помещение со сводчатым потолком* > двн. *chamara комната* (совр. Kammer); лат. *cellārium* > двн. *kellāri погреб* (совр. Keller); лат. *sōlārium* > двн. *solāri балкон, вышка* (совр. Söller); лат. *cocīna* > двн. *chuhhina кухня* (совр. Küche); позднелат. *spīcārium* > двн. *spīhhāri амбар* (совр. Speicher); лат. *fenestra* > двн. *venster окно* (совр. Fenster); лат. *porta* > двн. (франкск.) *pforta дверь, калитка*; лат. *camīnus* > двн. *kemin печь*; ср.-лат. *astracus, astricus* > двн. *astrih, estrih пол* (совр. Estrich).

Новые постройки были, по-видимому, иначе обставлены и оборудованы, о чем свидетельствуют заимствования названий различных предметов домашнего и хозяйственного обихода: лат. *discus* > двн. *tisc круглый столик* (ср. англ. dish); лат. *scamellum* > двн. *scamal скамейка* (совр. Schemel); лат. *vannus* > двн. *wanna ванна, корыто*; ср.-лат. *thēsa* > двн. *ziahha покрывало, накидка* (совр. Zieche); позднелат. *soxīnus подушка для сиденья* > двн. *chussī(n) подушка* (совр.

Kissen); лат. *cūpa* бочка > двн. **kubil* чан, кадка; лат. *puteus* > двн. *phuzzi* колодезь, лужа; лат. *cōpa* > двн. *kuofa* бочка, чан; лат. *cista* > двн. *kista* ящик; лат. *scrīnum* > двн. *scrīni* сундук, шкаф (совр. Schrein); лат. *tabula* > двн. *zabal* доска для игры; лат. *mensa* (вульг. лат. **mēsa*) > двн. *mias* стол; лат. *charta* > двн. *charza*, *kerza* свеча (совр. Kerze).

Знакомство с римским бытом обогатило также и познания германцев в области кулинарии и кулинарного искусства: лат. *scutella* плоская чаша > двн. *scuzzila* блюдо (совр. Schüssel); лат. *catinus* горшок > двн. *kezzil* котел (совр. Kessel); лат. *patina* блюдо > двн. *pfanna* сковорода (совр. Pfanne); вульг. лат. *coco*, лат. *coquus* > двн. *choh* повар (совр. Koch); лат. *cāseus* > двн. *châsi* сыр (совр. Käse). Это слово первоначально применялось лишь для обозначения твердого сыра. Германцам был известен другой вид сыра — жидкий, который назывался **justa* (ср. совр. шведск. *osten*). Лат. *būtyrum* > двн. *butera* масло (совр. Butter).

Интересны некоторые заимствования технического характера, касающиеся мельничного дела и судоходства.

Германцы научились у римлян строить водяные мельницы (позднелат. *molīna* > двн. *mulī*), которые быстро вытеснили бытовавшие раньше ручные мельницы (двн. *quīrn*).

Вместе с новой разновидностью якоря (лат. *ancora* — *двурогий металлический якорь*) германцы заимствовали и его название (двн. *anchor*, совр. Anker), а прежнее обозначение примитивного якоря — камня, служившего для закрепления судов (двн. *senchil*), было ими утрачено.

В этой же связи были заимствованы: двн. *ketina* цепь (совр. Kette) < лат. *catēna*, вульг. лат. *cadena*; двн. *rieto* весло, руль (совр. Riemen) < лат. *remus*. Лишь незначительное количество заимствований связано с военным делом, например: лат. *pīlum* > двн. *pfīl* стрела (совр. Pfeil); лат. *hasta* > двн. *ast* копье; лат. *miles*, *milites* > двн. *miliz* воины; лат. *campus* поле боя > двн. *kampf* бой, борьба (совр. Kampf).

С римскими укреплениями связаны такие слова, как: двн. *wal(l)* вал < лат. *vallum* (ср. англ. wall стена) и совр. *Pfahl* частокол < лат. *pālus*, входящее в немецкое название римского оборонительного вала — *limes Romanus* (Pfahlgraben).

С римскими военными дорогами связаны заимствования двн. *strāzza* дорога, улица (совр. Straße) < лат. *via strāta* мощеная дорога и двн. *mīla* миля (совр. Meile) < лат. *mīlia* (passuum) тысяча (шагов).

Сравнительно немногочисленны заимствования из области социальных и правовых отношений, ср.: лат. *Caesar* > двн. *keisar* император (совр. Kaiser); лат. *tributum* > двн. *tribuz* дань; лат. *teloneum*, вульг. лат. *toloneum* > двн. *zol(l)* пошлина; лат. *causa* > двн. *kōsa* судебное разбирательство, *kōsōn* вести тяжбу; лат. *carcer* > двн. *karkāri* темница (совр. Kerker).

Все рассмотренные примеры наглядно показывают, какое значение для воссоздания картины быта и производства немецких племен имеет изучение истории словарного состава немецкого языка

и, в частности, его древнейших лексических заимствований из латинского языка.

Отличительной особенностью первого слоя латинских заимствований в немецком языке является то, что на них распространилось действие некоторых фонетических закономерностей, характерных для немецкого и других германских языков в строго определенные промежутки времени. Так, заимствованные латинские слова подвергались второму верхненемецкому передвижению согласных (ср. лат. *campus* — двн. *kampf*, лат. (*via*) *strāta* — двн. *strâzza* и т. п.), а кроме того, испытали на себе воздействие закономерности повышения *e* в *i* перед сочетанием «*л* + согласный», характерной для германских языков (ср. лат. *menta* — двн. *minza*). Следовательно, эти слова должны были быть заимствованы до того времени, когда перестали действовать указанные закономерности. Здесь наиболее показательны факты проведения второго верхненемецкого передвижения, поскольку оно закончилось к середине VIII в.

Данное обстоятельство способствует установлению второй, конечной временной границы проникновения первого слоя латинских заимствований в немецкий язык.

Иногда помощь при датировке оказывает звуковая форма соответствующего латинского слова. Так, самые ранние заимствования из латыни имеют в древневерхненемецком перед гласными переднего ряда *k* (ср., например, *Caesar* — *keisar*, *ceresia* — *kirsa* и некоторые другие). Однако нам известно, что лат. *c* (*k*) перед гласными переднего ряда в V—VII вв. перешло в [ts]. Следовательно, латинские слова в немецком, сохранившие это *k*, были заимствованы до того времени, как начала действовать указанная фонетическая закономерность.

Необходимо помнить, что исходным пунктом для заимствований из латинского языка была вульгарная латынь.

Таким образом, как факты заимствовавшего, так и факты языка, из которого происходило заимствование, неоспоримо указывают на то, что процесс заимствования протекал в дописьменный период и, следовательно, устным способом. Данное обстоятельство имеет чрезвычайно важное значение, поскольку именно заимствование устным способом дает больше возможностей отклонения либо от первоначального значения заимствованного слова (ср.: *campus* — *kampf*; *caupo* — *koufen*; *tabula* — *zabal* и др.), либо от его формы (ср.: *via strāta* — *strâzza*; *una libro pondo* — *pfund*; *milia passuum* — *mîla* и др.).

Устный способ заимствования значительно упрощает приспособление заимствованных слов к фонетическим и грамматическим нормам заимствующего языка, ибо их звучание и их грамматическая форма воспринимаются на слух говорящими на этом языке с точки зрения привычных им языковых навыков. Все эти факторы, взятые вместе, объясняют сравнительную быстроту и полноту ас-

симиляции устных заимствований в заимствующем языке, на что нам указывает дальнейшая судьба первого слоя латинских заимствований в немецком языке (ср. такие слова, как: Tisch, Fenster, Stube, Straße, Kampf, Pfund, Koch, Küche, Mühle, Kette, pflücken и многие другие, которые воспринимаются как исконно немецкие).

При рассмотрении вопроса о лексике, заимствованной устным способом, тотчас же возникает вопрос о путях проникновения и распространения ее в заимствующем языке. В самом деле, как проникли латинские слова в немецкий язык и как смогли они распространиться по всей территории Германии?

Ответ на этот существенный вопрос нам дают замечательные диалектологические исследования Т. Фрингса (см. его работы «Germania — Romannia», 1932 и «Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache», 1950). Казалось бы, что распространение латинских заимствований должно было бы идти через юг Германии, который географически лежит ближе к непосредственно римским областям. Однако исследование распространения отдельных латинских заимствований в различных областях Германии свидетельствует о том, что большинство из них на юге Германии не выходит за пределы диалектизмов (ср., например, распространение латинского названия винодельческого пресса — на юге Германии *torkel*, в то время как на остальной территории — *kelter*)¹.

Отсюда следует, что юг Германии не мог играть сколько-нибудь значительной роли в распространении латинских заимствований. Данные лингвистического анализа подкрепляются и историческими фактами. Известно, что юг Германии представлял в те времена отсталую в экономическом отношении область, мало связанную с остальными частями Германии. Полную противоположность в указанном отношении представляли собой области по среднему и нижнему течению Рейна, гораздо более развитые в экономическом отношении и покрытые разветвленной сетью водных и сухопутных дорог.

Именно это предопределило главенствующую роль названных областей Германии в распространении латинских заимствований на германской территории. Свой запас латинских заимствований эти области получали с территории романизированной Галлии. Галлия и была тем гигантским резервуаром, из которого по Роне, а затем Маасу и Мозелю латинские заимствования продвигались к Рейну. Средоточием заимствований здесь являлась Августа Тревиоров (совр. Трир), теснейшим образом связанная с областью средиземноморской культуры и находившаяся на стыке юга и других областей Германии.

Помимо непосредственных заимствований, к этому же периоду относятся и первые кальки. Количество калек, характерных для

¹ См.: *Frings Th. Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache.* — Halle (Saale), 1950. — S. 87 (Karte 21).

письменного языка, в то время было незначительно, калькирование охватило лишь латинские названия дней недели.

Как известно, названия семидневной недели восточного происхождения и находятся в связи с вавилонским звездочетством, с древней астрономией.

В Древней Греции и Древнем Риме семидневная неделя была введена во II—III вв. н. э., причем дни недели были названы в соответствии с определенными планетами: 1. *dies Solis* *день Солнца*, 2. *dies Lunae* *день Луны*, 3. *dies Martis* *день Марса*, 4. *dies Mercurii* *день Меркурия*, 5. *dies Jovis* *день Юпитера*, 6. *dies Veneris* *день Венеры*, 7. *dies Saturni* *день Сатурна*.

Данное обозначение дней недели пришло в III—V вв. н. э. к древним германцам, где каждое из приведенных названий было передано родными и понятными этим племенам языковыми средствами, хотя в основе их и лежали латинские образцы, ср.: лат. *Solis dies* — двн. *sunnûn tag* (до IV в. н. э.), совр. *Sonntag*; лат. *Lunae dies* — двн. *mânatag*, совр. *Montag*; в лат. *Martis dies* германцы заменили Марса соответствующим германским божеством: герм. **Tîwaz*, двн. *Zîu*, отсюда двн. *zîostag* (ср. др.-англ. *tîwesdœz*, совр. *Tuesday*). В настоящее время данное слово сохранилось лишь в некоторых юго-западных немецких диалектах (*Zîschdik*). Современное немецкое *Dienstag* восходит к древнему северонемецкому *dingestag*, поскольку Марс (герм. **Tîwaz*) считался древним покровителем народных собраний (отсюда его прозвище *Thingsus* у германцев).

Лат. *Mercurii dies* отражается в современном нидерландском *Wonsdag* и английском *Wednesday*, где *Wodan* заменяет Меркурия. Позднедревневерхненемецкое *mitta wecha*, совр. *Mittwoch* восходит к ср.лат. *media hebdomes*.

Лат. *Jovis dies* — двн. *donarestag*, совр. *Donnerstag* (имя германского бога Донара заменило здесь имя Юпитера).

Лат. *Veneris dies* — двн. *frîatag* (*Frîa* — имя германской богини любви и красоты).

Лат. *Saturni dies* отражается в др.-англ. *Sœtern(es)dœz*, совр. *Saturday*; двн. *sunnûnâbant* (совр. *Sonnabend*) было распространено первоначально лишь в средней части Германии и тесно связано с др.-англ. *sunnancêfen*, собственно — *Vorabend vor Sonntag канун воскресного дня*, лат. *vigilia*¹.

Хотя названия дней недели представляют собой лишь кальки и не имеют ничего общего с почитанием соответствующих германских божеств, тем не менее они были возможны лишь в то время, когда христианское учение не вытеснило еще полностью языческого многобожия. С распространением и победой христианской религии на германской территории связан второй, более поздний слой латинских заимствований (VIII—XI вв.).

¹ См.: *Maurer F., Stroh F. Deutsche Wortgeschichte. — 1943. — S. 113.*

Первые заимствования лексики религиозного характера встречаются значительно раньше. Так, уже к V в. н. э. относятся первые церковные заимствования из греческого языка, пришедшие к немецким племенам через готов¹, которым было известно христианство в его греко-арианской форме, например: двн. *kiricha* *церковь* (совр. Kirche) < греч. вульг. *kyrikón*, греч. *kyriakón* (этому слову противостоит лат. *ecclesia*, фр. *église*); двн. *pfaffo* *священник* (совр. Pfaffe), ср. русск. *поп* < греч. *papás* *священник*, *низший духовный чин*, в отличие от *pápas* *papa*; двн. *bischof* *епископ*, совр. Bischof < греч. *episcopos*; двн. *engil* *ангел* (совр. Engel) < греч. *áγγελος* *посланник (с небес)*; двн. *tiufal* *дьявол* < греч. *diábolos* *клеветник, нечистый*, а также кальки: двн. *herizogo* *полководец* < греч. *strategos*; двн. *magazogo* *воспитатель* < греч. *paidagogos*.

На протяжении VI—VII вв. были заимствованы и некоторые латинские религиозные термины, что было связано с деятельностью франкских и англосаксонских миссионеров, ср.: двн. *klôstar* *монастырь* (совр. Kloster) < лат. *claustrum*; двн. *munistri* *собор* (совр. Münster) < лат. *monasterium, ministerium*; двн. *munich* *монах* (совр. Mönch) < лат. *monachus, monicus*; двн. *phruonta* *община, приход* (совр. Pfründe) < ср.-лат. *provenda*; двн. *opfarôn* *жертвовать* (совр. opfern) < лат. *operâri*; двн. *seganôn* *благословлять* (совр. segnen) < церк. лат. *signâre* *крестить, совершать крестное знамение*.

Миссионеры способствовали также распространению заимствований, не носящих специфически религиозного характера, например, связанных с государственным управлением, ср.: лат. *census*, двн. *zins* *проценты* (совр. Zins); с письменностью — лат. *atramentum* *чернила*, двн. *atarminza*; лат. *scribere*, двн. *scriban* *писать* (совр. schreiben); с бытом — лат. *paraverêdus* *почтовая лошадь*, двн. *pferit* *лошадь* (совр. Pferd); лат. *biber* (от *bibere* *пить*), двн. *biog* *брага, пиво* (совр. Bier).

Закреплению такого рода заимствований способствовало многоязычие Франкского государства (481—768 гг. н.э.), где наряду с официальным латинским языком бытовали многочисленные романские и германские языки и диалекты. В VIII в. по территории Германии прокатывается вторая более интенсивная и продолжительная волна латинских заимствований. Проникновение латинских слов в немецкий язык в VIII—XI вв. было тесно связано с появлением и развитием письменности. Поскольку культурными центрами с VIII в. становятся монастыри и существовавшие при них монастырские школы, то вполне естественно, что именно они являлись проводниками латинского влияния. Однако заимствования того времени не ограничиваются лишь такими узко церковными словами, как, например, двн. *abbat* *настоятель монастыря* (совр.

¹ Подробнее об этом см.: Kluge F. Wortforschung und Wortgeschichte. — 1912. — S. 134—183 (Unser ältestes Christentum).

Abt) < лат. abbas, abbatem; двн. поппа *монахиня* (совр. Nonne) < позднелат. nonna; двн. пробѣст *пресвитер* (совр. Propst) < лат. пропрѣситус и др.

Развитие письменности и обучения, ознакомление с целым рядом новых предметов, относящихся к этой области, не могло не повлечь за собой целого ряда заимствований: двн. scuola *школа* (совр. Schule) < лат. scōla; двн. tinkta *чернила* (совр. Tinte) < ср.-лат. tincta (aqua); двн. tavala *доска для письма* (совр. Tafel) < лат. tabula; двн. pergamon *пергамент* < ср.-лат. pergamēnum; двн. briaf *послание, письмо* (совр. Brief) < лат. brēvis (libellus); двн. spiagal *зеркало* (совр. Spiegel) < лат. spēculum.

С развитым при монастырях огородничеством и садоводством связаны были такие заимствования, как: двн. lilja *лилия* (совр. Lilie) < лат. lilium; двн. gōsa *роза* (совр. Rose) < лат. rosa; двн. petersilia *петрушка* (совр. Petersilie) < лат. petrosilium и некоторые другие.

Монастырское хлебопечение способствовало распространению таких слов, как: двн. brezitella *крендель* (совр. Brezel) < ср.-лат. *brachiatellum, уменьшительное образование к лат. *brachitum *изделие из теста в форме скрещенных рук, крендель*.

Некоторые заимствования свидетельствуют о том, что монахам была известна и примитивная медицина, например: греко-лат. archiāter > двн. arzāter, arzāt *лекарь* (совр. Arzt); греко-лат. buxis > двн. buhsa *коробка, букс* (совр. Buchse, Büchse).

Тесная связь второго слоя латинских заимствований с письменностью сказывается в том, что наряду с существительными заимствуются прилагательные и глаголы, в то время как первый слой, заимствованный устным способом, состоит почти исключительно из существительных: двн. sūbag *чистый, опрятный* (совр. sauber) < лат. sōbrius; двн. kŭsci *целомудренный* (совр. keusch) < вульг. лат. *cōsci *добродетельный* (лат. conscius); двн. ordinōn *приводить в порядок* < лат. ordināre; двн. trahtōn *думать над вопросом, на который надлежит дать ответ* (совр. trachten) < лат. tractāre; двн. bredigōn *проповедовать* (совр. predigen) < лат. praedicāre; двн. labōn *мыть, освежать* (совр. laben) < лат. lavāre; двн. spentōn *делать пожертвование* (совр. spenden) < лат. (ex)pendere и некоторые другие.

Развитие письменности и монастырской учености создавало благоприятную почву для возникновения многочисленных калек, основывающихся на использовании средств родного языка, которые приспособлялись к латинским образцам. Число калек в рассматриваемый период было гораздо более значительным, чем число прямых заимствований, что объясняется как характером переводимых текстов, изобиловавших отвлеченной лексикой, так и стремлением переводчиков (которые нередко одновременно были и преподавателями в монастырских школах) способствовать быстрому полному пониманию латинских подлинников. Согласно под-

счета В. Бетца¹ из 20 000 единиц общего словарного состава древне-немецкого языка лишь 600 (3 %) являются прямыми заимствованиями (Lehnwörter). 2000 слов представляют собой новообразования подражательного характера (Lehnbildungen). К ним относятся, прежде всего, кальки, точно копирующие формальную структуру латинского слова (Lehnübersetzungen, Glied-für-Glied-Übersetzungen), ср.: двн. forascauwunga — лат. providentia. Другие кальки более свободно воспроизводят формальную структуру иноязычного образца (Lehnübertragungen), например, двн. forakisēhan — лат. providere. Часть вновь созданных эквивалентов латинских слов не копировала их формальной структуры (Lehnschöpfungen), ср.: двн. findunga — лат. experimentum. 4000 единиц (20 %) составляют семантические кальки — уже имевшиеся в немецком языке слова, значение которых подверглось частичному или полному переосмыслению под влиянием латыни, в силу чего они наполнялись новым религиозным содержанием. Так, у двн. bijiht *f* наряду со старым значением *обещание, признание* (Versprechen, Anerkenntnis) под влиянием лат. confessio развивается новое — *исповедь* (новонем. Beichte).

Интересным примером полного переосмысления первоначальной семантики является развитие значения слова двн. sēla *f* *душа* (новонем. Seele)². Древнее значение этого общегерманского слова (ср.: готск. saiwala, др.-сакс. sēla, др.-англ. sáwol) было связано с языческими представлениями о душе как тени, подобии умершего человека в царстве мертвых — Хель. Живому человеку согласно этим представлениям была присуща жизненная сила, которая обозначалась другим словом — двн., др.-сакс. ferah, др.-англ. feorh. Согласно христианским представлениям лат. anima обозначало нечто бессмертное, присущее человеку при жизни, но подлинное бытие души начиналось после освобождения от плоти, т. е. после смерти. Сближающим моментом между двн. sēla и лат. anima было по видимому бытие после смерти. Поэтому в переводах лат. anima передавалось нем. sēla, что на фоне распространения христианского вероучения способствовало изменению значения названного немецкого слова. Германское ferah не могло быть использовано как эквивалент лат. anima и, сохранив свое старое значение (хотя и несколько ослабленное), просуществовало в народном языке до XIV в.

Новое религиозное содержание получил и ряд других немецких слов, ср., например: двн. heilant *спаситель* (совр. Heiland) и лат. salvator; двн. hella *ад* (совр. Hölle) — лат. infernum; двн. buoza *исповедь* (совр. Buße) — лат. satisfactio. Многие из калек остались единичными книжными образованиями и не вошли в словарный со-

¹ См.: Betz W. Lehnwörter und Lehnprägungen im Vor- und Frühdeutschen // Deutsche Wortgeschichte / Hrsg. von F. Maurer und H. Rupp. — 3. Aufl. — Berlin, 1974. — Bd. I. — S. 120 ff.

² См.: Eggers H. Op. cit. — S. 213 ff.

став немецкого языка, другие же доказали свою жизнеспособность, сохранившись до наших дней. Ср., например: лат. conscientia — двн. giwizzani *совесть* (совр. Gewissen); лат. communio — двн. gimeinida *община* (совр. Gemeinde); лат. misericors — двн. armaherz *милосердный* (совр. barmherzig); лат. beneficium — двн. wolatât *благодетель* (совр. Wohltat); лат. monachus — двн. einsidilo *отшельник* (совр. Einsiedler); лат. compater — двн. gifatero *кум* (совр. Gevatter); лат. argentum vivum — двн. quecsilbar *ртуть* (совр. Quecksilber); лат. spiritualis — двн. geistlih *духовный* (совр. geistlich); лат. simplex — двн. einfalt *простой* (совр. einfältig) и др.

Характерной фонетической особенностью латинских заимствований второго слоя является отсутствие второго верхненемецкого передвижения согласных, так как действие данной фонетической закономерности в рассматриваемый период уже закончилось (ср.: двн. rîna *наказание*, лат. roena, двн. tempal *храм*, лат. templum и др.). В основе заимствования лежит обычно (как и в более ранние периоды) форма вульгарной латыни или романская форма (ср.: лат. expensa, вульг. лат. spêsa *пожертвование*, двн. spîsa *благотворительная похлебка* (совр. Speise)).

На протяжении нескольких столетий наблюдается значительное влияние латинского языка на немецкий. Однако оно не нанесло ущерба самобытности немецкого языка. Основной словарный фонд и грамматический строй немецкого языка остались незатронутыми в процессе исторически обусловленного взаимодействия немецкого и латинского языков. Произошло лишь некоторое обогащение словарного состава немецкого языка за счет заимствований, не коснувшихся основного словарного фонда. Заимствованные латинские слова приобрели в немецком языке фонетический и грамматический облик, соответствующий внутренним закономерностям его развития. Впоследствии многие из этих заимствований настолько ассимилировались, что стали восприниматься как исконно немецкие слова, причем некоторые даже вошли в основной словарный фонд немецкого языка (например, слова Tisch, Fenster, Mühle, Wein, schreiben и др.).

Сказанное можно распространить и на древнейшие лексические заимствования из других языков.

Лексические заимствования из других языков, обогатив словарный состав немецкого языка, не только не ослабили, но, наоборот, усилили его, сделав его богаче и разностороннее.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ
СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД
(1050 — 1350 гг.)

ГЛАВА I
ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ
СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

С вступлением Германии в середине XI в. в фазу развитого феодализма в функциональной системе немецкого языка произошли существенные исторические сдвиги, обусловленные соответствующими общественно-экономическими и политическими изменениями, изменениями в культурно-исторической и языковой ситуации, а также в коммуникативных отношениях¹. К этому времени завершается процесс образования немецкой народности, о чем свидетельствует субъективное осознание этнической и языковой общности, которое все ярче звучит в немецких письменных памятниках, начиная именно с конца XI в. В литературе рассматриваемого периода при обозначении представителей немецкой народности, их государства и языка регулярно используется прилагательное *deutsch* (двн. *diutisk*, свн. *diutisch*, *diutsch*, *tiutsch*, *tiusch*; о происхождении данного прилагательного см. Раздел первый, глава I).

¹ См.: Гухман М. М., Семенов Н. Н. Указ соч. — С. 68 и сл.; Schildt J. Op. cit. — S. 78.

Наряду со словосочетаниями *Diutschiu liute*, *Diutschu man*, широко употребляется субстантивированное прилагательное *die diutisken*, *tiutsche* «немцы». Родной язык немцев — *diutsche f*, *diutsch*, *tiutsch* и противопоставляется языку других народов. Отдельные области средневековой Германии — «земли» (*diu lant*) — воспринимаются как части, подчиненные общему целому¹. Представленные в этих землях территориальные диалекты рассматриваются как разновидности одного языка.

Объективным свидетельством завершения формирования немецкой народности является значительное расширение сферы применения собственного (родного) языка. В рассматриваемый период на немецком языке существовали не только религиозная и светская художественная литература, но и разнообразные исторические хроники, памятники делового, канцелярского характера — грамоты, юридические и торговые документы, а также проповеди, религиозно-дидактические и теолого-философские сочинения ранних мистиков. Проникновение немецкого языка в канцелярии было обусловлено как ростом этнического самосознания у представителей немецкой народности, так и определенными социальными факторами, среди которых важная роль принадлежала подъему низшего дворянства — министералов, которые не владели латынью и вместе с тем к 1250 г. — обнаруживали все большую заинтересованность в изготовлении грамот на немецком языке. Появление этого слоя рыцарства способствовало обращению к родному языку в сфере деловой коммуникации, что повлекло за собой в дальнейшем перестройку в деятельности городских канцелярий, где позиции немецкого языка все более укреплялись в коммерческой переписке городов². С середины XIII в. развивается назидательная литература на немецком языке, вершиной которой стала немецкая мистика как одно из значительных культурно-исторических течений этого времени.

Самым известным произведением средневековой немецкой мистической литературы является книга Мехтхильды Магдебургской (*Mechthild von Magdeburg*, 1210—1282 гг.) «Струящийся свет божества» (*Das fließende Licht der Gottheit*).

В период развитого феодализма широкий прочный фундамент языковой пирамиды немецкого языка продолжали составлять территориальные диалекты. К этому времени благодаря завершению процесса их переоформления из племенных диалектов они окончательно закрепляются за определенными политическими территориями средневековой Германии. Кроме того, вследствие усилившейся феодальной раздробленности наблюдается их дальней-

¹ См.: *Гухман М. М.* От языка немецкой народности к языку немецкой нации. — М., 1955. — Ч. I. — С. 55.

² См.: *Bach A.* Op. cit. — S. 114.

шее разделение на более мелкие местные говоры со своими специфическими особенностями (Ortsdialekte). Диалектное членение языка немецкой народности на нижненемецкий и верхненемецкий ареалы с разграничением внутри последнего средненемецкого и южнонемецкого субареалов в целом сохранилось, однако состав территориальных диалектов в нижненемецком ареале и в средненемецком субареале значительно расширился вследствие восточной экспансии — завоевательных походов немецких светских и духовных феодалов на восток, которые начались с X в. и особенно усилились в XII—XIII вв. На завоеванных и аннексированных землях складывались новые немецкие переселенческие диалекты, для которых были характерны процессы смешения и интеграции. Эти процессы объясняются тем, что в колонизованных областях встретились и слились друг с другом потоки переселенцев, представлявших разные немецкие языковые ландшафты. Север и северо-восток завоеванной территории заселялись преимущественно колонистами из северо-западных земель (частично и из Нидерландов), поэтому, несмотря на черты смешения, образовавшиеся здесь новые диалекты по своим примарным признакам оставались нижненемецкими. Особенно интенсивно процессы смешения и интеграции протекали в восточносредненемецком регионе, в заселении которого, как показали исследования Т. Фрингса и основанной им Лейпцигской школы диалектографии¹, участвовали колонисты из разных частей прежней территории распространения немецкого языка. Через Магдебург двигался поток колонистов из нижненемецкой северозападной области, через Эрфурт — переселенцы из западносредненемецкой области, через Вюрцбург и Бамберг — колонисты из Майнской Франконии, т. е. с юго-запада. Сформировавшиеся в данном регионе новые восточносредненемецкие диалекты наряду со средненемецкими обнаруживали южнонемецкие и нижненемецкие черты², что позволило им в дальнейшем сыграть важную роль в процессе становления немецкого национального литературного языка. Сложившийся позднее на этой территории восточносредненемецкий вариант литературного языка вобрал в себя много таких диалектных особенностей, которые составляют характерные черты и новонемецкого литературного языка, например: южные формы местоимений на -г и -ch — *mir, mich, dir, dich*; огласовка -e- в корне глаголов *stehen, gehen*; произношение сочетания -chs- как [ks] в словах типа *sechs, Ochse, wachsen*; сохранение редуцированного [-ə] в глагольных префиксах и флексии — *bestellt, gestohlen, gebrochen*, а позднее — явления монофтонгизации и дифтонгизации. Как вос-

¹ Подробнее см.: *Филичева Н.И.* Диалектология современного немецкого языка. — М., 1985. — С. 21 и сл.

² См.: *Geschichte der deutschen Sprache // Verfasst von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von W. Schmidt.* — 5. Aufl. — Berlin, 1984. — S. 83.

точнонижненемецкие, так и восточносредненемецкие колониальные диалекты отличались не только своим смешанным характером, но и тем, что они интегрировали языковые элементы местного славянского населения.

К концу среднего периода (после 1300 г.) в нижненемецком ареале, отделяемом от верхненемецкого изоглоссой *ik/ich*, различались диалекты: 1. нижнефранкский (*Niederfränkisch*); 2. севернонижненемецкий (*Nordniederdeutsch*) в окружении Бремена, Гамбурга, Любека; 3. вестфальский (*Westfälisch*) в окружении Мюнстера и Падборна; 4. остфальский (*Ostfälisch*) в окружении Ганновера, Гёттингена, Магдебурга; 5. Остэльбский (*Ostelbisch*) в Мекленбурге и Померании; 6. Бранденбургский (*Brandenburgisch*). Из них первые четыре были представлены в основном на старых территориях — нижнефранкской и нижнесаксонской, тогда как два последних являлись разновидностями переселенческого нижненемецкого или восточнонижненемецкого (*koloniales Niederdeutsch, Ostniederdeutsch*).

Средненемецкий субареал в западной части (*Westmitteldeutsch*) включал диалекты: 1. Среднефранкский (*Mittelfränkisch*), который в свою очередь разделился на поддиалекты рипуарский (*Ripuarisch*) — в окружении Кёльна и мозельскофранкский (*Moselfränkisch*) — в окружении Трира; 2. Рейнскофранкский с гессенским (*Rheinfränkisch mit Hessisch*). Восточная часть средненемецкого субареала (*Ostmitteldeutsch*), отграниченная от западной реками Фульда и Верра, охватывала диалекты: 1. Тюрингенский (*Thüringisch*); 2. Новые смешанные переселенческие восточносредненемецкие диалекты на территории Верхней Саксонии и Силезии, которые в рассматриваемый период не имели еще четкого внутреннего членения¹ и лишь позднее разделились на верхнесаксонский (*Obersächsisch*) и силезский (*Schlesisch*) поддиалекты.

В южнонемецком субареале, отделяемом от средненемецкого изоглоссой *appel/äpfel*, разграничивались диалекты: 1. Алеманский (*Alemannisch*); 2. Баварский (*Bairisch*); 3. Южнорейнскофранкский (*Südrheinfränkisch*); 4. Восточнофранкский (*Ostfränkisch*). Алеманский в свою очередь членился на поддиалекты: нижнеалеманский (*Niederalemannisch*), верхнеалеманский (*Hochalemannisch*) и швабский (*Schwäbisch*). Внутри баварского выделялись поддиалекты: севернобаварский (*Nordbairisch*), среднебаварский (*Mittelbairisch*) и южнобаварский (*Südbairisch*).

Прагматическая значимость территориальных диалектов в качестве средства повседневного устного общения преобладающего большинства представителей немецкой народности (независимо от их социально-классовой принадлежности) по сравнению с

¹ См.: *Schieb G. Die deutsche Sprache im hohen Mittelalter (mit Ausblick bis etwa 1500) // Kleine Enzyklopädie. Die deutsch Sprache. — Leipzig, 1969. — Bd. I. — S. 351.*

другими формами существования языка была особенно велика. Местные говоры связывали друг с другом зависимых от феодала крестьян и были эффективным инструментом, удовлетворяющим потребности устной коммуникации как в быту, так и в сфере сельскохозяйственного труда. Кроме того, они служили средством общения зависимых крестьян с их светскими или духовными феодалами. Активно владея говором своей местности, крестьяне, по видимому, пассивно (с градуальными различиями) знали и соседние говоры. По всей вероятности, крестьянские массы были пассивно знакомы и с сильно территориально окрашенным литературным языком соответствующего региона, на котором во время богослужения произносились проповеди для простого люда, а также читались вслух всей общиной наиболее популярные молитвы типа «Отче наш» и приносилось публичное покаяние собравшихся.

Территориальный диалект, а, в отдельных случаях, и местный говор использовались также феодалами в качестве повседневного бытового или семейного языка, в особенности при общении со своими подданными и крепостными. В остальном коммуникативные отношения в среде феодалов отличались большим многообразием, которое было обусловлено усилившимся социальным расслоением господствующего класса¹. При этом отдельные социальные слои активно владели разными формами существования и функциональными стилями родного языка, а также иностранными языками. Высшее духовенство, которое отличалось монополией на образование от светской знати (хотя ряды его постоянно пополнялись за счет последней), владело прежде всего латынью как средством международного общения, поскольку образование, даваемое церковью, носило международный клерикально-латинский характер. Наряду с латинским значительную роль играл родной немецкий язык, в первую очередь как язык-посредник в процессе преподавания и изучения латыни, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные латинско-немецкие глоссарии к изучаемым текстам. Кроме того, представители духовенства пользовались им в разной мере — в зависимости от сана и круга выполняемых обязанностей — при общении с паствой.

Крупная наследственная знать в отличие от высшего духовенства, как правило, не имела высокого образования и часто не умела ни читать, ни писать. Даже император и короли, за немногими исключениями подобно Фридриху II (1194—1250 гг.), который был высокообразованным человеком, нередко подписывали документы прочерком, свидетельствовавшим об их неграмотности. Письма зачитывались им вслух. При проведении официальных актов и церемоний, а также при необходимости

¹ См.: *Schildt J.* Op. cit. — S. 84.

установить международные контакты с представителями своего класса в другой стране крупная знать пользовалась услугами специально подготовленных лиц, имевших клерикально-латинское образование. Распоряжения подданным отдавались на диалекте, на диалекте же велось и деловое общение с ними. Речевые формы, используемые аристократией во время светской беседы в своем кругу, в зависимости от ситуации были весьма многообразны. Поскольку браки из династических соображений нередко заключались между лицами разной национальности, общение в семье могло осуществляться на иностранном для одного из супругов языке.

Более четко прослеживаются коммуникативные отношения, характерные для светского рыцарства — министриалов. Как правило, рыцари-министриалы изучали не латынь, а прежде всего французский — язык достигшей наивысшего развития части западноевропейского рыцарства, а также другие западноевропейские языки. Хотя полное активное владение несколькими иностранными языками, по-видимому, было достаточно редким явлением, широкое распространение в придворных кругах получило сознательное включение в речь на родном языке модных иноязычных слов и выражений, главным образом французских (*strifeln der rede mit der welsche*) и фламандских (*vlæmen mit der rede*)¹.

Многие средневерхненемецкие поэты благосклонно относились к модным иноязычным словам. Черпая материал для своих произведений из французской литературы, изображая распространяющиеся с запада обычаи, изысканные манеры, куртуазный этикет, образ жизни рыцарства, они заимствовали и соответствующие иностранные выражения. Это четко прослеживается в новом стиле вежливости, отраженном в поэтическом языке, для которого была характерной замена обращения на «ты» (*das Duzen*) обращением на «вы» (*das Ihrzen*), появление особых формул приветствия, обращений, вежливых оборотов.

Для высшего и низшего светского рыцарства, в силу его большой активности в политической и культурной жизни страны, был характерен широкий диапазон коммуникативных отношений, выходявших за рамки родного диалекта. Поэтому ряд исследователей сходятся во мнении о существовании в рассматриваемый период в рыцарской среде определенных форм устного разговорного койне, которые, сложившись на базе территориальных диалектов, обнаруживали тенденцию к наддиалектности².

Это койне служило, по-видимому, целям практической коммуникации между различными феодальными центрами при решении

¹ См.: *Eggers H. Deutsche Sprachgeschichte. — Reinbek bei Hamburg, 1965. — Bd. II. Das Mittelhochdeutsche. — S. 133.*

² См.: *Bach A. Op. cit. — S. 136.*

задач экономического, военного и политического характера. Данная форма существования немецкого языка использовалась, вероятно, образованными, но не владеющими латынью женщинами высокого происхождения и социального положения, которые играли доминирующую роль в придворном обществе. Рыцарское разговорное койне являлось посредником в закреплении и распространении французских заимствований в немецком языке. Этому в немалой степени способствовали и непосредственные контакты французского и немецкого рыцарства во время совместных крестовых походов. Кроме того, в широкой пограничной полосе от Фландрии до Бургундии представители дворянства были билингвами.

Рыцарское разговорное койне, существование которого из-за его устного характера для рассматриваемого периода может лишь постулироваться, предположительно являлось основой для различных региональных вариантов письменно-литературного языка, получивших фиксацию в памятниках рыцарской литературы того времени.

Наиболее значительным вариантом письменно-литературного языка в эпоху расцвета куртуазной поэзии был так называемый «классический средневерхненемецкий язык» (*mittelhochdeutsche Dichtersprache, klassisches Mittelhochdeutsch*), развившийся на грани XII и XIII в., главным образом на алеманско-восточнофранкской диалектной основе¹ в бассейне рек Рейна, Майна и Дуная (*Rhein-Main-Donaugebiet*). В его формировании принимали участие самые крупные поэты того времени — министриалы Гартман фон Ауэ (из Швабии), Вольфрам фон Эшенбах (из Восточной Франконии), городской патриций из Эльзаса Готфрид Страсбургский, Вальтер фон дер Фогельвейде, неизвестный автор «Песни о Нибелунгах». Их творчество способствовало росту социального престижа классического средневерхненемецкого языка, что побуждало пользоваться им также поэтов других языковых ландшафтов. Классический средневерхненемецкий язык имел надрегиональную значимость и характеризовался относительно высокой степенью унифицированности, приближающей его к кодифицированному (нормированному) письменно-литературному языку (*geregelte-Schriftsprache*)². Присущая ему тенденция к надрегиональности проявлялась прежде всего в сознательном отказе от наиболее резко выраженных ареальных черт — слов, звуков и форм, которые могли оказаться непонятными для представителей других диалектных ареалов.

Поэты проявляют «открытость» по отношению к языковым импульсам, которые они получают из удаленных от них регионов,

¹ См.: *Schildt J.* Op. cit. — S. 84.

² См.: *Eggers H.* Soziokulturelle Voraussetzungen und Sprachraum des Frühneuhochdeutschen // *Sprachgeschichte* / Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. — Berlin; New York, 1985. — Zweiter Halbbd. — S. 1296.

используя чужие формы и лексемы, обладающие по их мнению устойчивой надтерриториальностью.

Действие тенденции к надрегиональности сказывалось и в наличии обмена между разными ареалами, благодаря которому в тексты проникали различные по ареальному происхождению варианты: алеманские формы *gân* «gehen», *stân* «stehen» использовались баварскими поэтами, и, наоборот, формы в баварской огласовке *gên*, *stên* встречались у алеманских поэтов¹. В результате этого создается некий общий фонд вариантов, ср. такие вариантные формы, представленные у большинства рыцарских поэтов, как *gân* / *gên*, *stân* / *stên*, *began* / *begunde*, *nâ* / *nâch*, *sît* / *sider*, *mahte* / *mohte* и др.

По мере того, как язык рыцарской поэзии постепенно освобождался от диалектных «пут», он приобретал характер образцового для образованного в культурном отношении дворянства во всей Германии: им пользовался Вальтер фон дер Фогельвейде и во время своего пребывания при Венском дворе, и во время своих выступлений в других феодальных центрах культуры, как, например, при дворе ландграфа тюрингенского Германа. О престиже этого варианта письменно-литературного языка и признании, полученном им в рыцарских кругах, свидетельствует и то, что к нему обращались как к средству коммуникации за пределами исконной области его бытования в других регионах. Важным доказательством надрегиональности письменно-литературного языка верхненемецкого типа служит использование его в нижненемецком ареале. И за пределами куртуазной поэзии в рассматриваемый отрезок времени проявляется верхненемецкое влияние на нижнюю Германию. В отдельных случаях даже исторические грамоты в нижненемецкой области составлялись на верхненемецком (средненемецком). К рассмотренным проявлениям наддиалектных тенденций примыкали и те процессы, которые были связаны с общими для всей рыцарской литературы языковыми и стилистическими признаками.

Важным проявлением наддиалектности рассматриваемого варианта литературного языка было наличие обширного наддиалектного пласта лексики, который складывался прежде всего благодаря возникновению многочисленных лексических и семантических инноваций (см. ниже, глава «Словарный состав»).

Действие наддиалектных тенденций проявлялось и в строгом стилистическом отборе языковых средств, преобладании в рамках рассматриваемого варианта письменно-литературного языка языковых явлений нейтрального и высокого стилистического слоев. Прежде всего куртуазные поэты сознательно избегали всего грубого, простонародного и старались выделить собственное рыцарское сословие.

¹ См.: *Bach A.* Op. cit. — S. 138.

Кроме того, язык куртуазной поэзии свидетельствует о сознательном отборе лексики, унаследованной от предыдущей эпохи, и об отказе от многих устаревших слов и оборотов.

Проявления наддиалектности в языке куртуазной поэзии в немалой степени были обусловлены относительным единством рыцарской литературы, единообразием разрабатываемых сюжетов и следованием общим принципам их художественного воплощения.

В рассматриваемом варианте письменно-литературного языка — классическом средневерхненемецком впервые в истории немецкого языка воплотился прототип надрегионального литературного языка, который занимал верхний страт функциональной парадигмы. Выше него — за пределами функциональной парадигмы средневерхненемецкого языка в целом, но перекрывая ее верхние страты — располагалась латынь, которая продолжала в этот период использоваться в качестве средства общения в высших сферах коммуникации, ср. приводимую ниже схему:

Схема 2. Языковая пирамида немецкого языка в период Высокого Средневековья (около 1150—1250 гг.)

Однако существование охарактеризованного прототипа оказалось весьма недолговечным и прекратилось вместе с падением рыцарства. Высокий общественный престиж вариантов письменно-литературного языка, представленных в рыцарской литературе, затенял первоначально его другие разновидности, которые с течением времени оказались более перспективными для дальнейшей судьбы данной формы существования¹. В городах все большее влияние на развитие языка начинает оказывать бюргерство, в среде которого складываются собственные устные и письменные коммуникативные отношения. В городские канцелярии постепенно проника-

¹ См.: Schildt J. Op. cit. — S. 85.

ет немецкий язык, причем начало его использования в городских канцеляриях для разных ареалов хронологически не совпадает. Как язык грамот он с конца XIII в. постепенно распространяется с запада на восток и север¹. Обращению деловой письменности к немецкому языку способствовало и усиление роли низшего дворянства, подобно бюргерству не владевшего латынью. Как убедительно показала М. М. Гухман², городским канцеляриям, особенно канцеляриям юго-западного региона, принадлежала ведущая роль в переходе на немецкий язык, который позднее распространился на документы княжеских канцелярий и на делопроизводство в имперской канцелярии. На юго-западе Германии языковые процессы, протекавшие в деловой письменности, стимулировались концентрацией в этом регионе большого числа литературных памятников и выдающихся поэтов (Г. фон Ауэ, Г. Страсбургский). По всей вероятности, существенное значение имело и то, что переписка литературных памятников и составление и копирование документов были нередко сосредоточены в одних и тех же руках — руках клерков и писцов, обслуживающих канцелярии.

Деловая канцелярская письменность как функциональный вариант письменно-литературного языка, характеризуясь известной наддиалектностью, обнаруживала большую степень территориальной дифференциации по сравнению с другими видами письменности. Представленные в грамотах разновидности письменно-литературного языка отражали в своей фонологической и морфологической структуре, а также в лексике ареально обусловленные различия, которые варьировали от канцелярии к канцелярии. Лишь в стилистическом плане грамоты, выполненные по определенным образцам (нередко латинским), отличались единообразием, что проявлялось в формульности стиля и в отборе словарных единиц, поскольку употреблявшиеся здесь тематические слои лексики были общими для большинства документов.

Другие важные предпосылки развития новых литературно-письменных форм немецкого языка были связаны с деятельностью низшего духовенства, в особенности нищенствующих орденов францисканцев (*fraters minores*, *minner bruder*) и доминиканцев (*brédigaere*), которые возникали с начала XIII века в расцветающих городах. Устав этих орденов был более демократичен, а их душеспасительная деятельность способствовала установлению тесных повседневных контактов с широкими массами населения, что служило основой для развертывания социально многосторонней языковой коммуникации³.

¹ См.: *Bach A.* Op. cit. — S. 114.

² См.: *Guchmann M.M.* Der Weg zur deutschen Nationalsprache. — Berlin, 1964. — Teil 1. — S. 84 ff.

³ См.: *Schildt J.* Op. cit. — S. 86.

В процессе языковой коммуникации религиозного характера в зависимости от состава коммуникантов и сферы общения наряду с латынью использовался немецкий язык. Проповедническая деятельность монашеских орденов францисканцев и доминиканцев сопровождалась появлением записей текстов проповедей на немецком языке, которые начали функционировать как письменно-литературные произведения (*Buchpredigt*), использовавшиеся для чтения вслух в монастырях во время трапезы. Отраженный в этих проповедях функциональный вариант письменно-литературного языка, которым пользовалось низшее духовенство, ощущавшее свою близость к простому народу, имел более широкую социальную базу, чем письменно-литературный язык рыцарской литературы.

Разновидностям письменно-литературного языка, носителями которых были представители бюргерских слоев или низшего духовенства, вначале не были свойственны сравнительно высокая степень наддиалектности и относительно большая зона влияния, которыми характеризовался так называемый классический средневерхненемецкий язык. И в языке деловой письменности, и в языке проповедей в более или менее значительной степени еще представлены диалектные особенности. К тому же, зона их влияния в каждом отдельном случае была ограничена рамками определенной территории. Однако благодаря расширенной социальной базе этих разновидностей письменно-литературного языка в них были заложены предпосылки дальнейшего языкового развития, а сами они послужили как бы костяком для образования национального литературного языка.

ГЛАВА II ФОНЕТИКА

1. ГРАФИКА И ЗВУКОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ БУКВ. УДАРЕНИЕ

Для отображения на письме звуков немецкого языка в средний период, так же как и в древний, использовался латинский алфавит.

Однако к обычным буквам латинского алфавита добавлялись в ряде случаев особые знаки, отвечающие потребностям графического закрепления немецкой фонетической системы (ср., например, буквы *a^e*, *o^e*, применявшиеся для обозначения звуков, развившихся из *a* и *o* благодаря палатальной перегласовке, и некоторые другие).

Формой написания в начале среднего периода еще продолжал оставаться каролингский минускул. С XII в. начинается проникновение в большую часть рукописей элементов готического письма (известного также под названием «готического минускула» или «фрактуры»), особенно усилившееся в XIII в.

Развившись первоначально в Италии, фрактра проникла затем на север Франции, а оттуда через Нидерланды и Брабант — в Германию.

В XIII в. в Германии окончательно побеждает этот тип письма, характеризующийся, в отличие от каролингского минускула, ломаными линиями суженных и вытянутых букв. Вертикальные и горизонтальные штрихи букв фрактры напоминали причудливые сплетения прутьев решетки или нитей ткани, отсюда немецкие названия этой старинной, общей для всех стран Западной Европы формы готического письма, — «решетчатое письмо» (*Gitterschrift*) и «текстура» (*Textur*).

Преобладающая часть средненемецких памятников дошла до нас в сравнительно поздних рукописях XIV—XV вв., вследствие чего потребовалась большая филологическая обработка текстов с целью устранения произвольных изменений или ошибок, допущенных писцами, и восстановления более древних, не дошедших до нас языковых форм. На основе тщательного наблюдения за написанием тех или иных слов и форм в лучших рукописях, изучения рифм поэтов того времени, а также исследования исторических изменений в звуковой системе К. Лахманн сформулировал орфографические правила для критических изданий средневерхненемецких текстов, и прежде всего, — классической поэзии.

Обычно в критических изданиях средненемецких текстов применялись следующие графические обозначения звуков:

1) для кратких гласных — *a, e, i, o, u, ä, ö, ü* (иногда употребляется и знак *ë* для обозначения *e*, восходящего к общегерманскому);

2) для долгих гласных — *â, ê, î, ô, û, æ, œ, iu*;

3) для дифтонгов — *ei, ou, öu, ie, io, üe*;

4) для согласных — *k(c), q, t, p, g, d, b, ch, h, v(f), s, sch, z(ʒ), j, w, m, n, r, l*. (Кроме того, в заимствованных словах встречаются буквы *y, x*.)

Графические знаки этого нормализованного алфавита критических изданий в основном соответствуют фонемам.

Реальное звучание немецких фонем того периода может быть восстановлено лишь приблизительно. В целом при чтении средненемецких текстов следует руководствоваться произносительными навыками современного немецкого языка, принимая, однако, во внимание следующие особенности:

1) В средний период в системе гласных немецкого языка различались (в зависимости от происхождения) шесть разновидностей звука *e* — из них три кратких (*e, ë и ä*) и два долгих (*ê и æ*) использовались в ударных слогах, один (*e*) — в безударных.

Первые три звука, обладая одинаковым количеством звучания, были, по-видимому, не вполне идентичными по своему качеству, а именно: *e*, полученное по первичному умлауту (см. выше), произносилось кратко, но закрыто; *ë* (старое общегерманское *e*) произ-

die weil hiez er sedelen. vor
wurmz vñ den santz. den di
im komen solden zc der by
rgunden lant.

Iden selben zuch. do si ny
solten komen. do herte die
vrouwe Chymihilt die mere
vol vnomen. er wolt hoch
getruen mit magen vnd mit
man. do ward vil michel
flizen von slyonen vrouw
en getan.

Dit warte vnd mit ge
bende. das si solten na
gen. wie die vil riche die
mere auch hoze sagen. vo
den stolizen degnen. di da
solten komen. do ward
az d' valde gvier warte
vil genomen.

Durch ir dymde liebe
hiez si bereiten d' hert.
da mit ward getzieren vil
vrouwen vnd manich me
it. vnd vil d' guen reche
zc byrgunden lant. do
ward auch den vrenden
bereiten herlich gewant.
Aventiwer wie d' vrit
Chymihilden von aller
erz usah.

Dan sach si in
gelichen. rei
ten anden
rem. Die bi
der hochgez
ere gern vol
den im. die
durch d' dymige liebe qua
men indie lant. den gab
man sumelichem beide ros
vnd auch gewant.

Iwas ir gesinde allen vol
liereit. den hochsten vnd
den besten. als vns das ir
gesent. zwen vnd dazick fur
sten quamen zc d' hoch ge
tat. da zierte sich entlege
ne vil manich slyone vrou
we fur.

Ez was vil vnmuzze
Eyselher das kint.
die vrenden vnd ir magen
vil gutlichen sint. enpfe
er vnd getnot. vnd auch
ir beider man. in gruzzen
si die degnen. als es nach ern
was getan.

Die golt varwen lertel
si balchten in das lant.
die zierlichen schulde vñ
herlich gewant. durch des
wurtes liebe zc d' hochgez

носились кратко и открыто и, наконец, *ä*, полученное по вторичному умлауту (см. ниже), представляло краткий, очень открытый, близкий к *a* звук. Однако, несмотря на эти различия, все указанные звуки выступали, по всей вероятности, лишь как варианты одной фонемы, противопоставляемой двум другим долгим фонемам — *ê* (закрытому) и *æ* (очень открытому, долгому звуку). Произношение безударного *e* существенно не отличалось от произношения современного редуцированного [э].

2) Сочетание букв *iu* служит для обозначения лабиализованного долгого гласного переднего ряда верхнего подъема [y:].

3) Буквы *k* и *c* обозначают одну и ту же согласную фонему, однако *k* пишется обычно в начале слога или слова (*kunst* *знание, умение, dankes благодарности, senken опускать*), а *c* в конце (*danc благодарность, sancte опустил*). В удвоении соответственно пишется *ck* (*sac-kes мешкá*). Подобное же написание соблюдается и при оглушении конечного *g* (ср. *tac день — tages*).

4) Буква *h* служит для обозначения двух разных звуков: а) фарингального [h] в начале слова или слога (*hōch высокий, sehen видеть*) и б) заднеязычного [x] в конце слова или слога (*sah видел*).

5) *f* и *v* в начале среднего периода, по всей вероятности, обозначали разные звуки: *f* — глухой, *v* — звонкий фрикативный, на что указывают различия в написании, *v* писалось преимущественно в начале слова и слога перед гласными или в интервокальном положении, а также перед плавными *r, l*, в остальных же случаях писалось, как правило, *f* (ср. *hof двор — hoves, vogelîn птичка, vüllen наполнять*). Однако при чтении текстов эта разница обычно не соблюдается — и та и другая буква читаются как современное немецкое [f].

6) Согласный *w* до середины XIII в. сохранял свое древнее билабиальное произношение (подобное современному английскому).

7) Буква *s* обозначала, видимо, в зависимости от позиции (как и в современном немецком языке) то глухой, то звонкий согласный. Однако оба эти согласных отличались от современных [s] и [z] своей шепелявостью, приближающей их к русским *ш* и *ж*.

8) Буква *z* служила для обозначения двух звуков: а) аффрикаты [tʃ], изображаемой также буквенным сочетанием *tz* (например: *setzen сажать, ставитъ — sazte посадил, поставил*), и б) глухого фрикативного [ʃ] (например: *grōz большой, wazzer вода*). Для обозначения этого звука во многих грамматиках и критических изданиях текстов применяется особая буква — *ʒ* (ср. *wazzer, grōʒ*). При чтении текстов необходимо принимать во внимание, что в начале слова *z* всегда читается как [tʃ] (например: *zīt время*). Внутри слова *z* следует читать как [tʃ] или [ʃ], исходя из сравнения с произношением соответствующих слов в современном немецком языке (например: *saz предложение — совр. Satz; wazzer — совр. Wasser*).

9) Аффриката [pf] изображалась на письме двояко — *pf* и *ph*.

10) Наряду с написанием *sch* (для [ʃ]) встречается также написание *sc*.

Главное ударение в слове в средневерхненемецком падало, как правило, на первый слог. Исключение из этого правила, как и в древненемецком, представляли глаголы с префиксами, в которых ударение падало не на первый слог (т. е. префикс), а на второй (корневой) (ср., например: *erlûben разрешать*, *ertéilen судить*, *выносить приговор*, *entspréchen соответствовать* и т. п.).

Второстепенное ударение характерно было для вторых компонентов сложных имен существительных, а также для некоторых суффиксов, например: *-ære*, *-unge*, *-nisse*, *-sal*, *-inne*, *-în*, *-lîn* и др. В сложных глаголах, первым компонентом которых было наречие места, главное ударение падало на первый слог глагольной основы, в то время как корневой слог наречия нес на себе второстепенное ударение (например: *überwînden преодолевать*).

Остальные слоги слова (т. е. падежные и личные окончания, некоторые суффиксы) были безударными.

2. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ВОКАЛИЗМА УДАРНЫХ СЛОГОВ

Язык представляет собой продукт целого ряда эпох, на протяжении которых происходит развертывание и совершенствование всех его элементов.

Историческим изменениям подвержена также и природная материя языка — его фонетическая система. С течением времени в языке могут появляться новые фонемы, исчезать некоторые старые фонемы и т. п. Так, например, если сравнить систему гласных немецкого языка в VIII—IX вв. и в XII в., то можно легко обнаружить, что к XII веку в немецком языке сформировался целый ряд новых гласных фонем, отсутствовавших в нем ранее.

В средневерхненемецкий период в системе гласных немецкого языка имелись следующие фонемы:

- 1) краткие: *a*, *e*, *i*, *o*, *u*, *ö*, *ü*;
- 2) долгие: *â*, *ê*, *î*, *ô*, *û*, *æ*, *œ*, *iu*;
- 3) дифтонги: *ei*, *ou*, *öu*, *ie*, *uo*, *üe*.

Новыми, сравнительно с древневерхненемецким периодом, являются фонемы *ö*, *ü*, *æ*, *œ*, *iu*, а также дифтонги *ou*, *üe*.

Все они возникли в результате характерного для немецкого языка фонетического явления — палатальной перегласовки, или умлаута. Сущность данного явления заключалась в том, что *i* (*î*) или *j* безударного слога вызывало частичную ассимиляцию (палатализацию) гласного предшествовавшего ему слога под ударением.

В результате проведения палатальной перегласовки к началу средневерхненемецкого периода *o* дало *ö*: свн. *koḡb корзина* — множ. число *kōḡbe* (двн. *koḡbi*); *u* — *ü*: двн. *tugi дверь* — свн. *tūr*; *â* — *æ*: свн.

slâfe сплю — slæfest спишь (двн. slâfis); ô — œ: двн. skôni прекрасный — свн. schoene; û — iu: свн. hûs дом, множ. число hûsir (двн. hûsir); ou — ôi: двн. troumen мечтать — свн. trôumen; io — îe: двн. kuoni храбрый — свн. küene.

Следует отметить, что *i*, вызвавшее палатальную перегласовку, в большинстве случаев в средненемецком уже не сохраняется, но редуцируется в *e* (ср. skôni — schoene), а в ряде случаев даже отпадает (ср. tugi — tür). Что же касается *j*, то и оно исчезло, причем в некоторых случаях уже в древненемецкий период (ср., например, суффикс I кл. слабых глаголов — *jan, готск. lausjan, двн. lôsen, свн. loesen *освобождать*).

Начиная с VIII в. для немецкого языка была характерна пере-гласовка *a* краткого в *e*.

Однако все другие гласные звуки в древний период еще не подвергались умлауту. Впервые умлаут *û* отмечен у Ноткера около X в. Он обозначен как *iu*.

Поскольку одним из внутренних законов развития языка является закон постепенного перехода от старого качества к новому, закон постепенного отмирания элементов старого качества и постепенного накопления элементов нового качества, широкое распространение умлаута в XI в. нельзя истолковывать как какое-то внезапное изменение фонетической системы, как резкий переход в новое состояние.

Следует предположить, что уже в древневерхненемецкий период произношение гласных звуков, подвергшихся позднее умлауту, т. е. гласных в фонетической позиции перед *i* или *j* следующего слога, несколько отличалось от их произношения в иной, «сильной» или нейтральной фонетической позиции. Однако это различие было еще незначительным, так что гласные звуки перед *i* или *j* следующего слога выступали лишь как позиционные варианты соответствующих гласных фонем в сильной позиции. Впоследствии постепенное нарастание различий превратило их из позиционных вариантов в самостоятельные гласные фонемы.

Как нам уже известно, в древневерхненемецкий период в определенных случаях, несмотря на *i* в следующем слоге, гласный *a* палатальной перегласовке не подвергался. В средневерхненемецкий период *a*, как правило, во всех этих случаях подвергается умлауту перед *i(j)*. *e*, полученное по умлауту, в данном случае было очень открытым.

Таким образом, в средненемецком *a* подвергается умлауту:

1) перед *ht*, *hs* во всех диалектах, перед простым *h* или *ch* в южнонемецких:

двн. mahti	(множ. число от maht <i>сила</i> , <i>могущество</i>)	свн. mähte
mahtic	<i>могущественный</i>	mähtec
nahti	(множ. число от naht <i>ночь</i>)	nähte

wahsit *растет*
ahir *колос*

wähset
äher

2) перед *rw*, *rh*, *lh* в южнонемецких диалектах:

двн. garwen *готовить*

свн. gärwen *готовить*,
дубить

varwen *красить*

värwen, verwen

marhi *кобылица* от marh *конь*

märhe

walhisc *кельтский, романский*

wälhisch

3) в средневерхненемецкий период регулярный характер приобретает умлаут, вызываемый *i* (*i*) третьего слога:

двн. magad *девушка*, род. п. magadi

свн. mägede

magatîn *девочка*

mägedîn

zahari мн. ч. от zahar *слеза*

zähere

fravali *дерзкий, храбрый*

frävele

4) умлаут вызывается *-î-* в суффиксах *-lîh* и *-lîn*:

двн. tagalîh *ежедневно*

свн. tägelîch

manlîh *мужественный*

mänlîch

vaterlîn *батюшка*

väterlîn

Умлаут, имеющий такое широкое распространение в средневерхненемецкий период, получил название «вторичного умлаута» (Secundärumlaut), в отличие от более раннего умлаута *a*, называемого «первичным» (Primärumlaut) и имевшего место в древний период. Небольшие исключения встречаются и в средневерхненемецкий период. Так, в ряде случаев отсутствует умлаут *i* краткого, например, перед *lt* и *ld*, ср.: dulten *терпеть, сносить*, verschulden *задолжать*, gedultec *терпеливый*, sculdec *должный*, hulde *милость, благосклонность* (двн. huldî). Однако наряду с guldîn *золотой* встречается форма gülden.

В южнонемецких диалектах умлауту препятствуют сочетания *gg*, *sk*, *pf*, *tz*, ср: южнонем. brugge *мост*, mugge *мошка, комар*, drucken *давить, нажимать, печатать*, zucken *трясти, вздрагивать*, rucken *придвигаться*, stucke *куски* (множ. число от stuck), hupfen *прыгать, скакать*, gurfen *ощипывать*, nutze *польза*; сочетание «носовой + согласный», например:

wunne *блаженство*

наряду с wünne

kunde *известие, знание, знакомство*

наряду с künde

dunken *казаться, мнить*

наряду с dünken

В южнонемецких диалектах умлауту *û* и *u* дифтонгов *uo*, *ou* препятствует следующий за ними губной согласный, ср.:

южнонем.

средненем.

gelouben

gelöuben

верить

houbet

höubet

голова

koufen

köufen

покупать, продавать

Следует также отметить, что древневерхненемецкий дифтонг *iu* в средний период подвергся монофтонгизации в [y:] и совпал по качеству с гласной фонемой, возникшей вследствие умлаута *û*. Поэтому графическое обозначение *iu* применяется в средний период для обозначения последнего звука.

В результате проведения палатальной перегласовки возникают закономерные чередования гласных в соотносительных формах одного и того же слова или в соотносительных формах одной и той же основы, например в морфологии:

а) в форме множественного числа имен существительных: *gast чужеземец, гость* — *gesti, sun сын* — *süne* (двн. *sunî*), *kraft сила* — *krefte, brût невеста* — *briute, hant рука* — *hende* (дат. пад. мн. ч. *handen*, двн. *hantum*), *hûs дом* — *hiusir* (двн. *hûsir*), *loch дыра* — *löcher*, а также в формах косвенных падежей у основ на *-i*, ср.: *brût* дат., род. пад. ед. ч. *briute*;

б) в формах глаголов:

1) <i>ich slâfe</i>	(двн. <i>slâfu</i>)	<i>я сплю</i>
2) <i>du slæfest</i>	(двн. <i>slâfis</i>)	<i>ты спишь</i>
3) <i>er slæfet</i>	(двн. <i>slâfit</i>)	<i>он спит</i>

Прошедшее время изъявительного наклонения

свн. *wîr sungen мы пели*
(двн. *sungun*)
gâben дали (двн. *gâbun*)
mohte хотел (двн. *mohta*)

Настоящее время

свн. *hœren* (двн. *hôren < * hôrjan*)
слышать

Прошедшее время сослагательного наклонения

sûngen (двн. *sungîn*)
gæben (двн. *gâbîn*)
môhte (двн. *mohtî*)

Прошедшее время

свн. *hôrte* (двн. *hôrta*)

в) в формах сравнительной степени имен прилагательных: *hôch высокий*, сравнительная степень — *hœher* (двн. *hôhir*), превосходная степень — *hœhest* (двн. *hôhist*).

Закономерные чередования гласных в соотносительных формах одной и той же основы наблюдаются также и в словообразовании, ср.:

guot добрый — *güete доброта* (двн. *guotî*)
tôre глупец — *tœrisch глупый*

Выступая в одной из подобных соотносительных форм, гласный, полученный по умлауту, начинает связываться с определенным грамматическим значением, приобретает определенную морфологическую функцию и закрепляется в ней. Так, например, уже в средний период чередование гласных, возникшее благодаря палатальной перегласовке, начинает использоваться в словообра-

зовании множественного числа имен существительных, при этом крайне характерным является то, что в своей грамматической функции оно распространяется по аналогии на такие основы имен существительных, которые в древневерхненемецкий период вовсе не имели *i* в своем составе — ср., например: двн. *asta* — множ. число от *ast сук*, *fuhsa* — множ. число от *fuhs лиса*, *pagala* — множ. число от *pagal гвоздь, ноготь*; свн. — *äste, fūhse, nägel*.

Позднее морфологическое использование чередования гласных находит все большее распространение.

В области грамматических чередований наиболее ярко проявляется связь грамматики и фонетики.

Некоторые долгие гласные фонемы и дифтонги (как не подвергшиеся, так и подвергшиеся умлауту) в средневерхненемецкий период в отдельных диалектах претерпели дальнейшие изменения.

Сравнительно рано в ряде диалектов началась дифтонгизация долгих гласных *î, û, iu*, широко распространившаяся в новый период и закрепившаяся в немецком национальном литературном языке.

Раньше всего долгие гласные *î, û, iu* развились в дифтонги *ei, oi, õi* в баварском диалекте. Так, например, уже в XII в. в памятниках этого диалекта (Каринтийские грамоты) встречаются отдельные примеры дифтонгизации *î* в *ei*, однако до 70-х годов XIII в. *î* преобладает. В конце XIII в. окончательно побеждает дифтонг *ei*. Некоторые баварские поэты этого времени рифмуют развившийся из *î* дифтонг *ei* с сочетанием гласных *ei*, возникшим благодаря контракции *-egi-* (см. ниже), а также с *ei*, имевшимся в некоторых словах, заимствованных из французского, ср., например: рифмы *zît время: geleit положенный* (< двн. *gilegit*); *kurteis куртуазный: rîs награда*.

Позднее графическое обозначение *ei* начинает широко использоваться для написания нового дифтонга.

Следует отметить, что одновременно с дифтонгизацией долгого *î* произошло расширение старого, имевшегося уже в древний период, дифтонга *ei* в *ai*, совпавшего, таким образом, с результатом баварской контракции *-age-* (> *ai*). Буквенное сочетание *ai* и было использовано для графического обозначения расширившегося старого дифтонга, чтобы зафиксировать его качественное отличие от нового *ei*, развившегося из древневерхненемецкого *î*.

Отдельные следы дифтонгизации долгого *û* в баварском диалекте стали заметны начиная с середины XII в. В это время вместо *û* появляется написание *oʷ* (например: *hoʷs дом*, совр. *Haus*, *broʷt невеста*, совр. *Braut* и т. п.), позднее встречается также написание *iu*. В XIII в. можно уже ясно наблюдать дифтонгизацию, в особенности перед губными. Баварские поэты рифмуют *iu* в этой позиции со старым дифтонгом *oi* (например: *saume < soume кайма: koume < kûme едва*). Но в других позициях дифтонг, развившийся из *û*, не совпал по качеству с имевшимся уже в древний период дифтонгом *oi*, поскольку последний вскоре после этого расширился в *ai*. На-

писание *ai* встречается в «Каринтийских грамотах» с середины XIII в.

Дифтонгизация *iu* [y:] в *öi* в баварском диалекте также наблюдается с конца XII в., поскольку возникший таким образом дифтонг начинает изображаться на письме как *oʷ* (наряду с написанием *iu*, *u*), в то время как подвергшийся в средний период монофтонгизации старый дифтонг *iu* сохраняет свое написание, ср., например: *broʷte невеста*, совр. *Bräute*; *loʷhtet сияет*, совр. *leuchtet* и т. п. В XIII в. в качестве графического изображения нового дифтонга выступают *ei*, *jei*, *öi*; вместо старых *ei*, *öi* нередко пишется *iu*. Баварские поэты этого времени рифмуют *hiute сегодня* (<двн. *hiutu*): *freute радовался* (< двн. *frewita*) и т. п. В швабских говорах долгие гласные *i*, *ü* подверглись дифтонгизации в *ei*, *oi* позднее, чем в баварских. Тем не менее отдельные проявления наблюдаются в Аугсбургских грамотах уже с конца XIII в. Дифтонгизировалось также и *iu* [y:], полученное по умлауту, однако оно трактуется по большей части отлично от *iu*, соответствующего старому дифтонгу.

С начала XIV в. дифтонгизация распространяется в Богемии, а в ранненововерхненемецкий период охватывает и все прочие диалекты немецкого языка. Долгие гласные *i*, *ü*, *iu* не были затронуты дифтонгизацией в швейцарских, эльзасских, западнотюрингенских, восточногессенских и рипуарских говорах.

В средненемецких диалектах довольно рано осуществилась монофтонгизация старых дифтонгов *ie*, *io*, *üe* в долгие гласные *i*, *u*, *ü*, характерные для фонетической системы немецкого национально-литературного языка.

Процесс монофтонгизации дифтонгов *io* и *üe* прослеживается уже в XI в., *ie* — в XII в., ср., например, такие рифмы у средне-немецких поэтов, как: *diet народ*; *zît время*; *schiere быстро*; *vîre четыре*; *guof зов*; *ûf вверх*; *fruo рано*; *nû теперь*; *liute люди*; *hüete стражи* и т. п.

Однако возникшие благодаря стяжению монофтонги, по-видимому, отличались по своему качеству от старых долгих *i*, *ü*, *iu*, о чем говорит тот факт, что они не подверглись вместе с ними нововверхненемецкой дифтонгизации.

3. ИЗМЕНЕНИЯ В ВОКАЛИЗМЕ БЕЗУДАРНЫХ СЛОГОВ

Изменения в вокализме безударных слогов сыграли весьма значительную роль в развитии морфологического строя немецкого языка.

Важнейшим из них является редукция гласных безударных слогов в *e*, связанная с характером ударения, свойственного немецкому языку. Процесс редукции затронул первоначально лишь краткие гласные безударных слогов, долгие гласные иногда продолжали сохраняться в безударных слогах даже до XIII в.

В средний период гласные, разнообразные по своему качеству в древности, в безударных слогах выступают как *e*, ср., например: двн. *geba дар* — свн. *gebe*, двн. *herza сердце* — свн. *herze*, двн. *boto посланник* — свн. *bote*, двн. *nimu беру* — свн. *nime*, двн. *nimis(t) берешь* — свн. *nimest*, двн. *nimit берет* — свн. *nimet*, двн. *nâmi брал* — свн. *næte*.

В целом ряде случаев *e*, возникшее в результате редукции, выпадало или отпадало вовсе. Как правило, это случалось после *l*, *r*, если им предшествовал краткий гласный, ср., например: аг *орел* (двн. *ago*), мн. ч. *arn*; *name* — *имя* (двн. *namo*), мн. ч. *namen*; *ich her я спасаю* — *ich hœre я слышу*; *du nerst ты спасаешь* — *du hœrest ты слышишь*; *er nert он спасает* — *er hœret он слышит*; *wir nern мы спасаем* — *wir hœren мы слышим*; *ahsel плечо*, мн. ч. *ahseln*; *vrouwe дама, госпожа*, мн. ч. *vrouwen*; ср. также двн. *vaŕan идти, передвигаться* — свн. *varn*.

Значительную роль в отпадении (апокопе) конечного *e* играет фразовое ударение. Слова, располагающиеся в предложении в безударной позиции, теряют конечное *e*, которое сохраняется ими под ударением. Так, например, *ane на*, *abe от*, *c*, *mite с*, *obe над* в функции предлогов выступают как *an*, *ab*, *mit*, *ob*, в то время как в функции наречий они сохраняют свою нередуцированную форму; слова *herre господин* и *frouwe госпожа* перед титулом или именем превращаются в *her* и *frou*.

Общераспространенным является выпадение (синкопа) *e* в последнем слоге между *h* и *t*, *h* и *s*: *siht (он) видит* (двн. *sihit*), совр. *sieht*; *siht (ты) видишь* (двн. *sihist*), совр. *siehst*; *sleht бьет* (двн. *slehit*), совр. *schlägt* и т.п. Безударное *e* в префиксах также выпало в целом ряде случаев, а именно: в префиксе *ge-* перед гласными и перед *r*, *l*, *n*, *w*, например: *gûnnen покровительствовать* (двн. *giunnan*), *gezzen* — прич. II от *ezzen есть*, *genden* — рядом с *geenden заканчивать*, *gêren* — рядом с *geêren почтить*, *glouben* — рядом с *gelouben верить*, *glücke* — рядом с *gelücke счастье*, *gnâde* — рядом с *genâde милость*; аналогичное явление наблюдается также в префиксах *be-* и *ver-*, ср.: *erbarmen разжалобить* (двн. *erbiarmen*), *bange боязно* (двн. *biango*), *blîben оставаться* (двн. *belîben*), *vrezzen < vegezzen съест*.

В тех случаях, когда с *e*, возникшим благодаря редукции, связывается определенное грамматическое значение, оно не подвергается апокопе (ср., например, *e* в формах конъюнктива). Во многих случаях оно восстанавливается в последующий период развития языка (ср. свн. *varn* и современное *fahren*). Таким образом, в данном случае фонетическое изменение происходит не чисто механически, а тесно связано с грамматическими явлениями.

Редукция гласных безударных слогов привела к существенным изменениям в морфологии немецкого языка.

4. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ КОНСОНАНТИЗМА

В области консонантизма изменения в средний период не были столь значительными, как в области вокализма. Наиболее серьезными следует считать изменения, касающиеся фонемы *s*.

В древненемецком имелось старое *s* глухое, общее для всех германских языков. К старому *s* присоединяется новое глухое *z*, *zz*, полученное из *t* по второму верхненемецкому передвижению. Оба этих звука являлись, по-видимому, вариантами одной фонемы, различаясь, однако, некоторыми оттенками в своем произношении: *z*, *zz* по всей вероятности произносилось чисто дентально, в то время как место артикуляции *s* было отодвинуто несколько назад с оттягиванием назад кончика языка, что придавало этому звуку шепелявый оттенок. Данное предположение подтверждается тем, что Фрейзингские памятники передают славянские *š* и *ž* через немецкое *s*, в то время как славянское *s* [z] передается через *z*, *zz*.

Этот шепелявый характер старого германского *s* до известной степени способствовал переходу сочетания согласных *sk* в глухой спирант [ʃ] (графическое обозначение *sch*).

Когда совершился данный переход, трудно определить со всей точностью. Еще в XII в. весьма распространено старое написание *sc*. Однако можно полагать, что предпосылки к возникновению средневрхненемецкого *sch* имелись уже в древневрхненемецкий период. Такой предпосылкой следует считать произнесение *sk* как *sch* (*ch* — палатальный глухой спирант), что находит свое отражение и в орфографии; ср.: свн. *scheiden* *разделять* — двн. *sceiden*, свн. *tisch* *стол* — двн. *tisc* и т. д.

Звук *t* после носовых озвончается в *d*, т. е. совпадает с другой фонемой, например:

двн. <i>binten</i>	<i>связывать</i>	свн. <i>binden</i>
<i>henti</i>	<i>ру́ки</i>	<i>hende</i>
<i>lantes</i>	<i>страны́</i>	<i>landes</i>

В ряде случаев озвончение впоследствии ликвидируется, это происходит по большей части там, где с дентальным элементом связано определенное грамматическое значение, например, в претерите слабых глаголов: свн. *diende* — совр. *diente* (инф. *dienen*), свн. *gûmde* — совр. *gäumte* (инф. *gäumen*).

Помимо рассмотренных изменений в области консонантизма наблюдаются некоторые явления, не приводящие к возникновению новых фонем. Это прежде всего оглушение согласных в конце слова или перед следующим глухим согласным, например: нîт *гнев* — род. п. *nîdes*, *neicte* *склонился* — *neigen* *склоняться*, *geloupte* *верил* — *gelouben* *верить*. Данное явление находит свое последовательное отражение в орфографии. В ряде случаев изменение могло затрагивать одновременно гласный и согласный звуки.

1) Звонкое *g* в положении между гласными произносилось как *j*. Вследствие этого примыкающие к нему гласные позднее подвергались стяжению или контракции. Произношение *g* как *j* было в особенности характерно для сочетаний *-ige-*, *-ege-*; например:

двн. <i>ligit</i> > *(<i>lijit</i>) > свн. <i>lît</i>	<i>лежит</i>
<i>Sigifrid</i> > *(<i>Sijifrid</i>) > <i>Sîvrit</i>	<i>Зигфрид</i>
<i>megidi</i> > *(<i>mejidi</i>) > <i>meide</i>	<i>девушки</i>
<i>gegen</i> > <i>gein</i>	<i>(на)против</i>

В баварском диалекте встречается, кроме того, стяжение *-agi-* > *ei*: *maget* — *meit* *девушка*, *saget* — *seit* *говорит*.

2) Стяжению подвергаются также сочетания: *-ibi-*, *-idi-* и *-abe-*, *-ade-*; при этом *-ibi-*, *-idi-* давали *î*, *-abe-*, *-ade-* — *â*.

Явление подобной контракции трудно объяснимо. По-видимому, оно было связано с фразовым ударением. Возможно, ему способствовало спирантное произношение согласных в интервокальной позиции.

Примеры:

двн. <i>gibist</i>	<i>даешь</i>	свн. <i>gîst</i>	двн. <i>haben</i>	<i>иметь</i>	свн. <i>hân</i>
<i>gibit</i>	<i>дает</i>	<i>gît</i>	<i>Hadewart</i>		<i>Hâwart</i>
<i>quidit</i>	<i>говорит</i>	<i>quît</i>			

3) Изменения, касающиеся *qu* (*k^w*). Сочетание *que* дает в средневерхненемецком *ko*, ср.: двн. *quetan* *приходить* и свн. *komen*. Сочетание *qui* дает в средненеверхненемецком *ku*, ср.: двн. *quîmu* *я прихожу* и свн. *kume*.

Итак, основными фонетическими изменениями в средневерхненемецкий период по сравнению с древневерхненемецким являлись следующие:

1. В области вокализма:

а) распространение умлаута и появление вследствие этого ряда новых гласных фонем и дифтонгов, отсутствовавших в немецком языке ранее; фонологизация умлаута;

б) редукция гласных безударных слогов.

2. В области консонантизма также наблюдается появление некоторых новых согласных фонем.

ГЛАВА III МОРФОЛОГИЯ

1. СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В средневерхненемецкий период немецкий язык не располагал тем многообразием склонений, которое было свойственно ему в древневерхненемецкий период. Это историческое изменение яви-

лось результатом общей редукции старых показателей принадлежности к определенному классу склонений, благодаря которой все неударные гласные падежных окончаний (краткие и долгие) перешли в редуцированный звук *-e-* [э], а двусложные неударные окончания редуцировались на один слог (ср. двн. *zungbno* — свн. *zungen*).

Для средневерхненемецкого периода различают два основных типа склонения: сильное и слабое; внутри них, однако, намечается несколько подгрупп, в которых еще можно установить следы старых склонений.

А. СИЛЬНОЕ СКЛОНЕНИЕ

1. Мужской род

tac день; *stil* рукоять, стебель; *gast* чужеземец, гость; *hirte* пастух; *sê* озеро, море

Основы на <i>-a</i>	Основы на <i>-i</i>	Основы на <i>-ja, -u</i>	Основы на <i>-wa</i>
Ед. ч. Им. <i>tac stil</i> Род. <i>tages stils</i> ¹ Дат. <i>tage stil</i> Вин. <i>tac stil</i>	<i>gast</i> <i>gastes</i> <i>gaste</i> <i>gast</i>	<i>hirte</i> <i>hirtes</i> <i>hirte</i> <i>hirte</i>	<i>sê</i> <i>sêwes</i> <i>sêwe</i> <i>sê</i>
Мн. ч. Им. <i>tage stil</i> Род. <i>tage stil</i> Дат. <i>tagen stils</i> ¹ Вин. <i>tage stil</i>	<i>geste</i> <i>geste</i> <i>gesten</i> <i>geste</i>	<i>hirte</i> <i>hirte</i> <i>hirten</i> <i>hirte</i>	<i>sêwe</i> <i>sêwe</i> <i>sêwen</i> <i>sêwe</i>

В древневерхненемецкий период у основ на *-a* во множественном числе были окончания *-a, -o, -um*, у основ на *-i* — *-i, -io, -im*.

Благодаря ослаблению конечных гласных было уничтожено противопоставление этих типов, но воздействие *-i* проявлялось на корневом слоге, который у основ на *-i* подвергался умлауту. Старые основы на *-i*, корневой гласный которых не мог подвергаться умлауту, естественно, совпадали с основами на *-a*, например: *schrit шаг* — *schrite*, *brief письмо, послание* — *brieve* и другие, и, наоборот, некоторые старые основы на *-a* приняли по аналогии с основами на *-i* умлаут корневого гласного во множественном числе. Отсюда и колебания: *stab палка* — мн. ч. *stabe* и *stäbe*; *halm стебель* — мн. ч. *halme, helme*; *nagel ноготь* — мн. ч. *nagele, nägele*; *satel седло* — мн. ч. *satele, sâtele*; *snabel клюв* — мн. ч. *snabele, snäbele*.

¹ *-e-* после сонорного выпадало.

Другие имена существительные, которые в средневерхненемецкий период во множественном числе преимущественно или исключительно не имеют умлаута, принимают его в нововержненемецкий период, ср. свн. *hof двор* — *hove*; нвн. *Höfe*; свн. *koch повар* — *koche*; нвн. *Köche*; свн. *frosch лягушка* — *frosche*; нвн. *Frösche*; свн. *wolf волк* — *wolve*; нвн. *Wölfe*; свн. *boum дерево* — *boume*; нвн. *Bäume*; свн. *troum сон, мечта* — *troume*; нвн. *Träume*; свн. *kouf покупка, торговля* — *koufe*; нвн. *Käufe*; свн. *vogel птица* — *vogele*; нвн. *Vögel*; свн. *arzât врач* — *arzâte*; нвн. *Ärzte*.

Окончание *-er* во множественном числе у существительных мужского рода (как в современном немецком) еще не встречается, ср. *geiste* от *geist дух*, *um, gote* от *got бог*, *libe* от *lib тело*, *würme* от *wurm червь*.

Основы на *-ja* и *-wa* являются разновидностями основ на *-a*. Основы на *-ja* отличаются от чистых основ на *-a* в средневерхненемецкий период только тем, что они имеют окончание *-e* в именительном и винительном падежах единственного числа. Например, *hirse просо* (теперь женского рода), *hirte пастух*, *kæse сыр*, *rücke спина*, *weize пшеница*, *ende конец* (обычно среднего рода); существительные на *-ære*: *lêrære учитель*, *scribære писец*, *wahtære сторож*. С ними в средневерхненемецкий период совпадают бывшие краткосложные основы на *-и*, например: *mete мед (напиток, двн. metu)*, *site обычай*, *fride мир*, *sige победа* (рядом встречается более употребительная форма *sic*). Необходимо отметить, что в подобном формальном отличии заключались предпосылки перехода бывших основ на *-ja* и *-и* в другие классы склонений.

Так, например, слова *hirse*, *hirte* и другие уже в средневерхненемецкий период принимают иногда слабые окончания. Что касается существительных на *-ære (-ere)*, то ввиду обычного отпадения редуцированного *-e* после сонорного формальное противопоставление чистым основам на *-a* у них было ликвидировано (ср.: *lêger, ritter рыцарь* и др.).

Основы на *-wa* отличаются от чистых основ на *-a* наличием *-w-* в косвенных падежах, ср.: *sê озеро, море*, *klê клевер*, *lê холм*, *snê снег*, *bû постройка* и др. Старые основы на согласные совпали с основами на *-a* или *-i*, однако сохранились пережитки их бывшей принадлежности к основам на согласные, ср., например: существительные *vater отец* и *bruoder брат*, род., дат. пад. ед. ч. *vater, bruoder*, иногда в род. пад. ед. ч. выступали формы *vater(e)s, bruoders*.

Множественное число этих существительных в средневерхненемецкий период приобретает умлаут: *veter, brüeder*. Существительное *man мужчина* склоняется в средневерхненемецкий период следующим образом:

Ед. ч.	Им. Вин.	<i>man</i>	Мн. ч.	<i>man</i>
	Род.	<i>man — mannes</i>		<i>manne — man</i>
	Дат.	<i>man — manne</i>		<i>mannen — man</i>

2. Средний род

wort *слово*, venster *окно*, künne *род, племя*, knie *колени*, lamp *ягненок*

Основы на -а				Основы на -ja	Основы на -wa	Мн. ч. на -er
Ед. ч.	Им.	Вин.	wort venster	künne	knie	lamp
	Род.		wortes vensters	künnes	kniewes	lambes
	Дат.		worte venster	künne	kniewe	lambe
Мн. ч.	Им.	Вин.	wort venster	künne	knie	lember
	Род.		worte venster	künne	kniewe	lember(e)
	Дат.		worten venstern	künnen	kniewen	lember(e)n

Падежные окончания существительных среднего рода отличаются от падежных окончаний существительных мужского рода только в именительном и винительном падежах множественного числа.

С основами на -ja совпали единичные пережитки основ на -i и -u, ср.: vihe, vich *скот*, gebeine *скелет*, gespräche *разговор*, gesteine *камни*, gerihte *суд*, gemüete *настроение, душа* и др.

Окончание -er во множественном числе было менее распространено, чем в современном немецком языке.

Как правило, это окончание свойственно существительным blat *лист*, ei *яйцо*, huon *курица*, kalp *теленки*, lamp *ягненок*, rîs *ветка*, rat *колесо*, tal *долина*.

Прочие имена существительные, которые в нововерхненемецкий период имеют -er, в средненемецком встречаются в старой форме без -er, например: diu kint от daz kind *дети*, diu kleit от daz kleit *платье* и т.п., хотя наряду с ними встречаются уже и формы diu kleider, diu kinder.

3. Женский род

gebe *дар*, zal *число*, nadel *игла*, kraft *сила*

1. Основы на -ô					2. Основы на -i	
Ед. ч.	Им.	Вин.	gebe zal ¹	nâdel ¹	kraft	
	Род.	Дат.	gebe zal	nâdel	krefte, kraft	
Мн. ч.	Им.	Вин.	gebe zal	nâdel	krefte	
	Род.		geben zaln	nâdeln	krefte	
	Дат.		geben zaln	nâdeln	kreften	

¹-е после сонорного отпадало.

Основы на *-jō* не выделяются особо, ибо наличие *-j-* можно установить лишь по умлауту, который проходит через все формы слова. То же можно сказать и об основах на *-wō*.

Основы на *-i* и основы на согласный подверглись аналогии основ на *-i*.

Как основы на *-ō*, в средневерхненемецкий период склоняются и отвлеченные имена существительные, обозначающие качество и образованные от основ имен прилагательных, например: *güete доброты*, *hulde милость*, *liebe любовь*, *schöne красота*, а также производные с суффиксом, имевшим в древненемецкий период форму *-ida*, например: *sælde счастье*, *vrōude радость*, *gebærde жест*, *poza, gemeinde община* и др.

В нововержненемецкий период существительные женского рода, склоняющиеся как основы на *-ō*, совпали со слабыми существительными женского рода, причем таким образом, что в единственном числе победили сильные окончания, а во множественном — слабые. Благодаря этому в нововержненемецкий период сложилось особое женское склонение. Однако уже в средневерхненемецкий период оба типа (сильное и слабое склонение) часто смешиваются друг с другом, чему способствовало формальное совпадение многих их форм (им. пад. ед. ч., род. и дат. пад. мн. ч.). Большинство бывших основ на *-ō* в средневерхненемецкий период наряду с сильными имеет слабые формы (ср. такие существительные, как: *brücke мост*, *erde земля*, *strāze дорога*, *улица* и мн. др.). Дольше всего и в наиболее чистом виде тип склонения основ на *-ō* удерживается у основ с так называемым отвлеченным значением, ср.: *vrōude, êre честь*, *bete молитва*, *просьба*, *volge следствие* и др., а также у основ типа *güete, schöne*, сравнительно недавно примкнувших к нему.

Подобно основам на *-i*, в средневерхненемецкий период склоняется еще значительное количество слов.

Особенностью этих основ является наличие двойственных форм в родительном и дательном падежах единственного числа.

Подобная двойственность форм возникла благодаря слиянию основ на *-i* с основами на согласный.

Основы на *-i* всегда имели в родительном и дательном падежах единственного числа окончание *-i* (*kraft — krefti*). Основы на согласный в этих падежах не имели окончания (*naht ночь — naht*). Поэтому по аналогии с ними параллельно форме *krefti* в средневерхненемецкий период возникает форма *kraft*, а форме *naht* — форма *nāhte*, причем такая двойственность форм проводится повсюду.

Формы с умлаутом постепенно вытесняются более краткими формами без умлаута под влиянием богато представленных в языке основ на *-ō*, не имевших никаких окончаний в единственном числе. В некоторых случаях в именительном падеже единственного числа образовались позднее формы с окончанием *-e* и умлаутом, которые совпали с родительным и дательным падежами единствен-

ного числа, но которые, однако, следовало бы рассматривать как новообразования, возникшие под влиянием форм множественного числа, например: *ant утка*, род. *ente*, совр. *Ente*; *druos шишка*, *железá*, совр. *Drüse* (< *drüese*); *sûl колонна*, совр. *Säule* (< *siule*). Некоторые слова благодаря этому расщепились на два слова, например:

свн. <i>stat</i>	<i>место</i>	род. <i>stete</i>	совр. <i>Stadt</i> — <i>Stätte</i>
<i>vart</i>	<i>ход, поездка,</i> <i>дорога</i>	род. <i>verte</i>	совр. <i>Fahrt</i> — <i>Fährte</i>
<i>maget</i>	<i>девушка</i>	род. <i>mägede</i>	совр. <i>Magd</i> — <i>Maid</i>

Старые основы на *-и* и на согласный, как уже указывалось, перешли в склонение основ на *-i*.

Следы прежнего склонения на *-и* проявляются еще в дательном падеже множественного числа *handen* (ср.: совр. *vorhanden*, *abhanden*). Рядом с последней формой, однако, уже появляется форма *henden*. Изредка встречается форма родительного падежа множественного числа *hande*, употребляющаяся преимущественно в сочетаниях *aller hande*, *maneger hande* (совр. *allerhand*) и т. п. Существительные *muoter мать* и *tohter дочь* склоняются так же, как *vater* и *bruoder*: в единственном числе они остаются без изменений, во множественном числе представлены: *müeter*, *töhter*.

Б. СЛАБОЕ СКЛОНЕНИЕ

В древневерхненемецкий период в слабом склонении четко проводилось разграничение по родам. Благодаря ослаблению гласных безударных слогов в средневерхненемецкий период нейтрализуется противопоставление по родам. Все три рода в этот период оканчиваются в именительном падеже единственного числа на *-e*.

	Мужской род	Средний род	Женский род
	<i>bote посланец</i>	<i>herze сердце</i>	<i>zunge язык</i>
	<i>ar орел</i>		
Ед. ч. Им.	<i>bote ar</i>	<i>herze</i>	<i>zunge</i>
Род. Дат.	<i>boten arn</i>	<i>herzen</i>	<i>zungen</i>
Вин.	<i>boten arn</i>	<i>herze</i>	<i>zungen</i>
Мн. ч.	<i>boten arn</i>	<i>herzen</i>	<i>zungen</i>

Позднее, в новеверхненемецкий период, у существительных мужского рода конечное *-e* во многих словах отпало, ср.: свн. *fürste*, *herge*, *mensche*, *tôre* и совр. *Fürst*, *Herr*, *Mensch*, (*der*) *Тор*. Вследствие отпадения конечного *-e* некоторые существительные перешли в сильное склонение (ср. *Schmerz* — *Schmerzen*). Переход в сильное склонение мог происходить и следующим образом: *-и* косвенных падежей распространялось на именительный падеж (ср., например: *boge*, *brunne*, *garte*, *grabe*, *hâke*, *kaste*, *krage*, *mage* и совр. *Bogen*, *Brunnen*, *Garten*, *Graben*, *Haken*, *Kragen*, *Magen* и т. п.).

Многие существительные мужского рода перешли впоследствии в женский род. Так, в женский род перешли колеблющиеся в средневерхненемецкий период между мужским и женским родом слова *âmeize муравей*, *bluome цветок*, *gôse роза*, *seite бок*, *slange змея*, *sunne солнце*, *trûbe гроздь* и многие другие, а также существительные, относившиеся в средневерхненемецкий период к мужскому роду, например: *made личинка*, *piege почка (орган)*, *scherbe черепок, осколок*, *wade икра (ноги)*, *weise сирота (совр. Waise)* и др.

Таким образом, в процессе исторического развития количество слабых существительных мужского рода постепенно уменьшалось. Из существительных среднего рода по слабому склонению уже в средневерхненемецкий период склонялись лишь *herze сердце*, *ôre ухо*, *ouge глаз*, *wange щека*. На формальное совпадение слабых существительных женского рода с основами на *-ô* уже указывалось выше.

Несмотря на многообразие перекрещивающихся взаимосвязей и взаимовлияний между различными типами склонений, нельзя не заметить довольно четко определяющихся общих тенденций, которые можно охарактеризовать следующим образом:

1. В пределах сильного склонения наблюдается четкое противопоставление мужского и среднего родов, с одной стороны, женскому — с другой. В то время как сильные существительные мужского и среднего родов образуют довольно единообразный тип в пределах сильного склонения, сильные существительные женского рода обнаруживают стремление выйти за рамки сильного склонения и, объединившись со слабыми существительными женского рода, выделиться в особый женский тип склонения.

2. Среди сильных существительных мужского и среднего родов усиливается роль бывших основ на *-a* как притягивающего центра, поглощающего более мелкие древние группы склонений (в особенности в единственном числе), а среди сильных существительных женского рода соответственно роль основ на *-ô*.

3. Среди слабых существительных наблюдается тенденция к выходу существительных женского рода из данного склонения и слиянию их с основами на *-ô* и *-i* в особом, женском типе склонения.

Слабые существительные мужского рода становятся притягивающим центром для тех сильных существительных, которые по причинам формального характера не могли быть поглощены основами на *-a* (в частности, основы на *-ja* типа *hirte*).

4. Усиливается наметившееся уже в древневерхненемецкий период расхождение между многообразием типов склонений в единственном числе и сравнительным единообразием формоизменения во множественном числе, что сопровождается выделением особых показателей (морфов) множественного числа, проходящих через все падежные формы.

Склонение имен собственных

Имена собственные склоняются либо по сильному, либо по слабому склонению. Слабое склонение, по которому склонялись имена собственные, оканчивающиеся на *-e*, не отличалось от слабого склонения прочих существительных. Мужские имена собственные в сильном склонении отличаются от прочих существительных тем, что образуют винительный падеж единственного числа как прилагательные на *-en*, например: *Sifrit Зигфрид* — *Sifriden*. Иногда вместо *-en* встречается *-e*, и наоборот, в дательном падеже *-en*. Множественное число образуется только от названий целого рода, например: *Nibelunc Нибелунг* — *Nibelunges, Nibelungi*. Женские имена, идущие по сильному склонению, склоняются как основы на *-ô*, отличаясь от них лишь тем, что не имеют в именительном падеже единственного числа никакого окончания, например: *Kriemhilt Кримгильда*, род., дат., вин. пад. — *Kriemhilde*.

2. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Каждое прилагательное может склоняться по сильному и слабому склонению.

Слабое склонение имен прилагательных ничем не отличается от слабого склонения имен существительных. Отличие от современного немецкого языка состоит в том, что винительный падеж единственного числа женского рода имеет в средний период окончание *-en*.

Сильное склонение значительно отличается от сильного склонения имен существительных. Эти отличия объясняются преобладанием в сильном склонении имен прилагательных местоименных форм. Чисто именные формы, соответствующие основам имен существительных на *-a*, *-ja* или *-wa* в мужском или среднем роде, а также основам на *-ô* в женском роде, представлены (наряду с местоименными) лишь в именительном падеже единственного числа.

Таким образом, именительный падеж единственного числа характеризуется наличием двойных форм: одна из них соответствует склонению основ на *-a* или *-ô* имен существительных (*blint слепой*, как *tag день*, *wort слово*, *buoz исповедь*, *возмещение*), другая имеет местоименные окончания (ср.: *blinder слепой*, *blindez слепое*, *blindiu слепая* и местоимения *der тот*, *die та*, *daz то*).

Более древняя именная форма *blint* обычно называется краткой формой (она в средненемецкий период встречается как в предикативном, так и в атрибутивном употреблении).

Основы имен прилагательных на *-ja* отличаются от чистых основ на *-a* только тем, что краткая форма у них оканчивается на *-e* (двн. *-i*). Этим объясняется и умлаут, выступающий во всех фор-

мах, если корневой гласный может подвергнуться умлауту, например: *dræte быстрый*, *læge пустой*, *mæge знаменитый*, *spæhe хитрый*, *træge ленивый*, *enge узкий*, *niuwe новый*, *fiuhte влажный* и т. п.

Немногочисленные основы на *-wa* отличаются тем, что в кратких формах отсутствует *-w* (*bla* — *blawer голубой*, *gel* — *gelwer желтый*), в то время как в местоименных формах оно наличествует.

1. Сильное склонение

		Мужской род		Средний род
Ед. ч.	Им.	blint — blinder		blint — blindez
	Род.		blindes	
	Дат.		blindem(e)	
	Вин.	blinden		blint — blindez
Мн. ч.	Им.	blinde		blindiu
	Род.		blinder(e)	
	Дат.		blinden	
	Вин.	blinde		blindiu

Женский род

Ед. ч.	Им.	blint — blindiu
	Род.	blinder(e)
	Дат.	blinder(e)
	Вин.	blinde
Мн. ч.	Им.	blinde
	Род.	blinder(e)
	Дат.	blinden
	Вин.	blinde

2. Образование степеней сравнения имен прилагательных

Для образования сравнительной степени имен прилагательных употреблялся суффикс *-er*; для образования превосходной степени *-est*, например: *kreftic сильный* — *kreftiger* — *kreftigest*.

В древневерхненемецкий период имелись два способа образования степеней сравнения: 1) на *-iro*, *-isto* и 2) на *-ôro*, *-ôsto*.

Вследствие этого в средневерхненемецкий период одни прилагательные в сравнительной и превосходной степени имеют умлаут корневого гласного, а у других он отсутствует. Однако большинство односложных прилагательных имеет наряду с формами, подвергшимися умлауту, формы без умлаута, ср.: *grôz большой* — *grœzer*, *alt старый* — *alter* и *elter*, *arm бедный* — *armer* и *ermer*, *lanc длинный* — *langer* и *lenger* и т. п.

Супплетивно образовывали степени сравнения прилагательные:

guot	<i>хороший</i>	bezzet	bezzest, beste
ûbel	<i>плохой</i>	wirser	wirsest, wirste

lützel	<i>маленький</i>	minner, minre	minnest
michel	<i>большой</i>	mêre	meiste

3. Образование наречий от основ имен прилагательных

Наречие образуется от основы имени прилагательного путем прибавления суффикса *-e* (двн. *-o*), например: *lanc* *длинный* — *lange* *долго*, *hōch* *высокий* — *hōhe* *высоко*.

Прилагательные, относящиеся к основам на *-ja*, не могут приобрести этого *-e*, потому что они уже имеют окончание *-e* (*kleine* *чистый* — *kleine* *чисто*).

Таким образом, в данном случае наблюдается омонимия имени прилагательного и соответствующего ему наречия. У двусложных прилагательных, имеющих корневой гласный, который мог подвергаться умлауту, в основе выступает умлаут, а в наречиях он отсутствует, ср.: *sanfte* *мягкий* — *sanfte* *мягко*, *veste* *прочный*, *крепкий* — *vaste* *крепко*, *прочно*, *dræte* *быстрый* — *drâte* *быстро*, *spæte* *поздний* — *spâte* *поздно*, *swæte* *тяжелый* — *swære* *тяжело*, *schœne* *красивый* — *schône* *красиво* и т. п.

Наречие могло быть образовано не от каждого прилагательного. Например, прилагательные с суффиксами *-ec*, *-isch* обычно не образуют наречий на *-e*. У подобных прилагательных форма наречия иногда образуется от производного прилагательного с суффиксом *-lîch*, ср.: *ganz* *совершенный*, *полный* — *ganzlîche* *совершенно*, *полно*, *sælec* *счастливый* — *sæleclîche* *счастливо*; *milte* *дружелюбный* — *milteclîche* *дружелюбно*.

Супплетивно образуется наречие от прилагательного *guot* *хороший* — *wol* *хорошо*. Формы сравнительных степеней у наречий совпадают с краткими формами сравнительных степеней прилагательных, но отличаются от них отсутствием умлаута, например: *langer* — *langest* (ср. двн. *langôr* — *langôst*).

3. СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

1. Личные местоимения

	Местоимение I лица	Местоимение II лица
	<i>ich</i> <i>я</i>	<i>du</i> <i>ты</i>
Ед. ч.	Им. <i>ich</i>	<i>du</i> , <i>dû</i>
	Род. <i>mîn</i>	<i>dîn</i>
	Дат. <i>mir</i>	<i>dir</i>
	Вин. <i>mich</i>	<i>dich</i>
Мн. ч.	Им. <i>wir</i>	<i>ir</i>
	Род. <i>unser</i>	<i>iuwer</i>
	Дат. <i>uns</i>	<i>iu</i>
	Вин. (<i>unsich</i>), <i>uns</i>	<i>iuch</i>

Старая форма винительного падежа *unsich* встречается редко, она вытесняется формой дательного падежа *uns*.

Со второй половины XIII в. *iū* употреблялось вместо *iuch*, а *iuch* вместо *iū*.

Местоимение III лица

		Мужской род	Средний род	Женский род
		<i>er on</i>	<i>ez оно</i>	<i>si, (sî, siu, sie) она</i>
Ед. ч.	Им.	<i>er</i>	<i>ez</i>	<i>si, sî, siu, sie</i>
	Род.	<i>es, [sîn]</i>	<i>es, [sîn]</i>	<i>ir(e)</i>
	Дат.	<i>im(e)</i>	<i>im(e)</i>	<i>ir(e)</i>
	Вин.	<i>in</i>	<i>ez</i>	<i>sie, si, sî, siu</i>
Мн. ч.	Им.		<i>si, sî, siu, sie</i>	
	Род.		<i>ir(e)</i>	
	Дат.		<i>in</i>	
	Вин.		<i>si, sî, siu, sie</i>	

В родительном падеже единственного числа мужского рода форма *sîn* рано вытесняет *es*.

2. Указательные и вопросительные местоимения

		Мужской род	Средний род	Женский род		
		<i>der tom</i>	<i>daz to</i>	<i>die ta</i>		
Ед. ч.	Им.	<i>der</i>	<i>daz</i>	<i>diu</i>	<i>wer kmo</i>	<i>waz cmo</i>
	Род.	<i>des</i>	<i>des</i>	<i>der(e)</i>	<i>wes</i>	
	Дат.	<i>dem(e)</i>	<i>dem(e)</i>	<i>der(e)</i>	<i>wem(e)</i>	
	Вин.	<i>den</i>	<i>daz</i>	<i>die</i>	<i>wen</i>	<i>waz</i>
Мн.ч.	Им.	<i>die</i>	<i>diu</i>	<i>die</i>		
	Род.		<i>der(e)</i>			
	Дат.		<i>den</i>			
	Вин.	<i>die</i>	<i>diu</i>	<i>die</i>		

Точно так же склоняются и другие указательные местоимения, а кроме того, притяжательные.

4. ГЛАГОЛ

Ослабление гласных безударных слогов, вызвавшее значительные изменения в системе именного склонения, сыграло также значительную роль в унификации системы глагольного спряжения, в унификации флексии как сильных, так и слабых глаголов.

II. a) biegen (свн. *ie* < двн. *io*) — bouc — bugen — gebogen

сгибать

b) bieten — bôt — buten — geboten

предлагать

Грамматическое чередование наблюдалось у глаголов:

sieden — sôt — suten — gesoten

кипятить

kiesen — kôs — kurn — gekorn

избирать

verliesen — verlôs — verlurn — verlorn

терять

vriesen — vrôs — vrurn — vronn

мерзнуть

ziehen — zôch — zugen — gezogen

тянуть

Глаголы, имеющие в основе *w*, сохраняют *iu* во всех формах презенса, ср.:

bliuwen — blou — blûwen — geblûwen

бить

kiuwen — kou — kûwen — gekûwen

жевать

Три глагола имеют в инфинитиве *û*:

lûchen *закрывать, тянуть*, sûfen *пить*, sûgen *сосать*.

III. a) brinnen (*i* перед *n*) — bran — brunnen — gebrunnen *гореть*. Ср. также:

rinnen *бежать*, sinnen *думать*, spinnen *прясть*, binden *связывать*, singen *петь*, vinden *находить*, winden *вить* и др.

b) gelten (*e* перед *l, r*) — galt — gulten — gegolten *стоить, иметь значение*. Ср. также:

werden *становиться* (в ранних текстах с грамматическим чередованием — wurten), werfen *бросать*, helpen *помогать*, bevelhen *повелеть* и др.

IV. Четвертый ряд аблаута характеризовался носовым или плавным после или перед корневым гласным, например: nemen *брать* — nam — nâmen — genomen. Ср. также: zemen *подобать, подходить*, bern *приносить, рождать*, brechen *ломать*, rechen *мстить*, spreken *говорить*, treffen *встречать*, komen *приходить* (двн. *queman*) и др.

V. Пятый ряд характеризовался наличием после корневого гласного любого согласного, кроме плавного или носового, например: geben *давать* — gab — gâben — gegeben, а также phlegen *иметь обыкновение, ухаживать*, jehen *говорить*, geschehen *происходить*, sehen *видеть*, ezzen *есть*.

Следы грамматического чередования наблюдаются у глаголов: lesen *читать* — las — lâren (но рядом lâsen) — gelesen (лишь в более древних текстах geleren), genesen *спасаться, выздороветь* — genas — genâren — genesen (лишь в ранних текстах genern), wesen *быть* — was — wâren — gewesen.

J-praesentia V ряда:

bitten — bat — bâten — gebeten

просить

sitzen — saz — sâzen — gesezzen

сидеть

ligen — lac — lâgen — gelegen

лежать

VI. К шестому ряду принадлежат глаголы, имеющие в формах претерита дифтонг *uo*, а в формах инфинитива и причастия гласный *a*, например:

graben — gruop — gruoben — gegraben *рыть*

Сюда относятся laden *грузить*, spranen *заманивать*, прельщать, tragen *нести*, wagn *идти*, ехать, wahren *расти* и др.

Грамматическое чередование наблюдается у глаголов:

slahen — sluoc — sluogen — geslagen *бить*; heben (двн. heffen) — huob — huoben — (er) haben *поднимать*

VII. Седьмой ряд характеризовался наличием в претерите единственного и множественного числа дифтонга *ie* (двн. *ia*, *io*).

В инфинитиве могли наличествовать различные гласные, причём гласный причастия совпадал с ними:

vallen — viel — vielen — gevallen	<i>падать</i>
blâsen — blies — bliesen — geblâsen	<i>дуть</i>
stôzen — stiez — stiezen — gestôzen	<i>толкать</i>
heizen — hiez — hiezen — geheizen	<i>называться</i>

Сюда относятся также halten *держать*, walten *править*, bâgen *сражаться*, brâten *жарить*, lâzen *оставлять*, râten *советовать*, slâfen *спать*, guofen *звать* и др.

Грамматическое чередование наблюдается у глаголов:

hâhen — hienc (hie) — hiengen — gehangen *висеть*, vâhen (vân) — vienc (vie) — viengen — gevangen (gevân) *ловить*, gân — gienc (gie) — giengen — gegangen *идти*.

2. Слабые глаголы

В древневерхненемецкий период еще различаются три класса слабых глаголов:

I. на *-en* (<*jan).

II. на *-ôn*.

III. на *-ên*.

Первый класс разбивался в свою очередь на две подгруппы в зависимости от долготы или краткости корневого гласного.

В средневерхненемецкий период различия между отдельными классами слабых глаголов в результате редукции гласных безударных слогов в значительной мере стираются, что приводит к перегруппировке слабых глаголов.

Личные окончания претерита в средневерхненемецкий период одинаковы во всех трех бывших классах, ср. hoeren *слышать* — претерит hörte:

Ед. ч. 1. hôrte
2. hôrtest
3. hôrte

Мн. ч. 1. hôrten
2. hôrten
3. hôrten

Однако при образовании претерита и причастия прошедшего времени в средневерхненемецкий период до известной степени еще принимается во внимание различие по классам.

В древневерхненемецкий период образование форм претерита происходило следующим образом:

I класс:

а) краткосложные глаголы: *nerien спасать* — *nerita* — *ginerit*;

б) долгосложные и многосложные глаголы: *brennen зажигать*, *гореть* — *branta* — *gibrennit*, *gibrantêr*;

II класс: *lobôn хвалить* — *lobôta* — *gilobôt*;

III класс: *lebên жить* — *lebêta* — *gilebêt*.

Первый класс распадался на долгосложные, к которым присоединялись многосложные, и на краткосложные глаголы. После долгого слога *-i-* в претерите уже в древневерхненемецкий период выпадало, поэтому здесь не могло быть умлаута корневого гласного, ср. готск. *brannjan* — *brannida*, днв. *brennen* — *branta*.

После короткого слога *-i-* сохранялось, поэтому в претерите здесь также выступал умлаут, ср.: готск. *nasjan* — *nasida*; днв. *nerien* — *nerita*.

В причастии прошедшего времени в изменяемой форме у долгосложных глаголов *-i-* выпадало, поэтому в древневерхненемецком имелось: *gibrennit*, но *gibrantêr*; позднее эта форма, поддерживаемая формой претерита, вытесняет форму *gibrennit*. В средневерхненемецкий период наряду с *gebrant* употреблялось также *gebrennet*.

Долгосложные глаголы производили впечатление того, что умлаут, имеющийся в настоящем времени, ликвидируется в претерите, поэтому данные глаголы были названы Я. Гриммом глаголами с обратным умлаутом (*Rückumlaut*).

Примеры:

vellen рубить, валить — *valte* — *gevellet (gevalt)*; *wenden поворачивать* — *wante* — *gewendet (gewant)*, ср. также *stellen ставить* (совр. *wohlbestallt, Bestallung*), *nennen называть*, *kennen знать*, *trennen разделять*, *hengen вешать* (*hancte*) и др.

У глаголов с корневым гласным, который не способен был подвергаться умлауту, основа оставалась без изменений, ср.: *kêren поворачивать* — *kêrte* — *gekêret*, *wîhen освящать* — *wîhte* — *gewîhet*.

Количество глаголов с обратным умлаутом (*rückumlautende Verben*) в средневерхненемецкий период значительно увеличивается, что находит свое объяснение в широком распространении умлаута в данный период, ср., например:

<i>wænen</i>	<i>думать, полагать</i>	— <i>wânde</i> — <i>gewænet (gewant)</i>
<i>bewæren</i>	<i>доказывать</i>	— <i>bewârte</i>
<i>hœren</i>	<i>слышать</i>	— <i>hôrte</i>

lœsen	<i>освобождать</i>	— lōste
trœsten	<i>утешать</i>	— trōste
fūeren	<i>вести</i>	— fuorte
grūezen	<i>приветствовать</i>	— gruozte
fūllen	<i>наполнять</i>	— fulte
kūssen	<i>целовать</i>	— kuste
antwūrten	<i>отвечать</i>	— antwurte и др.

Как долгосложные в средневерхненемецкой грамматике трактуются не только глаголы с долгим гласным или дифтонгом в основе, но и глаголы на *ck, tz, pf*, например: *decken накрывать* — *dahte (dacte) — gedaht (gedecket)*, ср. также *recken поднимать, вытягивать*, *schmecken пробовать, приходиться по вкусу*, *strecken выпрямлять, вытягивать, постирать*, *wecken будить*, *stecken втыкать*, *blicken смотреть*, *zūcken потрясать, возражать (zuhte, zuchte)*, *setzen ставить (sazte, gesazt, gesetzt)*, *ergetzen забавлять (ergazte)*, *schepfen создавать (schafte)* и др.

Краткосложными считаются глаголы, которые первоначально имели перед *-*jan* простой согласный после краткого гласного. Краткосложные глаголы сохраняют в общем *e < i* в претерите. Например: *denen вытягивать* — *denete — gedenet*, *legen класть* — *legete — geleget*. После *r* и *l* -*e* часто выпадало, ср.: *nern спасать* — *nerte*, *zeln рассказывать* — *zelte* и др. Глаголы II и III классов (на *-ōn* и на *-ēn*) благодаря редукции гласных безударных слогов полностью совпадают друг с другом (*loben — lobete — gelobet* как *leben — lebete — gelebet*). После *r* и *l* и здесь *-e* выпадает (например: *spiln играть, сверкать* — *spilte — gespilt*).

Таким образом, для средневерхненемецкого периода намечается разделение слабых глаголов на две основные группы:

I. Бывшие долгосложные глаголы первого класса (т.е. глаголы без связующего гласного *-e-* в прошедшем времени, а там, где корневой гласный мог подвергаться умлауту, — с обратным умлаутом).

II. Глаголы, имеющие связующий гласный *-e-* в претерите, т.е. бывшие глаголы II и III классов, а также краткосложные глаголы первого класса.

Однако это разделение не является четким, поскольку у краткосложных глаголов II группы связующий гласный мог выпадать после сонорных *r, l* (*nerte, spilte, dolte перенес*), а у многосложных и долгосложных после *n, r, l* (*segente благословлял* наряду с *segnete*, *trūrte печалился* наряду с *trūrete*, *kuolte охладил* наряду с *kuolette* и т.п.), что способствовало, а в нововверхненемецкий период привело к дальнейшему выравниванию слабых глаголов.

3. Претерито-презентные глаголы

Здесь особо следует отметить глагол *suln долженствовать* (I, III л. ед. ч. *sol*, прет. *solde, solte*). Эта форма без *k* побеждает в

конце X в. уже в текстах Ноткера. В диалектах имеются также формы с *k*, которые дольше всего удерживаются в баварском (schol).

У глагола *wellen хотеть* форма I и III лица единственного числа будет *wil*, *e* отпадает; претерит — *wolte*, *wolde*.

4. Атематические глаголы

Так называемые атематические глаголы *tuon делать*, *gân идти*, *stân стоять*, *sîn быть* мало отличаются в своем формообразовании от предыдущего периода развития.

Однако на формообразовании глагола существования — *sîn* необходимо остановиться более подробно.

Настоящее время

	<i>Изъявительное наклонение</i>	<i>Сослагательное наклонение</i>
Ед. ч.	1. bin	sî
	2. bist	sîst
	3. ist	sî
Мн. ч.	1. birn, sîn	sîn
	2. birt, sît	sît
	3. sint	sîn

Формы *birn*, *birt* в XIII в. постепенно выходят из употребления и заменяются выделенными конъюнктивными формами.

5. Развитие аналитических форм

Относительно всей системы глагольного спряжения в целом необходимо отметить, что в средний период развития немецкого языка происходит дальнейшее закрепление и совершенствование описательных форм прошедшего времени, состоящих из глаголов *haben иметь*, *sîn быть* и причастия II.

Эти описательные формы возникли еще в древнегерманский период. При этом глагол *sîn* служил для образования описательных форм от переходных глаголов, обозначающих законченные по своему характеру действия, причастие которых выражало результат (*er ist gefallen* — «er liegt infolge eines Falls da»).

С помощью глагола *haben* образовывались описательные формы сначала лишь от переходных глаголов. В основе лежало пассивное значение, характерное для причастия II переходных глаголов (*ich habe das Buch gefunden* — «ich habe das Buch als ein gefundenes»).

Причастие первоначально согласовывалось с субъектом предложения, но форма с окончанием очень рано (еще в древневерхнегерманский период) была вытеснена краткой формой причастия.

Непереходные глаголы, обозначавшие незаконченное действие, первоначально не могли иметь причастия II, а следовательно, и описательных форм. Однако постепенно ими усваивается способ образования описательных форм от переходных глаголов, т. е. образование описательных форм с помощью глагола *haben* (*ich habe geschlafen*).

Описательные формы непереходных глаголов с *haben* встречаются в древневерхненемецкий период сравнительно поздно (лишь у Ноткера). Однако в средневерхненемецкий период описательные обороты с *haben* от непереходных глаголов окончательно закрепляются и становятся обычным явлением.

Описательная форма будущего времени возникает сравнительно поздно.

Правда, уже начиная с ранних периодов развития немецкого языка, сочетания модальных глаголов *sculan* (*soln*) и *wellen* с инфинитивом могли указывать на то, что событие относится к будущему, и это средство часто применялось немецкими переводчиками при передаче латинского *futurum*'а. Однако указанные глаголы всегда сохраняли свойственное им лексическое значение, хотя в средневерхненемецкий период в ряде случаев оно и было значительно ослаблено, в особенности у глагола *wellen*, например: *Dîn jâmertac wil schiere komen* (Walther von der Vogelweide) *Скоро наступит для тебя день печали* (Вальтер фон дер Фогельвейде); *Diu werc wil ich becân* (Nib) *Дела же буду вершить я* (Песнь о Нибелунгах).

Наряду с этими описательными оборотами, имевшими модально-футуральное значение, была представлена также описательная форма, состоящая из глагола *werden* *становиться* и причастия настоящего времени, которая первоначально обозначала вступление в какое-либо действие или состояние и могла употребляться как в настоящем, так и в прошедшем времени.

Настоящее время этой описательной формы в футуральном значении употреблялось уже в древневерхненемецкий период. Употребление данной конструкции продолжается в средневерхненемецкий период, вплоть до XV в., например: *Und werdent mir dann alle gebende die schulde* (Gotfried von Straßburg) *И тогда все отдадут мне долги* (Готфрид Страсбургский).

Однако уже в средневерхненемецкий период появляется конструкция «*werden* + инфинитив» рядом со старой конструкцией. Правда, чаще это происходило в прошедшем времени.

Для настоящего времени примеры, относящиеся к XIII в., крайне скудны; самые ранние находят у Конрада Флека¹. *Ich wæne, ir werdent mir es jehen* (3414) *Я думаю, что вы скажете мне это*; *Sô wirt er sprechen zehant* (4656) *Тогда он сразу заговорит*.

¹ См.: *Wilmanns W. Deutsche Grammatik. — III. Abt. Erste Hälfte. — Straßburg, 1909. — S. 177.*

В прозе XIV—XV вв. этот оборот распространяется более широко, а в XV—XVI вв. вытесняет старый оборот «werden + причастие I».

Подводя итог сказанному выше, необходимо отметить, что основные изменения, происшедшие в морфологии немецкого языка в средневерхненемецкий период, заключались в следующем:

1. Сдвиг в сторону дальнейшей унификации именного склонения.
2. Сдвиг в сторону дальнейшей унификации спряжения.
3. Дальнейшее закрепление и развитие аналитических форм в системе глагольного спряжения.

ГЛАВА IV СИНТАКСИС

1. ПРЕДЛОГИ И ПРЕДЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Между отдельными компонентами языка наблюдается тесная взаимосвязь и взаимообусловленность. Так, изменения в морфологии не могут не быть связанными с изменениями в синтаксисе.

Ослабление гласных безударных слогов в средневерхненемецкий период, смешение отдельных падежных форм приводит к широкому использованию и дальнейшему усложнению предложных конструкций. В средненемецкий период появились около 20 новых предлогов (такие, как *zwischen между*, *sunder без*, сложные предлоги *jenhalb по ту сторону*, *oberhalb сверху* и др.).

Сочетаясь с определенными падежными формами имен, как старые, так и новые предлоги уточняли их значение, делая его более ярким.

В и н и т е л ь н о г о падежа имени требовали предлоги:

1) *an на*, *in в*, *eneben рядом*, *ûf на*, *über над*, *under под*, *after за*, *für (vor) перед*, *hinder за*, *zwischen между*, *unze до*, *bis до*, *wider против*, иногда *bî у* — в том случае, если они выражали направление и, следовательно, вместе с именем отвечали на вопрос «куда»: *Des wirt noch gelachet inneclîche, kumt iemen an daz selbe phat Над этим еще посмеются от души, если кто-нибудь попадет на ту же самую тропинку;*

2) *durch, umbe через*, *из-за*, *ради* в пространственном значении, а также при обозначении причины или средства: *daz er die verte erkenne der tiere durch den tan чтобы он лучше опознал звериную тропу, (ведущую) через лес; durch sîn eines sterben starp vil maneger muoter kind из-за его единственной смерти простились с жизнью дети многих матерей;*

3) *âne, sunder без*: *Ich bin ze lange arm gewesen âne mînen danc Я слишком долго был беден помимо (без) своей воли.*

С дательным падежом употреблялись предлоги:

1) с собирательным значением — mit, sament, samt, mitsamt c: *Gên wir zuo des meien hôchgezîte! Der ist mit aller sîner krefte komen. Отправимся на майский праздник! Он пришел во всей своей силе* (буквально: *со всей своей силой*);

2) an na, in, innen, binnen в, eneben рядом, ûf na, bî y, ze y, ob вверху, under под, vor перед, after, hinder, nâch за, zwischen, enzwischen между — в том случае, если они обозначали местонахождение где-нибудь: *Vor dem walde in einem tal, tandaradei, schône sanc diu nahtegal У леса в долине, тандарадей, чудесно пел соловей*;

3) von, ab от, с, ûz из, sît с, обозначающие исхождение откуда-либо (в пространственном и временном отношении): *Von einer kemenâten sah man si alle gân Было видно, как все они вышли из женской половины замка*;

4) zuo, nâch, gegen, engegen, zegegen к, навстречу для выражения направления: *Sô die bluomen ûz dem grase dringent, sam si lachen gegen der spilden sunnen Когда цветы поднимают свои головки из травы, как бы улыбаясь навстречу сверкающему солнцу*. Весьма редко встречались сочетания некоторых из этих предлогов с формой родительного падежа имени: *vor tages за день до, sît des mâles с того времени, after mîn после меня* и т. п.

В ряде случаев вместо предлога употреблялось соответствующее ему по форме и по значению наречие: an — ane, ûf — ûfe, ûz — ûze, mit — mite, ob — obe, ze — zuo, hinder — hinder и т. п. При этом значение наречия приближалось к конкретному пространственному значению предлога, а сочетание «глагол + наречие» требовало такой же падежной формы имени, что и предлог: *Maniger hande spîse fuorte man in mite С ними везли всевозможные кушанья*; *Ir name fuor den besten frouwen obe Имя ее возвышалось над самыми лучшими дамами*.

2. АРТИКЛЬ

Изменения, происшедшие в средний период в морфологии, привели также к окончательному оформлению артикля. У неопределенного артикля, как известно, раньше всего возникло индивидуализирующее употребление, в основе которого лежало заключающееся в числительном ein отношение к единичному конкретному предмету. Индивидуализирующее употребление мы находим уже в древневерхненемецкий период.

В средневерхненемецкий период индивидуализирующее употребление неопределенного артикля закрепилось и упорядочилось. Неопределенный артикль окончательно оформился в этот период как артикль, ср., например: *Ein wolf sîne sünde flôch, in ein klôster er sich zôch Один волк, бежав от своих грехов, укрылся в монастыре*.

Генерализирующее, т. е. обобщающее, употребление неопределенного артикля в данный период не всегда являлось обязательным, ср., например: Nie keiser wart sô rîche *Никогда еще император не был так богат*, Mâc hilfet wol, vriunt verre baz *Родич помогает хорошо, а друг — намного лучше*; Friunt sol friunde bî gestân *Друг обязан поддержать друга*.

Употребление артикля как определенного, так и неопределенного в рассматриваемый период в целом ряде случаев отличалось от современного. Так, некоторые существительные, обозначающие предметы и понятия, единственные в своем роде, могли еще иногда не иметь при себе определенного артикля, например: Got sol ûch himelrîch geben *Бог должен дать вам царствие небесное*, в особенности в сочетании с предлогами: ûf erde *на земле*, über mer *через море* и т. д.

В эпическом стиле определенный артикль отсутствует перед существительными, за которыми следует определение в родительном падеже или определительное предложение, например: gewalt des grimmen Hagenen *сила злого Хагена*; Si sâhen kampf, der vor in was *Они видели бой, который происходил перед ними*.

Имена собственные, не имеющие при себе определений, употребляются без определенного артикля даже в родительном и дательном падежах, например: der sweher Kriemhilde *свекор Кримгильды*.

Если имени собственному предшествует звание или титул, то они употребляются обычно с определенным артиклем: **der** herre Sîfrit *господин Зигфрид*, **der** kûnec Etzel *король Аттила*, **diu** frouwe Gotelint *госпожа Готелинда*.

Придворный титул может употребляться и без артикля: her Dietrich *господин Дитрих*, vrou Gotelint *госпожа Готелинда*.

Определенный артикль нередко выступает перед притяжательным местоимением, например: **die** mîne vroûde *моя радость*, **die** sîne man *его слуги*.

Неопределенный артикль употреблялся при названиях веществ, если имелось в виду определенное количество вещества, например: Er tranc **eines** wazzers *Он выпил воды*. По-видимому, как часть определенного вещества воспринимался в некоторых сравнительных оборотах и объект, с которым сравнивалось что-либо, например: grüne alsam **ein** gras *зеленый, как трава*, wîz als **ein** snê *белый, как снег*.

Неопределенный артикль использовался при инфинитиве, выполнявшем роль субъекта или объекта: Dâ wart **ein** schœne danken getân *Тут они хорошенько поблагодарили*; Sô daz si **ein** sterben niht vermeit *Так что она не избежала смерти*.

При обозначении постоянного занятия лица также употреблялся неопределенный артикль: Kâin was **ein** accherman *Каин был земледельцем*; Sô muost du **ein** schuochsûter sîn, oder **ein** weber oder **ein** gebûre *Тогда ты, наверное, сапожник, или ткач, или крестьянин*.

Кроме того, неопределенный артикль выступал в приложении: Willekomen, her Sifrit, **ein** küneç ûz Môrlande *Добро пожаловать, господин Зигфрид, король из Морланда* и в обращении: Genâde, **ein** küneginne *Смилуйся, королева*.

В эпической поэзии неопределенный артикль нередко употреблялся при назывании лиц, которые давно известны читателю: Do kom der küene Volkêr, **ein** edel spileman *Тут пришел храбрый Фолькер, благородный шпильман*.

Существительное, к которому относилось определительное придаточное предложение, также могло иметь при себе неопределенный артикль: Wer was **ein** maget, diu den grâl truoc? *Кто была та девушка, которая несла чашу Грааля?*

Неопределенный артикль мог употребляться во множественном числе при pluralia tantum, ср. **zeinen** (zu + einen) p̄fingesten *на Троицу*. Иногда он встречался также и при существительных, которые могли употребляться в единственном числе, например: in **einen** zîten *во времена, в некие времена* и т. п.

Неопределенный артикль отсутствовал, если существительное обозначало временное занятие какого-либо лица: Dancwart der was marschalç *Данкварт был конюшим*.

Неопределенный артикль отсутствовал и в том случае, когда существительное выступало как представитель целого класса денотатов, например: Mac hilfet wol, friunt verre baz *Родич помогает хорошо, друг намного лучше*.

Определенный и неопределенный артикли могли употребляться одновременно перед одним и тем же существительным, в особенности если к этому существительному относилось определительное предложение, например: Sô bin ich **ein der** man, der sich nennet âne schame *Я один из тех мужей, которые называют себя без стыда*; **Ein diu** schoenste maget, von der uns ie wart gesaget *Одна из прекраснейших дев, о которых нам когда-либо рассказывали*.

Высказыванию в данном случае был присущ оттенок выделительности — в нем особо выделялся один из вполне определенных предметов речи.

3. УПОТРЕБЛЕНИЕ ВРЕМЕН И НАКЛОНЕНИЙ

Для немецкого языка в средний период были характерны две временные формы: презенс и претерит. Будущее время не имело в нем особой формы. Оно выражалось чаще всего формой настоящего времени в сочетании с обстоятельством или придаточным предложением, которые указывали на то, что действие относится к будущему: Er **vüeret** sî morgen her *Завтра он приведет ее сюда*.

Наряду с этим употребляются описательные формы:

а) «модальные глаголы *sollen, wellen, muozen* + инфинитив»: *Schiere sol ichz enden Я должен это скоро закончить; Wil ich triuwe vinden Я найду верность; Du muost in schiere vloren hân Ты вскоре его потеряешь.*

б) «*werden* + причастие настоящего времени или инфинитив»: *Ez ist mîn friunt der beste, der wirt iuch wol enthalten. Это мой лучший друг, он даст вам хороший прият.*

Претерит может выступать в функциях:

1) современного перфекта, ср. *nâch der ie mîn herze ranc, diu lât mich trôstes âne ta, к которой всегда стремилось мое сердце, оставляет меня без утешения;*

2) современного плюсквамперфекта: *Dô du von ir schiede, zehant sie starp После того, как ты с ней простился, она тотчас умерла.*

Кроме того, в функции современного перфекта и плюсквамперфекта выступают описательные временные формы, состоящие из вспомогательных глаголов «*hân, sîn* + причастие II», например: *Owê war sin verschwunden alliu mîniu jâr О увы! куда ушли все мои годы?*

Форма претерита конъюнктива, как и в древневерхненемецкий период, еще имеет временное значение прошедшего времени.

Примером этого является косвенная речь. В косвенной речи употребляется настоящее время конъюнктива, если управляющий глагол стоит в настоящем времени, и прошедшее время конъюнктива, если управляющий глагол стоит в прошедшем времени, например: *Si vrâgte in, wie er hieze Она спросила его, как его зовут.*

Кроме того, прошедшее время конъюнктива может выражать ирреальность в прошлом, т. е. использоваться в функции современного плюсквамперфекта конъюнктива: *Und sæhe ez niht her Hartmuot, ir wære ir houbet dâ benomen И если бы этого не заметил господин Гартмуот, не сносить бы ей тут своей головы.*

В главном предложении функции прошедшего и настоящего времени конъюнктива в основном совпадают с современными их функциями (претерит — ирреальная и ирреально-оптативная; презенс — оптативно-волитивная или желательного-волеизъявительная).

4. СТРОЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. ПОРЯДОК СЛОВ

В средний период порядок слов в немецком языке характеризуется относительно большей свободой по сравнению с современным состоянием языка.

Говоря о порядке слов, необходимо прежде всего сказать о положении сказуемого, ибо именно сказуемое имеет свое точное и четко определенное место в структуре предложения. Место сказуе-

мого является крайне показательным при характеристике порядка слов в немецком языке.

Как мы уже отмечали ранее, возможны три позиции сказуемого: а) на первом месте, б) на втором месте, в) на последнем месте.

Первая и вторая позиция характерны для самостоятельных предложений; третья и иногда первая — для придаточных.

В повествовательных предложениях в средневенхненемецкий период так же, как и в современном немецком языке, спрягаемая часть сказуемого стоит на втором месте, например: *Du bist mîn, ich bin dîn Ты — мой, я — твоя*; *In liechter varwe stât der walt В светлом уборе стоит лес.*

Подобное же расположение глагола характерно и для вопросительных предложений с вопросительным словом, например: *Was meinet iuwer geise? Какую цель преследует ваше путешествие?*

Нарушение этого порядка слов в повествовательном предложении становится редким по сравнению с древневенхненемецким периодом.

Исключительными случаями, когда сказуемое стоит не на втором месте, являются:

1. Если сказуемому предшествуют и за сказуемым следуют несколько членов предложения, например: *Nâch disen worten der jungelinc ginc wider in sîne zelle После этих слов юноша снова удалился в свою келью.*

2. В параллельно построенных сочетаниях главной и придаточной части предложения, если в придаточной части налицо конечное положение сказуемого, которое распространяется и на главную часть: *Sô wir ie suntiger sint, sô er uns schierri vernimt Чем мы грешнее, тем скорее Он нас услышит.*

Имеются и некоторые другие, крайне редкие случаи.

В поэзии, однако, под влиянием рифмы нередко конечная позиция глагола в самостоятельном повествовательном предложении, а также другие нарушения обычного расположения глагола, ср.: *An dem vierden morgen ze hove si dô riten На четвертое утро поехали они тогда ко двору.*

Для вопросительных предложений без вопросительного слова характерна начальная позиция глагола.

Начальная позиция глагола характерна также для побудительных предложений: *Gang in die freud dînes hêrren Войди в радость твоего господина.*

Однако здесь часты случаи нарушения, особенно когда другие члены предложения предшествуют императиву.

Для придаточного предложения характерна конечная или начальная позиция сказуемого. Глагол в придаточном предложении в средний период не всегда занимает конечное положение там, где он должен был бы его занимать, например: *Daz er mir sîn liut und sîn lant allez bevalch in mîne hant Чтобы он передал в мои руки все: свой народ и свою страну.*

В придаточном бессоюзном предложении с конъюнктивом глагол занимает ту же позицию, что и в самостоятельном повествовательном предложении. Подлежащее, как правило, предшествует сказуемому.

Определение (прилагательное или притяжательное местоимение) в прозаических произведениях располагается почти исключительно перед существительным.

В поэзии, однако, в особенности в героическом эпосе и у Вольфрама фон Эшенбаха, прилагательное или притяжательное местоимение стоят после существительного: *der künec guot* *король славный*; *den veteren dîn* *братьям твоим двоюродным*; *Gunther der edele* *Гюнтер благородный*; *haz den alten* *ненависть старую*; *swert diu scharfen* *мечи острые*; *anker die swæren* *якоря тяжелые* и т. п.

Что же касается определения, выраженного существительным в родительном падеже, то о нем можно сказать следующее:

1. Названия живых существ в родительном падеже стоят в подавляющем большинстве случаев перед определяемым существительным: *Etzelen bruoder* *брат Аттилы*, *des hundes bellen* *лай собаки*.

2. Существительные, не обозначающие живых существ, в роли определения стоят в родительном падеже после определяемого существительного: *von anegenge der werlte* *с сотворения мира*.

3. Если определяемое существительное имеет при себе артикль, то атрибутивный родительный падеж обычно располагается после него: *von dem wege der sündler* *с пути грешников*.

4. Родительный падеж может располагаться между существительным и относящимся к нему артиклем, если определение в родительном падеже не имеет при себе артикля.

Связь генитива с существительным бывает иногда очень тесной, так что напоминает сложное слово, например: *der sanges meister* *пения мастер*.

Часто такое положение занимает родительный падеж имени собственного в героическом эпосе, например: *an die Hagenen vrâge* *на вопрос Хагена*, *daz Etzelen wîp* *жена Аттилы*, *genuoge Guntheres* *многие из воинов Гюнтера*.

В эмоциональной речи какое-либо понятие может быть выдвинуто на первый план и поставлено перед предложением: *Alles des igerten*, *des was man in bereit* *Все, чего они желали, все это готовы были им (дать)*.

5. ОТРИЦАНИЕ

Для выражения отрицания в древневерхненемецкий период служила частица *ne*, которая размещалась непосредственно перед глаголом.

При этом к тому же глаголу могли присоединяться отрицательные местоимения, ср.: свн. *nieman никто* (из *ne + ieman*), *nicht, niht ничто* (*ne + iht*), *nie, niemer никогда*, *niergen нигде* и т. п.

В средневерхненемецкий период из отрицательного местоимения *niht* развилась новая отрицательная частица.

Местоимение *niht*, вначале факультативно, плеонастически присоединявшееся к *ne* для усиления отрицания, с XII столетия становится обязательным, так что необходимо было говорить: *Er enist niht guot Он нехороший* (буквально: *он не есть не хороший*); *Er enklaget niht Он не жалуется* (буквально: *он не жалуется не*).

В предложениях, уже содержащих отрицательные местоимения или наречия, подобные *niht* (*nieman, nie, niemer, niergen* и т. п.) *niht* отсутствовало. Отсутствовало *niht* также в предложениях с *dehein, dekein, kein ни один, никакой*. Новое отрицание *niht*, служившее первоначально лишь для усиления старого отрицания *ne*, которое в средневерхненемецкий период подверглось редукции, постепенно дало возможность обходиться без него.

Ранее всего *ne* утратили глаголы с приставками, а также и некоторые бесприставочные глаголы. Уже около 1200 г. наряду с *er engât niht он не идет* говорили *er gât niht*.

В последующем *ne* все чаще опускается. В конце XIII в. старая отрицательная частица *ne, en* становится редким явлением, а впоследствии отмирает полностью.

ne, en выпадали также, если они встречались в предложении вместе с другими отрицательными словами: *nieman, nie, dehein, kein*.

Таким образом, в средневерхненемецкий период начинается постепенный переход от полинегативного оформления отрицательных предложений к мононегативному, которое характерно для современного немецкого языка.

Тем не менее в одном и том же предложении в средневерхненемецком могли употребляться сразу несколько отрицаний, например: *ichn gehôrte nie solhes niht gesagen я не слышал никогда ничего подобного*.

6. РАЗВИТИЕ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ. РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СОЮЗОВ

Средневерхненемецкий период характеризуется дальнейшим развитием сложных предложений, усложнением и совершенствованием их структуры.

В сложносочиненных предложениях средством связи их отдельных частей служат сочинительные союзы, выражающие следующие синтаксические отношения:

1) отношение соединения — союзы unde и, ouch также, ср. например: Sît sach ich den valken schône vliegen: er fuorte an sînem fuoze sîdîne riemen **und** was im sîn gevidere alrôt guldîn *Потом я видела, как красиво летел этот сокол: на ножке у него были шелковые ленты и все его оперение было червленно-золотым;*

2) отношение сопоставления и противопоставления — союзы aber но, с другой стороны, напротив, wan но, sunder, sô, doch с общим значением — но, ср., например: Mîn lîp ist hie, **sô** wont bî ir mîn sîn *Тело мое здесь, но мысли мои пребывают у нее;*

3) разделительные отношения — союзы oder или, либо, entweder ... oder или ... или, weder ... noch, noch ... noch ни ... ни, ср., например: ist mîr mîn leben getroumet, **oder** ist es wâr? *Приснилась ли мне моя жизнь, или она явь?*

4) отношение следствия — союзы sô тогда, also, nu с общим значением — тогда, ср., например: Ich sol si mîden beide: **son** kan mîr nimmer missegân *Я буду избегать их обоих: тогда я никогда не буду несчастлива;*

5) причинные отношения — союзы wande, wan так как, именно, ср., например: Ich mac wol genesen, **wan** ich wil in gehôrsam wesen *Я наверно смогу выздороветь, так как я хочу быть послушным им.*

Стройную систему образовывали средства связи отдельных частей сложноподчиненных предложений.

Придаточные подлежащие и дополнительные вводились союзом daz что, чтобы, например: Jâ leider des enmac niht gesîn, **daz** guot und werltlîch êre und gotes hulde mêre zesamene in ein herze komen *Но, к сожалению, этого не может быть, чтобы богатство, мирская честь и сверх того еще божия благодать сошлись вместе в одном сердце;* Si wânde, **daz** er'z hête mit sîner kraft getân *Она думала, что он совершил это своей силой.*

Придаточные определительные вводились относительным местоимением der который, а также относительными местоименными наречиями da где, dannen, dar откуда, darinne где, в чем, darumbe вокруг чего, sô, alsô, sam, alsam как, dô когда, ср., например: In disen hôhen êren troumte Kriemhilde, wie si zûge einen valken, stark, scœn unde wilde, **den** ir zwên aren erkrummen *В этих высоких почестях Кримгильде приснился сон, что она взрастила сокола, сильного, прекрасного и дикого, которого разорвали два орла;* Die wîle was ouch Sîfrît ... in daz schif gegân, **da** er sîne tarnkappen verborgen ligen vant *Тем временем Зигфрид также ... отправился на корабль, где у него был спрятан плащ-невидимка.*

Одно и то же местоимение или наречие может одновременно выполнять роль указательного в главной части предложения и относительного в придаточной: ich bin **der** hie tôt gelît *я тот, кто лежит здесь, как мертвый;* sî funden in **dâ** er lac *они нашли его там, где он лежал.* Если определительное предложение относится к обращению, то относительное местоимение (в отличие от современного употребления) отсутствует.

Обстоятельственные придаточные предложения вводились следующими союзами:

1) придаточные временные — союзами *dô* когда; *после того, как*, *nû* (с теми же значениями), *biz* (*daz*) *прежде чем, пока не*, *unze* (*daz*) *до тех пор*, *die wîle* *в то время как, тем временем, пока не*, *sît* (*daz*) *с тех пор*, *ê* (*daz*) *прежде чем*, *swanne*, *swenne* *когда, когда бы ни*, ср., например: **Dô** diu küneginne sîne rede vernam, der spile bât si gahen **Когда** королева услышала его речь, она попросила поспешить с состязаниями;

2) придаточные места — относительными местоименными наречиями, например: Dar gie der herre Sîfrit **dâ** der stein gelac **Тогда** господин Зигфрид пошел туда, где лежал камень;

3) причинные придаточные — союзами *wande*, *wan* (*daz*) *так как, потому что*, *nû* (*daz*), *sît* (*daz*), *sît danne*, *sît nû*, *daz* *так как*, ср., например: **Wande** sî mir *dô* taten michel unreht, *dô* wart mîn leit manesvalt **Так как** они чинили мне много несправедливостей, то страдание мое усилилось;

4) придаточные цели — союзами *daz*; *ze diu*, *daz* *чтобы; с тем, чтобы*, например: Diz tet der phaffe umbe *daz*, **daz** er die bleter deste baz gelernde werfen umbe **Это** сделал священник для того, **чтобы** он (осел) тем лучше научился переворачивать страницы;

5) условные придаточные — союзами *obe*, *ob*, *daz*, *sô* *если*, ср., например: Dem sint wir holt **ob** erz mit triuwen meinet **К** нему мы благосклонны, **если** он высказывает это откровенно;

6) уступительные придаточные — союзами *doch*, *allein* *хотя*, ср., например: Ez enwas niht mit wîne, **doch** ez im gelîch wære **В** ней (чаще) было не вино, **хотя** это было вину подобно. Кроме того, для введения уступительных придаточных предложений служили сочетания неопределенно-личных местоимений или местоименных наречий с частицей *sô*: *swer* *кто бы ни*, *swaz* *что бы ни*, *sweder* *кто бы из двоих ни*, *swelch* *какой бы ни*, *swa* *где бы ни*, *swar* *куда бы ни*, *swannen* *откуда бы ни*, *swanne*, *swenne* *куда бы ни*, *swie* *как бы ни*, например: Dô sprach diu vrouwe Prûnhilt: **swie** wætlîch sî dîn man, **swie** biderbe und **swie** scæne, *sô* muost tu vor in lân Gunthern den recken **Тогда** сказала госпожа Брунгильда: «**Как бы ни** был статен твой муж, **как бы ни** был он силен и красив, ты все же должна отдать предпочтение богатырю Гюнтеру»;

7) придаточные следствия — союзами *daz*, *so* *daz* *так что*, ср., например: Dô sprach diu schoene Kriemhilt: ich hân einen man, **daz** elliu disiu rîche zuo sînen handen solden stân **Тогда** сказала прекрасная Кримгильда: «У меня такой муж, **что** ему должны были бы подчиняться все эти королевства»;

8) сравнительные предложения — союзами *sô*, *alsô*, *alsam*, *als*, *obe*, *swie*, *dann*, *dan*, *als*, *als* *да* *как, как если бы*, ср., например: Er überhörte und übersach swaz man *dâ* tete unde sprach, **als** er ein tôre wære **Он** не слышал и не видел того, что там делалось и говорилось, **как если бы** он был идиотом.

Помимо употребления целой системы союзов, вводящих придаточные предложения, усложняются случаи бессоюзного логического подчинения, в особенности в уступительных и условных предложениях, например: *Gîst du mir dîn swester, sô wil ich ez tuon* *Если отдашь ты за меня свою сестру, то я это сделаю*; а также и в других предложениях: *Grôz müede het in dar zuo brâht: die ganzen naht in dem klôster er beleip* *Его довела до этого сильная усталость: на всю ночь он остался в монастыре*.

ГЛАВА V

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД

Явление редукции и распространение умлаута сказываются и на некоторых словообразовательных элементах, ср.: $\hat{i} > -e$, $-\hat{a}ri > -\text{ære}$, например: *hôhî* — *hœhe*, *gartenâri* — *gartenære* и т. п.

В средневерхненемецком периоде известны в основном те же словообразовательные морфемы, что и в древневерхненемецком периоде.

В именном словопроизводстве в средневерхненемецком периоде в языке укрепляются уменьшительные суффиксы *-lîn* и *-kîn*.

Некоторые новые словообразовательные элементы заимствуются из французского языка, в том числе глагольный суффикс *-ieren*.

Он пришел вначале с французскими словами: ср. свн. *feitieren* *украшать* — др.-фр. *faitier*, *loschieren* *найти уют, расположиться* — *logier*, *regnieren* *править* — *reignier* и т. п.

Впоследствии данный суффикс становится продуктивным в словах, образованных от немецких основ: *halbieren*, *buchstabieren*, *hausieren*.

Из французского языка был заимствован также элемент *ley*, по значению соответствующий немецкому *Art*, ср. свн. *-lei*, *maneger*, *aller*, *vieler lei* (совр. *mancherlei*, *allerlei*, *vielerlei*).

Французского происхождения также суффикс *-îe* (совр. *-ei*), который уже в средневерхненемецком периоде мог давать производные от немецких слов, ср. свн. *vilanîe* (*unhöfisches Benehmen*), *prophezîe* (*Prophezeiung*), *zouberîe* (*Zauberei*), *jegerîe* (*Jägerei*) и т. п.

В области словосложения происходит дальнейшее увеличение числа неполносложных образований (так называемые *uneigentliche Composita*), возникающих в результате слияния синтаксически связанных слов, например: *boten-brot* *вознаграждение за выполненное поручение*, *drachen-bluoet* *кровь дракона*, *wîbes-name* *женское имя*, *gotes-hûs* (нередко еще раздельное написание *gotes hus*) *храм (божский)*.

ГЛАВА VI

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ

1. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ

Экономические, политические и социальные изменения, развитие рыцарской культуры находили свое отражение в словарном составе языка классической средневерхненемецкой поэзии, который по сравнению с лексикой памятников периода раннего Средневековья стал гораздо более дифференцированным и выразительным.

Среди семантических неологизмов большое место принадлежит обозначениям ведущих этических понятий рыцарства, которые являлись в первую очередь результатом переосмысления уже имевшихся в немецком языке слов в духе рыцарской идеологии и куртуазных представлений, например: *māze* «*sittliche Mäßigung, Selbstbeherrschung, Bescheidenheit*», *milte* «*Freundlichkeit, Güte, Freigebigkeit*», *stæte* «*Beständigkeit*», *tugent* «*männliche Tüchtigkeit, edle, feine Sitte und Fertigkeit*», *vuoge* (*vuoc*) «*Schicklichkeit, Wohlanständigkeit*», *zuht* «*Bildung des inneren und äußeren Menschen, feine Sitte und Lebensart, Anstand*», *sælde* «*Glück*», *riuwe* «*Reue, Schmerz, Kummer, Mitleid*», *minne* «*freundliches Gedenken, Freundschaft, Zuneigung, Liebe*», *hövesch* «*hofgemäß, feingebildet und gesittet*», *edel* «*adlig, edel; herrlich, kostbar*», *stolz* «*stattlich, prächtig, herrlich, hochgemut*», *tiure* (*tiur*) «*von hohem Werte, wertvoll, kostbar; herrlich, vortrefflich, ausgezeichnet, vornehm*». Наряду с развитием абстрактной этической терминологии для рыцарской литературы было характерно значительное расширение той части лексики, которая служила для обозначения психологических состояний, переживаний и чувств человека¹. При этом нередко использовались слова религиозной сферы, которые получали новые «светские» значения. К их числу относятся такие лексемы, как *sêle* «*Seele; das Innerste eines Dinges*», *trôst* «*freudige Zuversicht, Vertrauen, Mut; Ermutigung, Zusagen von Hilfe; Hilfe*», *wunne* (*wünne*) «*Augen- und Seelenweide, Freude, Lust, Wonne, Herrlichkeit, das Schönste und Beste*», *genâde* (*gnâde*) «*Gottes Hilfe und Erbarmen; helfende Geneigtheit, Unterstützung, Gunst, Huld, Gnade*», и др. В этом «расщеплении» старых понятий Г. Эггерс видит один из самых значительных аспектов рыцарского (куртуазного) периода для истории немецкого языка². Секуляризация религиозной лексики имела своим следствием усложнение семантической структуры соответствующих слов, в ко-

¹ См.: Гухман М.М., Семенов Н.Н. Указ. соч. — С. 113 и сл.

² См.: Eggers H. Deutsche Sprachgeschichte. — Bd. II. Das Mittelhochdeutsche. — S. 126 ff.

торой сосуществовали прежнее и новое значения. Так, в процессе семантического развития лексемы *währheit* ее первичное теологическое значение «божественная (вечная) истина» не было просто вытеснено новым светским значением, развившимся в рыцарской куртуазной литературе — «поэтическая, художественная правда» (противопоставляемая лжи, вымыслу). По образному выражению Г. Эггерса, куртуазные поэты создали как бы иное измерение понятия, наряду с которым в кругах духовенства сохранялось его старое содержание. Однако семантическая структура лексемы *währheit* оказывается еще более сложной, поскольку в рыцарской поэзии представлены и рефлексы повседневной обиходно-бытовой речи, где названная лексема выступала в значении «подлинный, действительный факт, реальность» (*Tatsache, Realität*).

Двуплановая и семантическая структура лексемы *zwîfel* (нвн. *Zweifel*), в которой религиозное значение «сомнение в божественном, в боге» («*Zweifel an Gott*») сочетается с более общим «светским» значением «недоверие, сомнение, неуверенность» («*Zweifel, vorsichtiges Abwägen, Zurückhaltung*»).

Существенно расширяется в средний период за счет перехода в морально-этическую сферу и объем значений ряда слов, не принадлежавших к теологической лексике. Ярким примером подобного рода служит развитие значения прилагательного *edel*, которое первоначально указывало на дворянское происхождение (ср. нвн. *Edelmann, edles Geschlecht*), использовалось при обозначении предметов или явлений, характеризующих образ жизни дворянства, а также благородных пород, например, камней, металлов — *edel stein*, нвн. *Edelstein, edle Metalle*. Лишь в средневерхненемецкий период осуществляется перенос значения на духовные свойства человека, на возвышенный образ мыслей. Так, у Готфрида Страсбургского появляется словосочетание *edele herzen* «благородные сердца». Адольф Бах отмечает, что исходным стимулом для развития значения прилагательного *edel* в данном направлении послужило его употребление в сочинениях мистиков, одним из любимых выражений которых было *edeliu sêle* «благородная (возвышенная) душа»¹.

2. ВАЖНЕЙШИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД

1. Заимствования из французского языка

XII—XIV вв. в Германии — период расцвета феодализма и рыцарской культуры. Феодализм сложился в Германии позднее, чем во Франции. Поэтому не случайно Франция, классическая страна

¹ *Bach A. Geschichte der deutschen Sprache. — Heidelberg, 1953. — S. 118.*

феодализма, рассматривалась феодальными слоями, рыцарским сословием как образец для подражания.

Французское влияние на Германию становится заметным с 1150 г. после того, как во время II Крестового похода (1147—1149 гг.) произошло соприкосновение немецкого и французского рыцарства, а также наметились нити культурных и литературных связей между обеими странами.

Многие немецкие ученые того времени получали образование во Франции. Значительное количество немецких книг в это время были переводами с французского. Французский язык пользовался широкой популярностью в придворных кругах.

В произведениях средневерхненемецких поэтов встречаются целые обороты на французском языке, ср., например, в «Тристане»: *juvente bele et riant — diu schoene jugent, diu lachende* (3138) *прекрасная юность, смеющаяся*; *gentil rois — edeler künic* Курневалоис (3354) *благородный король Корневала*.

Общее число заимствований из французского языка за период до 1400 г. составляет около 2000 единиц. Значительная часть французских заимствований XII—XIII вв. отражала различные стороны жизни рыцарства, рыцарской культуры, специфику быта верхушечных слоев общества, например:

ст.-фр.	свн.	
aventure	> âventiure	(совр. Abenteuer)
tornei	> turnei	<i>турнир</i>
bohourt	> bûhurt	<i>атака,</i> <i>нападение во время</i> <i>турнира</i>
joste	> tjoste	<i>поединок верхом</i>
lance	> lanze	<i>копье</i>
gavelot	> gabilôt	<i>дротик</i>
pancier	> panzier	(совр. Panzer)
baniere	> banier	(совр. Banner)
amie	> amîe	<i>подруга</i>
maisnie	> massenîe	<i>общество рыцарей</i>
palais	> palas	<i>дворец</i>
castel	> kastel	<i>замок</i>
rime	> rîm	(совр. Reim)
flëute	> floite	(совр. Flöte)
raie	> rei(g)e	(совр. Reigen)
estival	> stival	(совр. Stiefel)
pris	> prîs	(совр. Preis)
merci	> merzi	<i>мерси, спасибо</i>
grand merci	> granmerzi	<i>большое спасибо</i>
adieu	> adê	<i>прощай</i>
chappelle	> schapel	<i>веночек</i>

fals	> falsch	XII в.
fin	> fin	XII в. (совр. fein)
fa(il)lir	> vælen, vèlen, feilen	(совр. fehlen)
clair	> klâr	XIII в.
hurt	> hurte, hurtec	(совр. hurtig)
roont, r(e)ont	> runt	(совр. rund)
danse	> tanz	1200 г. (совр. Tanz)
danser	> tanzen	
prover	> brüeven, pruofte	(совр. prüfen)
co(u)ster	> kosten около 1200 г. ср. kost(e), kost(e)bære, kost(e)lîch, kost(e)rîch	(совр. kosten),
lampe	> lampe	XIII в. (совр. Lampe), и мн. др.

Многие из этих слов составляли специфику рыцарского социолекта, поэтому с падением рыцарства они отмерли (ср.: *kastelân* «der kastilische Streitross», *verspereide*, *vesperie* «vorberreitender Kampf am Vorabend» и т. п.) или сохранились до наших дней как историзмы, используемые в художественных либо исторических описаниях соответствующей эпохи (ср.: *Buhurt*, *m* «mittelalterliches Reiterkampfspiel», *Tjost*, *f* «Turnierzweikampf mit scharfen Waffen im Mittelalter» и т. п.). Ряд слов с более широким диапазоном употребления и более общим значением представлен в современном литературном языке и в диалектах, например: *Abenteuer*, *Reim*, *Flöte*, *Reigen*, *Stiefel*, *Preis*, *Teller*, *Lampe*, *Tanz*, *falsch*, *klar*, *fein*, *rund*, *hurtig* (свн. *hurtec* от *hurt* < ст.фр. *hurt* «Zusammenprall der gallopiierenden Pferde beim Tournier»), *tanzen*, *prüfen*, *fehlen*, *kosten* и др.

Наряду с прямыми заимствованиями в пору расцвета классической средневерхненемецкой поэзии использовались разнообразные кальки с французского.

Одни из них полностью копировали формальную структуру соответствующего французского образца, ср.: свн. *dögrerîe* — ст.фр. *vilanîe* «грубость, неотесанность, мужланство»; свн. *hövescheit* — ст.фр. *cortoisîe* «куртуазность, изысканность манер»; свн. *hövesch* — ст.фр. *corteis* «изысканный, утонченный, куртуазный».

Другие являлись семантическими кальками, возникшими благодаря преобразованию семантики исконно немецких слов под влиянием значения французского лексического эквивалента. Так, прилагательное *süß*, первоначально обозначавшее лишь вкусовые ощущения (ср. двн. *suozî*), под влиянием франц. *doux* (ср. в «Песни о Роланде»: *la douce France* «милая сердцу Франция») расширяет свою семантику, приобретая лексико-семантические варианты «милый, приятный», «добрый, дружелюбный, милостивый», например: свн. *süeziu vrouwe*, *süeziu maget* (о деве Марии), *süezer vater* (о боге).

Новые характерные для рыцарской среды значения приобретают уже имевшиеся в немецком языке слова *sicherheit* «слово побежденного» («das Untertänigkeitsgelübde des entlassenen Besiegten oder Gefangenen»), под влиянием ст.фр. *fiance*), *gesellschaft* «Verbrüderung zwischen zwei Rittern» (под влиянием ст.фр. *compagnie*) и многие другие.

Калькированию подвергались и некоторые устойчивые словосочетания, ср.: свн. (*diu*) *spil teilen* — ст.фр. *partir le jeu* «вызывать на поединок; назначать виды борьбы (в рыцарском поединке)». Интересны случаи псевдоэтимологизации французских заимствований, ср.: ст.фр. *desconfiture* «поражение, неудача» — свн. *schumpfentiure* «поражение» (по ассоциации с свн. *schimpf* «насмешка, осмеяние; позор»).

2. Фламандско-нидерландские заимствования

Важную посредствующую роль в притоке и распространении прямых французских заимствований и калек играли Фландрия и Брабант, являвшиеся наряду с Францией образцом куртуазного образа жизни для немецкого рыцарства. О фламандском посредничестве, как правило, свидетельствует огласовка подобных заимствований. Так, в заимствованном слове *kolze* «башмак, туфля» (< ст.фр. *chalse, chause*) ст.фр. *a* заменено н.франкск. *o*.

Лексема *ritter* представляет собой фламандско-нидерландское заимствование, подвергнувшееся «оверхненемеживанию», ср.: нидерл. *riddere* > свн. *ritter*. Лексема *riddere*, в свою очередь, является калькой ст.фр. *chevalier*. Калька ст.фр. *vilain* — свн. *dörper, dörperaere* «вилан, мужлан; деревенщина, невежа» также пришла из Нидерландов, что явствует из ее нижнефранкской огласовки. Представленный в средневерхненемецком фонематический вариант данной лексемы *törper* позднее развился в нвн. *Töpel*. Из этого региона берет начало, по-видимому, распространение кальки *hövesch* (ст.фр. *courtois*), нвн. *höfisch* (ср. верхненемецкий вариант данного слова *hübesch*, нвн. *hübsch*). Высокий престиж Фландрии и Брабанта в глазах немецкого рыцарства отражает ряд фламандско-нидерландских заимствований, не связанных непосредственно с французской лексикой. Все они также имели наддиалектный характер, например: *org* (с метатезой *r*; в нем. *ros*), *wâpen* (позднее изменяет значение — нвн. *Wappen*; в нем. *wâfen*), *blide* «радостный, веселый», *baneken* «прогуливаться», *snacken* «разговаривать, говорить», *trecken* «тянуть, тащить; отправляться, направляться куда-либо»; *sich muoten* «встречаться», *draben, traben* «бежать рысью». Часто использовавшимся и излюбленным средством словообразования в рыцарской поэзии той эпохи был заимствованный нидерландский диминутивный суффикс *-kîn*, которому в верхненемецком соответствовал суффикс *-chen*, например: *pardrisekîn* «куропаточка» (В. фон

Эшенбах), *scharpelekîn* «веночек» (Г. Страстбургский), *bluemikîn* «цветочек» (У. фон Лихтенштейн).

Употребление рядом друг с другом слов, производных от общей основы, но отличающихся своим звуковым обликом, приводит к возникновению так называемых этимологических дублетов: совр. *höfisch* — *hübsch*, *Wappen* — *Waffe*.

3. Заимствования из славянских языков

Средневерхненемецкий период приносит значительное количество заимствований из славянских языков. Все эти заимствования датируются XII—XIV вв.

Например, в XIII в. заимствовано свн. *tolmetsche* (совр. *Dolmetscher*) — польск. *tłumacz*, русск. *толмач*; (ср. венг. *tolmács*, тур. *tilmatsch*). Средневерхненемецкое *grenize* (совр. *Grenze*) (ср. польское *granica*) заимствовано также в XIII в., первоначально это слово было распространено в колонизованных областях Германии, затем благодаря М. Лютеру становится известным на всей ее территории.

Ср. также:

свн.	чешск.	русск.	др.-слав.
<i>petschaft</i> (совр. <i>Petschaft</i>)	<i>pečet</i>	<i>печать</i>	
<i>prâm шаланда</i>	<i>pram</i>	<i>паром</i>	<i>gramŭ</i>
<i>briuzelber</i> (совр. <i>Preiselbeere</i>)	<i>bruslina</i>	<i>брусника</i>	
<i>smant</i> (совр. <i>Schmant</i> , <i>Schmetten</i>)	<i>smetana</i>	<i>сметана</i>	польск.
<i>trappe, trappgans</i> , около XII в. (совр. <i>Trappe</i>)	<i>drep</i>		<i>drep</i>
<i>zîse, zîsec</i> (совр. <i>Zeisig</i>)	<i>čížek, číž</i>	<i>чиж</i>	
<i>buode</i> , около XIII в. (совр. <i>Bude</i>)	<i>bouda</i>		<i>buda</i>
позд.-свн. <i>twarc</i> (совр. <i>Quark</i>)		<i>творог</i>	<i>tvarog</i>

Кроме того, в немецком языке имеется значительное количество имен собственных славянского происхождения.

Славянского происхождения, например, немецкие фамилии, оканчивающиеся на *-in*: *Sammin*, *Schwerin*; на *-itz*: *Bublitz*, *Dewitz*, *Nemitz*; на *-ow*: *Flotow*, *Grabow*, *Vangerow*, *Virchow*.

Имена собственные подобного рода ведут свое начало от названий местностей.

Встречаются фамилии славянского происхождения, образовавшиеся от названия профессий, например: *Kretschmar*, *Kretschmer* (ср. русск. *корчмарь*) от чешск. *krčma*, польск. *karczma*, русск. *корчма* (нем. *Kretschat* с XIV в.).

Преобладающее количество топонимов (географических названий) в восточной части Германии славянского происхождения.

Таковы, например, названия городов: Berlin, Leipzig (слав. Липецк), Lübeck (слав. Любечь), Brandenburg (слав. Браний Бор *лес, в котором предполагалось вести оборонительные бои*), Chemnitz (слав. Каменец) и мн. др.; названия местностей, например, Pommern (слав. Pomeriani — собственно *жители поморья*); названия рек, ср. в окрестностях Лейпцига: Ritschke (слав. річка, русск. *речка*), die Pleiße (слав. *плес*) и мн. др.

Наличие в восточных колонизованных областях Германии большого числа славянских топонимических названий свидетельствует о том, что эти земли с древнейших времен были заселены славянскими племенами.

4. Заимствования из некоторых других языков

В течение всего периода Средневековья продолжают заимствования из латинского языка, являвшегося в то время государственным и международным языком, а также языком церкви и науки. Заимствованные из латыни слова относятся к перечисленным областям.

Например:

	лат.	свн.	
	majestas	> majestæt, majestât	<i>величество (о короле)</i>
	sceptrum	> zepтер	(XII в.) <i>скипетр</i>
	clericus cardinalis	> kardenâl	<i>кардинал</i>
	jurista	> juriste	(конец XIII в.) <i>юрист</i>
	poeta	> poete	(1210 г.) <i>поэт</i>
	papyrum	> позд.-свн. papîr	(XIV в.) <i>бумага</i>
ср.-лат.	hospitale	> hospital	<i>больница</i>
	apotheca	> apotêke	<i>аптека</i>
	valeriana	> baldrian	<i>валерьяна</i>
	corpus, corporis	> korper, kôrper	(XIII в.) <i>тело</i>
	firmamentum	> firmament	<i>небесный свод</i>

Через итальянский в немецкий язык были заимствованы слова *zucker сахар* и *kampher камфара* (из индийского). Из итальянского пришло *spaziari* — свн. *spazieren* (совр. *spazieren*).

С шахматной игрой около 1200 г. было заимствовано выражение *schâch unde mat*, которое восходит к арабскому *esch — schah* — *mat король умер*. Лексема *mat* была вырвана из этой связи и уже в XIII в. развивает значение *бессильный, матовый*.

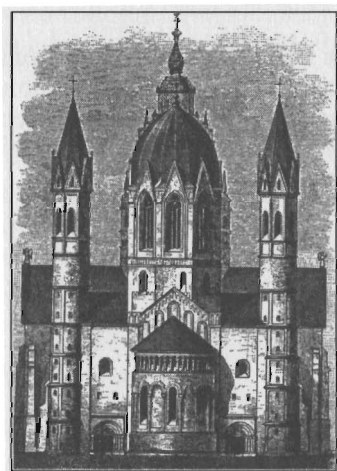
Рассмотренные заимствования ярко отражают жизнь и культуру средневекового немецкого общества, которые оказывают влияние и на развитие значений исконно немецких слов (ср., например, значение таких слов, как: *frouwe госпожа, wætlich красивый* (от *wât*) и др.).

Заканчивая анализ средневерхненемецкого периода, следует отметить, что по сравнению с древневерхненемецким это был период дальнейшего развития и совершенствования немецкого языка.

В средневерхненемецкий период появилось значительное количество новых фонем в звуковой системе. Произошли изменения в морфологии, подготовившие переход к новеверхненемецкому периоду. Происходило дальнейшее совершенствование синтаксического строя немецкого языка и дальнейшее развитие словообразования.

Словарный состав немецкого языка пополнился значительным количеством новых слов. При этом заимствованные слова оформлялись согласно фонетическим и грамматическим законам немецкого языка и претерпевали в дальнейшем те же изменения, что и исконно немецкие слова.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ
РАННЕНОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ
(1350—1650 гг.) И НОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ
(с 1650 г.) ПЕРИОДЫ

ГЛАВА I
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ НЕМЕЦКОГО ПИСЬМЕННО-
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В XIV—XV ВВ.

Развитие немецкого литературного языка не представляло собой непрерывного «восхождения» от одной и той же основы. Напротив, оно характеризовалось прерывистостью, сменой или одновременным выдвиганием нескольких языковых центров, конкурирующих друг с другом. Плюрицентризм развития немецкого литературного языка особенно ярко проявился в первой половине ранненововерхненемецкого периода (XIV—XV вв.). В это время под влиянием изменений в экономической, политической, социальной и культурной жизни в Германии произошли существенные сдвиги в языковой ситуации.

Прежде всего функциональная парадигма немецкого языка XIV—XV вв. пополнилась новым наддиалектным образованием —

городскими койне, оформлявшимися на основе интеграционных процессов в устном общении городов. Появление наддиалектных койне было обусловлено негомогенным составом городского населения¹; тем, что в городах соприкасались в своей производственной деятельности и в процессе коммуникации выходцы из разных диалектных ареалов. Диалекты, сохранявшие свои примарные и секундарные признаки, продолжали оставаться средством повседневного устного общения сельского населения. Важной чертой языковой ситуации в рассматриваемый период является то, что, несмотря на сохранение латино-немецкого двуязычия и престижность латинского языка в высших сферах коммуникации, постепенно расширяются сферы применения немецкого языка. Особую весомость приобретал родной язык в деловой коммуникации, куда он начал проникать уже с первой половины XIII в.

Определенные слои населения все ярче осознавали, что диалект в силу своей локальной ограниченности недостаточен для решения новых задач, связанных с коммуникацией на родном языке.

Городской патрициат, ремесленники, купцы, представители дворянства, а к концу рассматриваемого периода первопечатники все больше испытывали потребность в таких языковых формах, которые получили бы признание в обширном политическом и экономическом регионе и сохраняли бы свою значимость далеко за пределами конкретного города. Этой потребности отвечало возникновение в разных политических, культурных или экономических центрах региональных вариантов письменно-литературного языка, имевших наддиалектную значимость. Выступая одновременно в качестве языка канцелярий, языка делового общения, языка первопечатников, они представляли собой разные функциональные варианты письменно-литературного языка². Кроме того, они обнаруживали и различия, обусловленные социальной принадлежностью тех, кто ими пользовался и занимался их обработкой.

В северо-западных областях уже в XIII в. сложился особый вариант письменно-литературного языка, который позднее стал основой нидерландского национального литературного языка.

На севере и в значительной части Средней Германии, в сфере господства Ганзы широкое признание получил средненижнегерманский вариант письменно-литературного языка, оформившийся в XIV в. на базе городского койне Любека³, который являлся политическим и культурным центром ганзейского союза. Тесные экономические и политические связи ганзейских городов друг с дру-

¹ См.: *Besch W.* Die Entstehung und Ausformung der neuhochdeutschen Schriftsprache / Standardsprache // Sprachgeschichte / Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. — Berlin; New York, 1985. — Zweiter Halbbd. — S. 1781.

² См.: *Schildt J.* Op. cit. — S. 105.

³ См.: *Bach A.* Op. cit. — S. 165.

гом и с их торговыми филиалами в Англии, в скандинавских странах, в Прибалтике и в России настоятельно требовали преодоления диалектных различий. Эта потребность вызвала к жизни средненижне немецкий вариант письменно-литературного языка, который в период расцвета Ганзы играл важную роль в языковой коммуникации Северной Европы.

В период своего расцвета во второй половине XIV в. и в первой половине XV в. средненижне немецкий вариант письменно-литературного языка оказывал влияние и на региональные варианты верхне немецкого ареала. Его излучающая сила проявлялась в том, что не только лексика, связанная с торговым делом, но и правовая терминология заимствовались в другие варианты. Распространению правовой терминологии способствовало то, что любекское право имело авторитет образцового и было принято многими другими городами.

Тенденция к образованию региональных вариантов немецкого письменно-литературного языка проявлялась и в других областях. Особенно важную роль в образовании подобных вариантов играли канцелярии, при помощи которых осуществлялось административное управление феодальными территориями. Среди них наибольшим авторитетом пользовались имперская канцелярия, находившаяся в XIV в. в Праге, а в XV в. в Вене, а также канцелярии самых влиятельных курфюрстов. В соответствии со временем существования разных политических, экономических и культурных центров, в XIV и XV в., помимо названных выше, складывались и другие региональные варианты письменно-литературного языка, которые были признаны авторитетными на соответствующей феодальной территории, являлись результатом языкового выравнивания внутри нее и имели наддиалектный характер. Они находили применение в официально-деловой сфере, в процессе создания произведений художественной литературы, при чтении религиозных проповедей, использовались во всех этих сферах наряду с латынью.

Во второй половине XIV в. в Пражской имперской канцелярии Карла IV культивировался баварско-восточнофранкско-богемский региональный вариант письменно-литературного языка, который характеризовался наддиалектностью и, несмотря на отдельные специфические особенности, обнаруживал определенные надрегиональные черты, проявлявшиеся в сочетании южнонемецких и средненемецких признаков. Однако данный вариант возник не в Праге. В период его использования Богемия, в которую немецкие переселенцы принесли с собой верхне немецкие диалекты, была центром раннего гуманизма и переживала значительный подъем в развитии науки и культуры. По-видимому, Прага оказалась бассейном, вобравшим в себя сформировавшуюся уже до того баварско-восточнофранкскую письменную традицию, как она складывалась в крупных культурных центрах городской культуры — Эгере,

Нюрнберге и Регенсбурге¹. Вместе с тем уровень языкового выравнивания и нормализации был сравнительно невысок и историческая роль данного регионального варианта не должна переоцениваться, подобно тому, как это делал К. Бурдах, считавший Прагу первоначальным очагом формирования основ новонемецкого литературного языка. Однако эта разновидность письменно-литературного языка, которая в равной степени пользовалась признанием в Праге, Регенсбурге и Нюрнберге, имела большое значение, поскольку она выполняла исторически обусловленную функцию посредствующего звена между баварским юго-востоком и саксонско-тюрингенским регионом, что было весьма существенно для дальнейшего языкового развития на территории всей Германии.

На востоке Средней Германии в государстве Веттинов — курфюршестве Саксония-Виттенберг развивалась деятельность княжеской канцелярии, связанной разносторонними отношениями с другими канцеляриями, в особенности с имперской канцелярией в Вене. Этой канцелярии принадлежала решающая роль в образовании в XV в. восточносреднемецкого регионального варианта письменно-литературного языка, который получил признание в Верхней Саксонии, Тюрингии, Силезии, отдельных районах Богемии, а также во владениях Тевтонского ордена. Основой восточносреднемецкого варианта письменно-литературного языка были территориальные диалекты названных областей, которые — за исключением тюрингенского — сложились в колонизованных землях в результате взаимодействия наречий переселенцев из всех частей старой территории распространения немецкого языка. Благодаря смешению и слиянию верхненемецких, средненемецких и, в менее значительной степени, нижненемецких элементов здесь сложился нивелированный восточносредне немецкий тип языка с определенными территориальными градациями. Преимущество названного типа языка заключалось в том, что его письменная разновидность была близка к устной и поэтому отличалась образностью и непринужденностью. Это объясняется тем, что восточносредне немецкий вариант письменно-литературного языка существовал сначала в виде устного койне и лишь позднее получил письменную фиксацию в деловой письменности канцелярии саксонского курфюрста в отличие от других вариантов письменно-литературного языка, которые в большей или меньшей степени были продуктом письменной деятельности канцелярии.

На юго-востоке в бассейне Дуная от Вены до Регенсбурга и Аугсбурга в XIV—XV вв. на основе восточноюжнонемецких диалектов также сложился региональный вариант письменно-литератур-

¹ См.: *Schildt J.* Op. cit. — S. 107; *Eggers H.* Deutsche Sprachgeschichte. — Reinbek bei Hamburg, 1969. — Bd. III. Das Frühneuhochdeutsche. — S. 48.

ного языка, специфика которого во многом определялась письменной традицией Венской городской канцелярии¹. Его название — «общий немецкий язык» (das «gemeine Deutsch») — указывало, с одной стороны, на стилистическую простоту, безыскусность в противоположность риторически возвышенным формам речи, а с другой стороны — на нивелированный, наддиалектный характер. После перенесения имперской канцелярии из Праги в Вену в 1440 году данный вариант был принят и в ней как образцовый. Хотя в первое десятилетие после перемещения имперской канцелярии в Вену и здесь еще сохранялись особенности пражской письменной традиции, с течением времени по мере замены и пополнения обслуживающего персонала австрийцами все больше закреплялись венские черты.

Авторитет имперской канцелярии особенно возрос при Максимилиане I (1486—1519 гг.), когда, несмотря на некоторое усиление баварско-австрийских элементов в языке деловой письменности, четко прослеживается стремление избегать наиболее резких диалектных признаков. В канцелярии велась сознательная обработка письменного языка. Канцлер Максимилиана I Никлас Циглер проявлял заинтересованность в проведении орфографической реформы.

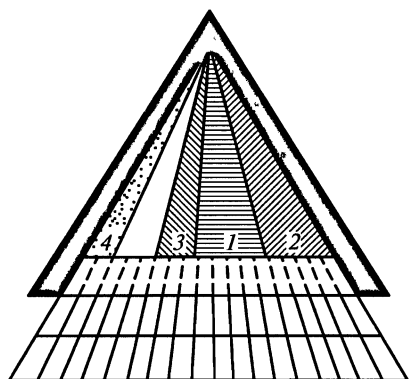
Восточноюжнонемецкий вариант письменно-литературного языка использовался не только в имперской канцелярии, оказывая отсюда влияние на все области Германии далеко за пределами феодальной территории Габсбургов, но и в устном деловом общении, а также при создании произведений художественной литературы. Большое значение имело и то, что им пользовались известные писатели, в частности Ганс Сакс и Себастиан Франк, а также крупные типографии Нюрнберга и Аугсбурга.

В XIV—XV вв. литературный язык наддиалектного типа реально существовал лишь в виде региональных вариантов, что наглядно показывает схема, приведенная далее, в которой графически представлена структура функциональной парадигмы немецкого языка в целом для рассматриваемого периода.

Региональные варианты не имели еще строгой кодификации и характеризовались «открытой» нормой, допускающей в определенных фиксированных пределах относительно большую вариативность. Она являлась предпосылкой для постепенного сближения региональных вариантов, для языкового выравнивания.

Во второй половине XV в. на территории распространения немецкого языка сосуществовали два региональных варианта письменно-литературного языка, обладавшие высоким социальным престижем — восточносредне немецкий и восточноюжнонемецкий. Оба они получили признание далеко за пределами их первоначального возникновения, включали «чужие» элементы и, несмотря на при-

¹ См.: *Eggers H. Deutsche Sprachgeschichte. — Bd. III. Das Frühneuhochdeutsche. — S. 141.*

- Латынь
- Региональные варианты:
 I. Среднидерландский (с XIII в.)
 II. Среднижне немецкий (с XIV в.)
 III. Восточносредне немецкий (с XIII—XIV вв.)
 IV. Юго-восточный («Общий немецкий язык», с XV—XVI вв.)
- Письменный узус образованных
 Разговорная речь высших слоев общества
 Народные территориальные диалекты

Схема 3. Языковая пирамида немецкого языка в период позднего Средневековья (приблизительно 1250—1500 гг.)

сущие каждому из них специфические особенности, сближались друг с другом в существенных чертах. В процессе взаимодействия различных вариантов письменно-литературного языка и языкового выравнивания участвовали также северо-запад с центром Кельн и крайний юго-запад — немецкоязычная Швейцария, однако здесь в течение продолжительного времени доминировали локальные черты¹.

Характеризуя процессы интеграции территориальных вариантов литературного языка, которые являлись одним из важных признаков языковой ситуации в Германии в XIV—XV вв., М. М. Гухман подчеркивает индуцирующее влияние юго-востока, а позднее — средневосточных закономерностей, что было обусловлено ведущей ролью этих районов во всей жизни страны².

Выравнивание в крупных канцеляриях ведущих языковых ландшафтов в восточных регионах к 1500 году продвинулось настолько, что принятые в них системы графем и морфем могут восприниматься почти как подсистемы воображаемой, но еще не получившей реализации идеальной системы³. Несмотря на все региональные различия и вариативность, допускаемую внутри региона или в канцеляриях, названные подсистемы отличаются рядом признаков, являющихся конститутивными для системы новонемецкого литературного языка, а именно: сочетание новых монофтонгов с дифтонгами; совпадение средневерхне немецких рядов дифтонгов (ei, ou, öu) с новыми диграфами (< свн. î, û, iu); обозначение качества гласных при помощи удвоения согласных (прежде всего внутри

¹ Подробнее см.: Дубинин С.И. Немецкий литературный язык позднего Средневековья. Юго-западный ареал. — Самара, 2000.

² См.: Гухман М.М., Семенов Н.Н. Указ. соч. — С. 160.

³ См.: Moser H. Die Kanzleisprachen // Sprachgeschichte / Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. — Berlin; New York, 1985. — Zweiter Halbbd. — S. 1405.

слова) или, соответственно, использование знаков долготы (-e, -h); проведение дифференциации между вокализмом флективных окончаний, где обобщался редуцированный гласный [-э-], и словообразовательными морфемами, в которых предпочтительным оказывался иной гласный; первые попытки обозначения умлаута с учетом его морфологической и словообразовательной функций; тенденция к обобщению редуцированного гласного [-э-] в старых префиксах (ge-, be-, ent-, er-, ver-, zer-); новые правила написания *s* и [ʃ]. Система флексии также обнаруживает относительное единство в своем соответствии новонемецкому типу. По многим из отмеченных линий развития впереди идут крупные канцелярии. Их примеру следовали другие уровни письменности (в том числе и более низкого ранга) в обоих регионах. Таким образом, ведущие канцелярии служили в этом отношении примером и образцом для подражания, что объяснялось их социальной ролью и прагматикой исходящих из них текстов.

Иначе проявлялось действие тенденции к надрегиональности в лексике. Непонятные слова из «чужих» диалектов могли привести к недоразумениям и затруднить использование текстов. Этого можно было избежать, употребив рядом друг с другом два синонима, отличающихся наиболее широким региональным распространением. Если будет непонятен один из них, то по меньшей мере может оказаться известным другой: *dicke und oft, wïssage und prophétie, bekorunge und versuochunge, oblade und hostie* и т. п. Подобные лексические дублиеты весьма характерны для немецкого письменнo-литературного языка XV и начала XVI в.¹

В целом в процессе языкового выравнивания на востоке территории распространения немецкого языка примерно до 1500 года сравнительно молодая и не имеющая богатой письменной традиции средне́немецкая область больше воспринимала от южного языкового ландшафта, чем он от нее, что согласуется со сравнительно прочной и единообразной письменной традицией этого региона на начальном этапе развития и его выдвиганием на передний план при переходе на немецкий язык в сфере правовой деятельности. Не позднее конца XV в. после распространения новых дифтонгов, восточносредне́немецкий вариант письменнo-литературного языка занял то доминирующее положение, которое подчеркивал Т. Фрингс, поскольку названный вариант уже по своей структурной специфике должен был восприниматься как более надрегиональный, чем его южный конкурент². Выдвижению восточносредне́немецкого варианта благоприятствовало и то, что в этом регионе (в отличие от юга, где разговорный язык имел собственную традицию, которая меньше подвергалась влиянию письменного язы-

¹ См.: *König W. dtv-Atlas zur deutschen Sprache.* — München, 1978. — S. 97.

² См.: *Moser H.* Op. cit. — S. 1406.

ка) возникло устное койне, с самого начала обнаруживавшее важные черты структурной общности с письменным языком и, по-видимому, уже частично находившееся под его влиянием. Это содружество письменного и разговорного языка позднее помогло восточносредненемецкому варианту (так называемому «мейссенскому языку») продвинуться к вершине языковой пирамиды.

Растущее политическое и экономическое значение востока Средней Германии и, прежде всего, движение Реформации создали в конечном итоге условия для того, чтобы после 1500 года восточносредненемецкий вариант стал ведущим в процессе развития немецкого национального литературного языка. С этого времени канцелярии уступают свою важную роль в качестве движущей силы и образца в языковом выравнивании книгопечатанию и языку первопечатников, образцовым авторам (в особенности М. Лютеру), а также грамматистам и педагогам.

Значение канцелярий для истории немецкого литературного языка заключалось в том, что они оставили в наследство новым движущим силам относительно прочный каркас внешних языковых форм. В ходе последующего развития они неизменно способствовали тому, чтобы ввести во всех регионах образцовый письменный узус и добиться его закрепления.

Постепенное включение первопечатников в процесс языкового выравнивания начинается уже во второй половине XV в. Изобретение книгопечатания со сменными металлическими литерами Й. Гутенбергом впервые упоминается в Кельнской хронике 1499 года, где оно зафиксировано под 1440 годом (точная дата не установлена).

Это техническое достижение открыло совершенно новую перспективу для развития литературного языка, поскольку оно сопровождалось серьезной перестройкой процесса коммуникации¹.

Информация, которая до этого фиксировалась в виде рукописи, доходила лишь до немногих и, как правило, преподносилась более широкому кругу ее получателей в устной форме. С появлением печатной продукции каждый умеющий читать мог через книгу принимать непосредственное участие в духовной жизни своего времени.

Первопечатники, среди которых было немало высокообразованных людей, выступали как посредствующая инстанция между автором и читательской публикой. При этом первопечатники не только делали текст материально доступным, но и способствовали взаимопониманию в сфере культуры, нередко подвергая текст унифицирующей или стилистической обработке, которую они выполняли сами или поручали компетентным лицам.

¹ См.: *Hartweg F. Die Rolle des Buchdrucks für die frühneuhochdeutsche Sprachgeschichte // Sprachgeschichte / Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger. — Berlin; New York, 1985. — Zweiter Halbbd. — S. 1416.*

Изобретение книгопечатания отвечало всеобщей назревшей культурной потребности, о чем свидетельствуют следующие данные: спустя полстолетия после первых попыток Й. Гутенберга в 260 европейских городах насчитывалось 1120 типографий, которые за этот промежуток времени выпустили более 40 000 изданий¹. В начале в печатных изданиях преобладала латынь. Даже около 1520 года 90 % всех напечатанных в Германии книг составляли написанные на латинском языке, в 1570 году они все еще составляли 70 %. Однако постепенно росло значение немецкого языка. После появления, начиная с 1445 года, первопечатных изданий Й. Гутенберга в Майнце печатное дело распространяется отсюда в другие крупные торговые города.

Первая библия на латинском языке, печатание которой было начато Й. Гутенбергом, увидела свет около 1452—1456 гг. На немецком языке первая библия была опубликована в Страсбурге в 1466 году Й. Ментелином.

Основой для первопечатных изданий вначале служили уже имевшиеся рукописные книги; лишь в 1494 году появилась первая рукопись на немецком языке, специально предназначенная для набора — это «Корабль дураков» Себастиана Бранта. Печатники долгое время находились под влиянием письменной традиции, отраженной в рукописях, и узуса, которому следовали создававшие их писцы и переписчики. Выбор языковой формы мог зависеть от местной письменной традиции, от происхождения издателя, наборщика или печатника. Тиражи на первых порах были ограничены (в среднем 250 экземпляров) и предназначались для регионального рынка. Как правило, в первых печатных изданиях использовались региональные или территориальные варианты письменно-литературного языка, принятые в той области или городе, где находилась соответствующая типография. Таким образом, первые печатные издания в XV в. лишь продолжали старые традиции письменно-литературного языка. Сознательной нормализации на заре книгопечатания не было и не могло быть. Каждый печатник был экономически заинтересован в том, чтобы его продукция нашла как можно большее число потребителей и на возможно более обширной территории, однако он мог приблизиться к осуществлению этой цели лишь относительно. Вплоть до XVI в. печатники были лишены возможности использовать единый общепризнанный письменно-литературный язык, поскольку такового в то время еще не существовало. Как было показано выше, параллельно сосуществовали несколько вариантов письменно-литературного языка, каждый из которых, характеризуясь наддиалектностью, имел тем не менее определенный ареал распространения. В языковом отно-

¹ См.: *Eggers H. Deutsche Sprachgeschichte. — Bd. III. Das Frühneuhochdeutsche. — S. 145.*

шении печатники ориентировали свою продукцию на региональный рынок сбыта, для которого она и предназначалась. Вместе с тем экономические интересы печатников стимулировали процессы унификации, выравнивания и сближения территориальных разновидностей письменно-литературного языка, так как в конечном итоге лишь те издания сулили им прибыли, которые были понятны в крупных регионах территории распространения немецкого языка благодаря использованию наддиалектных региональных форм.

Значение раннего книгопечатания для истории немецкого литературного языка не ограничивалось тем, что оно стимулировало процесс языковой унификации. В отличие от языка канцелярий, ориентированного преимущественно на официально-деловую сферу письменной коммуникации, язык первопечатников носил полифункциональный характер, который в дальнейшем все более усиливался. Печатники издавали самые разнообразные по содержанию и жанровой принадлежности книги: от ученых трудов и руководств по овладению навыками чтения до развлекательной литературы. Именно благодаря этому они способствовали решению задачи, которую не способны были выполнить канцелярии. Канцелярии могли предложить определенные орфографические правила (которые восприняли от них печатники), однако они не были в состоянии оказывать достаточное влияние на формирование единого общепризнанного литературного языка из-за функционально-стилевой ограниченности принятых в них вариантов письменно-литературного языка. Книгопечатание, охватывая разнообразные материалы и адресуя свою продукцию разным социальным группам читателей, оказывало гораздо большее воздействие на процесс становления литературного языка, стимулируя его отход от официально-делового стиля канцелярий и расширение сфер его применения. Таким образом, для последней фазы развития немецкого литературного языка в период позднего Средневековья накануне раннебуржуазной революции в Германии были характерны процессы отбора, выравнивания и сближения между разными территориальными и региональными вариантами письменно-литературного языка, в которых в большей или меньшей степени принимали участие все территориальные ландшафты — при доминировании восточносреднегерманского и восточноюжногерманского — и все слои населения. Уже в рамках рассматриваемого периода закладывались предпосылки для позднейшего становления новой формы существования, имеющей значимость для всей территории распространения немецкого языка, — национального литературного языка. В связи с перемещением центра политического и экономического развития в феодальные территории юго-востока и среднего востока наблюдается и передвижение центра языкового развития в целом. Если в период развитого Средневековья в ходе исторической эволюции немец-

кого литературного языка доминировали франкский и алеманский регионы, то в XIV—XV вв. ведущая роль перешла к баварскому юго-востоку и средненемецкому востоку¹.

2. ОСОБЕННОСТИ НАЧАЛЬНОЙ ФАЗЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ГЕРМАНИИ

Формирование немецкого национального литературного языка представляло собой длительный процесс, в котором явственно выделяются два этапа: начальный (конец XV в. — середина XVII в.) и завершающий (середина XVII в. — конец XVIII в.).

На первом из них определяется и закрепляется региональная основа формирующегося национального литературного языка, начинаются его сознательная обработка и постепенное распространение на всю немецкоязычную территорию, сопровождающиеся вытеснением других региональных вариантов.

К концу второго этапа формирование общенемецкого национального литературного языка (в особенности его письменной разновидности) в целом завершается, и в последующем продолжается его дальнейшее развитие и совершенствование.

В начале XVI в. немецкий язык представлял собой довольно разветвленную систему форм существования, различия между которыми определялись территориальной и социальной значимостью, степенью обработанности, функционально-стилевой дифференциацией, коммуникативными нормами использования. Основание языковой пирамиды по-прежнему составляли территориальные диалекты, большое количество которых свидетельствовало о весьма дробном членении территории распространения немецкого языка. Родной диалект был первой формой существования языка, с которой сталкивалось в своей жизни большинство людей той эпохи. Однако новые коммуникативные потребности, возникшие в канун и в особенности во время бурных событий Реформации и Крестьянской войны в Германии, побуждали все более широкие слои населения выходить за рамки этой первичной формы проявления языка, вовлекая их в общий процесс надрегиональной коммуникации². Начавшееся в конце XV в. благодаря изобретению и распространению книгопечатания проникновение немецкой письменности в разные сферы общения в первой трети XVI в. стало еще более интенсивным. В силу этого (прежде всего в городах, но также и в сельской местности) значительно расширился круг лиц, владеющих основами чтения и письма. Этот слой населения в процес-

¹ См.: *Schildt J.* Op. cit. — S. 110.

² См.: *Schieb G.* Die deutsche Sprache zur Zeit der frühbürgerlichen Revolution // ZPSK. — 1975. — Bd. 28. — H. 5/6. — S. 535.

се обучения приобретал к тому же навыки по большей части пассивного владения определенными региональными вариантами письменно-литературного языка и отдельными функциональными стилями.

Сложившиеся к 1500 г. региональные варианты письменно-литературного языка, таким образом, подвергались проверке на практике в процессе удовлетворения коммуникативных потребностей широких масс населения, а социальная база немецкого языка становилась более гетерогенной. Взаимопонимание на уровне письменно-литературного языка не вызывало особых затруднений, однако в процессе все прогрессирующего распространения немецкой письменности крепло осознание того, что большое количество вариантов неблагоприятно сказывается не только на практике общения, но и на школьном обучении.

Несомненным прогрессом для рассматриваемого периода было повсеместное распространение в городах начальных школ (*Elementarschulen*), главное назначение которых заключалось в том, чтобы обучить чтению и письму на родном языке тех детей, которые собирались заняться ремеслами или другими видами практической деятельности. Начиная с XV—XVI вв. стали издаваться многочисленные пособия по овладению навыками письма и чтения на немецком языке.

Для желающих получить университетское образование непременным условием было обучение в латинских школах, поскольку позиции латыни как международного языка науки продолжали оставаться весьма прочными и под влиянием гуманизма даже частично окрепли. При существовавшем тогда уровне развития немецкого литературного языка внезапная замена «могущественной» латыни как средства международного научного общения родным языком была невозможна, поскольку не сложился еще общепринятый функциональный стиль немецкой научной речи, достаточно динамичный для закрепления и отражения достижений стремительно развивающихся наук. Отсутствовал в то время и единый национальный литературный язык, в рамках которого мог бы развиваться подобный функциональный стиль. Однако с начала XVI в. латынь постепенно начинает сдавать свои позиции немецкому языку. Благодаря увеличению объема устной и письменной коммуникации широких слоев населения в надрегиональном и национальном масштабе, немецкий язык завоевывает новые сферы функционирования, а формы его существования теснее сближаются друг с другом¹.

Развитие книгопечатания явилось важным материально-техническим условием для широкого распространения массовой пропагандистской и полемической литературы в период Реформации и Крестьянской войны. Тиражи листовок, заменявших в XVI в. газеты и журналы, составляли в каждом выпуске около 1000 или

¹ См.: *Schieb G.* Op. cit. — S. 538.

1500 экземпляров. Как отмечает Г. Шиб, это означало, что социальные круги, которые прежде мало или вовсе не соприкасались с коммуникацией на письменно-литературном языке, вовлекались в нее в массовом порядке¹. Чем злободневней было содержание листовок, тем быстрее распространяли их торговцы-разносчики вплоть до самых отдаленных мест. Повсюду находился кто-либо, кто мог их прочитать сам или зачитать вслух для других. Поскольку содержание листовок касалось вопросов, общих для всех социальных групп на национальном уровне, оно схватывалось интуитивно даже теми, кто не владел активно письменно-литературным языком.

В период Реформации и Крестьянской войны коммуникативные отношения характеризовались той примечательной особенностью, которую Г. Шиб назвала социальной интерференцией². Одним из главных факторов, благоприятствовавших подобной социальной интерференции, было то, что восставшие крестьяне, часто не умевшие ни читать, ни писать, при составлении официальных письменных документов, содержавших их жалобы или просьбы, не могли обойтись без помощи сочувствовавших им представителей образованных слоев. Эти документы по большей части составлены опытными писарями, владевшими определенным территориальным вариантом письменно-литературного языка, а также имевшими необходимые юридические познания, и выдержаны в стиле, который соответствовал назначению и положению адресата. Крестьяне, хотя они и говорили на диалекте, по-видимому, понимали язык документов, составленных от их имени, даже при наличии в нем проявлений наддиалектности, т. е. пассивно владели соответствующим региональным вариантом письменно-литературного языка. Кроме того, крестьяне обычно не читали эти документы сами (и, по всей вероятности, не могли их прочитать), но они им зачитывались вслух или разъяснялись проповедниками на доступном для них языке. Опытные образованные посредники были нужны крестьянам и в тех случаях, когда необходимо было обратиться в вышестоящие инстанции для ведения устных переговоров.

«Приобщение» крестьян к письменно-литературному языку происходило не только в столкновениях с классовыми противниками, но и в контактах со своими союзниками, и в первую очередь с прогрессивными представителями городской интеллигенции. Выразители идей и устремлений обеих союзных сторон принадлежали к кругам образованных людей, наделенных к тому же даром речи, силой убеждения и недюжинным ораторским талантом. Их языковая практика нередко служила образцом для окружения. Жизнь этих высокообразованных людей — проповедников с теологической подготовкой, ученых-гуманистов — была насыщена событиями,

¹ См.: *Schieb G. Ebenda.*

² См.: *Schieb G. Op. cit. — S. 543.*

они совершали путешествия, весьма протяженные для того времени, а их головокружительная профессиональная карьера способствовала значительному отдалению от социального положения и сферы деятельности родителей. В силу этого их собственное языковое развитие протекало в условиях постоянно меняющихся и расширяющихся коммуникативных отношений. Сказанное относится в первую очередь к М. Лютеру, Т. Мюнцеру, А. Дюреру.

Сдвиги в коммуникативных отношениях, связанные с социальной интерференцией, способствовали переоценке доминирующей роли латыни в общей функциональной системе языков и форм их существования, используемых обществом.

Одной из важных особенностей начальной фазы становления национального литературного языка было значительное расширение сфер применения немецкого языка. Растет число исторических хроник и повествований об исторических событиях на немецком языке. Уже с конца XV в. развивается немецкая художественная проза — в народных книгах, в прозаических переложениях средневековой рыцарской поэзии. Переводчики из кругов немецких гуманистов: Иоганнес Рейхлин, Никлас фон Виле, Генрих Штейнхойель, Альбрехт фон Эйб и др. переводили на немецкий язык произведения античной и современной им европейской (в первую очередь итальянской) литературы. Все реформаторские труды XVI в., а также памфлеты, послания, сатиры написаны почти исключительно на немецком языке. Широкое распространение получила религиозная и религиозно-дидактическая литература разных жанров — евангелия, жития святых и христианские легенды, проповеди, полные переводы библии. В эпоху Реформации и Крестьянской войны большой популярностью пользовалась религиозно-полемическая и политическая литература на немецком языке, отражавшая актуальные вопросы современности.

Согласно образному выражению М. М. Гухман, «появление массовой агитационной литературы вдохнуло новую жизнь в письменно-литературный язык»¹. Благодаря этому «языковые пласты, которые ранее преимущественно существовали вне письменно-литературного языка, получили доступ в письменность, обогащая письменный литературный язык, сближая его с устными формами общения и тем самым влияя на его развитие»². В этом М. М. Гухман видит тенденцию к демократизации литературного языка, объединяющую массовую агитационную литературу, перевод библии М. Лютера и его катехизис.

В протестантских церквях немецкий язык используется при богослужении. Псалмы и проповеди на немецком языке под влияни-

¹ Гухман М. М., Семенюк Н. С., Бабенко Н. С. История немецкого языка XVI—XVIII вв. — М., 1984. — С. 51.

² Там же.

ем Реформации и среди католиков получают более широкое распространение, чем это наблюдалось ранее.

Все более крепнет осознание неразрывной связи между употреблением определенного языка или особой формы существования языка и воздействием на слушателя или читателя. Тот, кто хотел повлиять на собеседника или убедить его, должен был говорить на его языке. По мере роста значимости немецкого языка в разных областях жизни латынь постепенно начинает утрачивать свой ореол единственно приемлемого средства общения в сфере науки и высшего образования.

Важное значение для развития национального литературного языка имела деятельность ученых-гуманистов, которые стремились прежде всего при помощи переводов ознакомить с достижениями науки и культуры широкие слои соотечественников, не владевших латынью и греческим, открывая для родного языка новые сферы функционирования. Желая расширить круг читателей (в особенности в первой трети XVI в.), они отказывались от традиционной ученой латыни и переходили на немецкий язык в своих трудах, несмотря на зрелый возраст. Так, М. Лютеру было уже более 33 лет, когда он начал публиковать работы, написанные на немецком языке. Немецкий язык проникал в область разных наук и частично оттеснял латынь, безраздельно господствовавшую здесь ранее. Необходимость употребления родного языка в сфере медицины и фармацевтики отстаивал известный врач и натурфилософ Парацельс (подлинное имя — Теофраст фон Хоэнхайм, 1495—1541 гг.), который в 1526—1528 гг. в Базеле впервые прочел университетский курс лекций по медицине на немецком языке. А. Дюрер (1471—1528 гг.) в своем «Обучении измерению» (*Unterweisung der Messung*, 1525) предпринял первую попытку изложить сложные теоретические сведения по геометрии и стереометрии на родном языке. Немецкий язык использовался и в историографии, ярким примером чего являются труды С. Франка (1499—1542 гг.) «Хроника» (1531 г.) и «Германия» (1538 г.), которые практически положили начало описанию отечественной истории в национальном масштабе. В области филологии требование употреблять родной язык выдвинул В. Иккельзамер (предположительно 1490—1550 гг.) — автор первой немецкой грамматики (*Ein Teutsche Grammatica*, около 1534 г.). Проникновению немецкого языка в сферу философских наук способствовало учебное пособие по основам логики О. Фуксшпергера (1533 г.). Родной язык начинает теснить латынь и в теологии, что особенно ярко проявилось в языковой деятельности М. Лютера. Если еще в 1480 г. майнцский курфюрст запретил продажу теологических книг на немецком языке во время Франкфуртской ярмарки, мотивируя свой запрет тем, что на немецком языке якобы нельзя с необходимой точностью и полнотой передать сложное содержание текстов религиозного характера, то всего

полстолетия спустя М. Лютер своим переводом библии покори́л всю Германию.

Переводы с латыни вначале преобладали над сочинениями, написанными непосредственно на родном языке. К тому же и сами немецкие тексты нередко обнаруживали сильное влияние латыни, причем иногда это отражало сознательную позицию автора или переводчика. Так, гуманист-переводчик Никлас фон Виле ратовал за перенесение на немецкую почву даже синтаксических особенностей классической латыни: порядка слов, постпозитивных причастных конструкций, оборота «винительный с инфинитивом» и др. Как тексты переводов, так и оригинальные немецкие тексты изобиловали латинскими терминами и выражениями. Всеобщее латино-немецкое двуязычие представителей образованных слоев общества в немалой степени способствовало и закреплению в немецком литературном языке целого ряда заимствований преимущественно из латинского, реже греческого и других языков, например: Akademie, Auditorium, Examen, Rektor, Advokat, Hypothek, Dissonanz, Harmonie, Kolumne, Audienz, Monarch, Arithmetik, Algebra, multiplizieren и т. п.

Особенно сильное латинское влияние испытали на себе пласты лексики, связанные с такими сферами, как наука, образование, юриспруденция, государственное управление. Интенсивное развитие многих наук сопровождалось пополнением их терминологии словами, образованными от основ латинского или греческого происхождения. Заимствования подобного рода не только способствовали обогащению словарного состава немецкого литературного языка, расширению наддиалектного пласта в терминологической лексике, но и облегчали международное научное общение, поскольку новые термины в большинстве своем являлись интернационализмами (ср., например: Philosophie, Logik, Materie, addieren, dividieren, Astronomie, Komet, Medikament, Mixtur, Essenz, Amnestie, appellieren, protestieren, Dekret, Proportion, konfiszieren и мн. др.). Ученые-гуманисты «переводили» свои фамилии на латинский и греческий языки, что диктовалось, по-видимому, стремлением избежать несоответствия между латинским текстом и названием труда и немецким именем его автора на титульном листе. Это в свою очередь привело к более широкому распространению латинизации или грецизации имен собственных в Германии, например: Müller > Molitor, Fischer > Piscator, Weber > Textor, Bauer > Agricola, Schmied > Fabricius, Korbflechter > Viëtor, Schwarzert > Melanchton и т. п. Стилизация в классическом духе достигалась иногда и путем прибавления к немецким имени или фамилии латинских окончаний *-us*, *-ius*, *-ci*, например: Conradus, Vogelius, Friederici. Входит в обычай наречение детей латинскими или греческими именами: August(us), Claudius, Claudia, Hektor, Lukrezia, Maximilian и т. п. Тесные контакты немецкого языка с латынью от-

разились не только в большом числе прямых заимствований, но и в наличии целого ряда калек, ср.: *minderjährig* — лат. *minorenis*, *Völkerrecht* — лат. *jus gentium*, *Hauptsache* — лат. *causa principalis*, *obliegen* — лат. *incumbere*, *Fixstern* — лат. *fixa stella*, *Mitschüler* — лат. *condiscipulus* и др.

Занятия античным наследием — искусством, литературой, языками — пробудили у гуманистов интерес к истории собственного народа, стимулировали чувство гордости национальным своеобразием его прошлого и настоящего, способствовали развитию национального самосознания находящейся в становлении буржуазной нации. Все более высокую оценку наряду с тремя «священными» древними языками (греческим, латинским, древнееврейским) получает родной язык, а его значительность все чаще рассматривается в тесной связи с нацией в целом. Широко употребительными становятся словосочетания *teutsche nation*, *mutter sprach* (нвн. *Muttersprache*). Последнее, представляющее собой, по-видимому, кальку с лат. *lingua māterna*, было зарегистрировано первоначально в XV в. в нижненемецком регионе как *möder sprāke*, а в первой половине XVI в. распространяется в верхненемецкой форме на юг вплоть до Швейцарии.

Деятельность гуманистов положила начало филологической работе над родным языком, который впервые становится объектом научного рассмотрения. П. Дазиподиус (1537 г.), Е. Альберус (1540 г.), Й. Фризиус (1541 г.) создали обширные латинско-немецкие словари, в которых нашли свое воплощение научные принципы гуманизма. В 1561 г. появился немецко-латинский словарь Й. Малера, где был собран и получил толкование богатый лексический материал. Составлялись сборники пословиц и поговорок (Г. Бебель, С. Франк), оказавшие определенное влияние на М. Лютера. Интерес гуманистов привлекали также вопросы орфографии и грамматики немецкого языка. Создателем одной из первых грамматик, которая согласно замыслу автора должна была отражать своеобразие немецкого языка, а не копировать слепо латинские грамматики, являлся В. Иккельзамер, введший в грамматическое описание термин *Muttersprache*. Главные усилия филологов XVI в. были сосредоточены на выработке рекомендаций в сфере орфографии. Среди наиболее значительных трудов по орфографии наряду с грамматикой В. Иккельзамера могут быть названы «Орфография» Ф. Франка (1531 г.) и написанная на латыни работа Й. Вольфа (*De orthographia Germanica*, 1578 г.). Обе последние работы преследовали определенные нормативные цели в орфографии и грамматике. Ф. Франк подчеркивал в своей книге, что существует единый верхненемецкий язык, который свое наиболее полное воплощение находит в трудах М. Лютера, в языке аугсбургских печатных изданий Й. Шонсбергера и императорской канцелярии. Он противопоставлял его как «настоящий, чистый немецкий язык» (*das*

rechte reine Deutsch) «местным языкам» (Landsprachen) и требовал не допускать проникновения местных особенностей в общий язык. Для Й. Вольфа также было характерно представление о письменно-литературном языке, отличающемся от диалектов, причем он рассматривал этот язык как объединение лучших диалектных особенностей. Однако, хотя он был лютеранином и уроженцем Виттенберга, идеалом для Й. Вольфа был не язык М. Лютера, но язык императорского двора. Подобная трактовка, по мнению А. Баха¹, свидетельствует о том, что даже в протестантской Швабии языку М. Лютера во второй половине XVI в. еще не удалось затмить престижности «общего немецкого языка» канцелярии Максимилиана I.

Вершиной в составлении грамматик во второй половине XVI в. было появление особого типа грамматик немецкого языка, написанных филологами-гуманистами на латыни и предназначенных для представителей образованных слоев общества, прежде всего для иностранцев. Если до этого времени характер преподавания немецкого языка в значительной мере зависел от индивидуальности преподавателя и от его субъективного представления об образцовом языковом идеале, то теперь под влиянием гуманизма создаются грамматики, стремящиеся представить немецкий как языковой тип, обладающий надтерриториальной значимостью. Тем самым, как отмечает Й. Шильдт², грамматисты впервые начали заниматься вопросом о форме языка. Эта проблема выдвигается на передний план в грамматике Й. Клаюса (*Grammatica Germanicae Linguae ex bibliis Lutheri Germanicis et alius eius libris collecta*, 1578 г.). Й. Клаюс вначале считал образцовым для всей немецкой языковой территории язык произведений М. Лютера. Однако в дальнейших изданиях своей книги, название которой было несколько расширено за счет добавления к нему слов *ex optimis quibusque autoribus collecta*, Й. Клаюс ориентировался также на языковое употребление у ряда других авторов. В том же десятилетии вышли грамматики Л. Альбертуса (1573 г.) и А. Ёлингера (1573 г.), которые ставили перед собой сходную задачу. Все названные грамматики строились по образцу латинской грамматики (*Grammatica latina*) Ф. Меланхтона, одного из соратников М. Лютера. Несмотря на наличие определенного стремления к нормализации немецкого языка, уровень кодификационных требований в XVI в. был невысок, о чем, как показывает М. М. Гухман³, свидетельствуют опора на варианты в парадигматике, отсутствие облигаторности в выборе среди вариантов средств — признаки, характерные для всех упомянутых выше грамматик.

¹ См.: *Bach A.* Op. cit. — S. 182.

² См.: *Schildt J.* Op. cit. — S. 130.

³ См.: *Гухман М. М., Семенюк Н. Н., Бабенко Н. С.* Указ. соч. — С. 88.

Новая полифункциональная роль, которую был призван играть родной язык в рамках национальной коммуникации, отесняя на задний план и делая излишней латынь, настоятельно требовала его дальнейшей унификации и роста социального престижа. Унификация предполагала постепенное преодоление прежних территориальных различий. На уровне письменно-литературного языка уже задолго до рассматриваемого периода наметились процессы выравнивания и смешения, которые относительно XV столетия подробно исследовал В. Беш¹.

Два доминирующих и противостоящих друг другу варианта письменно-литературного языка, юго-восточный и восточносредненемецкий, все теснее переплетались между собой. Прогрессирующее слияние этих вариантов, усиленное особенностями экономического, социального и политического развития в эпоху Реформации и Крестьянской войны, имело решающее значение для формирующегося национального литературного языка.

Личностью, которой в уникальной политической, социально-экономической, культурной и языковой ситуации было суждено сознательно ускорить уже протекающий процесс унификации, был глава движения Реформации в Германии М. Лютер (1483—1546 гг.). М. Лютер обладал необходимыми для своего языкового творчества практическими и теоретическими познаниями в области филологии. В детские и юношеские годы он находился в тесном языковом контакте с носителями нижненемецких и восточносредненемецких диалектов, а в процессе школьного обучения познакомился с соответствующими региональными вариантами письменно-литературного языка. Позднее его проповедническая и педагогическая деятельность протекала на востоке Средней Германии. Благодаря путешествиям, чтению литературы, диспутам, переписке оттачивались представления М. Лютера о верхненемецких наречиях и юго-восточном варианте письменно-литературного языка, расширялся его словарный запас². Все это создавало практическую базу для сопоставления существовавших в ту пору разновидностей родного языка, для углубленных занятий им с целью оптимизации общения в национальном масштабе, к которой М. Лютер стремился всю жизнь. Его филологический интерес к родному языку стимулировался основательным изучением древних языков, чтением авторитетных в то время трудов античных авторов по грамматике, риторике, философии. В соответствии с канонами университетского образования своей эпохи М. Лютер прекрасно знал латынь. Реже изучавшимся тогда древнегреческим языком М. Лютер овладел настолько, что смог в течение

¹ См.: *Besch W.* Sprachlandschaften und Sprachausgleich im XV. Jahrhundert: Studien zur Erforschung der sprätittelhochdeutschen Schreibdialekte und zur Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache. — München, 1967.

² См.: *Arndt E., Brandt G.* Luther und die deutsche Sprache. — Leipzig, 1983. — S. 21 ff.

немногих недель без посторонней помощи перевести Новый завет. Более высоким сам М. Лютер считал собственный уровень владения древнееврейским языком, который в то время начинал привлекать к себе внимание филологов. Знание древнееврейского языка позволило реформатору взять на себя главную часть работы по переводу Ветхого завета¹. Занятия языками побуждали М. Лютера к сопоставительным наблюдениям, помогая выявить специфику родного языка полнее, чем при помощи лишь непосредственного обследования «изнутри» немецкой речи своей эпохи и своего окружения. Ему была также присуща склонность к историческим наблюдениям, в особенности этимологического характера. М. Лютер любил находить соответствия между немецким и древнегреческим языками, которые, однако, не получали еще должной лингвистической интерпретации, что было обусловлено уровнем развития науки того времени.

В индивидуальной речевой деятельности М. Лютера, как у большинства образованных людей рассматриваемой эпохи, билингвизм сочетался с диглоссией. Он пользовался латынью в письменной и устной формах в процессе преподавания в университете, в лекциях, диспутах, письмах, обращенных к ученым и в теологических трудах. В интимном семейном кругу М. Лютер говорил на обиходно-разговорном языке с сильной диалектальной окрашенностью². В устной речи М. Лютера восточносредне немецкий (точнее: западнотюрингенский) диалект, принятый в родительском доме, переплетался с региональными напластованиями, характерными для пограничной зоны между восточносредне немецкими и нижне немецкими наречиями. Конституирующие факторы этой территориально окрашенной речи с рядом индивидуальных колебаний прослеживаются в рукописях М. Лютера примерно до 1522 г.

При создании своих трудов, написанных по-немецки, реформатор использовал региональный восточносредне немецкий вариант письменно-литературного языка, который в рассматриваемый период (как было отмечено выше) интенсивно взаимодействовал с юго-восточным вариантом, все теснее переплетаясь с ним в ходе общего интеграционного процесса. Высказываемые М. Лютером суждения о его собственном языке свидетельствуют о том, что он видел трудности, обусловленные региональной и социальной дифференциацией немецкого языка своей эпохи, и поэтому сознательно стремился к совершенствованию коммуникации. В 1532 г. в «Застольных речах» реформатор следующим образом характеризовал свой язык: «Ich habe keine gewisse, sonderliche, eigene Sprache im

¹ См.: *Wolf H. Martin Luther. Eine Einführung in germanistische Lutherstudien.* — Stuttgart. — 1980. — S. 17 ff.

² См.: *Bach H. Die Rolle Luthers für die deutsche Sprachgeschichte // Sprachgeschichte / Hrsg. von W. Besch, O. Reichmann, St. Sonderegger.* — Berlin; New York, 1985. — Zweiter Halbbd. — S. 1442.

Deutschen, sondern brauche der gemeinen deutschen Sprache, daß mich beide, Ober- und Niederländer, verstehen mögen» (Tischreden, Kap. 70). В свете работ последних десятилетий, посвященных процессам языкового выравнивания в Германии в XV — начале XVI в., новое звучание получает известное изречение М. Лютера: «Ich rede nach der sächsischen Kanzlei, welcher nachfolgen alle Fürsten und Könige in Deutschland; alle Reichsstädte, Fürstenhöfe schreiben nach der sächsischen und unseres Fürsten Kanzlei, darum ists auch die gemeinste deutsche Sprache. Kaiser Maximilian und Kurfürst Friedrich Herzog zu Sachsen, haben im römischen Reich die deutschen Sprachen also in eine gewisse Sprache gezogen» (Tischreden, Kap.70).

М. Лютер здесь явно переоценил значение саксонской канцелярии, поскольку далеко не все имперские города и княжеские канцелярии следовали ее практике. Однако приведенная цитата в целом и ее последняя часть допускают более глубокое истолкование, чем это делалось ранее, позволяя высказать предположение, что реформатор интуитивно ощущал или в определенной мере осознавал и наблюдал протекающий процесс языкового выравнивания, результатом которого должно было явиться формирование единого, общенемецкого письменно-литературного языка.

Роль М. Лютера в истории развития немецкого литературного языка неоднозначно оценивалась представителями разных научных направлений в немецкой отечественной германистике. Характерная для филологической традиции (начиная с Я. Гримма) трактовка М. Лютера как единоличного «создателя», «родоначальника» немецкого литературного языка благодаря интенсивной исследовательской работе ученых последующих поколений в настоящее время окончательно преодолена. Одна личность, даже самая выдающаяся, не может создать единый язык, имеющий общенациональную значимость. Язык — общественное явление, в создании которого участвует общество в целом. Выявлению и более точной оценке роли М. Лютера в истории немецкого литературного языка во многом способствовали исследования представителей немецкой диалектографической школы, проведенные под руководством Т. Фрингса. Работы германистов этого научного направления, в особенности труды самого Т. Фрингса ясно показали, что деятельность М. Лютера являлась не началом языковой унификации, но включалась в качестве одного из важнейших компонентов в протекающий уже в течение столетий интеграционный процесс. Это положение получает развитие и подкрепление и в новейших исследованиях диалектографического характера на материале других регионов с начала 60-х гг. XX в., несмотря на имеющиеся расхождения в трактовке ряда деталей процесса становления общенемецкого литературного языка.

М. Лютер использовал в своей деятельности тот из двух доминировавших в конце XV в. вариантов письменно-литературного

языка, который в начале XVI в. в силу причин социально-экономического и политического характера заметно выдвинулся на передний план, а именно — восточносредне немецкий. Выбор данного варианта (отчасти обусловленный причинами личного характера) был весьма удачным в собственно лингвистическом отношении, поскольку благодаря смешанному характеру своей устной основы, генетическую обусловленность которого так ярко показал Т. Фрингс¹, этот вариант уже сравнительно рано был «открыт» для влияния письменной традиции других регионов, в особенности юго-востока. М. Лютер застал восточносредне немецкий вариант письменного-литературного языка в тот момент, когда в результате многовекового взаимодействия он интегрировал целый ряд юго-восточных элементов. Значение М. Лютера для истории немецкого национального литературного языка современные немецкие исследователи видят прежде всего в том, что он ускорил процесс языкового выравнивания, еще теснее сблизив свой восточносредне немецкий вариант письменного-литературного языка с юго-восточным, благодаря чему первый расширил радиус своего действия². О сближении восточносредне немецкого и юго-восточного вариантов особенно наглядно свидетельствуют наблюдения над трактовкой регионально маркированных лексических и фонематических дублетов в трудах реформатора. Памятники письменности XV—XVI вв. обнаруживали еще существенные региональные различия в основном словарном фонде. Вплоть до настоящего времени немецкий литературный и в большей степени обиходно-разговорный язык по сравнению с другими европейскими языками характеризуется довольно значительным числом территориальных лексических дублетов типа *Samstag / Sonnabend, Esse / Schornstein, Semmel / Brötchen* и др.

В XV в. протекал интенсивный процесс выравнивания в названной сфере, направленный на преодоление дублетности. М. Лютер активно включился в этот процесс. В целом он отказывался от ярко выраженных диалектизмов, что особенно характерно для перевода Библии, поскольку это отвечало поставленной им цели создать форму языка, понятную на обширной территории³. Сталкиваясь с регионально маркированными лексическими и фонематическими дублетами, М. Лютер, как убедительно показал В. Беш, по большей части отбирал и фиксировал южнонемецкий вариант либо тот из восточносредне немецких вариантов, который имел поддержку на юго-востоке. Так, из дублетной пары *dick / oft* в ранних трудах реформатора представлен лишь вариант *dick*. Однако позднее он заменен юго-восточным *oft*, который и закрепляется в новонемец-

¹ См. в частности: *Frings Th. Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache*. — Halle (Saale), 1950.

² См.: *Besch W.* Op. cit. — S. 349.

³ См.: *Bach H.* Op. cit. — S. 1443 ff.

ком литературном языке. В паре *minne / liebe* М. Лютер останавливает свой выбор на лексеме *liebe*, имеющей поддержку в юго-восточном регионе. Из фонематических дублетов *gan / gen* в ранних произведениях М. Лютера еще довольно частотен вариант *gan*, тогда как в более поздних трудах употребляются только *gen / gehen*. Дублет *gen* в XV в. имел баварско-восточнофранкскую маркированность и (обусловленно) также восточносредне немецкую. Он вошел в немецкий литературный язык. Аналогичным образом в пользу южного варианта преодолевалась дублетность в парах *wilch/welch*, *brenge/bringen*, *(er) wiste/wuste*, *dorst/durst*, *stahn/stehe* и мн. др.

Свой перевод Библии М. Лютер осуществил таким образом, что он приобрел надрегиональную значимость и, возвышаясь над местными особенностями письменного узуса, оказывал воздействие на представителей разных языковых ландшафтов. В наибольшей степени реформатор способствовал языковому выравниванию на уровне лексики и словоупотребления, а также на фонематическом уровне.

В сфере орфографии выравнивание еще не заявляло о себе настоятельно, к тому же оно частично было представлено в сложившейся письменной традиции. В области морфологии значительная унификация в силу ряда причин в рассматриваемый период не была возможной. Нормализация и кодификация закономерностей морфологической системы протекала во многом помимо влияния М. Лютера, поскольку она осуществлялась позднее и являлась результатом взаимодействия разных языковых ландшафтов¹. Печатники, переиздававшие Библию М. Лютера в регионах с другой письменно-литературной традицией, по большей части приспособляли орфографию и грамматику к привычному для них узусу, однако ее лексику они предпочитали сохранять без изменений. В отдаленных регионах с ярко выраженной местной спецификой печатники пытались помочь читателям, сопровождая свое переиздание лексическим комментарием. Так, базельский печатник А. Петри снабдил свое переиздание Библии М. Лютера 1523—1524 гг. словарем, содержащим местные эквиваленты непонятных читателям слов из лютеровского текста.

В печатных изданиях первых лет своей деятельности (1516—1522 гг.) М. Лютер пользовался региональным восточносредне немецким вариантом письменно-литературного языка, который, подвергаясь многовековому южному влиянию и активно участвуя в интеграционных процессах, представлял собой благодатную основу для будущего общенемецкого литературного языка. С 1522 года, осуществив свой перевод Библии, М. Лютер постоянно вел сознательную работу по очистке и совершенствованию принятого им и его виттенбергской и лейпцигской типографиями варианта пись-

¹ См.: *Besch W.* Sprachlandschaften und Sprachausgleich im XV Jahrhundert. — S. 349.

менно-литературного языка¹. Основные нормализаторские усилия М. Лютера были направлены на сокращение числа регионально маркированных вариантов (прежде всего лексических и фонематических), на искоренение диалектных фонетических, лексических и грамматических особенностей, а также на устранение «некорректных» редуцированных морфологических дублетов. Поэтому по своей языковой форме издание Библии 1545 г. значительно больше приближается к новонемецкому литературному языку, чем первые печатные издания трудов М. Лютера. Хотя в XVI в. не существовало кодифицированной нормы литературного языка, участие М. Лютера в нормализационных процессах своей эпохи во многом способствовало кристаллизации того устойчивого ядра, которое впоследствии стало ведущим компонентом литературной нормы.

Деятельность М. Лютера имела важное значение для развития немецкого литературного языка не только потому, что он ускорил языковое выравнивание. Сблизив еще теснее восточносредне-немецкий и юго-восточный варианты, реформатор, не ожидая окончательного завершения унификации, закрепил обработанную им форму письменно-литературного языка и благодаря своей исторической миссии, своему общественному престижу и неизмеримому авторитету своих наиболее значительных трудов способствовал ее победе и распространению на все немецкоязычные регионы.

Решающее значение для дальнейшей судьбы общенемецкого письменно-литературного языка имело то, что северная Германия быстро примкнула к закреплённой М. Лютером верхненемецкой норме мейссенского образца. Уже в начале XVII в. в сфере письменности нижненемецкий в основном был вытеснен верхненемецким. Благодаря этому существенно расширился ареал распространения той формы новонемецкого письменно-литературного языка, которая была достигнута на начальном этапе его становления. В противном случае в условиях длительного сопротивления «протестантскому языку» М. Лютера со стороны оставшихся католическими южных регионов, которые имели к тому же богатую письменную традицию, судьба общенемецкого литературного языка могла бы сложиться по-другому. Иными оказались бы, прежде всего, ареалы его распространения, если бы нижненемецкая область продолжала сохранять и развивать далее собственную письменность на средненижненемецкой основе. Принятие верхненемецкого письменно-литературного языка на севере Германии означало смену языка, которая осуществлялась в первую очередь в официальной сфере коммуникации и лишь значительно позднее распространилась на личное общение². Присоедине-

¹ См.: *Erben J.* Frühneuhochdeutsch // Kurzer Grundriss der germanischen Philologie bis 1500. — Berlin, 1970. — Bd. 1. Sprachgeschichte. — S. 394.

² См.: *Besch W.* Die Entstehung und Ausformung der neuhochdeutschen Schriftsprache / Standardsprache. — S. 1802.

ние к верхненемецким регионам путем смены языка создало для широких масс населения северной Германии ситуацию диглоссии. Характер смены языка в значительной мере носило и принятие новонемецкого письменно-литературного языка в той части западно-средненемецкой территории, где бытовали рипуарское и нижнефранкское наречия.

Победа новонемецкого литературного языка мейсенского образца в верхненемецком ареале и прочей части западносредненемецкого региона в целом была более легкой, так как в силу большей структурной близости здесь не произошла полная одновременная смена языка. С другой стороны, процесс утверждения нового литературного языка в названных регионах оказался трудным в деталях и протекал весьма медленно, поскольку он тормозился наличием прочной местной письменной традиции и религиозными барьерами. Из-за действия тормозящих факторов этот процесс на юго-востоке и юго-западе территории распространения немецкого языка (включая Австрию и Швейцарию) завершился лишь к концу XVIII в.

3. НОРМАЛИЗАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕОРЕТИКОВ-ГРАММАТИСТОВ И ЛЕКСИКОГРАФОВ XVII—XVIII ВВ.

В собственно нововерхненемецкий период, начиная с XVII в., большое значение приобретает сознательная работа над формирующимся национальным литературным языком, проводимая теоретиками-грамматистами, лексикографами и писателями.

В начале XVII в., в условиях политической и экономической раздробленности, когда немецкий национальный литературный язык не сформировался еще окончательно, большую опасность для него представлял наплыв значительного количества иностранных слов, усилившийся еще более в обстановке разрухи после Тридцатилетней войны.

Это засорение (*Überfremdung*) языка вызывало закономерное противодействие в Германии еще до Тридцатилетней войны. В 1617 г. в Веймаре возникло первое языковое общество «*Fruchtbringende Gesellschaft oder der Palmenorden*» («Плодоносное общество или орден Пальмы»), ставившее своей задачей борьбу против иностранщины. В это общество входили видные поэты М. Опиц, Фридрих фон Логау, Грифиус, Мошерош, а также грамматисты Шоттель и Гвейнц. Юстус Георг Шоттель из Вольфенбюттеля пользовался особенно большой известностью. Его важнейшие работы «Искусство немецкого языка» («*Teutsche Sprachkunst*», 1641 г.) и в особенности «Детальное исследование главного немецкого языка» («*Ausführliche Arbeit von der Teutschen Haupt-Sprache*», 1663 г.), в которых уже до некоторой степени учитывалось историческое раз-

вите немецкого языка, явились основой для дальнейшего научного исследования немецкого языка. Шоттелю принадлежит заслуга создания таких грамматических терминов, как Sprachlehre вместо Grammatik, Wörterbuch вместо Lexikon, Zeitwort вместо Verbum, Zahlwort вместо Numerale, Fragezeichen вместо signum interrogationis и некоторых других.

По примеру «Плодоносного общества» возникают и другие языковые общества: «Откровенное общество Ели» («Aufrichtige Gesellschaft von der Tannen») в Страсбурге в 1633 г.; «Товарищество патриотов» («Teutschgesinnte Genossenschaft») по почину Филиппа Цезена в Гамбурге в 1643 г.; «Орден пастухов и цветов на берегу Пегница» («Hirten- oder Blumenorden an der Pegnitz») в Нюрнберге по инициативе Георга Гаарсдёрфера в 1644 г. и «Орден Эльбского Лебедя» (Elbschwanenorden) в 1658 г.

Все эти общества в течение семнадцатого столетия вели энергичную борьбу за чистоту немецкого языка. Их члены издавали теоретические труды; многие из них выступали не только как борцы за чистоту языка, но и как поэты, оттачивающие языковые формы.

Большинство писателей того времени критиковали современное им состояние языка.

Так, Михаэль Мошерош в «Видениях Филандера фон Зиттевальд» в 1640 г. (Gesichte Philanders von Sittewald) резко порицал губителей языка: «...welsche Cortisanen, Concipisten, Cancelisten, die die alte Muttersprache mit allerlei fremden — lateinischen, welschen, spanischen und französischen Wörtern vielfältig vermischet, verkehret und zerstöret, sodaß sie ihr selbst nicht mehr gleich siehet und kaum halb erkannt werden» (...заморских куртизанок, писцов, канцеляристов, которые то и дело смешивают старый родной язык со всевозможными латинскими, итальянскими, испанскими и французскими словами, искажают и разрушают его, так что он становится не похожим на самого себя и едва ли может быть узнан).

Этот порок времени беспощадно высмеивался также Грифиусом в «Horribilicribrifax» (1650 г.), Фридрихом фон Логау в «Немецких эпиграммах» (Deutsche Sinngedichte, 1654 г.), Гриммельсгаузенем в «Простодушном немецком Михеле» (Simplizianischer Teutsch-Michel), 1673 г.).

Попытка определить контуры немецкого национального литературного языка и установить его основные правила — одна из заслуг грамматистов XVII—XVIII вв. После работ Шоттеля особенно характерным было стремление устранить колебания в языковом употреблении и установленную норму закрепить через школьное обучение.

Это касается в особенности правописания, склонения, спряжения, семантики слов. Большое значение приобрели появившиеся в 1690 г. «Основы немецкого языка в устной речи и на письме»

(«Grundsätze der deutschen Sprache im Reden und Schreiben») Иоганна Бёдикера, оттесненные лишь работами Готтшеда.

В качестве блюстителя правильности немецкого языка в XVIII в. выступил лейпцигский профессор Иоганн Кристоф Готтшед, который образцом для подражания считал французского поэта и критика Никола Буало (1636—1711 гг.), прославившегося своей строгостью в трактовке языкового употребления и стиля.

В то время не было учебника, который пользовался бы всеобщим признанием.

Работы Шоттеля ко времени Готтшеда уже устарели. В труде Готтшеда «Искусство немецкого языка, сочиненное на основе примеров из произведений лучших писателей прошлого и настоящего столетий» (*Deutsche Sprachkunde, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und itzigen Jahrhunderts abgefasst*), 1748) нашло выражение стремление автора к унификации немецкого языка.

Подобно Шоттелю, Готтшед выступал против сохранения в языке местных особенностей — диалектизм, боролся с использованием иностранных слов и считал одинаково неприемлемым для языка как слишком устаревшие, так и слишком новые, необычные и смелые образования.

Однако, несмотря на это, Готтшед иногда отдает предпочтение в языке старому, отмирающему. Так, он рекомендует формы на *-eu* (*du kreuchst, er kreucht* и т.д.) от глаголов типа *kriechen, fliegen*.

Готтшед обращает внимание не только на знание законов языкового употребления, но и пытается вывести их из разума, что было связано с рационализмом тогдашней философской школы. Язык рассматривается им как выражение логической мысли, слово — как отвлеченное понятие. Рассудочная ясность, логическая последовательность, грамматическая правильность и единообразие представляются Готтшеду главными достоинствами литературного языка.

В конце XVIII столетия на немецкой научной сцене появился еще один грамматист, сыгравший значительную роль в совершенствовании немецкого национального литературного языка — Йоганн Кристоф Аделунг. Он известен своим «Опытом полного грамматико-критического словаря верхненемецкого диалекта» («*Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuchs der hochdeutschen Mundart*», 1774—1786 гг.) и другими весьма авторитетными произведениями, к которым часто обращались немецкие классики. Идеалом Аделунга был мейссенский диалект, занимавший срединное положение: «...zwischen der stolzen, rauhen, weitschweifigen, mit lauter eingebildeten Nachdrücken überladenen Sprache des hauchenden und zischenden Oberdeutschen und der garzu weichen, schlüpfrigen und kurzen Sprache des Niederdeutschen» (...между гордым, суровым, расплыв-

чатым, перегруженным сплошь надуманными ударениями языком придыхающего и шипящего жителя южной Германии и слишком мягким, скользким и лаконичным языком жителя северной Германии, § 178, 2.) Для Аделунга, как и для Готтшеда, важна ясность и четкость понятия. Аделунга еще не интересует история языка. Опираясь на произведения ведущих писателей того времени, Аделунг в своем словаре определяет языковое употребление, фиксируя правописание, произношение, формы, значение слова, а также отмечая его эмоциональную окраску. У Аделунга четко намечается поворот от логистического, «резонирующего» рассмотрения языка, которое было начато Шоттелем, к психологическому. Высшим авторитетом для него является не разум, а языковое употребление.

Большое значение имела деятельность Аделунга для школьного образования.

Нормализаторская деятельность грамматистов-теоретиков в значительной мере способствовала дальнейшему развитию и закреплению в качестве нормы той основы немецкого национального литературного языка, которая сложилась к XVI в. Важное значение для формирования и развития немецкого национального литературного языка имело также развитие национальной научной и художественной литературы большого стиля в XVIII в.

К концу XVII и началу XVIII в. относится стремление заменить латынь как язык науки немецким языком. «Es ist die Weisheit an keine Sprache gebunden», — призывает в работе «Немецкий учитель» («Teutscher Lehrmeister», 1663 г.) Иоганн Балтазар Шупп. «Warum sollte ich nicht in teutscher Sprache eben so wohl lernen können, wie ich Gott erkennen, lieben und ehren solle als in Lateinischer? Warum sollte ich nicht eben so wohl in teutscher Sprache lernen können, wie ich einem Kranken helfen könne, auf teutsch als auf Griechisch oder Arabisch? Die Franzosen und Italiener lehren und lernen alle Facultäten und freien Künste in ihrer Muttersprache». (Мудрость не связана ни с каким языком. Почему я не могу учиться на немецком языке тому, как я должен познавать, любить и почитать бога столь же успешно, как и на латинском? Почему я не могу так же хорошо научиться на немецком языке, как помочь больному, как на греческом или арабском? Французы и итальянцы учат и учатся всем специальностям и свободным искусствам на своем родном языке.)

Христиан Томазиус в 1687 г. впервые начал читать по-немецки лекции в Лейпцигском университете. Вскоре после этого он начинает издание первого журнала на немецком языке (1688—1690 гг.) под названием «Monatsgespräche».

В конце XVII — начале XVIII в. с требованием заботиться о своем родном немецком языке выступает известный философ Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1717 гг.), написавший в 1680 г. «Поучение немцам, как лучше применять свой разум и

свой язык» («Ermahnung an die Teutsche, ihren Verstand und ihre Sprache besser zu üben»), а в 1698 г. (изд. в 1717 г.) «Размышление об употреблении и улучшении немецкого языка» («Unvorgreifliche Gedanken betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache»).

Немецким языком он пользуется в разработанной им «Генеральной инструкции» для только что основанной Прусской Академии наук. Однако свои собственные философские произведения Готфрид Вильгельм Лейбниц писал частью на латыни, частью на французском языке, что объяснялось, по-видимому, стремлением к известности за пределами Германии и неразработанностью научной терминологии на немецком языке в этих областях знаний.

Более последовательным оказался ученик Лейбница Христиан Вольф (1679—1754 гг.). Благодаря его неутомимым усилиям язык немецкой философии стал немецкий.

Многие термины немецкой философии восходят к работам Вольфа и были либо созданы им, либо точно объяснены. Некоторые из них вышли за пределы науки и стали всеобщим достоянием, ср., например: *Beweggrund*, *Bewusstsein*, *Aufmerksamkeit*, *Verständnis*, *Umfang*.

Большое значение для развития новонемецкого литературного языка имели появление и расцвет во второй половине XVIII в. немецкой национальной художественной литературы. Роль художественной литературы в идеологической борьбе в Германии в XVIII в. была исключительно велика, высок был ее социальный авторитет. Произведения немецких писателей получали широкое распространение на всей территории Германии, в других немецкоязычных странах и воспринимались как идеальный образец в художественном, а также в языковом отношении. В произведениях великих писателей XVIII столетия Г. Э. Лессинга, Ф. Г. Клопштока, Й. В. Гёте и Ф. Шиллера впервые во всей полноте и стилистическом многообразии нашел свое отражение и воплощение национальный литературный язык, что ознаменовало собой относительное завершение длительного процесса его формирования. С этого времени немецкий литературный язык, обладающий совокупностью релевантных признаков, среди которых на передний план выдвигаются его надтерриториальность и стилевая полифункциональность, стал пригоден для использования в самых разнообразных сферах коммуникации.

Писатели XVIII в. внесли значительный вклад в закрепление, распространение и обогащение национального литературного языка, в совершенствование его выразительных возможностей. Каждый из них прославился определенными творческими нововведениями и индивидуальными стилевыми приемами, нашедшими признание у других писателей и воспринятые ими.

ГЛАВА II

ФОНЕТИКА

1. ВАЖНЕЙШИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВОКАЛИЗМА

В нововерхненемецкий период в системе вокализма происходит целый ряд фонетических изменений, как качественных, так и количественных.

А. КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

1. Нововерхненемецкая дифтонгизация

Она коснулась долгих узких гласных звуков свн. *î, û, iu* [y:], которые в нововерхненемецкий период развились в: *î > ei* [æ]; *û > au* [aø]; *iu > eu* [ø], ср., например:

свн. <i>mîn</i>	нвн. <i>mein</i>	свн. <i>wîp</i>	нвн. <i>Weib</i>
<i>fûl</i>	<i>faul</i>	<i>hûs</i>	<i>Haus</i>
<i>tiutsch</i>	<i>deutsch</i>	<i>ziuc</i>	<i>Zeug</i> и т. п.

Данное фонетическое явление засвидетельствовано первоначально уже в конце XII в. в южной части Германии (Бавария и Австрия). Интересно, однако, что до XIV в. наряду с новыми орфографическими знаками употребляются еще и старые *î, û, iu*. Подобные факты свидетельствуют о том, что дифтонгизация не проводилась еще достаточно последовательно. Постепенно она охватывает большинство верхненемецких диалектов и становится одним из характерных признаков формирующегося национального литературного языка. Окончательно дифтонги закрепляются в письменности к концу XV в. Дифтонгизация узких долгих гласных отсутствует в большинстве нижненемецких диалектов, в диалектах северной полосы средненемецкого ареала, примыкающих к нижненемецкому, а также на юго-западе: в алеманских диалектах Швейцарии.

Причины возникновения данного фонетического явления полностью не выяснены. Наиболее убедительным представляется объяснение В. Вильманнса, приводимое в его «Грамматике немецкого языка»¹.

Вильманнс считает, что находившимся под сильным ударением долгим гласным, очень напряженным по своей артикуляции, предпосылался — как переходная ступень к ним — некий звук с артикуляцией, приближающейся к спокойному положению органов речи, в результате чего образовались примерно сочетания *eI, oU, õÛ*, в

¹ См.: *Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Erste Abteilung.* — Straßburg, 1901. — S. 295.

которых главное ударение лежало первоначально на второй части. Однако постепенно этот переходный звук окреп и перетянул на себя ударение, благодаря чему возникли дифтонги *ei*, *oi*, *öi*. Позже они превратились в дифтонги [æ], [aɔ], [ɔø]. Объяснение В. Вильманнса ближе всего отражает действительный процесс дифтонгизации, поскольку он учитывает характерную для немецких диалектов тенденцию к дифтонгическому произнесению закрытых долгих гласных при ослаблении напряженности артикуляции, так называемом «скольжении» органов речи (ср. встречающееся в Германии произношение [e:] как [E¹], [i:] как [I¹], [o:] как [O¹] или [Ö¹]).

2. Нововерхненемецкая монофтонгизация

Дифтонгизация гласных фонем *î*, *û*, *iu* привела к их исчезновению из фонетической системы. Однако образовавшаяся брешь была тотчас же заполнена долгими фонемами *î*, *u*, *ü*, возникшими благодаря стяжению дифтонгов *ie*, *uo*, *üe*.

ie > *i* [i:]

свн. hier	нвн. hier	свн. bluome	нвн. Blume
schief	schief	bluot	Blut
brief	Brief	buoch	Buch
bieten	bieten	kluoc	klug
liep	lieb	fuor	fuhr

uo > *u* [u:]

üe > *ü* [y:]

свн. grüene	нвн. grün
küene	kühn
brüeder	Brüder
güete	Güte
grüezen	grüßen

Фонетическое явление монофтонгизации возникает в Средней Германии и распространяется отсюда на другие области. Поскольку развитие каждого из трех дифтонгов было сходным, следовало бы предположить, что они одновременно подверглись изменению, однако, опираясь только на письменные памятники, трудно установить, когда это изменение началось.

Г. Пауль полагает, что монофтонгизация *ie* > *i* [i:] началась в Средней Германии уже в конце средневерхненемецкого периода (XII—XIII вв.). Это же можно предположить и для *uo* и *üe*.

3. Расширение дифтонгов

Процессы дифтонгизации и монофтонгизации сопровождалась расширением дифтонгов.

свн. *ei* > совр. *ei, ai* [æ]

свн.	stein	нвн.	Stein
	eit		Eid
	kleit		Kleid
	neigen		neigen
	zeichen		Zeichen

Следует предположить, что дифтонг, полученный первоначально из *i*, также был захвачен этим расширением (*mîn* — *mein*).

Дифтонг, полученный при расширении, совпадает с дифтонгом, полученным благодаря дифтонгизации (в некоторых диалектах — баварском, швабском — эти дифтонги различаются).

Орфографическое обозначение нового дифтонга [æ] — *ei, ai*. Дифтонг *ai* употребляется на письме:

а) либо из этимологических соображений, ср.:

совр.	Baier, Bayer	лат.	Vajovarii
	Kaiser		Caesar
	Laie		laicus
	Mai		Majus

б) либо благодаря тенденции к дифференциации (*Differenzierungstrieb*) в языке, ср.: *Laib, Rain, Saite, Waise* (в отличие от *Leib, Rein, Seite, Weise*).

В XVI—XVIII вв. встречается также написание *eu, au*, которое до сих пор сохраняется в фамилиях (*Meyer, Mayer*).

Процессу расширения подвергается свн. дифтонг *ou*:

свн. *ou* > совр. *au* [aʊ]:

свн.	boum	нвн.	Baum
	kouf		Kauf
	gelouben		glauben
	tougen		taugen
	troum		Traum

Расширение захватывает также дифтонг *ou*, полученный из *û* (*mûs* — *Maus*). *au* < *û* совпадает с *au* < *ou*. С этими двумя дифтонгами совпадает *au*, полученное из *aw*, ср.:

свн.	brâwe	нвн.	Braue
	bla, blawer		blau, blauer

Аналогичные процессы протекают при переходе

свн. *öu* > нвн. *eu, äü* [ø],

свн.	tröume	нвн.	Träume
	höupter		Häupter
	öuglîn		Äuglein

Процесс расширения захватывает также дифтонг, полученный из *iu* (*hiute* — *Häute*). Дифтонг из *iu* [y:] и дифтонг, полученный из *öi* благодаря расширению, совпадают.

Процессы расширения дифтонгов изначально протекают в южнонемецких диалектах и в ранненововерхненемецкий период входят в норму немецкого письменно-литературного языка.

4. Понижение *u > o*, *ü > ö*

Понижение *u > o*, *ü > ö* относится к нововерхненемецкому периоду. Оно реализуется перед одиночными или удвоенными *m* и *n*, например: *sunne* — *Sonne*, *begunnen* — *begonnen*, *wunne* — *Wonne*, *gewunnen* — *gewonnen*, *sun* — *Sohn*, *sumer* — *Sommer*, *künes* — *König*, *münech* — *Mönch*.

Понижение не осуществлялось, если за данными гласными следовало сочетание «носовой + другой согласный».

Например:

свн.	<i>trunc</i>	нвн.	<i>Trunk</i>
	<i>unt</i>		<i>und</i>
	<i>wunde</i>		<i>Wunde</i>

Это явление началось еще в Средней Германии и затем прочно закрепилось в немецком национальном литературном языке.

5. Переход *â > ô* перед последующим носовым или в соседстве с губным

Уже во второй половине XIII в. поэты Средней Германии и баварско-австрийские поэты рифмуют *â* и *ô*.

Переход *â* в *ô* осуществился:

а) перед носовым, например:

свн.	<i>argwân</i>	нвн.	<i>Argwohn</i>
	<i>mân</i>		<i>Mohn</i>
	<i>mânôt</i>		<i>Monat</i>
	<i>mâne</i>		<i>Mond</i>
	<i>âne</i>		<i>ohne;</i>

б) после *w*, например:

свн.	<i>wâc</i>	нвн.	<i>Woge</i>
	<i>wâ</i> (из <i>wâr</i>)		<i>wo</i>
			и т. п.

Переход *â* в *ô* наблюдается и в некоторых других словах:

Schlât из свн. *slât*; *Dohle* из свн. *tâhele*; *Brodem* из свн. *brâdem*; *Odem* из свн. *âtem* (ср. также *Atem*).

6. Лабиализация и делабиализация

Гласные фонемы *ö, ü* и дифтонг *öu* характеризуются наличием губной артикуляции — «огубления». Это так называемые лабиализованные звуки.

В различных диалектах немецкого языка эти звуки трактуются по-разному.

Многие южно- и средненемецкие диалекты характеризуются делабиализацией.

Для большинства северных диалектов, напротив, характерна лабиализация.

Поскольку произносительная норма литературного языка долго оставалась колеблющейся, то в немецкий национальный литературный язык проникли некоторые случаи незакономерной делабиализации или лабиализации отдельных слов.

а) Делабиализация (*Entrundung*)

свн.	würken	нвн.	wirken
	küssen (ср.-лат. <i>cussīnus</i>)		Kissen
	sprütze		Spritze
	eröugen(vor Augen stellen)		sich ereignen

б) Лабиализация

Лабиализация гласных сохранилась в позициях перед или после *l* или *sch*: *zwelf* — *zwölf*, *leschen* — *löschen*, *leffel* — *Löffel*, *swern* — *schwören*, *helle* — *Hölle* и т. п.

7. Палатальная перегласовка

В нововерхненемецкий период происходит дальнейшее распространение чередований на основе палатальной перегласовки.

а) в словоизменении при образовании множественного числа умлаут начинает играть такую большую роль, что он охватывает не только основы на *-i*, но переносится и на другие основы.

Распространяется образование множественного числа на *-er* с умлаутом типа *Lamm* — *Lämmer*.

б) большую роль играет умлаут в словообразовании, например: *Hand* — *Händchen*, *Schule* — *Schüler*, *warm* — *wärmen*.

Там, где умлаут воспринимается как таковой, т. е. там, где имеется соответствующая основа или форма без умлаута, он орфографически изображается посредством *ä, ö, ü, äu*, ср. *Kraft* — *Kräfte*, *Schule* — *Schüler*, *Vogel* — *Vögel*, *Haus* — *Häuser*.

В тех же случаях, если связь между словами уже утрачена и звук не соотносится с соответствующим звуком, не подвергшимся умлауту, пишется *e*, ср.: *Fahrt* — *fertig*, *alt* — *Eltern*, *fast* — *fest* и т. п.

Относительно умлаута в нововерхненемецкий период в ряде случаев наблюдается расхождение между верхненемецкими и средне-немецкими диалектами.

В верхненемецких (южных) диалектах в отдельных случаях не было умлаута. В немецкий национальный литературный язык частично вошли южнонемецкие формы без умлаута.

Так, например, в национальный литературный язык вошли из южнонемецких диалектов некоторые слова, имеющие в основе *u* перед сочетаниями *gg, ck, ch, pf, tz, sr.*, например: *Wonne* (из *wunne*, сев. *wünne*); *Kunde, kundig* (*künden*); *hungern* (рвн. также *hüngern*); *schlucken, putzen, spucken, stutzen, rupfen* и др.

Иногда наблюдаются рядом параллельные формы с умлаутом и без умлаута, каждая из которых закрепляется в особом значении. Между ними устанавливается семантическая дифференциация, ср.: *Mücke* и южн. *Mucke* в переносном значении *своейравная причуда*; *drücken* и южн. *drucken* *печатать* (эта форма окончательно закрепляется в XVIII в.). Гласные *u* и дифтонг *au* не подвергались в южной Германии умлауту перед губными и заднеязычными. Слова в этой форме вошли в немецкий национальный литературный язык, например: *Haupt* (двн. *houbit*), *glauben, taufen, Taufe, zaubern, kaufen*.

Б. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

В нововерхненемецкий период происходит ритмическое выравнивание долготы и краткости ударных слогов.

1. Краткий корневой гласный в открытом слоге удлиняется, например:

свн.	sāgen	нвн.	sāgen
	hāben		hāben
	lēsen		lēsen
	nēmen		nēhmen
	bōte		Bōte и т. п.

В тех случаях, когда в словоизменительных формах односложная форма слова с закрытым слогом чередуется с двусложной формой с открытым слогом, также происходит удлинение гласного, например:

свн.	hōf, hōves, hōve	нвн.	Hōf, Hōfes, Hōfe
	tāc, tāges		Tāg, Tāges, Tāge

Двойственность сохраняет *Städt — Städte* [ʃte:tə].

В изолированных односложных словах с закрытым слогом удлинение происходит только перед сонорными (*r, l, m, n*), например: *weg, er, der, mir, dir, wohl, wem, wen, dem, ihm, ihn*.

В односложных словах, имеющих также и двусложные формы, краткость нередко сохраняется перед *t*, ср.: *Schnitt — Schnittes*, свн. *snit — snites*.

То же самое наблюдается у Tritt, Ritt, Gott, Blatt, Brett и др.

В отдельных случаях перед *t* наблюдается сокращение исконно долгих гласных, ср.:

свн.	nâter	нвн.	Natter
	fuoter		Futter
	muoter		Mutter и др.

2. В закрытом слоге, в частности перед группой согласных, долгий гласный сокращается:

свн.	brâhte	нвн.	brachte
	dâhte		dachte
	hêrre		Herr
	hôchzît		Hochzeit

Сокращению перед группой согласных подвергаются также долгие гласные, образовавшиеся из старых дифтонгов (*ie, io, üe*), ср., например:

свн.	licht	нвн.	Licht
	nüehtern		nüchtern

Сокращение перед удвоенным *zz* проводится непоследовательно; с одной стороны, имеется *lâzzen > lassen, müezzen > müssen*, а с другой, *grôz — groß, stôzzen — stoßen, grüezzen — grüßen* и т. п.

Долгота в большинстве случаев сохраняется перед *st*, например:

свн.	klôster	нвн.	Kloster
	troësten		trösten
	huosten		husten
	wüeste		Wüste
	ôstern		Ostern и др.

Долгота сохраняется и там, где группа согласных возникла в результате выпадения гласного, например: *maget — Magd; krebés — Krebs; mânot — Mond; pâbest — Papst* и др. Удлинение гласного часто происходило перед сочетаниями согласных *rt, rz*: *Art, Bart, Harz, Erde, wert*. Но это проводится отнюдь не последовательно, ср.: *warten, hart, Karte, Marter, Herz* и т. п. (с кратким гласным).

Краткость предшествующего гласного обозначается орфографически удвоением согласного, ср.: свн. *Komen* — нвн. *kommen*. При этом произношение удвоенного в написании согласного не отличается большей интенсивностью от произношения соответствующего простого согласного.

2. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ КОНСОНАНТИЗМА

Здесь наблюдаются лишь качественные изменения, причем число их сравнительно невелико.

1. Изменения, касающиеся средне немецких *s* и *z*

Уже в XIII в. старое германское *s* перед гласными в начале и середине слова переходит в [z].

Написание не меняется.

В остальных случаях происходит совпадение старого *s* с полученным по второму верхненемецкому передвижению *z* в произношении. Написание этих согласных также смешивается. Графемой *ß* изображается согласный в интервокальном положении после долгого гласного или дифтонга, в конце слова и перед согласным.

В односложных словах *z* изображается как *s* — *das, es, was* (здесь отсутствует всякая возможность смешения).

Старое германское шепелявое *s* в сочетаниях *sl, sm, sw, st, sp, rs* переходит в [ʃ]. Орфографически это [ʃ] обозначается через *sch*, за исключением сочетаний *sp* и *st*. ср.:

свн.	slâfen	нвн.	schlafen
	smal		schmal
	snell		schnell
	swert		Schwert
	spil		Spiel
	stolz		stolz

Это явление пришло из юго-западной Германии. В некоторых словах *s* переходит в [ʃ] в сочетании *rs*, например: *bursa* — *Bursche*, *kirse* — *Kirsche*, *hersen* — *herrschen*.

Однако в большинстве случаев *rs* остается без изменений, например: *Ferse, Börse, Mörser, Vers*.

2. Средневерхненемецкие согласные *h* и *ch* в нововерхненемецкий период

В средневерхненемецкий период различаются: *h* — придыхательное (общегерманское) и *ch* — заднеязычный или среднеязычный спирант, полученный по второму верхненемецкому передвижению.

Следует отметить, что в средневерхненемецкий период *h* встречается не только в начале слова, как в современном немецком языке, но и в середине, например, *sehen, geschehen*, где оно произносится как придыхание.

В нововерхненемецкий период это *h* перестает произноситься, а его орфографическое обозначение используется как знак долготы, ср.:

свн.	sêr	нвн.	sehr
	wâr		wahr
	sun		Sohn и т. п.

В конце слова придыхательный *h* в средневерхненемецкий период чередовался со спирантом *ch*, ср.: *sehen*, прошедшее время — *sach*, мн. ч. — *schuohe*, ед. ч. — *schuoch*.

В нововержненемецкий период это чередование под воздействием аналогии ликвидируется, сохраняясь лишь в условиях относительной изоляции (ср.: *Nähe* — *nach*, *hoch* — *höher*, *Höhe*).

Сочетание *hs* > *chs* [ks], например: *wahsen* — *wachsen*, *fuhs* — *Fuchs*.

Сочетание *ht* > *cht*, например: *naht* — *Nacht*, *gesihte* — *Gesicht*, *geschihite* — *Geschichte*.

3. Сочетания с *w*

свн. *lw*, *rw* > нвн. *lb*, *rb*, например: *varwe* — *Farbe*, *swalwe* — *Schwalbe* и т. п.

4. Согласный *m*

свн. *mb*, *mp* > нвн. *mm*: *stumber* (*stump*) — *stummer*, *stumm*; *zimber* — *Zimmer* и т. п.

3. ВАЖНЕЙШИЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В БЕЗУДАРНЫХ СЛОГАХ

Процесс выпадения или отпадения редуцированного *e* в безударных слогах, начавшийся еще в средневерхненемецкий период, продолжался и позднее, в нововержненемецкий период. Так, например, суффиксы имен существительных, сохранившие благодаря второстепенному ударению качество основного гласного, утратили конечное безударное *e*, ср.: свн. *-innhe*, *-nisse*, *-unge*, *-ære* — нвн. *-in*, *-nis*, *-ung*, *-er*. Однако характер процесса редукции в нововержненемецкий период существенно отличается от того, что наблюдалось ранее. Это отличие проявляется прежде всего в том, что в нововержненемецкий период в большей мере, чем в средневерхненемецкий, на указанном процессе сказывается регулирующее воздействие грамматики.

Показательным является стремление сохранить редуцированное *e* там, где с этим связана выразительность флексии, определенные морфологические отличия.

Благодаря этому в нововержненемецкий период редуцированное *e* восстанавливается в целом ряде случаев.

Так, восстанавливается *e*, выпадавшее в средневерхненемецкий период в окончании инфинитива у глаголов, имеющих в корне сорный, ср.: свн. *vagn* — совр. *fahren*.

Это *e* восстанавливается здесь потому, что для большинства глаголов характерен грамматический показатель инфинитива *-en*.

Даже глаголы, исторически вообще не имевшие этого *e*, приобретают его в нововерхненемецкий период¹, ср.:

свн.	gên	нвн.	gehen
	stên		stehen

Только многосложные глаголы, основа которых оканчивается на *-el* или *-er*, не сохраняют в современном немецком языке *e* перед *n* (ср. ändern, stammeln).

Восстанавливается конечное *e* в I лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения, ср.:

свн.	var	нвн.	ich fahre
	spür		ich spüre
	man		ich mahne

Грамматическими соображениями диктуется последовательное сохранение редуцированного *e* в формах сослагательного наклонения как в средневерхненемецкий, так и в нововерхненемецкий период.

У прилагательных в склоняемой форме редуцированное *e* всюду сохраняется.

В краткой несклоняемой форме уже в древневерхненемецкий период большая часть прилагательных не имела окончания. Однако многие прилагательные все же имели окончания *e* или *o* (основы на *-ja* и основы на *-wa*). Конечное *o* в ряде случаев утрачивается уже в древневерхненемецкий период, окончательно устраняется оно в средневерхненемецкий период.

В нововерхненемецкий период отпадает также *e < i*.

Апокопа *e* в этих случаях зависит от качества звука, на который оканчивается корень прилагательного:

1) *e* отпадает после глухих смычных и щелевых, после носовых, сонорных и гласных, т. е. после звуков, качество которых не изменяется в результате апокопы:

свн.	spæte	нвн.	spät
	veste		fest
	dicke		dick
	riche		reich
	süeze		süß
	swære		schwer
	küele		kühl
	kleine		klein
	küene		kühn
	früeje		früh

¹ См.: Willmanns W. Deutsche Grammatik. Erste Abteilung. — Straßburg, 1901. — S. 341: «Worte, die durch ihre Funktion oder Bedeutung als zusammengehörige Gruppen empfunden werden, streben nach gleicher Form».

niuwe	neu
enge	eng
geringe	gering
streng	streng

2) *e* сохраняется после звонких смычных и щелевых, ибо при отпадении *e* эти звуки утратили бы свою звонкость, свое качество, что в свою очередь могло бы привести к смешению, омонимии данных прилагательных с другими прилагательными и к непониманию.

Таким образом, в данном случае также проявляется характеризующая развитие языка тенденция к дифференциации:

свн.	trüebe	нвн.	trübe
	müede		müde
	træge		träge
	mürwe		mürbe
	lîse		leise
	wîse		weise

Хотя данное правило в общем и отражает определенную закономерность в развитии языка, однако из него имеется целый ряд исключений.

Так, после согласных, изменяющихся в случае отпадения *e*, *e* все же иногда утрачивается, ср., например:

свн.	here, herwer	нвн.	herb
	linde		lind
	fremde		fremd
	schræge		schräg
	wilde		wild
	geschîde		gescheit

В древневерхненемецкий период наречия от прилагательных образовывались при помощи суффикса *-o*, в средневерхненемецкий — при помощи суффикса *-e*.

В новеверхненемецкий период это *-e* подвергается апокопе и наречия приобретают форму краткого прилагательного. Лишь *lange* в значении «lange Zeit» сохранило свою специфическую форму,

Тесно связана с лексическими и грамматическими значениями также судьба конечного *-e* у имен существительных.

Редуцированное *-e* флексии никогда не отпадает во множественном числе, ибо оно является показателем определенного грамматического значения, ср. *das Jahr* — *die Jahre*, *der Schritt* — *die Schritte*, *die Gabe* — *die Gaben*, *das Buch* — *die Bücher*.

В дательном падеже единственного числа сильного склонения *-e* нередко отпадает, так как в данном случае падеж может быть выражен при помощи других средств.

В словах с суффиксами *-el*, *-er*, *-chen*, *-lein* как в единственном, так и во множественном числе *-e* окончания утрачивается.

В словах с суффиксами *-ling*, *-sal*, *-tum*, *-in*, *-ung*, *-schaft*, *-heit*, *-keit* *-e* окончания в единственном числе, как правило, отпадает, во множественном же числе оно сохраняется.

В именительном падеже единственного числа конечное *-e* трактуется по-разному.

1) Оно обычно подвергается апокопе после словообразовательных элементов:

свн.	vischære handelunge küniginne	нвн.	Fischer Handlung Königin
------	-------------------------------------	------	--------------------------------

Кроме того, *-e* утрачивается в словах, которые некогда были производными, но с современной точки зрения воспринимаются как непроизводные, например:

свн.	ellende herzoge	нвн.	Elend Herzog
------	--------------------	------	-----------------

2) Утрата или сохранение редуцированного конечного *-e* в односложных словах регулируется обычно определенными грамматическими факторами.

Таковыми регулирующими факторами следует считать принадлежность имени существительного к тому или иному склонению.

Развитие немецкого языка привело к тому, что среди односложных существительных сравнительно немногие имена мужского и среднего рода оканчиваются на *-e*, в то время как для большинства существительных женского рода в именительном падеже единственного числа характерно именно данное окончание.

Из существительных мужского рода в средневерхнемецкий период на *-e* оканчивались очень немногие имена, принадлежащие к слабому склонению, а также бывшие основы на *-ja* и *-wa* и несколько краткосложных основ на *-u* и *-i*. Из существительных среднего рода — основы на *-ja* и *-wa*, а также имена существительные, отнотившиеся к слабому склонению.

У существительных женского рода, напротив, *-e* отсутствовало лишь у основ на *-i*. Многочисленные сильные и слабые существительные женского рода оканчивались на *-e*.

Таким образом, существительные мужского и среднего родов часто утрачивали свое *-e*, а существительные женского рода его обычно сохраняли.

Некоторые существительные женского рода, утратившие *-e*, переходили в мужской род, существительные же мужского и среднего рода, имеющие *-e*, наоборот, часто переходили в женский род, например: свн. *witze*, *witz f* — нвн. (*der Witz*), свн. *slange m* — нвн. (*die*) *Schlange*, свн. *wange n* — нвн. (*die*) *Wange*.

4. КОДИФИКАЦИЯ ОРФОЭПИЧЕСКОЙ И ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМ

Характерной чертой развития немецкого национального литературного языка является одновременность становления и кодификации общепризнанной нормы разных языковых уровней. Унификация письменной формы литературного языка, затронувшая в первую очередь уровень структурных фонетических закономерностей, лексический и грамматический уровни, завершилась значительно раньше, чем унификация его устной формы, предполагающая кодификацию орфоэпической (произносительной) нормы.

Хотя унификация письменной формы литературного языка предполагает также и упорядочение произносительной нормы, но лишь в известных пределах. Написание всегда оставляет для человека, даже строго придерживающегося «духа буквы», возможность сохранять местные (ареальные) особенности произношения. Это усугубляется еще и тем, что немецкая орфография, в которой фонетический принцип занимает большее место, чем во французской или английской, все же в целом ряде случаев находится в противоречии с фонетикой.

Наличие ареальных вариантов произношения в условиях все увеличивающихся культурных и экономических связей между отдельными областями Германии вызвало закономерное стремление к их преодолению.

Мысль о необходимости установления полного соответствия между написанным и произносимым выдвигалась уже начиная с XV в., однако первые попытки дать ответ на вопрос о том, какое произношение считать образцовым, относятся лишь к XVII в. Ю. Г. Шоттель и его последователи придерживались того мнения, что образцовое произношение должно иметь наддиалектный характер. В. Ратке (1571—1635 гг.) в своих учебниках, предназначенных для школьного обучения, подчеркивал образцовый характер мейссенского немецкого, т. е. произношения жителей Верхней Саксонии. Последующие 150 лет ознаменовались попытками добиться унификации устной немецкой речи на базе восточносредне-немецкого варианта письменно-литературного языка, что объяснялось его высоким социальным престижем на начальном этапе формирования национального литературного языка. Ф. фон Цезен писал в 1645 г. в «Адриатической Роземунде», что подобно тому, как в Афинах говорили на самом изысканном греческом языке, в Риме — на самой изысканной латыни, так в Верхней Саксонии и Мейссене говорят на самом изысканном верхненемецком языке. Однако уже в начале XVIII в. встречаются указания на более четкую артикуляцию смычных согласных у жителей северной Германии.

Несмотря на все усилия, литературное произношение около 1800 г. и в первой половине XIX в. носило сильную ареальную ок-

раску, что прослеживается в рифме у величайших поэтов. Так, у Й. В. Гёте встречаются следующие рифмы в характерной для Франкфурта огласовке: Augenblicke — zurücke; Bügel — Riegel; neige Schmerzenreiche; Zweifel — Teufel; Tag — darnach и т. п. Некоторые рифмы Ф. Шиллера характеризуют его как уроженца Швабии, ср.: Höhn — gehn; untertänig — König; vereint — Freund; Söhne — Szene; Miene — Bühne и др.

В конце XVIII в., когда Верхняя Саксония утратила свое экономическое и политическое значение и на передний план выдвинулась нижненемецкая Пруссия, изменилось и представление об идеальном характере верхнесаксонского произношения. Поскольку принятие верхненемецкого литературного языка для жителей северной Германии означало практически переход к другой языковой системе, они старались произносить верхненемецкие формы как можно «чище», следуя написанию. Хотя и в этом регионе не существовало единой произносительной нормы, все же здесь четко отличалась звонкая артикуляция согласных b, d, g, s [z] от глухой артикуляции согласных p, t, k, s, которые в верхненемецком ареале по большей части не разграничивались. Кроме того, нижненемецкому не свойственна была южнонемецкая делабиализация ö, ü, eu > e, i, ei. Уже Й. Г. Зойме (1763—1810 гг.) требовал выработки правил унифицированного произношения путем сочетания мейссенских произносительных навыков с нижненемецкими. Аналогичные взгляды развивал и Й. В. Гёте в качестве директора Веймарского придворного театра в созданных им «Правилах для актеров» («Regeln für Schauspieler», 1803 г.). В 1824 г. в беседах с Эккерманом он отмечал образцовый характер литературного произношения у жителей северной Германии.

На протяжении XIX столетия определенная унифицированная произносительная (орфоэпическая) норма сложилась на немецких театральных подмостках, где она являлась крайне необходимой. Обычные поездки трупп и отдельных актеров, их выступления перед самой разнообразной в речевом отношении публикой требовали сколь можно ровного, понятного для всех произношения. Наряду со стремлением к понятности, роль актеров должна была отвечать эстетическим требованиям, действовавшим в том же направлении. Гармоническая «сыгранность» коллектива была невозможна при наличии сильных ареальных различий в произношении. Кроме того, каждый ареальный вариант произношения заключал в себе некоторые специфические особенности, и столкновение их на одной сцене могло привести к комическому эффекту (ср.: Фауст, говорящий на саксонском диалекте, рядом с Маргаритой, говорящей на швабском диалекте). Т. Зибс в книге «Немецкое сценическое произношение» («Deutsche Bühnenaussprache») справедливо отмечал: «Wenn auf die Frage: „an welchem Täch?“ im ernsten Drama geantwortet wird: „am Täch vor jenem Siech“ und gar von anderen noch

„am Täch“ oder „am Täck“ hinzugefügt wird, so ist dieses Durcheinander für den feiner Empfindenden unerträglich»¹. Эстетическое значение чистого, свободного от местных особенностей произношения подчеркивал и Й. В. Гёте в «Правилах для актеров»: «Wenn mitten in einer tragischen Rede sich ein Provinzialismus eindringt, so wird die schönste Dichtung verunstaltet und das Gehör des Zuschauers beleidigt».

Хотя сложившаяся на немецкой сцене произносительная норма могла рассматриваться как образцовая, она не лишена была отдельных колебаний, расхождений и дискуссионных моментов. Первый практический вклад в научное изучение немецкой устной речи внес В. Фиетор своей книгой «Немецкое литературное произношение» («Aussprache des Schriftdeutschen», 1885 г.).

Чтобы добиться необходимого единства и закрепить сложившуюся норму, уточнив ее, в апреле 1898 г. в Берлине под руководством Т. Зибса состоялось совещание представителей сцены и филологов-германистов. Результаты этого совещания были опубликованы Т. Зибсом в том же 1898 г. под названием «Немецкое сценическое произношение» («Deutsche Bühnenaussprache»). Эта книга затем неоднократно переиздавалась.

В 1899 г. германистическая секция 45-го Собрания немецких филологов и преподавателей одобрила результаты совещания 1898 г. и указала на необходимость применения единой орфоэпической нормы не только на сцене, но и в школе и во всех других областях общественной жизни.

Повторная проверка и уточнение этих правил были предприняты особым комитетом в 1908 г. По поручению комитета Т. Зибс подготовил новое издание книги «Немецкое сценическое произношение», дополнив его фонетическим словарем. Это событие явилось завершением эксплицитной кодификации общепризнанной орфоэпической нормы немецкого национального литературного языка. Одним из основных правил немецкой орфоэпии было признано требование произносить верхненемецкие языковые формы, следуя нижненемецким произносительным навыкам. Следовало четко разграничивать р, t, k и b, d, g, а также ö, ü, eu и e, i, ei.

Наряду с этим в орфоэпические правила были включены многие существенные элементы верхненемецкого произношения: произнесение s как [ʃ] в сочетаниях sp, st в начале слова (Spiele, stehen), удлинение гласного в относительно закрытых слогах (Tag, Rad, Dom), оглушение конечного g в k (Sieg, Krug). Таким образом, кодификация орфоэпической нормы отражала и результаты процесса языкового взаимовлияния и выравнивания между верхненемецким и нижненемецким ареалами².

¹ Siebs Th. Deutsche Bühnenaussprache — Hochsprache. — Berlin, 1898. — S. 4.

² См.: Schmidt W. u. a Geschichte der deutschen Sprache. — Berlin, 1984. — S. 136.

Кодификация единой общепризнанной орфоэпической нормы национального литературного языка завершала процесс постепенного изменения его статуса, наметившийся с конца XVIII в. На протяжении XVI—XVIII вв. унификацией была охвачена в основном письменная форма литературного языка, чем объясняется и его немецкое название *Schriftsprache*. Благодаря становлению единой произносительной нормы, письменная форма литературного языка в XIX в. дополнилась устной, а сам он, выступая отныне в двух формах (письменной и устной), значительно расширил и продолжает расширять сферы своего функционирования, выходящие далеко за рамки письменного использования. Значительно возросла поливалентность литературного языка как универсального средства коммуникации. В связи с этим современные немецкие исследователи считают целесообразным разграничивать письменно-литературный язык (*Schriftsprache*) и языковый стандарт (*Standardsprache*)¹. Хотя переходы между ними плавны и трудно назвать точную дату преобразования одного в другой, считается обоснованным применительно к XVI—XVIII вв. говорить о письменно-литературном языке, а начиная с XIX в. — о немецком языковом стандарте.

Медленно протекала унификация национального литературного языка в сфере орфографии, что объяснялось длительным отсутствием государственного единства. Еще в 1815 г. на территории Германии существовали 34 наследственные монархии и 4 свободных города. Требование придерживаться единой орфографии выдвигалось уже с начала XVI в. Грамматисты, педагоги, печатники со времен В. Иккельзамера и публикаций эпохи Реформации пытались разработать систему правил правописания. Однако большое число орфографических вариантов сохранялось и в XVII в., не позволяя говорить о достигнутой унификации. Особые заслуги в нормализации немецкой орфографии принадлежали Ю. Г. Шоттелю, Й. Х. Готтшеду и Й. Х. Аделунгу. В первой половине XVIII в. широкое распространение в Германии получило «Руководство по немецкому правописанию» И. Фрайера («*Anweisung zur teutschen Orthographie*», 1722 г.). В 1788 г. его сменил труд Й. Х. Аделунга «*Полное руководство по немецкой орфографии*» («*Vollständige Anweisung zur Deutschen Orthographie*»), следовавший во многом принципам, которые были изложены в лингвистических сочинениях Й. Х. Готтшеда. Взгляды трех грамматистов на принципы немецкой орфографии во многом совпадали. Их понимание орфографической правильности основывалось на фонетических и семантических критериях. Прежде всего они стремились графически разграничить слова-омонимы: *Lärche* — *Lerche*, *Waise* — *Weise*, *Roggen* — *Rocken*. Обозначение умлаута краткого *a* при помощи особого знач-

¹ См.: *Besch W.* Die Entstehung und Ausformung der neuhochdeutschen Schriftsprache / Standardsprache. — S. 1805.

ка над этим гласным *ä* использовалось для того, чтобы показать родственные связи между словами: *älter* (от *alt*, свн. *elter*), *fällen* (от *fallen*, свн. *vellen*), *tränken* (от *trank*, свн. *trenken*). В словах же, этимологические связи которых были затемнены, сохранялось старое написание: *edel* (от *Adel*), *Eltern* (от *alt*), *fertig* (от *fahren*), *behende* (от *Hand*). На протяжении столетий постепенно унифицировалось написание значительного количества слов. Однако варьирование и колебания в написании части слов не были преодолены, что в XIX в. привело к многочисленным попыткам провести орфографическую реформу.

С развитием в XIX в. сравнительно-исторического языкознания складываются новые критерии упорядочения немецкого правописания. В отличие от названных выше грамматистов, которые были по большей части сторонниками написания по фонетическому и семантико-логическому принципам, Я. Гримм выдвинул исторический принцип. Он требовал, чтобы в правилах правописания учитывались соответствующие исторические закономерности. Так, в частности, Я. Гримм предлагал отказаться от использования немого *h* для обозначения долготы гласного в тех случаях, где это не было обусловлено исторически. Согласно данному принципу немое *h* следовало, например, отразить в написании слов *Mohn* (свн. *mâhen*), *Gemahl* (свн. *gemahel*), тогда как свн. *lôn* в новонемецком должно было соответствовать *Lon*. Исторический принцип написания отстаивали Андресен, Вильмар, Ваккернагель, Вайнхольд. Написание по историческому принципу пытались частично насаждать в школе, например, требовали писать *ß* всюду, где обозначаемому согласному в общегерманском соответствовало *t*: *Waßer* (готск. *watô*), *Schweiß* (др.-англ. *swât*). Специальная орфографическая комиссия в 1908 г. предложила следовать в написании прежнему языковому состоянию, т. е. писать, например: *Wirde* (вместо *Würde*), *zwelf* (вместо *zwölf*), *ergetzen* (вместо *ergötzen*), *Leffel* (вместо *Löffel*) и т. п. только потому, что так писали в средневерхненемецкий период. Эта мнимо историческая точка зрения вместо того, чтобы установить правильное написание, привела к прямо антиисторическим действиям — к насильственному переформированию сложившегося к новому периоду звукового облика слов, а в ряде случаев, где уже были найдены четкие правила, вносила беспорядок в орфографию. Против реформы, предлагаемой исторической школой, выступили сторонники фонетического принципа, которые требовали следовать в написании за произношением, отказавшись от имевшейся орфографической традиции.

Образцом предлагаемой ими орфографии является немецкое название соответствующей организации: *algemeiner ferein für fereinfachte rehtšreibung* «Allgemeiner Verein für vereinfachte Rechtschreibung»¹.

¹ *Behaghel O.* Die deutsche Sprache. — Halle (Saale), 1954. — S. 152.

Попытка примирить два противоборствующих направления принадлежала Р. фон Раумеру. Он выступил прежде всего против исторической школы, подчеркивая, что характер немецкой орфографии определяется в основном фонетическим принципом написания. Отсутствие единой орфографической нормы неблагоприятно сказывалось на школьном обучении, тем более что почти каждая типография и каждое издательство следовали при публикации учебников принятой в них орфографии. Начиная с 50-х г. XIX в. на местах предпринимаются попытки собственными силами устранить эту неупорядоченность правописания. В разных землях и городах, а также отдельными школами издавались орфографические справочники, подобно тому, как это было сделано в 1854 г. в Ганновере, в 1857 г. — в Лейпциге, в 1861 г. — в Штуттгарте, в 1871 г. — в Берлине. После политического объединения Германии в 1871 г. задача кодификации общенемецкой орфографической нормы вновь обрела остроту и актуальность. В 1876 г. в Берлине была созвана I Орфографическая конференция, на которой обсуждался проект Р. фон Раумера, вызвавший немало возражений со стороны противников упрощения написания и усиления его фонетической ориентации. Итоги ее работы были обобщены К. Дуденом (1829—1911 гг.) в «Орфографическом словаре немецкого языка» (1880 г.), который заложил основы единой орфографической нормы, кодифицированной в 1901 г.

Поскольку на конференции 1876 г. не было достигнуто окончательного соглашения, ее рекомендации не могли полностью удовлетворить нужды школьного обучения. В отдельных землях вновь начали издаваться орфографические справочники и словари для школ, которые составлялись теперь с учетом предложений Р. фон Раумера. Подобные справочники появились в 1879 г. в Австрии и Баварии, в 1880 г. — в Пруссии. В Бадене, Мекленбурге, Саксонии и Вюртемберге вышли собственные справочники, однако они следовали баварско-прусскому образцу. Около 1900 г. уже пять-шесть всех книг и три-пять всех журналов издавались в соответствии с орфографическими правилами, принятыми в школьном обучении¹.

В 1901 г. состоялась II Орфографическая конференция в Берлине, в которой принимали участие представители всех земель Германии, а также Австрии и Швейцарии. На этой конференции была утверждена общенемецкая орфографическая норма, признанная в 1902 г. официальными властями. Она получила кодификацию в «Орфографическом словаре» К. Дудена (1902 г.). В дальнейших изданиях словаря фиксировались и продолжают фиксироваться все уточнения и изменения, вносимые в эту норму.

¹ См.: *Behaghel O.*, *Op. cit.* — S. 152; *Geschichte der deutxen Sprache.* — S. 134.

Начиная с 1920 г. неоднократно поднимался вопрос о необходимости проведения орфографической реформы. Главным объектом критики во всех предлагаемых проектах было написание слов с прописной и строчной букв, которое многим казалось произвольным.

В 1954 г. на Штуттгартской конференции представители немецкоязычных стран выработали проект реформы, основные положения которого изложены в «Штуттгартских рекомендациях». Их одобрила комиссия специалистов, выразив свое мнение в «Висбаденских рекомендациях» 1958 г. Однако в Австрии на Орфографической конференции 1961—1962 гг. не удалось добиться единогласия относительно умеренного написания с малой буквы (*gemäßigte Kleinschreibung*), швейцарская комиссия отклонила его большинством голосов.

В настоящее время осуществлена новая орфографическая реформа, правила которой вступили в действие с 1 августа 1999 г. и станут обязательными с 1 августа 2005 г.

ГЛАВА III МОРФОЛОГИЯ

1. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Значительное воздействие на развитие форм словоизменения имени существительного оказала редукция безударных гласных, начальные проявления которой стали заметны в конце древневерхненемецкого периода.

В результате широкого распространения редукции в средневерхненемецкий период прежнее разнообразие падежной флекции, свойственное древневерхненемецкому, сменилось единообразием в средневерхненемецкой системе склонения, где представлены лишь четыре вида окончаний: *-e*, *-(e)s*, *-(e)n*, *-er*.

Развившаяся вследствие редукции омонимия падежных форм послужила стимулом для многочисленных образований по аналогии, а также способствовала смешению, слиянию и унификации типов склонений, которая завершилась в новеверхненемецкий период.

В области склонения имен существительных количество изменений, происшедших с начала средневерхненемецкого периода, когда редукция получила широкое распространение, весьма велико. Эти изменения обусловлены как усилившимся влиянием индуцирующих основ, так и перераспределением лексемного состава, вызванным сменой грамматического рода.

ИЗМЕНЕНИЯ, ПРОИСШЕДШИЕ В НОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД СРАВНИТЕЛЬНО СО СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИМ

**1. Сильное склонение
(существительные мужского и среднего рода)**

Уже в средневенхненемецкий период в пределах сильного склонения наблюдается совпадение бывших основ на *-a* и бывших основ на *-i* мужского рода в единственном числе. С ними совпадает также склонение основ на *-a* среднего рода, ср.:

свн.			нвн.		
Основы	Основы	Основы	Основы	Основы	Основы
на <i>-a</i>	на <i>-i</i>	на <i>-a</i>	на <i>-a</i>	на <i>-i</i>	на <i>-a</i>
м. р.	м. р.	с. р.	м. р.	м. р.	с. р.
Им. arm	gast	wort	Arm	Gast	Wort
Род. armes	gastes	wortes	Armes	Gastes	Wortes
Дат. arme	gaste	worte	Arme	Gaste	Worte
Вин. arm	gast	wort	Arm	Gast	Wort

В нововенхненемецкий период к ним примыкают и бывшие основы на *-wa* мужского и среднего родов, которые выравнивались при выпадении *-w-*, ср.:

Мужской род		Средний род	
свн.	нвн.	свн.	нвн.
Им. sê	See	knîe	Knie
Род. sêwes	Sees	knîewes	Knies
Дат. sêwe	See	knîewe	Knie
Вин. sê	See	knîe	Knie

Бывшие основы на *-i* и основы на согласный совпали с основами на *-a* или *-i* уже в конце древневенхненемецкого периода (ср. выше).

Бывшие основы на *-ja* в средневенхненемецкий период отличались от прочих основ на гласные мужского и среднего рода тем, что оканчивались в именительном и винительном падежах единственного числа на *-e* (ср., например, имя существительное *hirte*).

В нововенхненемецкий период все они (за исключением слова *Käse*) перешли в другие группы склонений.

Таким образом, в нововенхненемецкий период в пределах склонения основ на гласные мужского и среднего рода в единственном

числе окончательно устраняются старые различия между отдельными подтипами. В этот период завершается подготавливавшийся и протекавший столетиями процесс поглощения наиболее широко представленным типом склонения (основы на *-a*) других, более мелких группировок, в результате чего в единственном числе складывается единый тип сильного склонения.

Различие основ на *-a* и *-i*, характерное для древневерхненемецкого, оставило свои следы в том, что флексия основ на *-i* во множественном числе вызывала умлаут. Следует, однако, отметить, что уже в средний период начинается аналогическое распространение умлаута, ибо, с одной стороны, редукция окончания препятствовала четкому разделению основ на *-i* и *-a*, а с другой стороны, этому препятствовал и тот факт, что имелись основы на *-i*, в которых гласный не мог подвергаться умлауту, например: *Biss, Griff, Stich, Schritt*.

Аналогическое распространение умлаута является свидетельством того, что он облекся определенной функциональной значимостью и начал восприниматься как показатель грамматического понятия множественности.

В новый период различаются две группы существительных мужского рода:

а) Слова без умлаута во множественном числе:

— бывшие основы на *-a*: *Tage, Hunde, Abende, Dome, Punkte, Aufenthalte, Besuche, Arme, Rufe, Erfolge, Parke, Takte* и т. п.;

— слова с корневыми гласными, не способными подвергаться умлауту, например, основы на *-a*: *Kerl, Scherz, Weg, Fisch, Wind* и др.; основы на *-i*: *Biss, Stich, Griff, Schritt, Schnee, Neid, Streit, Dieb* и т. п., а также слова, уже имеющие умлаут (*König, Löffel*).

б) Слова с умлаутом во множественном числе:

— бывшие основы на *-i*: *Gäste, Wünsche, Bäche, Schläge, Flüge, Türme, Sprünge, Säle* и т. п.;

— большое количество бывших основ на *-a*: *Höfe, Frösche, Bäume*, ср. свн. *hove, vrosche, boume*.

Никакого окончания во множественном числе не принимают имена существительные мужского рода, оканчивающиеся на сонорный (*-el, -er, -en*). Иногда они имеют умлаут корневого гласного, ср., например: *der Nagel — die Nägel*, с одной стороны, и *der Lehrer — die Lehrer, der Wagen — die Wagen* — с другой.

Существительные среднего рода представляли основы на *-a*, поэтому для них не был характерен умлаут во множественном числе, ср., например, *Schaf, Ross, Tor, Obst, Jahr, Opfer* и т. д.

Умлаут у существительных *Chöre, Flöße* объясняется тем, что они были некогда существительными мужского рода.

Преобладающее число существительных среднего рода имеют в новый период во множественном числе суффикс *-er* (восходящий по происхождению к *-ir* и, следовательно, вызывавший умлаут корневого гласного).

Первоначально *-ir* имелось не только во множественном числе, но и в родительном и дательном падежах единственного числа; об этом свидетельствуют некоторые дошедшие до нас древненемецкие формы (*rindares, chalbire*). Однако затем формы единственного числа утратили *-ir* по аналогии с формами именительного и винительного падежей.

Формы множественного числа не подверглись подобному выравниванию. Наоборот, здесь все благоприятствовало сохранению *-ir*. Благодаря этому множественное число четко отделялось от единственного, в то время как обычно у существительных среднего рода формы именительного и винительного падежей единственного числа полностью совпадали с соответствующими формами множественного числа.

Указанные обстоятельства приводят к тому, что *-ir* (нвн. *-er*) начинает восприниматься как специфический признак множественного числа и распространяется на первоначальные основы на *-a*. Прежде имелось лишь крайне незначительное число основ, образующих множественное число на *-er*, ср.: двн. *blat, bret, ei, grab, rind, huon, hâs, kalb, krût, lamp* и некоторые др.

В настоящее время большинство существительных среднего рода образует множественное число указанным способом, ср., например: *Bad, Buch, Dach, Dorf, Fach, Fass, Feld, Geld, Gemach, Gewand, Glas, Glied, Gras, Gut* и т. п.

У некоторых слов среднего рода параллельно употребляются формы множественного числа на *-er* и формы множественного числа на *-e* (последние образуются по аналогии основ на *-a* мужского рода). Однако, как правило, при этом устанавливается дифференциация значений. Формы на *-e* чаще употребляются в торжественном стиле речи, а в формах на *-er* более ярко выступает понятие множественности, ср. следующие примеры:

1. *Bande узы* (в собственном и переносном смысле слова), например, *Bande der Freundschaft*. Эта форма не связывается с понятием числа (ср. *Bänder*).

2. *Lande* — звучит торжественней, чем *Länder*, с *Länder* более ассоциируется понятие множественности (ср. *Niederlande — Länder*).

3. *Tuch — Tuche* (сорта материи), *Tuch — Tücher — полотенца, платки*.

Подобную же дифференциацию значений находим в словах: *Cesicht — Gesichter, Gesichte, Licht — Lichter, Lichte* и т. д.

В новый период способ образования множественного числа на *-er* захватывает и некоторые существительные мужского рода, например: *Leib — Leiber, Wurm — Würmer, Mann — Männer, Geist — Geister, Gott — Götter, Reichtum — Reichtümer, Irrtum — Irrtümer* (для двух последних существительных, по-видимому, значительную роль сыграло то обстоятельство, что большинство существительных с *-tum* среднего рода).

Уменьшительные существительные среднего рода никакого окончания во множественном числе не принимают.

Если записать парадигму множественного числа, то можно очень легко убедиться, что ни элемент *-e* (при наличии или отсутствии умлаута корневого гласного), ни элемент *-er* (всегда сопровождающийся умлаутом), ни отсутствие их (с умлаутом или без него) не представляют собой собственно падежных окончаний, т. е. характерного признака какого-либо падежа. Они равномерно проходят через все падежи множественного числа.

Поскольку под склонением понимается изменение имени по падежам, а в данном случае имеются элементы, характерные для всех падежей, то следует признать, что они выступают в данном случае лишь как суффикс, служащий для образования множественного числа. Следовательно, в данном случае мы имеем дело не со склонением, а с образованием множественного числа.

Таким образом, во множественном числе у сильных существительных в новый период наблюдаются три типа образования множественного числа и лишь один тип склонения, а именно: все падежи имеют нулевое окончание, а в дательном падеже наличествует окончание *-en*, *-n* или нулевое окончание.

2. Слабое склонение (существительные мужского рода)

В средневерхненемецкий период по слабому склонению изменялись существительные мужского, женского и незначительное количество существительных среднего рода (ср.: свн. *herze*, *ouge*, *ðre*, *wange*).

В новый период по слабому склонению изменяются лишь существительные мужского рода.

Следует отметить, что имена существительные, являющиеся обозначениями живых существ, в основном сохраняют слабые окончания (ср. *Bote*, *Bürge*, *Gatte*, *Neffe*, *Affe*, *Bube*, *Erbe*, *Falke*, *Gefährte*, *Gehilfe*, *Genosse*, *Geselle*, *Junge*, *Hase* и т. п.).

Лишь некоторые из них теряют конечное *-e* (например, *Bär*, *Graf*, *Herr*, *Mensch*, *Fürst*, *Prinz*, *Tor*, *Vorfahr* и др.).

В новый период в слабое склонение переходят бывшие основы на *-ja*, относившиеся в средневерхненемецкий период к сильному склонению (однако уже в то время встречались и параллельные слабые формы), например, *der Hirt* (свн. *hirte*).

Отпадение конечного *-e* у некоторых слабых существительных приводило иногда к переходу сильного существительного в слабое склонение.

Так, имя существительное *Held* с XV в. примыкает к слабому склонению. Сильные формы имели в средневерхненемецкий период слова *Buchstabe*, *Elefant* и немногие др. Гораздо чаще наблюдается в новый период обратное явление, а именно: переход из сла-

бого склонения в сильное. Этот переход осуществлялся двумя путями:

1) путем утраты конечного *-e* в именительном падеже, ср., например, *Lenz* (свн. *lenze*); *März* — свн. *merze*, совр. *Märzenschnee*; *Greis* — свн. *grīse*, совр. *Greisenalter*; *Herzog* — свн. *herzoge*; *Hahn* — свн. *han(e)* и др.;

2) путем распространения *-en* косвенных падежей на именительный падеж, что стимулировалось с XV в. появлением у некоторых слабых существительных в генитиве окончания *-ens* (*Buchstabens*, *Funkens*, *Namens*, *Herzens* и т. д.).

Благодаря наличию *-ens* в генитиве парадигма слабых существительных отличалась от парадигмы сильных лишь в именительном падеже, ср. *Wagen* — *Funke*.

-en проникало в именительный падеж, в особенности у слов, являющихся обозначениями неодушевленных предметов (поскольку к слабому склонению относились главным образом обозначения живых существ), ср. *Balken*, *Braten*, *Garten*, *Kuchen* и т. д. У многих из них во множественном числе появляется даже умлаут, ср.: *Gärten*, *Gräben*, *Läden*.

Во множественном числе существительные, относившиеся или относящиеся к слабому склонению, характеризуются наличием элемента *-en*, равномерно проходящего через все падежи.

Данный элемент во множественном числе воспринимается уже лишь как суффикс, служащий для образования множественного числа и не имеющий отношения к склонению.

Об этом свидетельствует тот факт, что суффикс *-en* во множественном числе сохраняют существительные среднего рода, склоняющиеся в единственном числе по сильному склонению, например: *Ohr*, *Auge* — бывшие основы на *-n*; *Bett*, *Hemd*, *Ende* — бывшие основы на *-ja* среднего рода.

Склонение существительных, приобретающих суффикс множественного числа *-(e)n*, во всех падежах множественного числа характеризуется нулевой флексией.

3. Женское склонение

Единый тип женского склоения складывается из различных типов склонения основ имен существительных женского рода более ранних периодов развития немецкого языка в нововерхненемецкий период.

В средневерхненемецкий период в пределах сильного склонения еще довольно отчетливо проступали следы старых группировок.

На фоне крепнущего и развивающегося четкого противопоставления единственного и множественного числа у бывших основ на *-i* и у бывших основ на согласный типа *naht* формы с умлаутом

(krefte, nähte) или с окончанием *-e* (zîte) в единственном числе в новонаемецкий период устраняются и закрепляются за множественным числом. Таким образом, в рамках старого сильного склонения складывается специфический для существительных женского рода тип склонения в единственном числе, характеризующийся отсутствием какого бы то ни было окончания, ср. нвн. *die Kraft, der Kraft, der Kraft, die Kraft* и т. п.

В средневерхнеемецкий период склонение основ на *-ô* еще отличалось от склонения основ на *-n*. Однако уже в средневерхнеемецкий период встречается смешение в формах обеих групп. Смешение продолжается и в ранневерхнеемецкий период (ср. пережитки подобного смешения в выражениях *auf Erden, auf der Heiden*, а также в сложных словах типа *Sonnenschein, -pracht, -strahl* и т. п.).

В ранневерхнеемецкий период *-n* в винительном падеже единственного числа устраняется по аналогии с именительным падежом.

Ввиду того, что для большинства существительных женского рода было характерно отсутствие какого бы то ни было окончания во всех падежах единственного числа, а также ввиду крепнущего противопоставления единственного и множественного числа, *-n* в единственном числе вскоре полностью ликвидируется.

По существу и у существительных женского рода наиболее широко представленный тип склонения основ на *-ô* поглощает все другие более мелкие группировки, в результате чего у всех существительных женского рода в новый период в единственном числе складывается единый тип склонения. Во множественном числе побеждает слабое окончание *-en*, которое переосмысливается как суффикс, служащий для образования множественного числа. Данный суффикс характерен для преобладающего большинства имен существительных женского рода, в то время как немногие из бывших основ на *-i* сохраняют окончание *-e* и умлаут (ср. *die Kraft — die Kräfte, die Nuss — die Nüsse* и т. п.).

В дательном падеже множественного числа существительные, оканчивающиеся на *-n*, не приобретают падежного окончания.

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. В новонаемецкий период завершается наметившееся уже в предшествующие эпохи обособление склонения от образования множественного числа.

2. В единственном числе в данный период складываются три основных типа склонения: сильное, женское и слабое. В силу этого следует признать несостоятельным выделение младограмматиками так называемого «смешанного» склонения¹, так как при этом типы склонения смешиваются с типами образования множественного числа.

¹ См.: *Paul H. Deutsche Grammatik. — Halle (Saale). — Bd. II. — S. 57.*

3. Во множественном числе намечается единый тип склонения.

4. Кроме того, выделяются четыре типа образования множественного числа, каждый из которых тяготеет к существительным определенного рода: окончание *-e*, *"-e* — к существительным мужского рода; *"-er* и *-e* — к существительным среднего рода; *-en* — к существительным женского рода.

2. ИЗМЕНЕНИЯ В СКЛОНЕНИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И МЕСТОИМЕНИЙ

Как уже указывалось выше, прилагательные в немецком языке (как и в других германских языках) имели два склонения: сильное и слабое. Кроме того, в немецком языке (окончательно в новый период) к ним присоединяется еще и так называемая краткая или несклоняемая форма.

С исторической точки зрения несклоняемая форма представляет собой именительный падеж всех трех родов (а у среднего рода и винительный) по древнему сильному склонению, совпадавшему со склонением имен существительных (ср. *gut* — *Fisch, Wort*).

По своим функциям она первоначально не отличалась от форм, образованных по аналогии с местоимениями (свн. *guoter, goutez, guotiū*), благодаря чему в древневерхненемецкий период наблюдалось варьирование местоименной и несклоняемой форм в атрибутивном и предикативном употреблении (см. выше). В средневерхненемецкий период использование местоименной формы в функции предикатива значительно сократилось и отражено лишь в единичных примерах, ср.: *sîn jâmer wart sô fester* (Hartman von Aue, Gregorius, 837) *горе его стало столь сильным* (Гартман фон Ауэ, Грегориус, 837); *ir sehet mich wol gesunden* (Nibelungenlied) *вы видите меня вполне здоровым* (Песнь о Нибелунгах). В названной функции явно преобладала несклоняемая форма прилагательного, которая в нововерхненемецкий период окончательно вытеснила формы с местоименными окончаниями из предикативного употребления, ср.: свн. *Der brunne der was küele, lûter unde guot* (Nibelungenlied, 979) *Источник был прохладен, чист и хорош* — нвн. *Der Brunnen war kühl, rein und gut*.

Данная форма, лишенная всяких окончаний, была наиболее пригодна для роли абсолютной формы, передающей лексическое значение прилагательного в чистом виде. С краткой формой в новый период сливается наречная форма, что приводит, таким образом, к складыванию общей категории признака, которая в зависимости от конкретных условий употребления ее в речи могла выступать как признак предмета (определение) или как признак действия (обстоятельство).

1. Изменения в сильном склонении имен прилагательных

Изменения в сильном склонении имен прилагательных крайне незначительны.

Так, вместо *-iu* в именительном падеже единственного числа женского рода и в именительном и винительном падежах множественного числа среднего рода появляется *-e*, т. е. свн. *-iu* > нвн. *-e*, например: свн. *guotiu* (*vrouwe*) — нвн. *gute* (*Frau*); свн. *schoeniu* (*Kint*) *schöne* (*Kinder*).

2. Изменения в слабом склонении

В средневерхненемецкий период слабое склонение имен прилагательных совпадало со слабым склонением имен существительных, а именно: именительный падеж единственного числа всех родов, а также винительный падеж единственного числа среднего рода оканчивались на *-e*, все остальные формы единственного и множественного числа на *-en*. В новый период у слабых существительных женского рода происходит выравнивание винительного падежа по именительному, то же самое изменение наблюдается и у слабых имен прилагательных женского рода.

Однако вскоре существительные женского рода в единственном числе окончательно утрачивают слабые окончания, которые сохраняются лишь у имен прилагательных в родительном и дательном падежах.

3. Изменения в склонении местоимений

1. Местоимения I и II лица

В нововверхненемецкий период в склонении личных местоимений I и II лица произошли следующие изменения:

1) Дательный падеж множественного числа II лица *iū* уже со второй половины XIII столетия смешивался с винительным падежом *iuch*.

Впоследствии форма *iū* исчезает и форма винительного падежа *iuch* употребляется как в дательном, так и винительном падежах.

2) Старые генитивы *mein*, *dein*, *sein* преобладают еще у М. Лютера.

Однако постепенно сфера их употребления ограничивается поэтическим и торжественным стилями речи. В нейтральном стиле речи начинают господствовать более распространенные формы *meiner*, *deiner* и *seiner*, возникшие, по всей вероятности, под влиянием форм родительного падежа множественного числа *unser* и *iüwer* (нвн. *unser*, *euer*). Пережитки более древних форм мы находим в таком сложном слове, как *Vergissmeinnicht*.

3) Форма возвратного местоимения *sich* во второй половине XVI столетия распространяется на дательный падеж, вытесняя средневерхненемецкие *im*, *ir*, *in*.

2. Местоимение III лица

В нововерхненемецкий период в склонении личных местоимений III лица произошли следующие изменения:

1) Удлинение гласного: ihm, ihr, ihn.

2) Именительный и винительный падежи единственного числа среднего рода некогда совпадали с родительным падежом. В современном немецком языке этот старый родительный уже не воспринимается как таковой, ср., например, *es ist Zeit, ich bin's zufrieden*.

Данная форма вытесняется родительным падежом возвратного местоимения *sich* — *seiner*.

3) То же самое наблюдается и в родительном падеже мужского рода.

Стилистическое распределение здесь такое же, как у *mein* — *meiner*, *dein* — *deiner*.

4) Формы *siu* и *sî* исчезли из языка, *sie* может соответствовать свн. *sie* и *sî*.

5) Дательный падеж множественного числа *in* > *ihnen* по аналогии с прилагательными.

6) Родительный падеж единственного числа женского рода и родительный падеж множественного числа *ig* > *iherg* под влиянием подобной же аналогии.

3. Указательные и вопросительные местоимения

В нововерхненемецкий период в склонении указательных и вопросительных местоимений произошли следующие изменения:

1) Звуковые и орфографические изменения, например, удлинение гласных, переход *z* > *s*.

2) Формы на *-iu* устраняются так же, как и у имен прилагательных.

В таком виде склонение сохраняется и до настоящего времени в атрибутивном употреблении.

Кроме того, образуются также распространенные формы: *des* > *dessen* (рефлексы *des* представлены в *deshalb*, *deswegen*, *desgleichen* и т. п.; ср. также *wes Brot ich eß*, *des Lied ich sing*), *der* > *deren*; мн. ч. — *deren* (*derer*), *denen*.

Происхождение этих распространенных форм обычно объясняется аналогией окончаний имен прилагательных. Относительно *dessen* предполагается слияние *des* с *en* (отрицательной частицей) в выражениях типа *des en was niht* — *dessen war nicht*. Что касается употребления этих форм, то следует отметить следующее: *dessen* служит почти исключительно для самостоятельного субстантивного употребления и вытесняет более краткую форму *des*.

Формы *deren*, *deren* (*derer*) и *denen* часто употребляются и атрибутивно (вплоть до XVIII в.), правда, их употребление частично ограничено случаями, когда на местоимения падало главное уда-

рение, ср. у Гёте: in **denen** Dingen, die mich interessieren. В современном немецком языке эти формы встречаются лишь в самостоятельном употреблении в роли существительного. Между формами *deren* и *derer* в родительном падеже множественного числа произошла дифференциация в употреблении.

Derer стало употребляться в тех случаях, когда за местоимением следовало придаточное предложение или распространенное определение (Ich nenne die Namen **derer**, die mit Orden ausgezeichnet sind; das sind die Namen **derer** von Alvensleben). Однако, как отмечает Г. Пауль в своей «Немецкой грамматике», часто наблюдаются смешанные случаи.

Вопросительное местоимение *wer*, *was* образует свои формы подобно обычным, нераспространенным формам местоимения *der*. С формой *dessen* перекликается форма *wessen*.

Аналогичные изменения наблюдаются и в склонении других притяжательных и относительных местоимений.

3. ИЗМЕНЕНИЯ В ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

1. Изменения в рядах аблаута сильных глаголов

В нововерхненемецкий период тенденция к выравниванию чередований в рядах аблаута является весьма действенной. В пределах форм одного и того же глагола устраняется ненужное чередование гласных в формах единственного и множественного числа претерита. Вследствие этих изменений аблаут приобретает подлинно функциональное значение как средство образования разных временных основ.

Процесс выравнивания происходил постепенно. Он начался раньше всего в южной Германии. Выравнивание внутри отдельных классов происходило в разное время. В то время как в первом классе выравнивание происходит очень рано, в третьем классе колебания то в сторону единственного, то в сторону множественного числа продолжают вплоть до XVIII в.

Выравнивание в чередовании гласных сопровождается ликвидацией чередования согласных по закону Вернера, которое с точки зрения давно установившихся в немецком языке звуковых закономерностей утратило свою осмысленность и обоснованность.

Происходит выравнивание и между отдельными подгруппами внутри одного и того же ряда.

I ряд

свн. \hat{i} — a) *ei*, b) \hat{e} — *i* — *i*

нвн. *ei* — $\hat{i}[i]$, $\hat{i}[i:]$ — $\hat{i}[i]$, $\hat{i}[i:]$

свн. a) *stügen* — *steig* — *stigen* — *gestigen*

b) *lîhen* — *lêch* — *lihen* — *gelihen*.

Выравнивание начинается на юге Германии в конце XV в. и заканчивается примерно в середине XVII в. Побеждает гласный формы претерита множественного числа, ибо в противном случае в новонаемецкий период произошло бы совпадение гласного инфинитива и претерита. Таким образом, в данном случае проявляется действующая в языке тенденция к дифференциации, ср. нвн. *steigen* — *stieg* — *gestiegen*. Кроме того, происходит ликвидация древнего разделения на подгруппы с *h* и без *h*, ср. нвн. *leihen* — *lieh* — *geliehen*.

Это произошло потому, что в языке перестала действовать закономерность стяжения дифтонга перед *h*.

Однако в пределах первого класса появились две новые подгруппы, связанные с новонаемецкой фонетической закономерностью — ритмическим выравниванием долготы и краткости ударных слогов:

а) краткий гласный в претерите закрепляется перед любым ударным согласным или *t*, например: *greifen* — *griff* — *gegriffen*, *reiten* — *ritt* — *geritten*.

б) долгий гласный выступает в претерите перед любым простым согласным, например: *steigen* — *stieg* — *gestiegen*, *bleiben* — *blieb* — *geblieben*.

Что касается ликвидации грамматического чередования согласных по закону Вернера, то между *h* — *g* оно ликвидируется в пользу *h*, которое в новонаемецкий период не произносится (*gedeihen*, *verzeihen*).

Однако чередование *d* — *t* сохраняется в *leiden*, *schneiden*.

Некоторые сильные глаголы I ряда исчезли из языка, ср. свн. *bîten* *ждать*, *rîsen* *падать*, *nîgen* *клясться* и др.

Глаголы *keifen*, *kreischen*, *beneiden*, *gleißen* становятся слабыми.

II ряд

свн. *ie* — а) *ou*, б) *ô* — *u*, *o*

нвн. *ie* — *o* — *o*

Существующее в средневерхнеемецкий период различие в звучании между единственным и множественным числом в новонаемецкий период ликвидируется в пользу форм единственного числа, при этом *o* закрепляется в первой подгруппе, ср.:

свн. *biegen* — *bouc* — *bugen* — *gebogen*

bieten — *bôt* — *buten* — *geboten*

нвн. *biegen* — *bog* — *gebogen*

bieten — *bot* — *geboten*.

Были ликвидированы все различия, которые с точки зрения современного немецкого языка уже не наделялись определенной грамматической или какой-нибудь иной функцией, а также не могли

быть объяснены с точки зрения существующих в новый период фонетических закономерностей.

Однако появляются новые подразделения, тесно связанные с ритмическим выравниванием долготы и краткости ударных слогов. Часть глаголов в претерите имеет долгий гласный, другая — краткий. При этом количество гласных в претерите и причастии одинаково. К первой подгруппе можно отнести *schieben, stieben, biegen, fliegen, fliehen, bieten* и др., ко второй — *triefen, kriechen, riechen, fließien, gießen, genießen, schießen* и др. Большую роль в выравнивании гласного претерита по единственному числу сыграло наличие причастия с таким же гласным.

Выравнивание форм в пределах II ряда происходило на протяжении XV—XVI вв.

Грамматическое чередование по закону Вернера утвердилось лишь у *ziehen* и *sieden* (*h — g*), (*d — t*). Чередование *s — r* сохраняет *erkiesen — erkor — erkoren* (ср. свн. *friesen* — нвн. *frieren*, свн. *verliesen* — нвн. *verlieren*). Необычный вокализм в инфинитиве имеют глаголы *saugen, saufen, schnaufen*.

Часть глаголов II ряда переходит в группу слабых глаголов: *schmiegen*, а также глаголы со специфическим развитием вокализма в инфинитиве — свн. *bliuwen, riuwen, briuwen, kiuwen*; нвн. *bleuen, reuen, brauen, kauen*.

У некоторых глаголов параллельно существуют слабые формы, например, *triefen — troff* (книжно-литературный стиль) и *triefte* (разговорный стиль). Причастие *getroffen* стало уже неупотребительным, поскольку оно совпадало с причастием от *treffen*. Вместо него в современном немецком языке употребляется причастие *getrieft*. Переход глагола *triefen* в класс слабых глаголов можно считать уже завершившимся. Нередко встречались слабые формы претерита и причастия II от глаголов *sieden* и *saugen*, например: *saugen — sog* и *saugte, gesogen* и *gesaugt*.

Исчезли из языка свн. *klieben* *расцеплять, трескаться*, *diezen* *шуметь*, *giezen* *плакать*, *lûchen* *закрывать*.

III ряд

- свн. a) *i — a — u — u*
 b) *e — a — u — o*

a) Большинство относящихся к данной подгруппе глаголов после длительного периода колебаний, затянувшегося вплоть до XVIII в., приобрели во множественном числе претерита *a*, а в претерите конъюнктива соответственно *ä*, ср.: *binden, finden, dringen, klingen, schwinden, trinken, singen, sinken* и др.

Ряд глаголов имел удвоенный носовой, перед которым *u* в претерите множественного числа и в причастии прошедшего времени в нововерхненемецкий период развились в *o*, ср.: *sinnen — sann — sonnen — gesonnen*.

После долгих колебаний в претерите множественного числа восторжествовало *a*, а соответственно этому в претерите конъюнктива *ä* у глаголов *beginnen, rinnen, schwimmen, sinnen, spinnen, gewinnen*.

У глаголов *klimmen* и *glimmen* в претерите победило *o*.

Исчезли из языка глаголы: *brinnen* (вытесненный первоначальным каузативом *brennen*), *dimpfen* (вытесненный производным от него слабым глаголом *dampfen*), *gimpfen* *морщить* и некоторые др.

б) Данная подгруппа распадается в новый период на несколько подразделений:

1) Особняком стоит глагол *werden*. У него имеются две формы прошедшего времени в единственном числе: *ward* и *wurde*.

Форма *wurde* употребительна в нейтральном стиле речи. Форма *ward* первоначально была характерна для торжественного стиля речи благодаря свойственному ей оттенку архаичности.

В настоящее время она часто встречается в письменной форме литературного языка без оттенка торжественности.

2) Большинство глаголов после длительного периода колебаний приобрели *a* в претерите множественного числа изъявительного наклонения; в сослагательном наклонении *ü* сохранилось дольше, отсюда наличие вплоть до последнего времени двойственных форм: *wärfe — würfe, hälfe — hülfe*.

В этих случаях выравниванию долгое время препятствовала возможность смешения презенса и претерита сослагательного наклонения, а также претерита сослагательного и презенса изъявительного наклонения.

3) У некоторых глаголов в претерите побеждает и утверждается *o*, характерное для причастия, ср. *quellen, schmelzen, schwellen*. Сюда относится также глагол *erschellen*. Инфинитив в названной форме исчез. Он был заменен формой *erschallen*, другие формы остаются старыми. Слабыми становятся глаголы *bellen* (сильная форма встречается в XVIII и XIX вв.), *gellen, melken* (сохраняет сильное причастие *gemolken*), *schwelgen, schmerzen*.

IV ряд

свн. *e — a — ä — o*

нвн. *e — a[α:] — o*

В претерите выравнивание произошло за счет распространения долготы форм множественного числа на формы единственного. Подразделения образовывались в зависимости от того, сохранялась ли в инфинитиве и причастии краткость или же происходило удлинение гласного.

а) Удлинение было невозможно там, где последующий согласный был удвоенным по второму верхненемецкому передвижению: *treffen, brechen, sprechen, stechen, schrecken* (первоначально — слабый).

б) Удлинение происходит у *stehlen* и *gebären*.

с) *nehmen* — удлинение

nimm } — краткость
genommen }

Некоторые глаголы развивались специфически, ср. *kommen*. Слабыми стали глаголы: *gächen*, *hehlen* (ср. *verhohlen*), *entbehren* (ср. *gebären*).

В нововерхненемецкий период наблюдается переход некоторых глаголов из III в IV ряд, ср.: *befehlen*, *empfehlen* — свн. *bevelhen*, *empvelhen* (III ряд).

V ряд

свн. $e - a - \hat{a} - e$

нвн. $e - a[\alpha:] - e$

Выравнивание происходит в пользу долгого *a*. Подобно тому, как это можно было наблюдать в IV ряду, происходит разделение на подотделы в зависимости от того, был ли удлинён гласный в инфинитиве и причастии в новый период:

а) *essen*, *vergessen*, *messen*;

б) *geben*, *lesen*, *genesen*, *geschehen*, *sehen*;

с) особое место занимает глагол *treten*; инф. *treten*, но *du trittst*, *er tritt*.

К V ряду относятся бывшие *j-praesentia*: *bitten*, *liegen*, *sitzen*.

Удлинение произошло у глагола *liegen* и в причастиях — *gelegen*, *gebeten*.

Некоторые глаголы, относившиеся ранее к V ряду, в новый период начинают совпадать (по образованию претерита и причастия) с некоторыми глаголами III ряда, ср. *weben* (сильная форма употребляется в поэтическом стиле, а также в швейцарском варианте немецкого языка), *bewegen* (в значении *zu einem Entschlusse bestimmen*). Слабыми стали глаголы *jäten* и *kneten*. Исчезли из языка глаголы *jehen* *утверждать* (в XVII в.), *gueden* *говорить*, *weten* *связывать*. Грамматическое чередование по закону Вернера у *lesen* и *genesen* (*lâren*, *genâren*) в новый период ликвидируется, всюду утверждается *s*.

VI ряд

свн. $a - io - io - a$

нвн. $a - u - a$

Перед простым согласным *a* в новый период в настоящем и прошедшем времени удлиняется, и долгота сохраняется в претерите, ср. *fahren*, *graben*, *laden*, *tragen*, *schlagen* (у последнего глагола ликвидируется грамматическое чередование по закону Вернера, наблюдаемое еще в ранненововерхненемецкий период, ср.: *slahen* — *sluoc*, *sluogen* и т. п.).

Перед двойным согласным сохраняется краткость *a* в инфинитиве, например: *wachsen, waschen*, в претерите же, по аналогии с другими глаголами, эти глаголы имеют *u* долгое, ср. совр. *wusch* [wu:], *wuchs* [wu:ks], ср. также *schaffen* — *schuf*.

Бывшие *j-praesentia* имеют в презенсе *e* или *ö* вместо *a*.

В связи с этим в новый период они образуют формы прошедшего времени и причастия иначе, чем другие глаголы шестого ряда, ср.: *heben* — свн. *huob, gihaben* (последняя форма сохраняется до XVIII в., ср. совр. прилагательное, первоначально причастие *erhaben*); с XVII в. *heben, hob, gehoben* (т. е. данный глагол примыкает к формам глаголов, наблюдаемым в III, IV, V рядах, ср. *weben, wob, gewoben*); *schwören* (до XVIII в. *sweren*), *schwor, geschworen*. Слабым стал глагол *mahlen* (ср. его сильное причастие *gemahlen*), полностью слабыми являются *nagen, schaben, waten*.

VII ряд

Глаголы этого ряда в претерите имеют *ie*, гласный инфинитива и причастия совпадает:

- 1) *fallen, halten, lassen*;
- 2) *fangen* (свн. *vâhen — vienc*), *hing; hängen* (свн. *hâhen — hienc*), *hing; gehen — ging*;
- 3) *blasen, braten, raten, schlafen*;
- 4) *heißen, scheiden*;
- 5) *rufen*;
- 6) *hauen, laufen, stoßen*.

Слабые формы прошедшего времени в нововерхненемецкий период имеют *falten, salzen, spalten*, полностью слабыми стали *bannen, umhalsen, spannen, wallen, walten* и др.

Глагол *bagen* — *спорить, бороться* исчез из языка уже в XIV в.

2. Сокращение группы глаголов типа *brennen — brannte*

Как уже известно, в средневерхненемецкий период происходит перегруппировка слабых глаголов. В это время различались две группы глаголов: I — бывшие долгосложные первого класса или глаголы с так называемым «обратным умлаутом»; II группа — все остальные глаголы.

Однако между этими двумя группами нельзя было провести четкой границы, так как соединительный гласный подвергался синкопе не только у долгосложных глаголов первого класса, но и у целого ряда других глаголов (в особенности после сонорного).

Уже в средний период обозначается тенденция к выравниванию трех древних классов слабых глаголов. Эта тенденция продолжает свое действие и в новый период.

Первоначально у каждого слабого глагола в этот период имелись параллельные формы с *e* и без *e*. Постепенно устраняется об-

ратный умлаут. Его устранению способствовали, по-видимому, два обстоятельства: 1) прекращение действия определенной фонетической закономерности, приобретение умлаутом морфологической функции; 2) отсутствие необходимости данной морфологической функции в прошедшем времени слабых глаголов, так как категория времени и без того была в них достаточно ярко выражена дентальным суффиксом.

Утверждаются в немецком национальном литературном языке формы с обратным умлаутом от глаголов *brennen*, *kennen*, *neppen*, *rennen*. Там, где от претерита образуются конъюнктивные формы, сохраняется старинное обозначение умлаута: *brennte*, *kennte*, *nennte*, *rennte*.

Однако этих форм в современном немецком языке избегают.

У двух глаголов наличие двойственных форм сохранилось до настоящего времени, ср.: *senden*, *sandte* (*sendete*), *gesandt* (*gesendet*); *wenden*, *wandte* (*wendete*), *gewandt* (*gewendet*).

В сослагательном наклонении употребляются только формы *sendete*, *wendete*. Сохраняется обратный умлаут лишь в отдельных, оторвавшихся от глагола причастиях, ставших в современном языке прилагательными, ср. *getrost* (*hoffnungsvoll*, *ohne Besorgnis*); *wohlbestallt* (*gut angestellt* — с шутливым оттенком) и др.

Некоторые слабые глаголы первого класса во всех германских языках образовывали свое прошедшее время без связующего гласного, ср. готск. *þagkjan* — *þâhta*, *þâhts*, свн. *denken* — *dâhte*, *gedâht*, совр. *denken* — *dachte*, *gedacht*. Глагол *denken* сохраняет особенности образования прошедшего времени и в современном немецком языке.

Иначе обстояло дело с другими глаголами, принадлежавшими к той же группе, ср. готск. *þugkjan* — *þûhta*, *þûhts*; свн. *dûnken* — *dûhte*, *gedûht*, рнвн. *dauchte* — *gedaucht* (данные формы продержались до XVIII столетия, особенно устойчивым был конъюнктив *deuchte*).

Однако в новый период регулярными формами становятся *dünkte*, *gedünkt*.

Чередование гласных ликвидируется также у глаголов: готск. *waúrckjan*, *waúrhta*; свн. *wúrken* — *worhte*, *geworht*; нвн. *wirken* (делабиализованная форма из средненемецких диалектов) *wirkte*, *gewirkt*; двн. *furihten* — *forahta*; свн. *vúrhten* — *vorhte*, *gevorht*; нвн. *fürchten* — *fürchtete*, *gefürchtet*.

У глаголов *bringen* и *beginnen* в средневерхненемецкий период в прошедшем времени дентальный суффикс сочетался с аблаутом.

В современном немецком языке подобное образование прошедшего времени сохраняет лишь глагол *bringen*.

Глагол *beginnen* наряду со слабой формой прошедшего времени *begonde*, *begunde* имел также сильную форму *begann*.

Последняя форма вытеснила в новый период слабую форму.

3. Изменения в группе неправильных глаголов

1) Претерито-презентные глаголы

I. *wissen*. В претерите формы *wisse*, *wesse* являются более древними, сменившимися возникшими позднее по аналогии со слабыми глаголами формами *wiste*, *weste*. Формы *wiste*, *weste* встречаются вплоть до XVII столетия, однако впоследствии они вытесняются появившимися в XV в. формами *wuste*, *wuhte*. То же происходит и с причастием.

Возникновение форм с *u* трудно объяснимо. Согласно мнению Г. Пауля, *i* в конъюнктиве (*wiste*) воспринималось как делабиализованное *ü*, что привело к возникновению претеритальной формы *wuhte*.

II. *taugen* (свн. *touc*, *tûgen*, *tohte*). В XVII в. данный глагол окончательно становится слабым. Этому способствует развитие звуковой системы немецкого языка в новый период, ср. свн. *tûgen* — *touc*, нвн. *taugen* — *taug*.

III. а) *können*. Свн. *kan*, *kanst* (*s* — неизвестного происхождения, ср. *Kunst*, однако в настоящее время оно воспринимается как элемент личного окончания II лица единственного числа), *kunnen*, *künnen*, *kunde*; нвн. *können*, *kann*, *kannst*, *konnte*.

б) *dürfen* (свн. *darf*, *darft*, *durfen* и *dürfen*, *dorfte*). Форма *darft* исчезает в XV в. и появляется форма *darfst*.

Претеритальная форма *dorfte* существовала до XVIII в. и лишь затем была вытеснена формой *durfte*.

IV. *sollen* (свн. *sol*, *solt*, *sul(e)n*, *sül(e)n*, *solte*). Форма второго лица *solt* встречается вплоть до XVIII в. Наряду с ней уже в средневерхненемецкий период появляется форма *solst*, которая, однако, побеждает лишь в нововверхненемецкий период.

Поскольку большинство форм имело в основе гласный *-o*, то последний распространяется и на инфинитив, ср. свн. *suln*, *süln* — нвн. *sollen*.

V. *mögen* (свн. *mac*, *maht*; *magen*, *megen*; *mugen*, *mügen*; претерит — *mahte*, *mohte*; конъюнктив — *möhte*, *mehte*). Нвн. *magst* вместо *maht* (с XV в.); *mügen* > *mögen* (окончательно *mögen* побеждает в XVII в.).

VI. *müssen* (свн. *muoz*, *muozt*, инфинитив — *muozen*, *müezen*, претерит — *muose*¹, *muoste*). Гласный основы в нововверхненемецкий период подвергается монофтонгизации, а впоследствии сокращается.

2) Атематические глаголы

а) Глагол существования (нвн. *sein*)

В нововверхненемецкий период форма III лица множественного числа настоящего времени распространяется на первое

¹ Форма *muose* более древняя по своему происхождению и имеет такое же объяснение, как форма *wisse*.

лицо, поскольку для данного периода вообще характерно совпадение I и III лица множественного числа в настоящем времени изъявительного наклонения. Форма II лица множественного числа испытывает лишь фонетические изменения (ср.: свн. *sît* — нвн. *seid*).

В настоящем времени сослагательного наклонения по аналогии с тематическими глаголами утверждаются двусложные формы (ср.: свн. *sî*, *sîst*; нвн. *sei*, *seiest* и т. п.).

В единственном числе повелительного наклонения конъюнктивная форма *sei*, поддержанная формой множественного числа (нвн. *seid*), вытеснила старинную форму императива *bis*. В качестве инфинитива в нововерхненемецкий период утверждается форма *sein*, поддерживаемая парадигмой настоящего времени.

Следы старого инфинитива присутствуют в современных прилагательных *abwesend* и *anwesend*, которые по своему происхождению являются причастиями настоящего времени, а также в существительном *das Wesen* (по происхождению — субстантивированном инфинитиве).

б) Глагол *tun*

В нововерхненемецкий период спряжение глагола *tun* в настоящем времени подверглось аналогии других (тематических) глаголов и ничем от этого спряжения не отличается.

В прошедшем времени наблюдается выравнивание гласного в формах единственного и множественного числа, причем побеждает гласный множественного числа, ср.: свн. ед. ч. *tete*, мн. ч. *tâten* и нвн. *tat* — *taten*.

в) Глаголы *gehen* и *stehen*

В нововерхненемецкий период в настоящем времени у этих глаголов побеждают стяженные формы с *ê*, характерные ранее для средненемецких и баварского диалектов.

Окончание *-n* в первом лице единственного числа по аналогии с другими глаголами устраняется. По аналогии с большинством глаголов в других лицах также образуются двусложные формы.

Формы прошедшего времени и причастия глагола *gehen* образуются от древней основы *gangan*, относящейся к VII ряду аблаута (ср. свн. *gieng* — нвн. *ging* с сокращением гласного перед *-ng*). Форма прошедшего времени глагола *stehen* образовалась от основы *stantan*, относящейся к VI ряду аблаута (ср.: свн. *stuont*, *gestanden*).

С конца XVII в. появляется форма *stand*. Старая форма свн. *stuont*, рнвн. *stund* дольше всего сохраняется в сослагательном наклонении (*stünde*). Однако более распространенной является все же форма *stânde*.

г) Глагол *wollen*

(Свн. наст. вр. ед. ч. I л. *wil*, II л. *wilt*¹, III л. *wil*; мн. ч. I л. *wellen*, II л. *wellet*, III л. *wellent*, прет. *wolte*.)

В новонемецкий период происходят следующие изменения: в единственном числе (I, III л.) сохраняется старая форма *wil*, по аналогии с другими формами вводится удвоенное написание *l*. Во II лице в течение длительного времени выступала форма *wilt*, но с XVII в. начинает употребляться образованная по обычному спряжению форма *willst*.

Во множественном числе вместо форм с *e* в новонемецкий период употребляются формы с *o*. Это *o* проникло, по-видимому, из претерита. Формы с *o* встречались во франкских диалектах уже в древневерхнемецком периоде, в средний период они выступали в среднемецких диалектах.

В новонемецкий период появляется причастие *gewollt*.

д) Глагол *haben*

В средневерхнемецком периоде в настоящем времени изъявительного наклонения наряду с полными формами встречались стяженные, спрягаемые по аналогии с *gân, stân*, т. е. *ich hân, du hâst, er hât, wir hân, ir hât, sie hânt*. Возникновение этих форм связано с ударением. Обычно стяженные формы выступали тогда, когда *haben* выполняло функцию вспомогательного глагола. Когда же *haben* использовалось в самостоятельном значении, для него было характерно употребление полных форм.

В новонемецкий период произошло смешение двух названных видов форм, ср.: нвн. *du hast, er hat* (с сокращением *a*), с одной стороны, и *ich habe, ihr habt, wir haben* и т. д. — с другой.

В средневерхнемецком периоде и в претерите имелись стяженные формы, частично восходящие к древнемецким *habeta, hebita* (свн. *hate, hæte*).

В новонемецкий период лишь одна из них продолжает свое существование с сокращенным *a* — *hatte*. В причастии утвердилась нестяженная форма *gehabt*.

4. Изменения в спряжении глаголов в настоящем и прошедшем времени

1) Окончание *-ent* в форме III лица множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения устраняется и по аналогии с совпадающими окончаниями форм III лица множественного числа претерита и конъюктива заменяется общим окончанием *-en*.

2) Особое положение формы II лица единственного числа претерита изъявительного наклонения сильных глаголов (наличие у

¹ Данная форма возникла по аналогии с претерито-презентными глаголами.

нее окончания *-i*) не могло утвердиться надолго. Уже в конце средневерхненемецкого периода к данной форме по аналогии с презенсом присоединяется обычное для II л. ед. числа окончание *-st*, при этом сохраняется прежний корневой гласный, т. е. возникает форма типа *du bündest* (или *bundest*).

Еще Шоттель в середине XVII в. рекомендовал образовать формы претерита от глагола *binden* следующим образом: *ich band — du bundest — er band*.

В нововеерхненемецкий период в конце XVII в. эта форма в отношении гласного приводится в соответствие с другими формами единственного числа, ср.: нвн. *ich band — du bandest, er band*.

3) Незначительные различия между окончаниями в спряжении сильных и слабых глаголов порождают тенденцию к их выравниванию. Уже в средневерхненемецкий период появляются формы повелительного наклонения на *-e* от сильных глаголов. В новый период развития немецкого языка постепенно устанавливается следующее правило:

Сильные глаголы имеют в единственном числе повелительного наклонения окончание *-e*. Исключение составляют те глаголы, у которых форма императива имеет корневой гласный, отличающийся от корневого гласного инфинитива, ср.: *hilf — helfen*, с одной стороны, и *reite — reiten, binde — binden* и т. п. — с другой.

Старинные формы сохраняют также *komm* и *lass*.

4) Причастие настоящего времени в новый период имеет несклоняемую форму.

5) Склоняемые формы инфинитива исчезают. Из формы дательного падежа в сочетании с предлогом *zu* развивается современный инфинитивный оборот «инфинитив + *zu*».

6) Хотя разнообразные гласные окончаний уже в средневерхненемецкий период редуцировались в *e*, их первоначальное качество можно иногда угадать по тому действию, которое они оказали на предшествующий гласный. Речь идет о сильных глаголах, которые имеют чередование гласных в презенсе.

Так, во II, III лице единственного числа глаголы с гласным, способным подвергаться умлауту, т. е. глаголы VI и VII рядов, имеют умлаут, например: *ich fahre — du fährst, ich falle — du fällst* (он вызывался ранее окончаниями II, III л. ед. ч. — *-it, -ist*). Повышение корневого *e* в *i* в I лице единственного числа под влиянием выступавшего некогда в первом лице окончания *u* в новый период утрачивается (ср.: свн. *nemen — nime* и нвн. *nehmen — ich nehme*). Однако оно сохраняется во II и III л. (*du nimmst, er nimmt*). Это объясняется, по-видимому, тем, что первое лицо преобладающего большинства глаголов имеет тот же гласный, что и в инфинитиве, а во II и III лице у целой группы глаголов наблюдается чередование.

В сослагательном наклонении личные окончания не изменяются сравнительно со средним периодом. Корневой гласный в связи с

выравниванием в претерите изъявительного наклонения изменился соответствующим образом.

5. Развитие аналитических форм

Аналитические формы перфекта и плюсквамперфекта оказываются вполне сложившимися уже в средневерхненемецкий период.

Современная аналитическая форма будущего времени изъявительного наклонения, а также аналитические формы сослагательного наклонения (*Konditionalis*) складываются лишь в новый период. Именно в новый период происходит окончательное вытеснение инфинитивом причастия первого из описательного оборота с начинательно-футуральным значением. На протяжении XV—XVII вв. происходит окончательная грамматикализация названного явления, утрата им всякого оттенка начинательности и закрепление чисто грамматического футурального значения. Поэтому претерит изъявительного наклонения этого оборота становится совершенно неупотребительным (у М. Лютера мы находим еще *Moses aber ward zittern*). Однако конъюнктив претерита данного оборота проделал развитие, аналогичное развитию презенса, и таким образом возникло средство для выражения будущего события с точки зрения прошлого (будущее в прошедшем).

Так возник *Konditionalis*, который в новонемецкий период часто замещает конъюнктив претерита, особенно у слабых глаголов.

Состав форм страдательного залога в новый период пополняется новыми формами (плюсквамперфекта, будущего времени, кондационалиса).

Таким образом, развитая система аналитических глагольных форм складывается лишь в нововверхненемецкий период на протяжении XIV—XVI вв.

ГЛАВА IV СИНТАКСИС

1. ИЗМЕНЕНИЕ ФУНКЦИЙ ПАДЕЖЕЙ И РАЗВИТИЕ ПРЕДЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Функцией падежа является выражение им определенных синтаксических отношений. При переходе к новому периоду большинство падежей сохраняет свою основную функцию, что не исключает возможности ее совершенствования и уточнения.

Более или менее значительные изменения в употреблении наблюдаются у родительного падежа, который утрачивает некото-

рые из присущих ему ранее функций. Так, в новый период становится невозможным употребление родительного выделительного для обозначения меры (ср. свн. ein stücke brotes *кусок хлеба*); при числительных (ср. свн. starker rigele zwêne *два крепких засова*); при прилагательных и местоимениях с количественным значением (ср. свн. vil der liute *много людей*). Не характерно для немецкого языка в новый период его развития употребление генитива, обозначающего материал, из которого сделан предмет (ср. в «Песне о Нибелунгах» — grünne rotes goldes *броня червонного золота*).

Значение падежей в процессе исторического развития языка становится все более и более абстрактным. В целом ряде случаев для уточнения и дополнения значения падежа выступают предлоги. Новый период характеризуется активным развитием предложных конструкций. Однако предлоги не заменяют падежей. Они лишь выступают в сочетании с падежными формами, уточняя и конкретизируя посредством своего лексического значения характер связи между именем существительным в форме косвенного падежа или какой-либо другой частью речи в субстантивном употреблении и другим существительным, глаголом, прилагательным, местоимением, наречием.

2. ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ ОПРЕДЕЛЕННОГО И НЕОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЕЙ

В нововерхненемецкий период происходит дальнейшее усовершенствование и уточнение употребления определенного и неопределенного артиклей. Именно в новый период выделяется обобщающая функция неопределенного артикля наряду с его индивидуализирующей функцией (ср., например, свн. nie keiser wart so rîche; нвн. nie wurde ein Kaiser so reich, ein Kind kann das begreifen). Устраняется неопределенный артикль из сравнений, например: свн. wîz alsam ein snê — нвн. weiß wie Schnee. Изживается неопределенный артикль в обращениях, где он встречался в средний период (ср. свн. genâde ein küneginne — нвн. Gnade, Königin). Становится неупотребительным артикль при обозначениях профессии или сословия. Уточняется употребление артикля со словами, обозначающими понятия, единственные в своем роде.

3. ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Уточняется употребление краткой, так называемой несклоняемой формы имен прилагательных. В новый период она встречается лишь в предикативном употреблении, тогда как в средний период она была распространена и в атрибутивном употреблении, ср.:

свн. ein guot man. Подобное ее использование сохраняется вплоть до XVI в. Постепенно употребление несклоняемой формы в атрибутивной функции сокращается и полностью исчезает. Теперь оно встречается лишь во фразеологических оборотах, сохранивших архаическую форму, например: auf gut Glück, gut Ding will Weile haben, и в поэзии со стилизацией под народную речь (Röslein, Röslein, Röslein rot).

Слабая форма выступает первоначально там, где существительное, которое она поясняет, предполагается уже чем-то определенным или уже названным. Это употребление характерно было и для среднего периода, но от него нередки были отклонения. В новый период данное употребление слабой формы уточняется и закрепляется.

Сильная форма закрепляется там, где отсутствуют определяющие существительное артикль или местоимение, а также там, где местоимение не способно дать грамматическую характеристику существительному.

Таким образом, в новый период происходит четкое распределение функций между отдельными формами имен прилагательных:

Несклоняемая форма	Склоняемая форма	
Der Junge ist klug	der kluge Junge	ein kluger Junge
	Слабая (при наличии грамматической определенности существительного)	Сильная (при отсутствии грамматической определенности существительного)
Предикативное употребление	Атрибутивное употребление	

4. ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ ВРЕМЕН И НАКЛОНЕНИЙ

В связи с развитием целого ряда аналитических форм немецкий язык приобретает широкие возможности для выражения относительных времен. Стало возможным более точное выражение последовательности времен. Функции отдельных времен уточняются. Претерит конъюнктива в новый период окончательно утрачивает всякий оттенок прошедшего времени, выражая лишь модальное значение ирреальности.

5. ВЫРАЖЕНИЕ ОТРИЦАНИЯ

Для средневерхненемецкого периода характерно было наличие двучленного отрицания. Лишь в конце средневерхненемецкого периода встречаются предложения с одночленным отрицанием *nîht*. В новый период возможно употребление лишь одного отрицания в предложении.

Наряду с отрицательной частицей *nicht*, в конце средненемецкого периода появляется отрицательное слово *kein*. Последнее возникло путем неправильного переразложения отрицательного местоимения: свн. *nohein*, *nihein*; *nehein*, *nechein*, *nekein* *ни один, никакой*. Первая часть данного местоимения *ne* по ложной этимологии была истолкована как отрицательная частица *ne* и отброшена после закрепления за предложением лишь одного отрицания (раньше «*ne + kein*», по-видимому, истолковывалось как сумма двух отрицаний).

В современном немецком языке отрицательная частица *nicht* отличается высокой степенью абстракции. Она неизменяема и может сочетаться с любым словом.

Возникшее сравнительно недавно отрицательное слово *kein* носит менее отвлеченный характер и сочетается лишь с существительными. Следует отметить, что в средневерхненемецкий период *kein*, как и *dehein*, могло употребляться и не в отрицательном значении — *некий, какой-нибудь*.

Однако постепенно к концу среднего периода значение *kein* ограничивается отрицательным.

6. УСТАНОВЛЕНИЕ НОРМ ПОРЯДКА СЛОВ

При наличии в языке обилия ярко охарактеризованных своими собственными показателями форм слов нет особой нужды в том, чтобы они располагались в строгом порядке (ср. латинское предложение *hominem femina videt*, смысл которого не затемнится при перемене мест входящих в него слов, ср. также русские предложения). Однако с утратой словами ярких внешних грамматических характеристик существенное значение для определения функции членов предложения приобретает порядок следования их друг за другом (ср. известный пример Ж. Вандриеса — *Pierre frappe Paul*; ср. также у Э. Сепира — *the farmer kills the duckling*).

В немецком языке порядок слов имеет существенное значение не столько для определения функций различных членов предложения, сколько для противопоставления друг другу разных видов предложений и их частей (повествовательное — вопросительное; главная часть предложения — придаточная часть предложения).

В немецком языке в новый период его развития можно констатировать установление определенных норм порядка слов, норм, заложенных уже в предшествовавшие периоды его развития и постепенно уточняющихся и закрепляющихся. Эти нормы носят глубоко национальный характер, они специфичны лишь для немецкого языка и отражают внутренние законы его развития.

Естественно, что наиболее четкий и закрепленный характер немецкие нормы порядка слов носят в литературном языке. В устной

народной речи встречаются и отступления от определяемого правилами порядка слов.

Новонемецкий период характеризуется дальнейшим развитием средств синтаксической связи — союзов, логического подчинения.

Уточняется употребление отдельных союзов. Так, в условных предложениях с XV в. не употребляется союз *ob* (ср. англ. *if*), вместо него употребляется *wenn*.

ГЛАВА V

ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В НОВЫЙ ПЕРИОД

Нововерхненемецкий период охватывает весьма значительный промежуток времени, к тому же его отнюдь нельзя считать законченным в настоящее время. Естественно, что в названный период возникло большое количество новых слов. Важнейшую роль при возникновении новых слов играет словообразование. Необходимо отметить, что словообразовательные категории носят отвлеченный, абстрактный характер и отличаются большой устойчивостью, сохраняясь на протяжении десятков столетий. Это можно наблюдать на процессе исторического развития немецкого языка. Некоторые словообразовательные средства принадлежат к основному словарному фонду. Они претерпевают определенные фонетические изменения, значения их уточняются, но в основном они сохраняются и в нововерхненемецкий период.

Однако и в новый период можно констатировать, помимо отмеченных уточнений и усовершенствований, появление некоторых новых словообразовательных типов. Так, в нововерхненемецкий период окончательно утверждается новый тип словосложения, предпосылки для возникновения которого были подготовлены уже в средневерхненемецкий период. Это так называемые неполносложные образования (*uneigentliche Komposita*). Речь идет об образовании сложных слов типа *Sonnenschein*, ср. *der Sonnen Schein*; *Wildschwein* — *das wilde Schwein*. Они восходили первоначально к синтаксическим сочетаниям, затем флексия была переосмыслена как соединительный элемент (ср. совр. *Sommernachtstraum*). Большое значение в новый период приобретают так называемые сложнопроизводные слова (*Zusammenbildungen*)¹ (*alte Jungfer* — *altjüngferlich*, *blaue Augen* — *blauäugig*).

¹ См.: *Левковская К.А.* Лексикология немецкого языка. — Учпедгиз, 1956. — С. 168—169.

В нововерхненемецкий период появляются глаголы и имена существительные, образованные от имен собственных: göntgen, Luthertum, Eulenspiegel.

Лишь в новый период появляются сложные слова, первым элементом которых являются атрибутивные группы (Altweibersommer, Kleinrentnerfürsorge). В словообразовании нового периода, особенно последних десятилетий, все большее значение приобретают инициальные сложносокращенные слова, ср. AEG (Allgemeine Elektrizitätsgesellschaft), DGB (Deutscher Gewerkschaftsbund), EG (Europäische Gemeinschaft) и т. п.

В нововерхненемецкий период соперничество суффиксов *-chen* и *-lein* заканчивается победой *-chen* в нейтральном стиле речи. Суффикс *-lein* характерен больше для поэзии и для народной речи.

Устойчивость словообразовательных средств вовсе не означает того, что в словообразовании все является раз и навсегда данным, застывшим и неизменяющимся. Устойчивость словообразовательных средств не отрицает их развития. И в словообразовании можно наблюдать нечто возникающее, живое, развивающееся, с одной стороны, и нечто отмирающее, с другой стороны; продуктивное (ср. суфф. *-er*, *-ner*, *-ler*) и непродуктивное (ср., в частности, модели, по которым образованы слова типа Schöne, Kunst, Wurf и т. п.). При этом продуктивных явлений всегда гораздо больше, чем отмирающих.

В связи с этим к классификации слов с точки зрения словообразования необходимо подходить всегда конкретно-исторически, с точки зрения данного периода развития немецкого языка.

Разбирая вопрос о том, является ли данное слово корневым, производным или сложным, необходимо всегда принимать во внимание тот период развития языка, о котором идет речь. Слова, в прошлом производные или сложные, в процессе исторического развития языка могут утратить живую мотивированность и превратиться в непроизводные, ср. нвн. fahren — erfahren (некогда — *получить что-либо в результате путешествия*); Eimer из einbar *сосуд с одной ручкой*; Adler из adal ar *благородный орел* и т. п.

При рассмотрении вопросов словообразования необходимо учитывать перемещения в сфере производных и непроизводных основ.

Необходимо отметить также историческую связь между разными словообразовательными типами слов. Так, сложные слова исторически тесно связаны с синтаксическими словосочетаниями (ср. свн. ein edel man — нвн. Edelmann), производные слова связаны со сложными (ср. нвн. Milchfrau, Spielzeug, Obstmann, ср. также развитие производных со *-scaf*, *-scaft*, которое генетически восходило к основе отглагольного абстрактного существительного, а в дальнейшем превратилось в суффикс, ср.: двн. friuntscaf(t) *дружба*, свн. ritterscaft *рыцарство*, нвн. Bürgerschaft, Bekanntschaft и т. п.) и на-

конец, производные слова тесно связаны с производными (ср. свн. *ervarn* — совр. *erfahren*).

Историческая связь здесь понимается именно в смысле перемещений из одного типа в другой.

В процессе исторического развития языка не остается неизменным соотношение и удельный вес различных словообразовательных типов в языке. Этот вопрос необходимо решать, принимая во внимание части речи.

Так, если говорить об имени, то для нового периода необходимо отметить резкое преобладание словосложения над всеми другими типами словообразования; в системе глагола преимущество находится на стороне сочетаний глаголов с адвербиальными компонентами¹ и префиксальных образований. Суффиксальные образования становятся почти непродуктивными, между тем как в более ранние периоды развития немецкого языка суффиксация играла большую роль в системе глагольного словообразования.

ГЛАВА VI

РАСШИРЕНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ПУТЕМ ЗАИМСТВОВАНИЙ

1. ЗАИМСТВОВАНИЯ XIV—XVI ВВ.

Хронологически наиболее ранними заимствованиями новонемецкого периода являются заимствования эпохи Возрождения (XIV—XVI вв.). В этот период на первый план выдвигается Италия, занимавшая среди европейских стран лидирующие позиции в развитии экономики, торговли, культуры и искусства. Большое значение имели торговые связи южной Германии и северной Италии.

С торговым делом связаны следующие заимствования слов из итальянского языка:

XV в.	Bank	< итал.	banco
	Konto	<	conto
	Tara	<	tara
XVI в.	Kasse	<	cassa
	Kredit	<	credito
	Risiko	<	risico
	Kapital	<	capitale
	Bilanz	<	bilancio

¹ Здесь имеются в виду образования типа *aufstehen* и *aufwärmen*, называемые обычно глаголами с «отделяемыми префиксами». На несоответствие этой традиционной терминологии обозначаемому ею явлению впервые обратила внимание К. А. Левковская, см. «Лексикология немецкого языка», стр. 220.

Kontor	<	contore
Bankerott	<	banca rotta
Zitrone	<	citrone

Слова, заимствованные из морской терминологии:

Kompass	< итал.	Compasso
Galeere	<	galera
Fregatte	<	fregata и др.

С распространением наемных войск и войнами того времени связана заимствованная из итальянского военная лексика:

XV—XVI в.	Alarm	< итал.	allarme
	Arsenal	<	arsenale
XVI в.	Kanone	<	canone
	Granate	<	granata
	Kaserne	<	caserma
	Kommando	<	comando

Эпоха Возрождения и гуманизма принесла также целый ряд заимствований из латинского языка. Это облегчалось тем, что в указанный период языком церкви и науки (теология и философия, математика, медицина, естественные науки и др.) была латынь. Показательно, что в 1571 г. появился первый словарь иностранных слов Симона Рота «Teutscher Dictionarius», в котором приводится около 2000 иностранных слов, по большей части латинского происхождения. С религией связано появление следующих заимствований того времени: Reliquie, Prozession, Requiem и т. д.

С развитием науки того времени связано заимствование слов: Text, Traktat, Glosse, Philosophie, Logik, Materie, Astronomie, Firmament, Komet, Orient, Essenz, Mixtur, Medizin и т. д.

Слова, заимствованные из терминологии:

— юриспруденции: arrestieren, protestieren, appellieren, Advokat, Dekret, Hypothek, Kaution, Prozess.

— придворного церемониала: Majestät, Exzellenz.

— науки и школы: Akademie, Auditorium, Aula, Examen, Fakultät, Ferien, Gymnasium, Katheder, Doktor, Rektor, Professor, Student и т. д.

— церковной музыки: Harmonie, Melodie, Note, Oktave, Kontrapunkt, Pause, komponieren и т. д.

Заимствованные существительные закреплялись в немецком языке с характерными для них в латинском или греческом языках окончаниями множественного числа: Kommata, Examina, Tempora; некоторые выражения — с латинскими формами слов: vor Christi Geburt, in Jesu Namen и др.

С XIV в. учащаются заимствования из славянских языков. XIV в. — Peitsche — в Силезии, затем распространяется благодаря лютеровскому переводу Библии.

Нвн. Peitsche восходит к восточнореднемецкому *pītsche, pīcze*, заимствованному в XIV в. из западнореднемецких наречий, ср.: польск. *bicz*, верхнелужицк. *bič*, чешск. *bič бич, плетка*. Это западнореднемецкое слово образовано от глагольной основы с общим значением «бить». Ср. также русск. *бич, бить*, восходящие к церковнославянским *biči бич, плеть, biti бить*.

В особенности гуситские войны (1419—1436 гг.) способствовали проникновению в немецкий язык славянских заимствований, ср.: *Haubitze* < чешск. *houfnice*; *Pistole* < чешск. *pištal*, *Trabant телохранитель*, в астрономии — *спутник* < чешск. *drabant пеший воин*; *Säbel* — польск. *szabla*, венг. *szábla*, русск. *сабля*; *Knute* < русск. *кнут*.

Из французского были заимствованы слова: XVI в. — *Offizier, Leutnant, Kürass*; XVII в. — *General, Kasematte, Bombe, Armee*.

Открытие Нового Света повлекло за собой знакомство немцев, как и других европейских народов, с новыми народами, товарами, растениями и животными, что имело своим последствием заимствование ряда слов, ср.: *Mais* — в 1500 г. с о. Гаити (через испанский); *Kakao* — в XVI в. из одного из мексиканских диалектов (через испанский); *Apanas* — в XVI в. из одного из карибских языков (через португальский); *Orkan* — карибск. *huracan* (через нидерландский), *Hängematte* — карибск. *hamáca* (через нидерландский); *Vambus* — в XVI в. из малайского (через португальский и нидерландский).

Из арабского были заимствованы слова:

Kalif (XIV в.), *Mameluck* (XV в.), *Matratze* (XV в.), *Koran, Alkoran* (XVI в.), *Alkohol* (XVI в.), данное заимствование было распространено алхимиками первоначально в значении «тончайший порошок».

2. ФРАНЦУЗСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ XVII—XIX вв.

Французские заимствования XVII—XIX вв. теснейшим образом связаны с жизнью верхушечных слоев немецкого общества того времени. Экономически и политически отсталая Германия, ослабленная Тридцатилетней войной, противостояла централизованной и сильной Франции, в которой процветали экономика, культура, литература и искусство. На Францию в Германии смотрели как на недостижимый идеал, как на образец для подражания, законодательницу мод. XVII и XVIII вв. в Германии были так называемым *A-la-mode-Zeit* «временем модничания» с развившимся *A-la-mode-Wesen*.

Во времена Лейбница французский язык был не только языком немецких академий, дипломатов, придворного общества, дворянства, но ему обучались и широкие слои бюргерства. Вольтер во время своего пребывания в Пруссии при дворе Фридриха Великого (после 1750 г.) писал: «Я здесь как во Франции: говорят только на нашем языке. На немецком языке обращаются лишь к слугам и лошадям — он нужен только во время путешествия».

Займствования этого времени связаны с бытом (мода, костюмы, обстановка), со светской жизнью. Многие займствования того времени исчезли, однако многие прочно укрепились в словарном составе немецкого языка.

В это время были займствованы слова: Onkel, Tante, Mode, Dame, galant, elegant, Krawatte, Perücke, Möbel, Kommode, Karaffe, Likör и мн. др.

Кальки с французского:

Vorhut	—	фр. <i>avantgarde</i>
Redensart	—	<i>façon de parler</i>
Schöngeist	—	<i>bel esprit</i>
Freigeist	—	<i>esprit libre</i>
Flugblatt	—	<i>feuille volante</i>
Fortschritt	—	<i>progres</i> и т. п.

Значительное количество займствований из французского языка принесли с собой эпохи революций 1789 и 1848 гг. Многие слова, займствованные в этот период, относятся к области общественно-политической жизни и являются достоянием целого ряда других языков. Большинство займствованных слов этого периода принадлежит к категории интернациональных слов латинско-греческого происхождения, переосмысленных или созданных заново на материале классических языков. Таковы слова: *Monarchie, Demokratie, Republik, Klasse, Revolution, Reaktion, Bürokratie, Konstitution, Anarchist, Monarchist, Jakobiner.*

К этому периоду относятся и некоторые кальки: *Tagesordnung — ordre du jour, Staatsbürger — citoyen, öffentliche Meinung — opinion publique, auf der Höhe sein — être à la hauteur (de la revolution).*

Революционное движение первой половины XIX в. обогащает немецкий язык такими французскими займствованиями, имеющими международный характер, как *Sozialismus* (с 1830 г.), *Sozialdemokrat* около (1850 г.), *Kommunismus* (1841 г.), *Proletariat, Bourgeoisie* (1840 г.), *Klassenkampf* (1848 г., слово, введенное К. Марксом) и некоторые другие.

3. ЗАЙМСТВОВАНИЯ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

До XVIII в. английский язык оказывал весьма незначительное влияние на немецкий язык. Широкое проникновение английских займствований в немецкий язык начинается в XVIII—XIX вв.

Займствования XVIII в. охватывают главным образом область государственной и правовой деятельности, литературы, искусства, светской жизни, например: *Parlament, Bill, Debatte, Streik* (1854), *Boykott* (1880), *Meeting* и др.

Кальки: eine Gesetzesvorlage lesen (to read a bill), zur Ordnung rufen (to call to order), Jungfernrede (*первое публичное выступление* — maiden-speech) и т. д.

К области искусства и светской жизни относятся заимствованные слова: Ballade, Humor, sentimental, Klub, Spleen; кальки: selbstisch (англ. selfish), Tatsache (the matter of fact), Still-leben (англ. still-life), Gentleman, fashionable, Dandy, flirten и т. д.

Многие заимствованные слова связаны с модой и туалетом, особенно мужскими: Frack, Ulster, Pullover, Sweater, Plaid и т. п.

Слова, заимствованные из области кулинарии, названия некоторых напитков: Beefsteak, Roastbeaf, Rumpsteak, Pudding, Keks (англ. cakes), Punsch, Portwein и т. п.

В XIX в. преобладают заимствования, относящиеся к области спортивной лексики, торговли и техники:

спорт: boxen, Jockey, Sport, Trainer, Start, Tennis, Match, Champion, Fußball (калька с англ. football);

цирк: Artist, Clown, Exzentrik;

техника: Tunnel, Lokomotive, Tender, Lift, Koks, Film; кальки: Dampfer (англ. steamer), Dampfschiff (англ. steamship), Expresszug (англ. expresstrain);

торговое дело, промышленность: Konzern, Scheck, Banknote, Lombard, Export, Import и др.

4. ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА

Количество заимствований из русского языка в XVIII—XIX вв. не было особенно значительным, ср. такие слова, как:

Juchten	—	русск.	<i>юфть</i>
Steppe (XVIII в.)	—		<i>степь</i>
Wodka	—		<i>водка</i>
Droschke	—		<i>дрожки</i>

Ср. также обозначения русских реалий Samovar, Troika, Pore, Wodka, Muschik, Droschke (преимущественно в переводах на немецкий язык русской художественной литературы).

Среди заимствований из русского языка с начала XX в. следует различать два слоя, отражающие два периода в жизни Германии. Первый из них — период до освобождения немецкого народа от фашизма (до 1945 г.). В этот период заимствуются слова, отражающие жизнь Советского Союза. Многие заимствования этого периода носят интернациональный характер, они являются достоянием не только немецкого языка, но и целого ряда других языков. Это такие слова, как Sowjet, Bolschewik, Komsomol, Kolchos, а также кальки: Stachanowarbeiter, Fünfjahrplan, sozialistischer Wettbewerb, entkulakisieren, Räteregierung и др.

Второй период — период после освобождения Германии от фашизма. В этот период появляются заимствования, отражающие жизнь не только Советского Союза, но и жизнь Германской Демократической Республики.

Заимствования этого периода в подавляющем большинстве своем являются кальками, передающими в национальной форме новое содержание, например: *der Volkswirtschaftsplan* (народнохозяйственный план), *die Planwirtschaft* (плановое хозяйство), *die Planerfüllung* (выполнение плана), *die Planübererfüllung* (перевыполнение плана), *Aktivistenbewegung*, *Hennekebewegung* (движение передовиков труда; названо по имени его организатора — Адольфа Хеннеке), *die Brigade ausgezeichneter Qualität* (бригада отличного качества), *Erfahrungsaustausch* (обмен опытом) и др.

5. РАЗЛИЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

Среди заимствований из других языков наиболее распространены в немецком языке следующие: из нидерландского: *Küste*, *Aprikose* (нидерл. *abrikoos*, связано с развитием садоводства в Нидерландах), *Rabatte* (нидерл. *gabat*), *Makler* (XVIII в.), *Aktie* (XVIII в.) и др.; из скандинавских: *Ski* (распространяется после 1900 г.); из славянских: *Pekesche*, *Gurke*, *Kalesche*, *Polka* (польск.), *dalli* (распространяется из берлинского диалекта) < польск. *dalej*; из арабского: *Kattun*, *Rasse*, *Sofa* и др.; из турецкого: *Kaviar*, *Pallasch*, *Karbatsche*, *Saffian*, *Bazar*; из американских языков Нового Света: *Tabak* (Малые Антиллы), *Kautschuk* (карибск.), *Tomate* (мексиканск.), *Schokolade* (мексиканск.), *Mahagoni*, *Zigarre*, *Wigwam*, *Mokassin* и др. (из индейск.); из африканских языков: *Zebra*, *Gnu*, *Schimpanse*; из австралийских языков: *Känguru*, *tätowieren*, *Rum* (два последних слова заимствованы через малайский).

Из китайского языка через малайский пришло слово *Tee*.

Из японского были заимствованы: *Bonze* (*bonso* — «буддистский священник»), *Kimono*, *Narakiri*, *Geisha*.

6. ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СЛОВАРНОМ СОСТАВЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Интернациональными называются слова, являющиеся общими для различных языков мира. Интернациональная лексика обслуживает важнейшие стороны общественной жизни — политику, науку, технику, искусство.

Характерная черта интернациональных слов вообще — их распространение из одного источника, из какой-то одной страны, где впервые осознается или возникает явление, обозначаемое данным

словом, ср. из итальян. — Bank, Risiko, Kredit и т. д.; из французск. — Revolution, Monarchie, Anarchie; из английск. — Parliament, Meeting, Leader, Trust, Imperialismus.

Особенно ярко выраженный интернациональный характер имеют слова, относящиеся к области научно-технической и общественно-политической терминологии. Они обычно создаются на базе классических языков (латинского и греческого), например: Demokratie, Autobiografie, Telefon, Fonograph, Automobil и т. п.

В условиях капиталистического развития интернационалистической тенденции развития противостоят националистические тенденции, отстаивающие полную национальную замкнутость, абсолютную чистоту языка, так называемый «пуризм». В Германии появление новой реакционной шовинистической волны пуризма XIX—XX вв. было тесно связано с особенностями развития германского империализма, с его борьбой за установление мирового господства. Главным орудием немецкого националистического пуризма становится «Общегерманский языковый союз» (Allgemeiner Deutscher Sprachverein), основанный в 1885 г. В 1932 г. он имел 480 провинциальных отделений. Союз издавал журнал «Zeitschrift des Allgemeinen Deutschen Sprachvereins».

Деятельность этого союза протекала под лозунгом, выраженным пуристом Э. Энгелем: «Можно обойтись без любого иностранного слова» («Jedes Fremdwort ist entbehrlich»). Характерно, что националистическая ярость немецких реакционных пуристов XIX—XX вв. обрушивалась не столько и не только против малопопулярных иностранных слов, сколько против общественно-политической интернациональной терминологии.

Ф. Энгельс в предисловии к книге «Развитие социализма от утопии к науке» указывает: «Ведь необходимые иностранные слова, представляющие собою большей частью общепринятые научно-технические выражения, вовсе не были бы необходимы, если бы они поддавались переводу. Значит, перевод искажает смысл; вместо того, чтобы пояснить, он сбивает с толку»¹.

Немецкие элементы в международном лексическом фонде появляются в основном со второй половины XVIII в. Число их сравнительно невелико. Слова, проникшие в международный обиход из немецкой науки и техники, в большинстве случаев являются либо интернациональными учеными терминами греко-латинского происхождения, не имеющими специфических немецких языковых признаков: XVIII в. — Teleologie (Х. Вольф); Ästhetik (Баумgarten), либо относятся к категории калек: Weltanschauung (мировоззрение), Ding an sich (вещь в себе) и др. Большое значение имело при этом то обстоятельство, что немецкая философия достигла значительного развития.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке (предисловие к первому немецкому изданию 1882 г.). — Соч. — Т. XV. — С. 624.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОБЩИЙ ОБЗОР РАЗВИТИЯ НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Немецкий язык насчитывает многовековую письменную историю. Ознакомление с ней показывает, как на протяжении ряда веков развивался и совершенствовался немецкий язык — его грамматический строй, словарный состав и фонетическая система.

Изучение истории немецкого языка свидетельствует о том, что чем ближе к древним эпохам, тем больше общих черт было у немецкого языка с другими германскими и индоевропейскими языками, причем эта общность обнаруживалась как в области грамматического строя, так и в области словарного состава и фонетики. Вместе с тем уже в древний период были заложены и специфические черты, выделяющие немецкий язык среди прочих германских языков.

В последующие периоды они не только не ослабевают, но, наоборот, укрепляются и развиваются, приводя к современному состоянию немецкого языка. Именно действие этих своеобразных тенденций развития определило качество немецкого языка как одного из германских языков, его качественную специфику.

Немецкий литературный язык также имеет многовековую историю, в которой выделяются отдельные этапы, обусловленные особенностями общественно-экономического и политического развития, культурной и языковой ситуациями, потребностями общения в соответствующий период времени. На каждом из них разными были статус и характер литературного языка, количественный состав присущих ему релевантных признаков и степень их выраженности, соотношение с другими формами существования в функциональной парадигме немецкого языка в целом.

Начальный этап письменно засвидетельствованной истории немецкого литературного языка (750—1050 гг.) соотносится с периодом раннего феодализма в Германии. В этот период благодаря распространению христианства и появлению письменности наряду с исходной первичной формой существования языка немецкой народности — территориальными диалектами — развивается новая форма существования — литературный язык, наиболее ярко выраженными признаками которого в то время были известная обработанность и элементы сознательного отбора языковых единиц. Данная форма существования языка использовалась преимущественно как средство письменной коммуникации и была ареально дифференцирована, функционируя в виде совокупности коррели-

рующих друг с другом и взаимодействующих территориальных вариантов письменно-литературного языка.

Последние характеризуются определенной наддиалектностью и обнаруживают функционально-стилевую дифференциацию в зависимости от сферы своего применения. Роль всеобъемлющей языковой системы высшего ранга, обладающей оптимальным набором признаков как средство надрегиональной и международной коммуникации, в средневековой Германии выполнял неавтохтонный литературный язык-латынь.

С вступлением Германии в середине XI в. в фазу развитого феодализма в функциональной системе немецкого языка произошли существенные исторические сдвиги. В этот период фундамент языковой пирамиды продолжали составлять территориальные диалекты, используемые в качестве средства повседневного устного общения преобладающим большинством представителей немецкой народности (независимо от их социально-классовой принадлежности). Вместе с тем в рыцарской среде, по-видимому, использовались определенные формы устного разговорного койне, которые, сложившись на базе территориальных диалектов, обнаруживали тенденцию к наддиалектности. Это койне предположительно являлось основой для развития различных региональных вариантов письменно-литературного языка, получивших фиксацию в памятниках рыцарской литературы того времени.

Наиболее значительным вариантом письменно-литературного языка в эпоху расцвета куртуазной поэзии был классический средневерхненемецкий язык, развившийся на грани XII и XIII вв. на алеманско-восточнофранкской диалектной основе в бассейне рек Рейна, Майна и Дуная. В его формировании принимали участие самые крупные поэты того времени, творчество которых способствовало росту социального престижа классического средневерхненемецкого языка, что побуждало пользоваться им поэтов разных регионов, в том числе и нижненемецкого.

Классический средневерхненемецкий язык имел надрегиональную значимость и характеризовался относительно высокой степенью унифицированности. В нем впервые в истории немецкого языка воплотился прототип надрегионального литературного языка, который занимал верхний страт функциональной парадигмы. Выше него — за пределами функциональной парадигмы средневерхненемецкого языка в целом, но перекрывая ее верхние страты, располагалась латынь, которая продолжала в этот период использоваться в качестве средства общения в высших сферах коммуникации. Существование данного прототипа надрегионального литературного языка оказалось недолговечным и прекратилось вместе с падением рыцарства

Высокий общественный престиж вариантов письменно-литературного языка, отраженных в рыцарской литературе, затенял пер-

воначально его другие разновидности, носителями которых были представители бюргерских слоев или низшего духовенства (деловая письменность, язык проповедей). Этим разновидностям не были свойственны сравнительно высокая степень наддиалектности и относительно большая зона влияния, которыми характеризовался классический средневерхненемецкий язык. Однако благодаря расширенной социальной базе данных разновидностей письменнo-литературного языка в них были заложены предпосылки дальнейшей языковой эволюции.

Развитие немецкого литературного языка характеризовалось прерывистостью, сменой или одновременным выдвиганием нескольких языковых центров, конкурирующих друг с другом. Эти процессы особенно ярко проявились в первой половине ранне-нововерхненемецкого периода (XIV—XV вв.). В это время функциональная парадигма немецкого языка пополнилась новым наддиалектным образованием — городскими койне, оформлявшимися на основе интеграционных процессов в устном общении городов, где соприкасались в своей производственной деятельности и в процессе коммуникации выходцы из разных диалектных ареалов. Диалекты продолжали оставаться средством повседневного устного общения сельского населения.

Важной чертой языковой ситуации в XIV—XV вв. является то, что несмотря на сохранение латино-немецкого двуязычия и престижность латинского языка в высших сферах коммуникации, постепенно расширяются сферы применения немецкого языка. В разных политических, культурных или экономических центрах возникали региональные варианты письменнo-литературного языка, имевшие наддиалектную значимость. Выступая одновременно в качестве языка канцелярий, языка делового общения, языка первопечатников, они представляли собой разные функциональные варианты письменнo-литературного языка. Региональные варианты не имели еще строгой кодификации и характеризовались «открытой» нормой, что создавало предпосылки для языкового выравнивания. Общая политическая и культурная обстановка способствовала развитию интеграционных процессов, в особенности на востоке территории распространения немецкого языка. Во второй половине XV в. здесь сосуществовали два региональных варианта письменнo-литературного языка, обладавшие высоким социальным престижем — восточнoсредне-немецкий и восточноюжно-немецкий, которые сближались друг с другом в существенных чертах.

Растущее политическое и экономическое значение востока средней Германии и, прежде всего, движение Реформации создали в конечном итоге условия для того, чтобы после 1500 года восточнoсредне-немецкий вариант стал ведущим в процессе развития немецкого национального литературного языка. С этого времени канцелярии уступают свою важную роль в качестве движущей силы

и образца в языковом выравнивании книгопечатанию и языку первопечатников, образцовым авторам (в особенности, М. Лютеру), а также филологам и педагогам. Значение раннего книгопечатания для истории немецкого литературного языка заключалось прежде всего в том, что оно стимулировало процесс языковой унификации. Кроме того, в отличие от языка канцелярий, ориентированного преимущественно на официально-деловую сферу письменной коммуникации, язык первопечатников носил полифункциональный характер, который в дальнейшем все более усиливался.

Формирование немецкого национального литературного языка представляло собой длительный процесс, в котором явно выделяются два этапа: начальный (конец XV в. — середина XVII в.) и завершающий (середина XVII в. — конец XVIII в.). На первом из них определяется региональная основа формирующегося национального литературного языка, начинаются его сознательная обработка и постепенное распространение на всю немецкоязычную территорию, сопровождающееся вытеснением других региональных вариантов. К концу второго этапа формирование общенемецкого национального литературного языка (в письменной разновидности) в целом завершается, и позднее протекает его дальнейшее развитие и совершенствование. В начале XVI в. основание языковой пирамиды по-прежнему составляли диалекты, большое количество которых свидетельствует о весьма дробном членении территории распространения немецкого языка. Родной диалект был первой формой существования, с которой сталкивалось в своей жизни большинство людей той эпохи. Однако новые коммуникативные потребности, возникшие в канун и во время Реформации и Крестьянской войны в Германии, побуждали все более широкие слои населения выходить за рамки этой первичной формы проявления языка, вовлекая их в общий процесс надрегиональной коммуникации.

Начавшееся в конце XV в. благодаря изобретению и распространению книгопечатания проникновение немецкой письменности в разные сферы общения в первой трети XVI в. стало еще более интенсивным. В силу этого значительно расширился круг лиц, владеющих основами чтения и письма. Этот слой населения к тому же в процессе обучения приобретал навыки в основном пассивного владения определенными региональными вариантами письменно-литературного языка и отдельными функциональными стилями.

Сдвиги в коммуникативных отношениях, связанные с социальной интерференцией, способствовали переоценке доминирующей роли латыни в общей функциональной системе языков и форм существования, используемых обществом. По мере роста значимости немецкого языка в разных областях жизни латынь постепенно начала утрачивать ореол единственного приемлемого средства общения в сфере науки и высшего образования.

Важное значение для развития национального литературного языка имела деятельность ученых-гуманистов, которые стремились при помощи переводов ознакомить с достижениями науки и культуры широкие слои соотечественников, открывая для родного языка новые сферы функционирования. Желая расширить круг читателей, они переходили к использованию немецкого языка в своих оригинальных трудах. Немецкий язык стал проникать в области разных наук, все более оттесняя латынь, безраздельно господствовавшую здесь ранее.

Деятельность гуманистов положила начало филологической работе над родным языком, который впервые становится объектом научного рассмотрения. Новая полифункциональная роль, которую призван был играть родной язык в рамках национальной коммуникации, делая излишней латынь, настоятельно требовала его дальнейшей унификации и роста социального престижа.

На уровне письменно-литературного языка уже задолго до ранневерхненемецкого периода наметились процессы выравнивания и смешения двух доминирующих и противостоящих друг другу вариантов письменно-литературного языка — юго-восточного и восточносредненемецкого. Прогрессирующее слияние этих вариантов, усиленное особенностями экономического, социального и политического развития в эпоху Реформации и Крестьянской войны, имело решающее значение для формировавшегося национального литературного языка.

Личностью, которой в уникальной политической, социально-экономической, культурной и языковой ситуации было суждено сознательно ускорить процесс унификации, был глава движения Реформации в Германии М. Лютер. М. Лютер использовал в своей деятельности восточносредненемецкий вариант письменно-литературного языка, что было весьма удачно в собственно лингвистическом отношении, поскольку, благодаря смешанному характеру своей устной основы, данный вариант уже сравнительно рано был «открыт» для влияния письменной традиции других регионов, в особенности юго-востока. М. Лютер застал восточносредненемецкий вариант письменно-литературного языка в тот момент, когда в результате многовекового взаимодействия он интегрировал целый ряд юго-восточных элементов.

Значение М. Лютера для истории немецкого литературного языка заключается прежде всего в том, что он интенсифицировал процесс языкового выравнивания, еще теснее сблизив восточносредненемецкий вариант письменно-литературного языка с юго-восточным, благодаря чему первый значительно расширил радиус своего действия. Осуществленный М. Лютером перевод Библии приобрел надрегиональную значимость и, поднимаясь над местными особенностями письменного узуса, оказал воздействие на представителей разных языковых ландшафтов. Деятельность М. Лютера имела важ-

ное значение для развития немецкого литературного языка не только потому, что он ускорил языковое выравнивание. Сблизив еще теснее восточносредне немецкий и юго-восточный варианты, великий реформатор, не ожидая окончательного завершения унификации, закрепил обработанную им форму письменно-литературного языка и, благодаря своей исторической миссии, своему общественному престижу и неизмеримому авторитету своих трудов, способствовал ее победе и распространению на все немецкоязычные регионы.

Значительные заслуги в дальнейшей сознательной работе над сформировавшимся национальным литературным языком и его нормализацией принадлежали теоретикам-грамматистам и лексикографам XVII—XVIII вв. Большое значение для развития литературного языка имели появление и расцвет во второй половине XVIII в. художественной литературы национального масштаба. Поскольку роль художественной литературы в идеологической борьбе в Германии в XVIII в. была исключительно велика и высок был ее социальный авторитет, то она получала широкое распространение на всей территории Германии, в других немецкоязычных странах и воспринималась как идеальный образец в художественном и языковом отношении.

В произведениях крупнейших писателей XVIII столетия впервые во всей полноте и стилистическом многообразии нашел свое отражение и воплощение национальный литературный язык, что ознаменовало собой относительное завершение длительного процесса его формирования. С этого момента литературный язык, обладающий совокупностью релевантных признаков, среди которых на передний план выдвигались его надтерриториальность и стилевая полифункциональность, стал пригоден для использования в самых разнообразных сферах коммуникации.

Характерной чертой развития немецкого национального литературного языка является одновременность становления и кодификации общепризнанной нормы разных языковых уровней. Унификация письменной формы литературного языка, затронувшая в первую очередь уровень структурных фонетических закономерностей, лексический и грамматический уровни, завершилась значительно раньше, чем унификация его устной формы, которая предполагает кодификацию орфоэпической (произносительной) нормы.

Кодификация единой орфоэпической нормы национального литературного языка явилась завершающим моментом в процессе постепенного изменения его статуса, наметившимся с конца XVIII в. На протяжении XVI—XVIII вв. унификацией была охвачена в основном письменная форма литературного языка, чем объясняется и его традиционное обозначение *Schriftsprache*.

Благодаря становлению единой произносительной нормы, письменная форма литературного языка в XIX в. дополнилась устной,

а сам он, выступая отныне в двух разновидностях (письменной и устной), существенно расширил и продолжает расширять сферы своего функционирования, выходящие далеко за рамки письменного использования. Значительно возросла поливалентность литературного языка как универсального средства коммуникации. В связи с этим современные немецкие исследователи считают целесообразным разграничивать письменно-литературный язык (Schriftsprache) и языковой стандарт (Standardsprache), говоря о первом применительно к XVI—XVIII вв., а о втором — начиная с XIX в. В конце XIX — начале XX в. получила кодификацию единая орфографическая норма.

В развитии немецкого литературного языка можно выделить несколько констант — тенденций, действующих на протяжении длительного периода времени или всей его истории. К их числу принадлежат:

— тенденция к наддиалектности, действие которой постоянно усиливалось по мере «восхождения» литературного языка от его первичной формы — территориальных вариантов письменно-литературного языка через региональные варианты разного типа к единому национальному литературному языку как всесторонне развитому средству письменной и устной коммуникации;

— тенденция к структурно-нормативной унификации, вершиной которой являлись установление и кодификация языковой нормы разных уровней национального литературного языка;

— тенденция к расширению сфер применения литературного языка на народной основе, к росту его социального престижа, сопровождающемуся вытеснением латыни из высших сфер коммуникации;

— тенденция к поливалентности, ко все более усложняющейся функционально-стилевой дифференциации литературного языка, делающей его гибким средством разносторонней коммуникации с большим потенциалом выразительности;

— тенденция к расширению социальной базы литературного языка, к увеличению количества членов коммуникативной общности, владеющих им активно или пассивно, действие которой способствует усилению структурного влияния данной формы существования на диалекты;

— тенденция к национальному варьированию в условиях использования общенемецкого литературного языка населением нескольких немецкоязычных стран.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Бах А.* История немецкого языка: Пер. с нем. — М., 1956.
Введение в германскую филологию. — М., 1980. — Раздел «Немецкий язык».
- Гухман М.М.* От языка немецкой народности к немецкому национальному языку: В 2 ч. — М., 1955—1959.
- Гухман М.М., Семешок Н.Н.* История немецкого литературного языка IX—XV вв. — М., 1983.
- Гухман М.М., Семешок Н.Н., Бабенко Н.С.* История немецкого литературного языка XVI—XVIII вв. — М., 1984.
- Жирмунский В.М.* История немецкого языка. — М., 1956.
- Москальская О.И.* История немецкого языка. — Л., 1959.
- Немецкая диалектография: Сб. статей / Под ред. В. М. Жирмунского. — М., 1955.
- Филичева Н.И.* Немецкий литературный язык. — М., 1992.
- Bach A.* Geschichte der deutschen Sprache. — 5. Aufl. — Heidelberg, 1953.
- Behaghel O.* Die deutsche Sprache. — Halle (Saale), 1954.
- Frings Th.* Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache. — 3. Aufl. — Halle (Saale), 1957.
- Schmidt W.u.a* Geschichte der deutschen Sprache. — Berlin, 1984.
- Kleine Enzyklopädie «Die deutsche Sprache». — Leipzig, 1969. — Bd. 1.
- Moskalskaja O.I.* Deutsche Sprachgeschichte. — Moskau, 1977.
- Schildt J.* Abriss der Geschichte der deutschen Sprache. — 2., durchgesehene Aufl. — Berlin: Akademie-Verlag, 1984.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В.Г.* Исторический синтаксис немецкого языка. — М., 1963.
- Домашнев А.И.* Современный немецкий язык в его национальных вариантах. — Л., 1983.
- Гухман М.М.* Язык немецкой политической литературы эпохи Реформации и Крестьянской войны. — М., 1970.
- Гроссе Р.* Диалекты и письменный язык на территории Верхней Саксонии // Вопросы германского языкознания. — М.; Л., 1961.
- Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология. — М.; Л., 1956.
- Зиндер Л.Р., Строева Т.В.* Историческая фонетика немецкого языка. — М.; Л., 1965.
- Зиндер Л.Р., Строева Т.В.* Историческая морфология немецкого языка. — Л., 1968.
- Историко-типологическая морфология германских языков. — М., 1977. — Т. I—II.

Семенов Н. Н. Проблемы формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия. — М., 1967.

Филичева Н. И. Диалектология современного немецкого языка. — М., 1983.

Braune W. Althochdeutsche Grammatik. — Halle (Saale), 1950.

Hartweg F., Wegera K. P. Frühneuhochdeutsch: Eine Einführung in die deutsche Sprache des Spätmittelalters und der frühen Neuzeit. — Tübingen, 1989.

Mettke H. Mittelhochdeutsche Grammatik. — Halle (Saale), 1958.

Paul H. Mittelhochdeutsche Grammatik. — 16. Aufl. — Halle (Saale), 1953.

Schmidt W. Deutsche Sprachkunde. — 5. Aufl. — Berlin, 1967.

Sinder L. R., Stroewa T. V. Einführung in das Studium der deutschen Sprachgeschichte. — Л., 1977.

ХРЕСТОМАТИИ

Хрестоматия по истории немецкого языка / Сост. Н. С. Чемоданов. — М., 1953.

Braune W., Helm K. Althochdeutsches Lesebuch. — Halle (Saale), 1952.

Kettmann G. Frühneuhochdeutsche Texte. — Leipzig, 1971.

Mettke H. Altdeutsche Texte. — Leipzig, 1970.

СЛОВАРИ

Althochdeutsches Wörterbuch / Begründet von E. Karg-Gasterstädt und Th. Frings; Hrsg. von R. Große. — Berlin, 1952—1974 ff.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. — Berlin; New York, 1975.

Lexner M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. — Leipzig, 1956.

Paul H. Deutsches Wörterbuch. — 5. Aufl. — Bearbeitet von A. Schirmer. — Halle (Saale), 1956. — Bd. I—II.

Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. — Tübingen, 1969.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Раздел первый. ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД (750—1050 гг.)

Глава I. Формы существования древневерхненемецкого языка 10

Глава II. Фонетика 18

1. Вводные замечания 18

2. Особенности консонантизма немецкого языка в древний период развития 19

3. Система немецкого вокализма в древний период развития 29

1. Вокализм ударных слогов. Краткие гласные 29

2. Долгие гласные и дифтонги 32

3. Вокализм безударных и слабуударных слогов 45

Глава III. Морфология 48

1. Вводные замечания 48

2. Имя существительное 49

A. Сильное склонение 50

1. Склонение основ, оканчивающихся на *-a* 50

2. Склонение основ, оканчивающихся на *-ô* 56

3. Склонение основ, оканчивающихся на *-i* 58

4. Склонение основ, оканчивающихся на *-u* 59

B. Склонение основ, оканчивающихся на согласный 61

1. Основы на *-n* (слабое склонение) 61

2. Основы на *-es/-os* 63

3. Имена родства (основы на *-er*) 63

4. Основы на *-nt* (бывшие причастия) 64

B. Корневые имена существительные 64

3. Местоимение 65

1. Склонение личных местоимений 65

2. Склонение указательных местоимений 68

4. Имя прилагательное 69

1. Склонение имен прилагательных 70

2. Образование степеней сравнения 72

5. Наречие 73

6. Глагол 75

1. Спряжение сильных и слабых глаголов в настоящем времени изъявительного наклонения 76

2. Спряжение сильных и слабых глаголов в прошедшем времени изъявительного наклонения 79

3. Спряжение сильных и слабых глаголов в сослагательном наклонении	81
4. Формы повелительного наклонения	83
5. Неличные формы глаголов	84
6. Пережиточные типы	86
7. Зарождение аналитических форм	91
Глава IV. Синтаксис	92
1. Средства связи слов и словосочетаний в немецком языке в древний период развития	92
2. Употребление времен и наклонений	95
3. Составное сказуемое	99
4. Взаимоотношение сказуемого и подлежащего	101
5. Определение. Артикль	103
6. Выражение вопроса и отрицания	106
7. Сложные предложения	106
Глава V. Словообразование	108
1. Вводные замечания	108
2. Производные имена существительные	108
1. Суффикс действующего лица <i>-âri</i>	108
2. Инструментальный суффикс <i>-il</i>	110
3. Образование названий действий (<i>nomina actionis</i>)	110
4. Образование так называемых отвлеченных имен существительных (обозначения свойств и состояний)	112
5. Образование имен существительных с собирательным значением	115
6. Уменьшительно-ласкательные суффиксы	116
7. Мовированные образования (<i>Movierte Feminina</i>)	118
8. Патронимический суффикс <i>-inga, -unga</i>	119
3. Производные имена прилагательные	119
4. Производные глаголы	123
Глагольная префиксация	127
5. Словосложение	128
Глава VI. Словарный состав	129
1. Общая характеристика словарного состава в древневерхненемецкий период	129
2. Древнейшие лексические заимствования в немецком языке	131
Раздел второй. СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД (1050 — 1350 гг.)	
Глава I. Формы существования средневерхненемецкого языка	145
Глава II. Фонетика	155
1. Графика и звуковые значения букв. Ударение	155
2. Изменения в области вокализма ударных слогов	159
3. Изменения в вокализме безударных слогов	164
4. Изменения в области консонантизма	166

Глава III. Морфология	167
1. Склонение имен существительных	167
<i>А. Сильное склонение</i>	168
<i>Б. Слабое склонение</i>	172
Склонение имен собственных	174
2. Имя прилагательное	174
1. Сильное склонение	175
2. Образование степеней сравнения имен прилагательных	175
3. Образование наречий от основ имен прилагательных	176
3. Склонение местоимений	176
1. Личные местоимения	176
2. Указательные и вопросительные местоимения	177
4. Глагол	177
1. Ряды аблаута	178
2. Слабые глаголы	180
3. Претерито-презентные глаголы	182
4. Атематические глаголы	183
5. Развитие аналитических форм	183
Глава IV. Синтаксис	185
1. Предлоги и предложные конструкции	185
2. Артикль	186
3. Употребление времен и наклонений	188
4. Строение предложения. Порядок слов	189
5. Отрицание	191
6. Развитие сложных предложений. Развитие системы союзов	192
Глава V. Изменения в системе словообразования немецкого языка в средневерхненемецкий период	195
Глава VI. Словарный состав	196
1. Семантические инновации	196
2. Важнейшие лексические заимствования в средневерхненемецкий период	197
1. Заимствования из французского языка	197
2. Фламандско-нидерландские заимствования	200
3. Заимствования из славянских языков	201
4. Заимствования из некоторых других языков	202
 Раздел третий. РАННЕНОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ (1350 — 1650 гг.) И НОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ (с 1650 г.) ПЕРИОДЫ 	
Глава I. Становление и развитие немецкого национального литературного языка	204
1. Региональные варианты немецкого письменно-литературного языка в XIV—XV вв.	204
2. Особенности начальной фазы формирования национального литературного языка в Германии	214
3. Нормализаторская деятельность теоретиков-грамматистов и лексикографов XVII—XVIII вв.	228

Глава II. Фонетика	233
1. Важнейшие изменения в системе вокализма	233
<i>А. Качественные изменения</i>	233
1. Нововерхненемецкая дифтонгизация	233
2. Нововерхненемецкая монофтонгизация	234
3. Расширение дифтонгов	234
4. Понижение <i>u > o</i> , <i>ü > ö</i>	236
5. Переход <i>â > ô</i> перед последующим носовым или в соседстве с губным	236
6. Лабиализация и делябиализация	237
7. Палатальная перегласовка	237
<i>Б. Количественные изменения</i>	238
2. Изменения в области консонантизма	239
1. Изменения, касающиеся средневерхненемецких <i>s</i> и <i>z</i>	240
2. Средневерхненемецкие согласные <i>h</i> и <i>ch</i> в нововерхненемецкий период	240
3. Сочетания <i>c w</i>	241
4. Согласный <i>t</i>	241
3. Важнейшие фонетические изменения в безударных слогах	241
4. Кодификация орфоэпической и орфографической норм	245
Глава III. Морфология	251
1. Имя существительное	251
<i>Изменения, происшедшие в нововерхненемецкий период</i> <i>сравнительно со средневерхненемецким</i>	252
1. Сильное склонение (существительные мужского и среднего рода)	252
2. Слабое склонение (существительные мужского рода)	255
3. Женское склонение	256
2. Изменения в склонении прилагательных и местоимений	258
1. Изменения в сильном склонении имен прилагательных	259
2. Изменения в слабом склонении	259
3. Изменения в склонении местоимений	259
3. Изменения в глагольной системе	261
1. Изменения в рядах аблаута сильных глаголов	261
2. Сокращение группы глаголов типа <i>brennen — brannte</i>	266
3. Изменения в группе неправильных глаголов	268
4. Изменения в спряжении глаголов в настоящем и прошедшем времени	270
5. Развитие аналитических форм	272
Глава IV. Синтаксис	272
1. Изменение функций падежей и развитие предложных конструкций	272
2. Изменения в употреблении определенного и неопределенного артиклей	273

3. Изменения в употреблении различных форм имен прилагательных	273
4. Изменения в употреблении времен и наклонений	274
5. Выражение отрицания	274
6. Установление норм порядка слов	275
Глава V. Изменения в системе словообразования немецкого языка в новый период	276
Глава VI. Расширение словарного состава немецкого языка путем заимствований	278
1. Заимствования XIV—XVI вв.	278
2. Французские заимствования XVII—XIX вв.	280
3. Заимствования из английского языка	281
4. Заимствования из русского языка	282
5. Различные заимствования из других языков	283
6. Интернациональные элементы в словарном составе немецкого языка	283
Заключение. Общий обзор развития немецкого литературного языка	285
Рекомендуемая литература	292

Учебное издание

Филичева Нинель Ильинична

История немецкого языка

Учебное пособие

Редакторы *Б. Л. Бойко, И. Н. Рябчикова*
Ответственный редактор *Н. П. Галкина*
Технический редактор *О. С. Александрова*
Компьютерная верстка: *Н. В. Протасова*
Корректор *В. Д. Дегтярев*

Изд. № А-254-И/1. Подписано в печать 17.07.2003. Формат 60×90/16.
Бумага тип. № 2. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 19,0.
Тираж 20 000 экз. (1-й завод 1 – 7000 экз.). Заказ № 2938

Лицензия ИД № 02025 от 13.06.2000. Издательский центр «Академия».
Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.003903.06.03 от 05.06.2003.
117342, Москва, ул. Бутлерова, 17-Б, к. 223. Тел./факс: (095)334-8337, 330-1092.

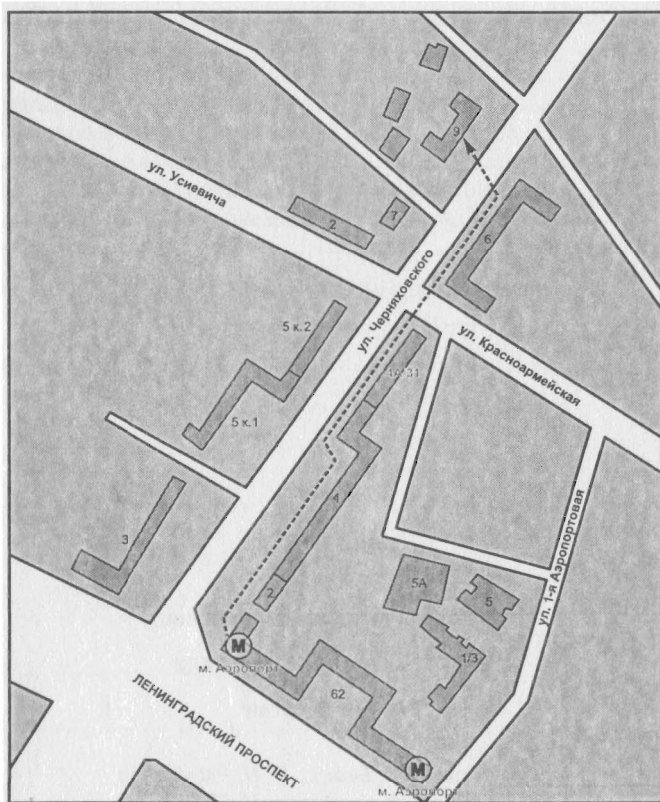
Отпечатано в АПП «Джангар»
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245

Книги издательства в розницу можно приобрести в магазине по адресу:

Москва, ул. Черняховского, 9 (в здании Института развития профессионального образования).

Часы работы: понедельник — пятница с 10.00 до 19.00.

Тел.: (095)152-2271, факс: 152-1878.

Отдел оптовой торговли:

1. Москва, ул. Бутлерова, 17-Б, к. 223.

Тел./факс: (095)330-1092, 334-8337.

E-mail: academph@online.ru

2. Москва, ул. 2-я Фрезерная, 14, к. 402.

Тел./факс: (095)234-0855, 273-1608.

E-mail: academia@rol.ru

Издательство имеет возможность отправлять заказанную литературу железнодорожными контейнерами, почтово-багажными вагонами и почтовыми отправлениями.

Филичева Нинель Ильинична –
доктор филологических наук, профессор.
Заведовала кафедрой германского
языкознания филологического
факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.
Заслуженный профессор МГУ, лауреат
Международной премии им. братьев Гримм.
Автор около 90 научных работ, среди
которых «Немецкий литературный язык»,
«О словосочетаниях в современном
немецком языке», «Диалектология
немецкого языка» и др. Н. И. Филичева –
один из составителей «Большого немецко–
русского словаря» в 3-х томах,
выдержавшего много переизданий.

ИСТОРИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

ISBN 5-7695-0932-5

Издательский центр «Академия»